Russ. Kostomarov
242 m
(2

742

1/8.

№ 742. Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Никол. Обмен

СѢВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА

ВО

ВРЕМЕНА

УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ Д. Е. Кожанчикова.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза».
1863.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ 14 декарбя 1862 года.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГВАВА ШЕСТАЯ.

Стран.

Описаніе городовъ: Новгорода и Пскова.

I.

Новгородъ . 3

II.

Псковъ . 12

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь и нравы Великаго-Новгорода и Пскова.

I.

Сословія 19

II.

Вѣча 35

III.

Должностныя лица 42

IV.

Пригороды и волости 56

V.

Военная сила 82

VI.

Судъ 87

VII.

Усобицы 104

Стран.

VIII.

Ушкуйники 119

IX.

Новгородскій удалецъ по народному воззрѣнію. *(Василій Буслаевичь)* 125

X.

Частная жизнь 149

XI.

Общественныя бѣдствія 164

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Торговля.

I.

Древнія извѣстія о торговлѣ Новгорода съ Западомъ.—Готландъ.—Любекъ.—Иноземные дворы въ Новгородѣ 177

II.

Договоры съ Ганзою 184

III.

Устройство нѣмецкаго торговаго двора 191

IV.

Предметы, способы и характеръ торговли съ Нѣмцами . . . 200

V.

Торговля Новгорода съ русскими землями 216

VI.

Новгородское купечество.—Товарищества.—Опасности, ихъ вызывавшія 223

VII.

Пріемы и характеръ мѣстной торговли 232

VIII.

Мѣры, вѣсъ, монета 238

IX.

Народное воззрѣніе на личность купца. *(Садко богатый гость)* . 246

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Церковь.

I.

Стремленіе новгородской церкви къ самобытности.—Борьба съ митрополитами 261

II.

Способъ избранія владыкъ.—Ихъ права и значеніе 275

Стран.

III.

Споры новгородскихъ владыкъ со Псковомъ 290

IV.

Замѣчательныя личности изъ числа новгородскихъ владыкъ . . 298

V.

Монастыри . 318

VI.

Управленіе и устройство монастырей 379

VII.

Юродивые и паломники 386

VIII.

Особенности въ обрядахъ 391

IX.

Церкви . 401

X.

Ереси . 412

Глава шестая.

ОПИСАНІЕ ВЕЛИКАГО-НОВГОРОДА И ПСКОВА.

Bayerische Staatsbibliothek München

I.

ВЕЛИКІЙ-НОВГОРОДЪ.

Городъ Великій-Новгородъ, расположенный по теченію рѣки Волхова въ двухъ верстахъ отъ его истока изъ озера Ильменя, раздѣлялся на двѣ половины или стороны: Торговую на восточномъ и Софійскую на западномъ берегу Волхова. Первая также имѣла названіе Купецкой, потому-что тамъ сосредоточивалась торговля; вторая называлась еще Владычнею, ибо тамъ жилъ новгородскій владыка.

Центромъ города былъ Дѣтинецъ или собственно *градъ*, на Софійской сторонѣ. Это было просторное мѣсто, обнесенное стѣною съ башнями и воротами. Внутри находилась патрональная церковь св. Софіи премудрости Божіей и дворъ владыки. Кромѣ-того было тамъ еще нѣсколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами, какъ это показываетъ существованіе бискуплей (епископской) улицы. Дѣтинецъ новгородскій былъ обширнѣйшій между подобными срединными укрѣпленіями русскихъ городовъ. Неизвѣстно, съ какого времени стѣны Дѣтинца стали каменныя и равнымъ образомъ неизвѣстно, съ какого времени онѣ стали каменныя на всемъ протяженіи и до какихъ поръ были частію каменныя, а частію дере-

вянныя. Въ лѣтописяхъ говорится о заложеніи каменнаго города въ 1302 [1]) Но въ третьей лѣтописи новгородской [2]) первое построеніе каменныхъ стѣнъ Дѣтинца приписывается Ярославу и относится къ 1044 г., послѣ того какъ этотъ князь ходилъ на войну. Послѣднее извѣстіе не лишено вѣроятности. Въ началѣ XII вѣка уже пригородъ Ладога былъ обведенъ каменною стѣною [3]); естественно допустить, что главный городъ не лишенъ былъ такихъ укрѣпленій, какія имѣлъ пригородъ, и слѣдовательно построенныя въ началѣ XIV-го вѣка каменныя стѣны не были первыми на своемъ мѣстѣ. Послѣ 1302 г. два раза говорится о построеніи каменнаго города Дѣтинца. Подъ 1333 годомъ говорится, что владыка Василій сдѣлалъ каменный городъ въ два лѣта, а подъ 1400 опять упоминается о заложеніи Дѣтинца отъ церкви Бориса и Глѣба. Можетъ-быть это были перестройки и поправки. Въ 1334 году надъ всею стѣною сдѣлана была кровля. На воротахъ, въ каменныхъ башняхъ устроивались церкви. Такъ архіепископъ Іоаннъ въ 1182 г. поставилъ на однихъ изъ воротъ Дѣтинца церковь Богоявленія; въ 1296 г. владыка Климентъ соорудилъ на другихъ воротахъ каменную церковь Богоявленія; въ слѣдующемъ 1297 г. была построена церковь Преображенія на воротахъ, откуда былъ въѣздъ въ Людинъ конецъ, на югъ; въ 1305 построена церковь Василія на прусскихъ воротахъ, на западъ [4]). Обычай строить на воротахъ церкви, совпадалъ съ понятіемъ о важности и святынѣ города. Городъ — мѣсто защиты противъ враговъ, долженъ быть всегда готовъ на отраженіе нападеній и нуждался въ Божіей помощи. Церкви на входахъ какъ-бы осѣняли его небесной благодатью. Городъ былъ мѣстопребываніемъ владыки и духовнаго управленія всей Нов-

[1]) Новг. Л. I, 69. [2]) Н. 211. [3]) Н. 4.

[4]) Новг. Л. I, стр. 18, 66, 68.

городской Земли; городъ былъ глава земли; его первоначальное значеніе было то, что въ немъ должны укрываться жители въ случаѣ непріятельскаго нашествія; городъ былъ мѣсто верховнаго суда и храненія казны Великаго-Новгорода; все это вмѣстѣ придавало особенную важность и требовало помощи и благословенія свыше Дѣтинцу, называемому часто просто городомъ.

За предѣлами Дѣтинца простирался городъ Новгородъ—городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, раздѣленный на концы. На Софійской сторонѣ полукружіемъ около Дѣтинца располагались три конца: на югъ Людинъ конецъ или Гончарскій, на западъ Загородный конецъ, а на сѣверъ Неревскій. Ближайшая часть города къ Дѣтинцу называлась—Околотокъ. На Торговой сторонѣ было два конца: на югъ Славенскій, на сѣверъ Плотницкій. Названія концовъ указываютъ нѣсколько на древнюю исторію города. Такъ Славенскій вѣроятно былъ древнимъ мѣстомъ поселенія Славянъ ильменскихъ. Названія Гончарскій и Плотницкій указываютъ на древнія занятія жителей гончарнымъ и плотничнымъ ремеслами. Другое названіе Гончарскаго конца—Людинъ, должно, повидимому, происходить отъ сословія людей, или людиновъ, въ противоположность боярамъ и княжеской дружинѣ. Въ дѣтинцахъ или градахъ русскихъ обыкновенно помѣщались князья, бояре земли и дружины — военная сила; у стѣнъ града располагался посадъ, гдѣ жили невходившіе въ число бояръ и дружины, и носившіе общее названіе людей или людиновъ. Такъ должно быть и въ Новгородѣ; и Людинъ конецъ былъ посадомъ, въ древности примыкавшимъ къ Дѣтинцу. Названіе Загороднаго конца показываетъ, что эта часть вошла въ составъ Новгорода позже остальныхъ и нѣкогда существовала, не составляя отдѣлъ города. Съ точностію опредѣлить, когда именно случилось это включеніе, нельзя; быть-можетъ въ 1116 г., когда лѣтопись

*

сообщаетъ извѣстіе, что князь Мстиславъ распространилъ предѣлы Новгорода. Названіе Неревскаго конца не ясно; созвучіе его съ названіемъ рѣки Наровы побуждало предполагать, не былъ ли онъ поселенъ первоначально выходцами съ береговъ этой рѣки; но это предположеніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Нѣкоторыя названія улицъ также указываютъ на ихъ древнее историческое значеніе. Такъ Волосова улица въ Людинѣ концѣ напоминаетъ древнее божество Волоса, которому, вѣроятно, здѣсь въ языческія времена происходило поклоненіе и гдѣ впослѣдствіи поставили церковь св. Власія, по созвучію имени этого святаго съ именемъ языческаго божества. Варяжская, иначе Варецкая, улица, въ Славенскомъ концѣ, названа такъ отъ близости Варяжскаго (Нѣмецкаго двора), отъ построенной на ней римско-католической церкви и, вѣроятно, отъ того, что тамъ жили иноземцы, которыхъ въ Новгородѣ называли общимъ именемъ Варяговъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Прусская улица въ Загородномъ концѣ, простиравшаяся отъ прусскихъ воротъ Дѣтинца до прусскихъ воротъ во внѣшнемъ валѣ. Эта улица была мѣстомъ жительства бояръ, стояла какъ-то особнякомъ въ исторіи города и нерѣдко на нее обращалась вражда черни изо всего города. Названіе Прусы, которое давалось постоянно обитателямъ этой улицы, само собою указываетъ на ихъ первоначальное происхожденіе. Тамъ-то вѣроятно поселились первые пришельцы прусско-варяжскаго племени, явившіеся вмѣстѣ съ князьями и къ нимъ-то должны относиться слова лѣтописца о Новгородцахъ изъ рода варяжскаго, принесшихъ въ Новгородъ названіе Руси (отъ Варягъ бо прозвашася Русью). Ихъ потомки, ославянившись, продолжали, однакожь, долго сознавать свое особое происхожденіе, носить племенное названіе своихъ предковъ, составлять въ извѣстной степени самобытную корпорацію въ

отношенiи другихъ частей города, и, по предковской памяти, проявлять аристократическiя наклонности, вызывавшiя естественно столкновенiя съ массою прочаго населенiя.

Федеративный духъ, слагавшiй русскiя земли на правахъ самобытности каждой изъ земель въ связи съ другими, отпечатлѣлся рѣзкими чертами на составѣ Великаго-Новгорода. Каждый конецъ въ Новгородѣ, какъ каждая земля въ удѣльновѣчевой федерацiи, составлялъ самъ по себѣ цѣлое; жители назывались *кончане*: одинъ другаго считалъ ближе чѣмъ жителя сосѣдняго конца; въ общественныхъ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, каждый конецъ выражалъ себя своей корпорацiей; во время переговоровъ съ чужеземцами, посылалъ отъ себя депутатовъ; слѣдовательно въ дѣлахъ касавшихся всего Новгорода, изъявлялъ свое участiе какъ часть, сознающая свое отдѣльное существованiе; внутри имѣлъ свое управленiе, свое дѣлопроизводство, свои собранiя. Не только конецъ, но и улица, составляя часть конца, имѣла значенiе самобытной корпорацiи, такъ-какъ въ русскихъ земляхъ—волости, на которыя дѣлились земли. Жители улицы носили названiе *уличане*, имѣли свое управленiе, выбирали своихъ улицкихъ старостъ и являлись въ общественныхъ дѣлахъ какъ члены сознательно признаваемаго общества. Такимъ-образомъ, нѣсколько улицъ, будучи каждая въ отношенiи къ другимъ до извѣстной степени самобытнымъ тѣломъ, всѣ вмѣстѣ составляли конецъ, а всѣ вмѣстѣ концы—составляли Великiй-Новгородъ. За неимѣнiемъ источниковъ, мы не можемъ себѣ разъяснить, въ какомъ отношенiи было дѣленiе по улицамъ къ дѣленiю по сотнямъ.

Торговая сторона, будучи, какъ показываетъ ея названiе, мѣстомъ торговли, въ то же время была мѣстомъ народоправленiя. Въ Славенскомъ концѣ былъ торгъ—средоточiе торговыхъ оборотовъ, и въ немъ же мѣсто называемое

Ярославовымъ дворищемъ (т. е. мѣстомъ, гдѣ нѣкогда существовалъ Ярославовъ дворъ). Здѣсь въ разныя времена построено было значительное количество церквей, и между ними стояла вѣчевая башня со ступенями: на ней висѣлъ вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ для совѣщанія. Здѣсь собиралось вѣче на широкомъ майданѣ вплоть до берега. Въ окрестностяхъ этого мѣста были торговые дворы нѣмецкій, готскій и плесковскій. Такимъ-образомъ Славенскій конецъ, будучи гнѣздомъ славянскаго элемента въ Новгородѣ, былъ до послѣднихъ дней центромъ вѣчевой и торговой жизни. Изъ Славенскаго конца отъ вѣча шелъ черезъ Волховъ, прямо въ Людинъ конецъ, мостъ уставленный разными торговыми помѣщеніями.

Весь этотъ городъ изъ пяти концовъ былъ окруженъ землянымъ валомъ, а за нимъ рвомъ. Извѣстіе о копаніи рва около Софійской стороны встрѣчается въ лѣтописи подъ 1372 годомъ, когда Новгородъ, послѣ разоренія Торжка Тверичами, опасался нашествія тверской силы. Нельзя думать, чтобъ это былъ первый ровъ: вѣроятно, онъ былъ въ это время только возобновленъ, а существовалъ ранѣе. Въ 1383 г., когда боялись Димитрія Донскаго, расширили этотъ валъ болѣе чѣмъ на три сажени[1]). Видно, что Новгородцы мало заботились о постоянной поддержкѣ своихъ укрѣпленій и обращали на нихъ вниманіе тогда только, когда имъ угрожало что-нибудь. По линіи вала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы были каменныя башни или костры. Въ 1391-мъ году на обѣихъ сторонахъ,— на Торговой и на Софійской, были поставлены каменные костры при окончаніи каждой улицы, то есть въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ улицы доходили до валу [2]). Конечно, въ кострахъ

[1]) Новг. Л. I, 90. Н. III, 232.
[2]) Н. I, 98. Н. III, 233.

по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, должны были находиться ворота для выхода въ поле. По всей линіи сверху вала поставленъ былъ деревянный частоколъ, называемый острогомъ. Внѣшняя сторона вала была во многихъ мѣстахъ, отдѣляясь отъ вала, окаймлена натуральными протоками. За Неревскимъ концомъ протекалъ у самаго вала ручей Гзень; онъ поворачивалъ къ востоку и впадалъ въ Волховъ. За Людинымъ концомъ было Жидическое озеро или плесо. Торговая сторона была окаймлена канавою или рѣчкою Копанью; на южной сторонѣ за Славенскимъ концомъ протекалъ ручей Жилотугъ, сливавшійся съ другимъ протокомъ, Малымъ Волховцемъ. Этотъ послѣдній въ значительномъ отдаленіи отъ вала (на 1 ½ в.) протекая изъ Волхова въ Волховъ же, окружалъ всю Торговую сторону и служилъ ей защитою. Ближе къ валу, за Плотницкимъ концомъ, протекала рѣчка Витка. Сверхъ этихъ ручьевъ и протоковъ, Ѳедоровскій ручей протекалъ посреди Торговой стороны въ Плотницкомъ концѣ, а можетъ-быть въ древности служилъ ему межею съ Славенскимъ. Ручьи Гзень, Витка, Ѳедоровскій, Копань, теперь значительные только въ половодье, прежде были многоводны. Защищенная природою, Торговая сторона менѣе нуждалась въ искусственныхъ средствахъ, когда имѣла ихъ, по-крайней-мѣрѣ XIV вѣка. Въ 1335 году часть Славенскаго конца [1]) была обнесена каменною стѣною отъ Ильи до св. Павла. Въ 1386 году Торговая сторона была окопана валомъ; быть-можетъ это была уже поправка прежняго вала.

Валъ, огибавшій Новгородъ на обѣихъ сторонахъ Волхова, не составлялъ послѣдней границы городскихъ построекъ. За валомъ, на значительное пространство во всѣ стороны, простирались посады, прилегавшіе къ монасты-

[1]) Новг. Л. I, 77.

рямъ, построеннымъ около Новгорода въ большомъ количествѣ. Они считались не въ Новгородской Землѣ, а въ самомъ Новгородѣ. Опредѣлить съ точностію черту этого собственно городскаго пространства—невозможно; но приблизительно можно предположить, что состоящимъ въ городѣ считалось пространство на Торговой сторонѣ отъ Николы Липенскаго до Хутыня, а на Софійской отъ Перыня до Пидбы. На западъ Мостище, а на востокъ Ковалево, были крайними посадами. Нельзя также съ точностію опредѣлить, гдѣ и какъ расположены были эти посады. Окрестности Новгорода болотисты и въ сильные разливы покрываются водою, исключая высокихъ мѣстъ, гдѣ построены монастыри, а иногда вода достигаетъ до самыхъ ихъ стѣнъ. Вѣроятно, посады строились отрывками на этихъ болѣе удобныхъ мѣстахъ, но можетъ-быть существовали они и тамъ, гдѣ теперь трудно предположить строенія, потому-что во многихъ такихъ мѣстахъ находятъ деревянныя трубы колодцевъ и бревна, свидѣтельствующія о жильѣ. Быть-можетъ древніе Новгородцы предохраняли себя отъ затопленія, ставя свои избы на столпахъ, какъ это дѣлается и теперь въ разныхъ мѣстахъ старой Новгородской Земли, и что, между прочимъ, можно видѣть въ Соснинскомъ погостѣ близъ Волховской станціи желѣзной николаевской дороги.

Надобно принять во вниманіе и то, что въ древности, когда кругомъ были огромные лѣса, подгородная почва была не такъ болотиста какъ теперь. Такъ подъ 1255 г., говорится, что Новгородцы выстроили полкъ за Рождествомъ Христовымъ въ полѣ; это мѣсто (т. е. за кладбищенскою церковью) стало-быть тогда было сухо, а теперь оно болотисто. Съ нѣкоторыхъ сторонъ городъ продолжался непрерывно за валомъ. Такъ за валомъ у Неревскаго конца былъ посадъ Звѣринцы. За Людинымъ и За-

городнымъ концами слѣдовали сплошныя поселенія, расположенныя улицами, какъ это видно изъ извѣстія о ихъ сожженіи въ 1386 году. На Торговой сторонѣ за Плотницкимъ концомъ, къ сѣверу, шло непрерывное поселеніе вплоть до Антоніева монастыря. Вправо отъ него былъ большой посадъ, принявшій въ XV вѣкѣ уже названіе конца—Никольскій конецъ. На той же Торговой сторонѣ были посады за валомъ у Воскресенія на Красномъ полѣ, и у Рождества. Далѣе — гдѣ только былъ монастырь, тамъ и посадъ. Въ 1386 г. ихъ сожжено было около города двадцать четыре. Можно съ достовѣрностію искать главнѣйшихъ посадовъ, — на Софійской сторонѣ: въ Ракомъ, въ Коломцахъ, около монастырей Перыня, Юрьева Аркажа, Пантелеймонова, Благовѣщенскаго, Воскресенскаго, Петра и Павла, Николы Мостищенскаго, Колмовскаго. На Торговой сторонѣ—на Липнѣ, на Городищѣ, въ Нередицахъ, близъ монастырей: Ситицкаго, Лятскаго, Кириловскаго, Ковалевскаго, на Волотовѣ, на Лисьей горкѣ, въ Деревяницахъ и около Хутынскаго.

Эти посады (изъ которыхъ нѣкоторые по неудобству мѣстности могли ограничиваться нѣсколькими избами), съ дворами разсѣянными тамъ-и-сямъ, съ огородами и садами при дворахъ, придавали Новгороду видъ огромнѣйшаго города, котораго части были въ разныхъ направленіяхъ разрѣзаны между собою пустыми мѣстами, протоками, рощами, а во время сильной весенней половоди, казались выходящими изъ широкаго озера.

II.

ПСКОВЪ.

Городъ Псковъ расположенъ на берегу двухъ рѣкъ, Великой и Псковы, впадающей въ Великую въ самомъ городѣ. Ядро города находилось на холмѣ, надъ рѣкою Великою, гдѣ заложенъ былъ Дѣтинецъ, потомъ городъ распространился, и то, что̀ было за Дѣтинцемъ, называлось Кромъ, т. е. внѣшній, кромѣшній городъ. Многіе полагаютъ, что Дѣтинецъ и Кромъ—одно и то же, но это несправедливо; потому-что въ лѣтописяхъ они явно различаются [1]. Такимъ-образомъ, городъ состоя изъ Дѣтинца и Крома, заключался въ углу, образуемомъ Псково́ю и Великою, а ка̀къ далеко простирался на противоположную сторону — неизвѣстно. Собственно Дѣтинецъ былъ малъ: въ немъ находилась патрональная церковь Живоначальной Троицы. Первая каменная плитяная стѣна, чрезвычайно толстая, была построена Домонтомъ, и теперь еще носитъ его имя. Городъ распространился на востокъ и на югъ постепенно; въ 1309 году загородныя поселенія за предѣлами Крома сдѣлались городомъ: Борисъ посадникъ сдѣлалъ пли-

[1]) Псков. Л. I, стр. 276.

тяную стѣну отъ Великой рѣки до Псковы рѣки [1]). За предѣлами этой стѣны разселялся на востокъ посадъ, называемый Полонище; неизвѣстно, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ городъ. Подъ 1465 годомъ находится извѣстіе, что эта часть города была обведена нá-скоро только деревянною стѣною [2]) Когда заселился городъ на другой сторонѣ Псковы, неизвѣстно. Въ 1266 такъ же существовалъ посадъ, а въ 1383 г. является тамъ церковь Космы и Даміана. Запсковское населеніе соединялось съ городомъ посредствомъ моста, называемаго Смердьимъ у окончанія Крома [3]) близъ церкви св. Кирилла. Запсковье не было укрѣплено такъ крѣпко, какъ средина города, потому-что уже въ 1464 году около всего Запсковья заложили *деревянную* стѣну [4]). Нѣсколько разъ упоминается о построеніи мостовъ между Запсковьемъ и Среднимъ городомъ — именно въ 1389, въ 1435, въ 1456 годахъ [5]). Долго рѣка Пскова служила границею собственно города: вдоль ея, на лѣвой сторонѣ, прямо противъ Запсковья шла стѣна, сначала дубовая, а потомъ, въ 1375 г. плитяная [6]). За предѣлами Дѣтинца, въ Крому было мѣсто торговли, такъ называемое Торговище, которое было въ 1308 г. вымощено [7]). Въ 1377 г. тамъ были поставлены два каменныхъ костра [8]). Тамъ собиралось большое вѣче у подножія башни на Домонтовой стѣнѣ близъ св. Троицы, гдѣ висѣлъ вѣчевой колоколъ. Укрѣпленія Пскова нѣсколько разъ прибавлялись и поправлялись. Такъ въ 1401 году прибавили каменную стѣну къ старой стѣнѣ надъ Великою рѣкою, а въ 1402 г. провели плитяную стѣну по линіи всего города, примыкающей къ рѣкѣ. Въ 1406 г. сдѣлали толще и выше стѣну около Псковы. Всѣ стѣны Пскова были усѣяны камен-

[1]) Псков. I, 184. [2]) Псков. I, 229. [3]) Псков. I, 222. [4]) Псков. I, 228. [5]) Псков. I, 209, 217. [6]) Псков. I, 193. [7]) Псков. I, 184. [8]) Псков. I, 193.

ными выступами, называемыми персями и кострами: послѣдніе были плитяныя башни на пряслахъ, т. е. на продольной линіи стѣны и на персяхъ, т. е. выступахъ изъ продольной линіи. Въ кострахъ или подъ ними въ стѣнѣ дѣлались ворота. Костры и ворота имѣли свои особыя названія (Кутній костеръ, Глухой костеръ, костеръ на Власьевой Горкѣ, костеръ Кутекрома, Старый костеръ, костеръ на Персяхъ, костеръ на Незнановѣ горѣ;—ворота Великія, Малыя, Лужскія, Кумины, Сысоевы, Смердьи, Гремячія). Стѣна была сверху покрыта кровлею, подъ которою, вѣроятно, можно было ходить по стѣнамъ, а въ самыхъ бокахъ стѣны дѣлались по мѣстамъ церкви, разныя кладовыя и погреба.

На другой сторонѣ рѣки Великой былъ посадъ, называемый Завеличье. Онъ существовалъ, вѣроятно, еще въ XII вѣкѣ, ибо тогда былъ уже построенъ Спасо-Мирожскій монастырь; при Довмонтѣ о немъ уже упоминается по случаю нападенія Нѣмцевъ [1]. Подъ 1348 годомъ упоминается о существованіи жилыхъ домовъ (хоромъ) на Завеличьѣ [2]. Впослѣдствіи, эта часть Пскова имѣла важное значеніе: тамъ стоялъ нѣмецкій дворъ, и было средоточіе иноземной торговли.

Весь Псковъ, какъ и Новгородъ, раздѣлялся на концы, имѣвшіе также значеніе автономическое: каждый пользовался своимъ управленіемъ, и цѣлый Псковъ изображалъ собою соединеніе концовъ. Когда отправляли посольство, то брали бояръ отъ концовъ. Изъ нихъ упоминается по названіямъ о шести: Торговый конецъ, Боловинскій конецъ, Опоцкій конецъ, Городецкій конецъ, Острыя-Лавицы конецъ, Богоявленскій конецъ на Запсковьи [3]. Но, вѣроятно, ихъ было десять: подъ 1485 г. упоминается о посылкѣ

[1]) Псков. Л. I, 182. [2]) Псков. I, 190. [3]) Псков. I, 217, 218; [4]) Псков. II, 32.

изъ концовъ десяти бояръ [1]). Такъ-какъ мы знаемъ, что ихъ было болѣе пяти, то, слѣдовательно, не могло быть посылано по два боярина отъ конца, слѣдовательно въ это время ихъ было послано по одному, итакъ концовъ было десять. Кромѣ концовъ существовало названіе Лавицы, означавшее также части города: Боловина Лавица, Куклина Лавица, Жабья Лавица на Запсковьи, Боркова Лавица, Ропата Лавица въ Опоцкомъ концѣ [2]). Что̀ такое лавица—это требуетъ археологическаго изслѣдованія.

1) Псков. Л. I, 43. 2) Псков. I, 214, 215, 218.

Глава седьмая.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НРАВЫ ВЕЛИКАГО-НОВГОРОДА И ПСКОВА.

I.

СОСЛОВІЯ.

Вся масса жителей Великаго-Новгорода и Пскова, составляя цѣлое собраніе концовъ и улицъ, пользовалась въ обширномъ смыслѣ правами самоуправнаго государства; она раздѣлялась на сословія, которыхъ границы не были опредѣлены строгими юридическими правилами, но возникли изъ обстоятельствъ и теченія жизни, измѣнялись и зависѣли отъ своенравнаго хода свободы. Въ обширномъ смыслѣ, жители дѣлились на духовныхъ и мірскихъ: между тѣми и другими проводилась строгая черта. Сами же міряне составляютъ существенный подѣлъ на старѣйшихъ и молодчихъ; первые назывались также вящшіе люди, передніе люди, большіе люди; послѣдніе назывались также: меньшіе люди, черные люди. При болѣе разнообразныхъ условіяхъ общественной жизни, являлись болѣе дробные подѣлы, и въ Новѣгородѣ обозначались слѣдующія названія сословій: огнищане, гридьба, княжескіе дворяне, посадники, бояре, дѣти боярскіе, купцы, житые люди, земцы и собственно-черные люди: смерды и холопи. Названіе дворянъ и гридьбы давалось только свитѣ князя; люди, носившіе это названіе, не принадлежали къ новгородскому гражданству, не жили въ городѣ, но пребывали на Го-

родищѣ. Названіе огнищанъ является только въ раннія вѣка, и уже послѣ XII вѣка не упоминается. Погодинъ считаетъ это названіе однозначительнымъ со словомъ житые люди, и полагаетъ, что огнищанами назывались хозяева дворовъ, т. е. люди, имѣющіе свой очагъ, свое огнище. Но правдоподобнѣе кажется другое объясненіе,—именно то, что огнищане значитъ то же, что и княжескіе дворяне. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что употребленное въ одной статьѣ «Русской Правды» слово огнищанинъ, въ другой соотвѣтствующей и равнозначительной — замѣнено словомъ: княжь-мужъ [1]), а равно и тѣмъ, что въ той же «Русской Правдѣ» объ огнищанахъ говорится за-урядъ съ должностными лицами при княжескомъ дворѣ [2]); наконецъ, въ пользу такого толкованія, говоритъ и то, что вира за убійство огнищанина положена самая высокая — 80 гривенъ; слѣдовательно онъ принадлежалъ, по юридическимъ понятіямъ, къ высшему сословію, какимъ должны быть составлявшіе княжескую дружину и дворъ. Слово огнищане, по всему видно, происходитъ отъ слова огнище; но тутъ разумѣлось не собственное огнище хозяина, а огнище княжеское, княжескій дворъ. Огнищане и гриди (приспѣшники, литовское greitis) посылались въ пригороды для защиты ихъ, какъ военное сословіе. Такъ въ 1234 году, въ Русѣ являются огнищане вмѣстѣ съ гридьбою [3]). Вся остальная масса княжескихъ слугъ носила въ Новгородѣ

¹) См. Калачова Текстъ «Русской Правды», стр. 3—5. По Академическому Списку читается: Аще оубьють огнищанина въ обидо, то платити зань 80 гривенъ оубійци (18). По Троицкому Списку: Аще кто оубиеть княжа мужа въ разбои и головника не ищють, то виревную платити въ чьеи верви голова лежить то 80 гривенъ (2).

²) Въ статьѣ 18-й Академическаго Списка, вслѣдъ за огнищаниномъ говорится: а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ. Въ статьѣ 32-й того же Списка: а въ огнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечницѣ....

³) Н. IV. 120.

и Псковѣ названіе шестники, иначе сестники. Это названіе давалось и вообще русскимъ иноземцамъ, проживавшимъ въ Новгородѣ и Псковѣ [1]).

За исключеніемъ этихъ сословныхъ названій, которыя принадлежали исключительно княжеской дружинѣ, всѣ прочія составляли новгородскій и псковской народъ. И въ Новгородѣ, какъ въ остальныхъ земляхъ Руси, важное значеніе имѣло владѣніе землею; здѣсь также стоитъ на первомъ планѣ сословіе бояръ, т. е. землевладѣльцевъ. Кто владѣетъ поземельною собственностью, тотъ естественно есть прямой участникъ управленія всею землею. Отъ этого землевладѣлецъ пріобрѣталъ преимущество предъ тѣми, кто не былъ поземельнымъ собственникомъ. Земледѣліе само-по-себѣ имѣетъ то свойство, что способствуетъ развитію родоваго аристократическаго начала. Отецъ передаетъ землю сыну: постоянство владѣнія въ одномъ и томъ же родѣ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ въ этомъ родѣ сознаніе своего достоинства; землевладѣніе порождаетъ власть надъ рабочими; въ какихъ бы правахъ и отношеніяхъ ни находился рабочій къ землевладѣльцу, онъ всегда ниже послѣдняго, всегда отъ него зависитъ. Привычка властвованія, понятіе о превосходствѣ своего происхожденія, укореняется въ дѣтяхъ и внукахъ. Поддержкѣ значенія боярскихъ семействъ въ Новгородѣ должны были способствовать брачныя связи съ князьями Рюрикова дома. Если съ одной стороны князья, роднясь съ семьями стоявшими по правамъ зауряд со всею массою народа, ослабляли понятіе объ исключительномъ превосходствѣ и чистотѣ своего рода, и тѣмъ самымъ не могли удержать за собою того царственнаго значенія, которое бы ставило

[1]) Псков. I, 251.

всѣхъ принадлежащихъ къ ихъ роду выше обыкновенныхъ смертныхъ, то, съ другой, боярскія семьи, породнившись съ княжескими, должны были пріобрѣтать особое значеніе въ народномъ понятіи; такъ должно было быть, пока, въ глазахъ народа, княжескій родъ не потерялъ своего исключительнаго права доставлять изъ себя верховныхъ правителей народу. По мѣрѣ неизбѣжнаго вліянія землевладѣльцевъ на общественныя дѣла, достоинство боярское, не отрываясь отъ значенія землевладѣльцевъ, соединилось съ понятіемъ вліянія на дѣла; а потому бояринъ былъ вообще тотъ, кто, независимо отъ своего поземельнаго владѣнія, по уму, по ловкости и умѣнью становился въ кружкѣ народныхъ совѣтниковъ и правителей. Должностное лицо, по своей обязанности, пользуясь уваженіемъ народа, уже принадлежало къ боярскому сословію. Значеніе въ народѣ не пріобрѣталось исключительно по родовому землевладѣнію; земля въ Новгородскомъ-краѣ не была главнымъ источникомъ экономическихъ силъ, и не могла доставить сама по себѣ средствъ къ возвышенію. Богатство, а вмѣстѣ съ нимъ,—при умѣ,—и значеніе, пріобрѣтались и торговлею, и промыслами; и такъ, въ кружокъ бояръ, людей вліятельныхъ, поступали разбогатѣвшіе купцы; да и такіе бояре, которые были по происхожденію богатыми землевладѣльцами, занимались торговлей; средствомъ къ обогащенію и возвышенію служила также война: легко могъ подыматься и становиться въ ряду вліятельныхъ людей человѣкъ военный, пріобрѣтавшій храбростію славу и добычу. Такія лица дѣлались боярами, но все-таки, пріобрѣтая землю въ собственность, боярство безъ имѣній было невозможно; потому-что, еслибъ человѣкъ безземельный достигъ вліянія и значенія, то Великій-Новгородъ подарилъ бы ему землю: по тогдашнимъ понятіямъ, тотъ, кто владѣлъ большимъ размѣромъ поземельной собственности въ какой-нибудь

Русской Землѣ, тѣмъ самымъ имѣлъ болѣе права участвовать въ дѣлахъ этой Земли. Въ такомъ смыслѣ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ-землевладѣльцевъ, бояре составляли, вмѣстѣ съ старыми посадниками, совѣтъ, около двухъ важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ—посадника и тысячскаго. Иноземцы, имѣвшіе дѣла съ Новгородомъ, называютъ ихъ господами (Herren). Какъ составлялся этотъ совѣтъ бояръ — мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бояре эти отправлялись для заключенія договоровъ, призванія князей, рядились съ князьями отъ всего Новгорода, начальствовали войсками, распоряжались постройкою городовъ. Изъ бояръ выбирали также посадниковъ и тысячскихъ. Оттого можно замѣтить, что достоинства эти доставались дѣтямъ и внукамъ тѣхъ, которые были облечены ими. Какъ землевладѣльцы и вмѣстѣ богатые и вліятельные люди, существовали особые мѣстные бояре во всѣхъ краяхъ Новгородской Земли. Были бояре ладожскіе, водскіе, рускіе (изъ Русы), новоторжскіе, лужскіе (изъ Луги), ижорскіе, двинскіе. По своимъ правамъ они не выходили изъ сословія бояръ Великаго-Новгорода; вообще богатые бояре, владѣвшіе землями разомъ въ нѣсколькихъ земляхъ новгородскихъ, принадлежали тѣмъ самымъ въ одно и то же время къ разрядамъ различныхъ мѣстныхъ бояръ. Но случалось, что тѣ, которые имѣли земли въ одномъ только краю и притомъ отдаленномъ, и постоянно проживали въ этомъ краю, отстранялись отъ дѣлъ всего Великаго-Новагорода, и держались за свои мѣстные интересы, которые, не сходясь по чему-нибудь съ требованіями, заявляемыми въ Новгородѣ, доводили ихъ наконецъ до столкновенія съ новгородскимъ правительствомъ.

Изъ боярскаго сословія стали выдѣляться впередъ лица, которыя прежде имѣли должности посад-

скихъ и тысячскихъ, и оставили ихъ. Въ древности этого отличія не существовало: избранный посадникъ терялъ свою должность тогда только, когда оказывался недостойнымъ; если же умѣлъ угодить народу, то оставался въ ней до смерти; но мало-по-малу вошло въ обычай, что посадники и тысячскіе перемѣнялись часто и за смѣненными посадниками удерживалось названіе ихъ должностей, съ прибавленіемъ эпитета—старый: старые посадники, старые тысячскіе, а часто и безъ этого эпитета. Вѣроятно это дѣлалось съ желаніемъ оставить при смѣненныхъ посадникахъ честь, во свидѣтельство того, что они смѣнены не по винамъ своимъ. Первый разъ о нѣсколькихъ посадникахъ упоминается при договорной грамотѣ 1317 года, гдѣ приложено одиннадцать печатей, изъ которыхъ четыре посадничьихъ, а три тысячскихъ [1]). Потомъ въ 1372 году упоминаются носящіе титулъ посадника, кромѣ степеннаго, о которомъ тамъ же говорится [2]). По мѣрѣ того, какъ выборы посадниковъ степенныхъ стали чаще, носившихъ званіе посадниковъ становилось больше. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, причислялись и тѣ, которые посадничали въ пригородахъ и сложили свое званіе. Такимъ-образомъ составилось какъ-бы сословіе посадниковъ. Ни изъ чего не видно, чтобы они въ сущности отличались отъ бояръ какими-нибудь правами; продолжая принадлежать къ боярскому сословію,—они образовали въ немъ какъ-бы почетный классъ и въ грамотахъ, при исчисленіи сословій новгородскихъ [3]) упоминаются прежде

[1]) Собр. Госуд. Гр. I, 17.

[2]) Въ грамотѣ договорной Димитрія Ивановича А. Э. I, 4.

[3]) Напр. Господину посаднику Великаго-Новгорода, степенному Ивану Лукичу и старымъ посадникамъ, господину тысячскому Великаго-Новагорода и старымъ тысячскимъ Трифону Юрьевичю, и старымъ тысячскимъ и бояромъ, и житымъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину, Государю Великому-Новугороду—А. Э. I, 47.

бояре. Имъ, какъ людямъ болѣе другихъ опытнымъ, поручали тѣ обязанности, которыя обыкновенно давались боярамъ. Такъ, напримѣръ, было въ обычаѣ для заключенія договоровъ посылать по пяти человѣкъ бояръ, и по пяти человѣкъ житыхъ отъ каждаго конца города: въ такихъ случаяхъ изъ бояръ выбирали преимущественно старыхъ посадниковъ [1]), а иногда старыхъ тысячскихъ, вмѣстѣ со старыми посадниками [2]).

Лица, которыхъ умъ и обстоятельства выдвигали на первый планъ, и которымъ народъ поручалъ управленіе, передавали своимъ дѣтямъ дань уваженія, какимъ сами пользовались. Таковы были по духу народа и времени понятія о родственной чести. Сынъ посадника сознавалъ свое происхожденіе и гордился имъ. Такимъ-образомъ возникъ какъ-бы особый классъ въ народной массѣ—дѣтей посадничьихъ и тысячскихъ. Пользуясь уваженіемъ массы къ своимъ родителямъ, они смѣлѣе говорили съ народомъ, смѣлѣе изъявляли свои домогательства. Названіе сынъ посадничій показываетъ, что народъ признавалъ такое лицо достойнымъ особой чести именно по его происхожденію отъ лица, занимавшаго должность. Это уваженіе, конечно содѣйствовало тому, что сыновья посадничьи и сыновья тысячскихъ являются предводителями войска, и встрѣчаются въ числѣ бояръ, на челѣ значительныхъ посольствъ [3]).

Какъ отъ посадниковъ возникъ особый классъ сыновей посадничьихъ, такъ отъ бояръ возникъ особый классъ дѣтей боярскихъ. Со званіемъ боярина соединялось, какъ мы сказали, владѣніе землею, богатство и вліяніе на управленіе. Если бы родовое начало не подрывалось въ народѣ другими, противными понятіями, то боярство сдѣлалось бы званіемъ наслѣдственнымъ и оставалось бы только въ из-

[1]) А. Э. I, 66. [2]) А. Э. I, 42. 43. [3]) Нов. Л., I, 75.

вѣстныхъ родахъ. Но родовое начало не достигло въ народныхъ понятіяхъ такого значенія. Масса всего народа, въ томъ числѣ и чернаго, имѣла верховную власть; значеніе боярства зависѣло отъ ней: бояринъ былъ бояриномъ — пока народу было угодно; поэтому, въ смыслѣ человѣка вліятельнаго, боярство могло и не переходить на потомство, если народъ этого не захочетъ; могло оно не переходить и по владѣнію землею, то есть: можно было владѣть землею и не быть бояриномъ, хотя бы предки и находились въ числѣ бояръ; можно было, наконецъ, происходя отъ предковъ боярскаго званія, не владѣть вовсе землею. Хотя первоначально бояринъ означалъ владѣльца земли, но по-мѣрѣ-того какъ другія отрасли, а не одно владѣніе землею, становились источникомъ богатства, а вмѣстѣ съ нимъ—и вліянія, и силы, неизбѣжно стало, что владѣлецъ земли былъ бояриномъ тогда только, когда его владѣніе было значительно и велико; или же, когда оно было только дополнительнымъ, а не главнымъ признакомъ силы и значенія. Новгородцы любили дѣлиться, какъ это показываютъ ихъ старыя духовныя [1]). Съ развѣтвленіемъ боярскихъ родовъ, при дѣлежѣ имѣній, всѣ члены боярскаго рода не могли въ равной степени быть богатыми; потомки владѣльцевъ многоземельныхъ и доходныхъ имѣній дѣлились съ небогатыми собственниками, сами лично не пріобрѣтали для себя иными путями вліянія и силы, а слѣдовательно не могли быть боярами. Наконецъ, такъ-какъ вліяніе на дѣла зависѣло отъ народа, то случалось, что бояре, при матеріальныхъ средствахъ, теряли это вліяніе, и потому уже никакъ не могли передать дѣтямъ своего почета. Такимъ-образомъ, отъ разныхъ причинъ, дѣти и потомки бояръ не могли быть боярами, т. е. богатыми и

[1]) Акт. Юрид., 273.

вліятельными; — родовая честь ихъ ограничивалась сознаніемъ, что они происходятъ отъ тѣхъ, которые были боярами. Примиреніе родоваго начала съ началомъ личной свободы и правомъ верховной власти за народною массою — произвело сословіе дѣтей боярскихъ. Это уже не были только дѣти бояръ-родителей; но и внуки, и правнуки ихъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ носили такое названіе. Эти дѣти боярскіе были незначительные землевладѣльцы, помѣщики, и составляли обыкновенно новгородское военное ополченіе. Первый разъ являются дѣти боярскіе подъ 1259-мъ годомъ [1]) и затѣмъ въ 1364 [2]); и съ тѣхъ поръ имя это попадается чаще-и-чаще, и почти всегда въ служебныхъ отношеніяхъ. Если сопоставить то положеніе, въ какомъ являются дѣти боярскіе впослѣдствіи, по всей Русской Землѣ, именно какъ помѣщики, владѣющіе землею съ обязанностію служить за надѣленный имъ участокъ, — съ тѣмъ положеніемъ, какое они занимали въ Новгородѣ ранѣе, то кажется правдоподобнымъ, что въ Великомъ-Новгородѣ раздавали этимъ дѣтямъ боярскимъ земли съ такою же обязанностію, какъ это дѣлалось въ прочихъ краяхъ Руси. По-крайней-мѣрѣ, когда Иванъ III-й завоевалъ Новгородъ, то нашелъ въ Землѣ Новгородской дѣтей боярскихъ — владѣльцевъ новгородскихъ земель, которыхъ переселилъ въ Московію, а оттуда вывелъ въ Новгородскую волость такихъ же, взамѣнъ выведенныхъ [3]). Извѣстно, что Новгородъ отдавалъ князьямъ свои земли въ кормленье, т. е. въ управленіе и пользованіе, съ оставленіемъ за собою полнаго права собственности. Слово кормленіе встрѣчается первый разъ въ XIV-мъ вѣкѣ, а самый фактъ въ XIII-мъ. Это побуждаетъ предполагать, что за

[1]) Новг. Л. I, 57. [2]) Новг. IV, 65.
[3]) Татищ. V, 80.

*

долго до паденія новгородской независимости, такимъ же образомъ раздавались земли не однимъ князьямъ.

Торговый классъ обозначается въ Новгородѣ сословнымъ названіемъ купцовъ. Это не было сословіе въ томъ значеніи, какъ мы привыкли понимать это слово, т. е. съ особыми гражданскими правами. Въ Новгородѣ это было занятіе доступное по праву, для всѣхъ. Изъ массы торговцевъ по достоинству, которое измѣрялось въ глазахъ народа богатствомъ и широтою торговыхъ оборотовъ, выдѣлялись гости, или добрые купцы. Кромѣ новгородскихъ купцовъ, были мѣстные, жившіе въ пригородахъ и волостяхъ: напр. обонежскіе, рускіе, ладожскіе. Въ самомъ городѣ они различались по предметамъ ихъ торговли, напр., купцы-прасолы — торгующіе съѣстнымъ, купцы-суконники, и пр. Торговля, важнѣйшее занятіе Новгорода, естественно дѣлала купцовъ вліятельными, значительными людьми. И они являются участниками государственныхъ дѣлъ, напр. при заключеніи договора съ Нѣмцами въ Изборскѣ, въ 1391 году. Иногда они участвовали въ сраженіяхъ [1]). Купцы въ Новгородѣ раздѣлялись на сотни, во Псковѣ на ряды, и выбирали между собою старостъ для управленія своими торговыми дѣлами.

Житыми людьми назывались собственно тѣ, которые имѣли свои дворы и осѣдлость въ городѣ въ концахъ. Бояринъ и купецъ могли не имѣть своего двора въ Новгородѣ и быть участниками новгородскаго гражданства,— первый какъ землевладѣлецъ и человѣкъ, пріобрѣвшій вліяніе, второй—какъ торговецъ въ Новгородской Землѣ; и тотъ и другой могли имѣть осѣдлость не въ Новгородѣ, а гдѣ-нибудь въ пригородѣ, или въ волости. Здѣсь представляется недоразумѣніе, неразрѣшаемое при нашихъ свѣ-

[1]) Новг. Л. I, 71.

дѣніяхъ: были-ли въ числѣ житыхъ людей бояре имѣвшіе дома въ Новгородѣ, или тутъ были только разные мастера и ремесленники-хозяева и вообще такіе домовладѣльцы, которые не могли считаться ни между боярами, ни между купцами—кажется было послѣднее. Житые, отдѣльно отъ бояръ и купцовъ, какъ сословіе, являются въ политическихъ дѣлахъ, депутаціяхъ, договорахъ, когда отъ каждаго конца частей города посылались депутаты, и говорилось, что они посылаются отъ житыхъ людей. Нѣтъ указаній на то, назывались-ли житыми людьми тѣ хозяева, которые имѣли свои дома въ пригородахъ.

Затѣмъ вся масса остальнаго свободнаго населенія носила названіе—черныхъ людей. Они не были отнюдь какимъ-нибудь заключеннымъ въ себѣ сословіемъ. Къ чернымъ людямъ принадлежалъ не тотъ, кто обязанъ былъ къ этому какими-нибудь правами рожденія. Прежде богатый купецъ, когда имущество его погибало отъ пожара или отъ военной невзгоды, дѣлаясь по неволѣ поденщикомъ, поступалъ тѣмъ самымъ въ массу черныхъ людей. Равнымъ образомъ, при счастіи и ловкости, бѣдный поденщикъ не лишенъ былъ права возвышаться и быть житымъ человѣкомъ и даже бояриномъ. Къ чернымъ людямъ собственно въ Новгородѣ должны были принадлежать ремесленники-нехозяева, не имѣвшіе своихъ домовъ и хозяйствъ и служившіе хозяевамъ изъ платы. Таковы были рабочіе — плотники: ремесло древнее; оно всегда поддерживалось частыми пожарами, послѣ которыхъ надобно было возобновлять постройки. Значительное количество построекъ каменныхъ церквей, должно было образовать классъ каменьщиковъ. Дѣйствительно, о каменьщикахъ мы находимъ упоминаніе подъ 1433 г., когда новгородскіе каменьщики работали, вмѣстѣ съ нѣмецкими, церковь [1]). Даже въ позднѣйшее время,

[1]) Новг. Л. IV, 121.

въ московскій періодъ Русской Исторіи, Новгородъ славился своими каменьщиками; ремесло это преемственно перешло къ московскимъ поселенцамъ, замѣнившимъ старое населеніе. Распространено было издавна въ Новгородѣ гончарное ремесло, какъ это показываетъ названіе Гончарскаго конца. Вѣроятно, этого рода произведенія служили для сбыта въ другія русскія земли. Частыя войны, необходимость каждому носить оружіе—должны были образовать классъ кузнецовъ и слесарей; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Новгородѣ занимались дѣланіемъ металлическихъ сосудовъ (котельники 1216 г.). Были серебряныхъ дѣлъ мастера—ливцы; обычай окладывать иконы, щеголять серебряными сосудами, поддерживалъ это ремесло. Такого рода мастера дѣлали и монеты. Множество церквей, набожность, требовавшая въ каждомъ домѣ икону, образовали классъ иконниковъ; впослѣдствіи въ Москву они прибывали изъ Новгорода. Изъ другаго рода ремесленниковъ упоминаются опонишники—мастера одеждъ и разныхъ покрововъ; кожевники, обрабатывавшіе туземныя кожи для отсылки за границу. Изъ промысловъ очень былъ распространенъ рыболовный; имъ занято было много рукъ въ Новгородѣ, на Волховѣ и на Ильменѣ (рыбники). Городъ лежитъ близъ рѣки; въ окрестностяхъ многоводіе; отъ того образовался многочисленный классъ лодочниковъ и перевозчиковъ. Число ихъ должно было увеличиваться весною, когда сообщеніе съ посадами и монастырями могло совершаться только водою. Хозяева лодокъ нанимали порученниковъ или наймитовъ, принадлежавшихъ къ чернымъ людямъ. Послѣдній разрядъ черваго народа были работники или наймиты, служившіе у богатыхъ и неимѣвшіе опредѣленнаго труда. Должно думать, что въ старомъ Новгородѣ существовали какія-нибудь правила, для того чтобъ извѣстное лицо помѣщаемо было въ томъ или другомъ разрядѣ, и дѣлались

переписи — иначе бы не могло существовать и отдѣловъ.

Земледѣльческое населеніе носило общее названіе сельнянъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои собственные участки и назывались земцы или своеземцы. Другіе жили на земляхъ Великаго-Новгорода, платя поземельную дань Новгороду или его кормленникамъ; другіе — на владычнихъ и церковныхъ, третьи на боярскихъ или вообще на земляхъ частныхъ собственниковъ, которыми быть могли житые люди, купцы, дѣти боярскіе. Эти, не имѣющіе собственной земли, носили общее названіе — *смерды.* Они были свободные люди, и имѣли право, по условіямъ, жить на чужихъ земляхъ, оставлять ихъ и переходить къ другимъ землевладѣльцамъ; но по извѣстіямъ, сохраненнымъ нѣкоторыми благочестивыми отцами въ поученіяхъ, часто терпѣли насилія отъ сильныхъ и богатыхъ. Въ XV-мъ вѣкѣ ихъ состояніе сдѣлалось гораздо зависимѣе, такъ-что въ договорѣ съ Казимиромъ [1]) постановлено не принимать вѣры жалобамъ смердовъ наравнѣ съ рабами. Ихъ отношенія къ владѣльцамъ состояли иногда въ платѣ, чаще въ уступкѣ имъ части натуральныхъ произведеній за трудъ, смотря по условіямъ времени и мѣстности. Въ однихъ мѣстахъ, какъ напр., во Псковскихъ волостяхъ они назывались изорники, т. е. нанимавшіе землю у владѣльца и платившіе за нее *покруту* (условіе), въ нѣкоторыхъ новгородскихъ краяхъ они назывались поземщики, и платили за земли *поземъ*; въ другихъ они были половники, т. е. получавшіе половину произведеній; эта форма была самая обыкновенная; въ другихъ мѣстахъ — третники, дававшіе треть собираемыхъ произведеній, и четники, дававшіе четверть собраннаго количества. Также точно владѣвшіе огородами давали ихъ рабочимъ на такихъ

[1]) Ак. Арх. Эксп. I, 64.

же условіяхъ, а промышленники тѣмъ же способомъ отдавали свои рыбныя ловли. Отказъ со стороны владѣльца земледѣльцу во псковской судной грамотѣ называется *отрокъ*. Въ этомъ памятникѣ постановляется правиломъ, чтобъ отрокъ давался разъ въ годъ—на Филиппово заговѣнье; это совпадаетъ съ Юрьевымъ днемъ, принятымъ во всей Руси въ древности для перехода земледѣльцевъ отъ одного владѣльца земли къ другому. Но былъ еще обычай у бояръ отдавать свои земли и угодья въ кормленье другимъ, такъ—точно, какъ и Великій Новгородъ, не лишаясь права собственности надъ своими землями, отдавалъ ихъ въ кормленье. Кормленнику передавались грамоты на владѣніе; но онъ не имѣлъ права отчуждать имѣнія самовольно. Во владычнихъ и монастырскихъ имѣніяхъ управляли поставленные отъ властей заказчики, подъѣздники, или посельскіе; въ имѣніяхъ боярскихъ, если самъ хозяинъ не занимался управленіемъ на мѣстѣ,—были посельскіе или ключники: обязанностью ихъ былъ сборъ доходовъ владѣльца. Эти посельскіе и ключники пользовались, собственно для себя, особымъ установленнымъ доходомъ, называемымъ ключничьимъ доходомъ. Вообще доходы получались деньгами и произведеніями: иногда же тѣмъ и другимъ. Иногда часть дохода платилась деньгами, другая часть хлѣбомъ, который считался коробьями, а третья часть разными другими предметами хозяйства; это называлось мелкимъ доходомъ: къ нему относилось опредѣленное количество сыра, масла, въ ставцахъ льна, считаемаго пятками и горстями, яицъ—сотнями и десятками. Во Псковской Землѣ существовали подсусѣдники, вѣроятно также люди, которые по положенію своему примыкали къ богатому человѣку и составляли что-то среднее между вольнымъ и рабомъ, потому-что въ отношеніи къ нимъ господинъ назывался государемъ.

Самый послѣдній классъ, отличный отъ всѣхъ предъидущихъ по правамъ, были холопы или рабы. Они были чужды всѣхъ правъ. Начиная отъ ранней, извѣстной намъ, договорной грамоты 1270 года [1]), до позднѣйшей съ Казимиромъ, постоянное желаніе новгородскаго правительства было держать ихъ въ безусловной зависимости отъ господъ. Холопъ не могъ найти управы на господина; въ договорныхъ грамотахъ съ князьями писалось: *а холопъ или роба начнетъ вадити на господу, тому вѣры не яти*. Они лишены были права свидѣтельствовать на судѣ противъ свободнаго человѣка, но могли быть свидѣтелями противъ своего брата-холопа. Холопы въ Землѣ Великаго-Новгорода были владычніе, монастырскіе, боярскіе, житейскіе (житыхъ людей), купецкіе; они назывались одерноватыми людьми, и актъ, по которому господинъ владѣлъ холопомъ, назывался одерноватою грамотою. Холопъ или самъ на себя давалъ одерноватую грамоту, или былъ продаваемъ прежнимъ господиномъ. Число этихъ одерноватыхъ людей увеличивалось тогда, какъ Великій-Новгородъ постигало какое-нибудь народное бѣдствіе, наприм. пожаръ, или голодъ; пришедши въ нищету, изъ-за куска хлѣба бѣдняки отдавали себя въ рабство, а иногда родители такимъ-образомъ продавали своихъ дѣтей [2]). Бракъ не влекъ за собою поступленія въ рабство. Въ духовной XIV вѣка [3]) завѣщатель пересчитываетъ своихъ рабовъ, указываетъ о нѣкоторыхъ, что они сами въ числѣ одерноватой челяди, но жены ихъ и дочери свободны; изъ этого видно, что рабство не простиралось также на дѣтей того пола, къ которому принадлежитъ свободное лицо, состоящее въ бракѣ съ несвободнымъ. Отъ одерноватыхъ отличались

[1]) Собр. Госуд. Гр. I, 3.
[2]) Новг. Л. I, 47. [3]) А. Ю., стр. 428—430.

закладники, которые поступали во временное порабощеніе за занятыя деньги: — они служили вмѣсто росту. Это то же, что̀ впослѣдствіи въ Московщинѣ называлось — кабальные; хотя неизвѣстно, въ подобномъ ли образѣ жизни находились они въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ. Въ бѣдственныя времена многіе шли въ закладники за князей, и Великій-Новгородъ старался не допускать этого, и въ договорахъ своихъ поставлялъ, что ни князь, ни его бояре не имѣютъ права брать закладниковъ въ Новгородской Землѣ [1]). Число закладниковъ увеличивалось во время войнъ съ московскими великими князьями, вообще съ Восточною Русью: тогда бѣдные люди, чтобъ избѣжать разоренія, спѣшили признавать власть сильныхъ непріятелей, и закладывались за нихъ. Церковь всегда неблаговолила къ рабству. Еще въ XII-мъ вѣкѣ въ «Вопросахъ Кирика» іеромонахъ спрашивалъ у владыки: что̀, если пустить на свободу?

— Здѣсь нѣтъ такого обычая, — отвѣчалъ владыка: — а хорошо и чужаго человѣка выкупить, чтобъ и другіе поучались [2]). Слѣдовательно съ одной стороны рабство не одобрялось Церковію, съ другой — народъ неудобно поддавался ея поученіямъ. Объ этомъ неблаговоленіи къ рабству — въ тѣхъ же «Вопросахъ» встрѣчается, что самое душегубство, совершенное рабомъ, не вмѣняется въ грѣхъ; и если господинъ билъ паробка своего за воровство, то это не препятствуетъ даже къ поставленію во священники послѣдняго. Но христіанскія понятія, укрѣпившись въ народѣ, смягчили его нравы впослѣдствіи; и въ Новгородской Землѣ, какъ вообще на Руси, существовалъ благочестивый обычай — передъ смертію отпускать всѣхъ рабовъ своихъ [3]).

—

[1]) Собр. Госуд. гр. I, 20.

[2]) А лѣпше иного человѣка выкупити, а быся и другая на томъ казнила. Пам. Р. Словесн. 187.

[3]) Ак. Юр. 430.

II.

ВѢЧЕ.

Вся автономія Великаго-Новгорода опиралась на вѣчѣ,—народномъ собраніи. По старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче, въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ; подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище; и потому вѣчемъ называлось и такое сходбище, которое съ нашей точки зрѣнія можетъ назваться законнымъ, то есть правосознательное собраніе народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такое, которое выдѣляется изъ прочей массы народа, кружокъ, иногда и въ противорѣчіи съ общею волею народа—мятежный скопъ. Такъ въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1169-мъ годомъ записано, что Новгородцы начали вѣча дѣяти по дворамъ тайно на князя своего [1]). Въ Новгородской Лѣтописи названъ вѣчемъ — заговоръ недовольнаго кружка черни противъ архимандрита Есипа [2].) Въ этомъ смыслѣ и сходбище военной рати на полѣ войны так-

[1]) Пол. Собр. Лѣт. II, 97.

[2]) Изволеніемъ діаволимъ всташа простая чадь на архимандрита Есипа, и сотвориша вѣче.

же называлось вѣче [1]). Когда случались разноголосицы въ Новгородѣ, и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ равнымъ образомъ называлось вѣче. Такъ въ 1342 году составилось два сборища, враждебныя одно другому,—одно на ярославовомъ дворѣ, другое на софійскомъ, и оба назывались вѣчами [2]). То же въ 1384 году, по поводу спора о князѣ Патрикіѣ: одно вѣче собралось, по обычаю, на Ярославовомъ дворѣ, другое—на Софійской сторонѣ [3]); то же повторилось по поводу посадника Есипа Захарьина въ 1388 году, когда Софійская сторона была противъ посадника, а Торговая за него [4]). При такой неопредѣленности значенія вѣча, не мудрено, что тогда, какъ единодержавный порядокъ сталъ брать верхъ, понятіе о вѣчѣ переходило въ понятіе о мятежѣ, и слово: вѣчники,—въ Москвѣ стало значить то же, что: буяны, разбойники. Но при неопредѣленности общаго значенія слова вѣче, существовало однако въ Новгородѣ, отдѣльно отъ всякаго вѣча, большое вѣче, т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго-Новгорода. Къ сожалѣнію, подробностей относящихся къ его существованію такъ мало, что многіе важнѣйшіе вопросы остаются пока неразрѣшенными. Право собранія большаго вѣча представляетъ ту же неопредѣленность. Это право не принадлежало только сановникамъ, облеченнымъ властью или правительственною обязанностью. Созвать вѣче,—значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой ко-

[1]) Подъ 1228 годомъ говорится: стояша на Невѣ николико дней, сотвориша вѣче, и хотѣша убити Судомира (Новг. Л. I, 42).

[2]) Новг. Л. I, 82. [3]) Н. Л. I, 93. [4]) Н. Л. I, 94.

локолъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно, имѣетъ и поводы, и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Неизвѣстно, существовали ли какія-нибудь правила, чтобы не допускать неправильныхъ сзывовъ вѣча; могли не существовать вовсе; предполагалось, что съ такимъ дѣломъ шутить было опасно, и слѣдовательно всякій побоялся бы безпокоить напрасно весь народъ. Случалось, однако, что смѣльчаки, надѣясь на подобранную заранѣе партію, созывали вѣче и, поддерживаемые своими сторонниками, проводили свои планы—низвергали власти, устанавливали иныя [1]). Такихъ называли коромольниками. Такимъ-то образомъ созывались вѣча тогда, когда возставшая толпа, по наущенію умѣвшихъ ее возбудить, низпровергала власти, и преслѣдовала партіи, къ которымъ была нерасположена.

Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войны, заключало миръ, призывало князей, избирало владыкъ; дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны; уступало въ собственность или кормленье земли; опредѣляло торговыя права и качество монеты; иногда ставило міромъ церкви и монастыри; установляло правила и законы: было такимъ-образомъ законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Относительно права участія на вѣчѣ и порядка собранія, нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя бы могли дать объ этомъ

[1]) Новг. Л. I, 76.

ясное понятіе. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣчѣ дѣятельными членами. Цензовъ не существовало. Но только ли одни Новгородцы—жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣчѣ,—не вполнѣ извѣстно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, житые и черные люди. Оставляемъ въ сторонѣ посадниковъ: они могли участвовать потому, что были прежде сановниками—тутъ ясно само собою. Бояре-землевладѣльцы были, сами собою, уже представители не города, а всей земли; бояринъ могъ жить въ своемъ имѣніи гдѣ-нибудь на Води, или на Двинѣ, и пріѣхать оттуда подавать голосъ на вѣчѣ. Отходъ изъ Новгорода въ Новгородскую Землю не лишалъ права гражданства: мы видимъ примѣръ, что отошедши на Вагу, Онисифоръ Лукичъ былъ послѣ воеводою и посадникомъ [1]). Жившіе на Двинѣ, въ отдаленной землѣ, бояре, назывались все-таки Новгородцами, и были между ними дѣти посадниковъ, сохранявшіе это наименованіе [2]). Точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, могли проживать не въ Новгородѣ, а въ пригородѣ, и также подавать голосъ; такъ точно мы и встрѣчаемъ купцовъ, называемыхъ Новгородцами, но которые проживали въ Торжкѣ и въ Русѣ, — потому-что тамъ строили церкви. Житые люди участвовали на вѣчѣ какъ жители концовъ, потому-что при отправкѣ посольствъ обыкновенно выбирались житые люди отъ концовъ (хотя впрочемъ есть примѣры, что и бояре отъ концовъ выбирались). Что касается до черныхъ людей, то участіе ихъ несомнѣнно; но какъ оно совершалось, неизвѣстно: тѣ ли участвовали

[1]) Новг. Л. I, 82. 84 85. [2]) Нов. Л., 107.

кто былъ въ городѣ, или изъ волостей присылали какъ-нибудь выборныхъ. Неизвѣстно, въ какой степени, и когда, и какъ участвовали въ новгородскомъ вѣчѣ пригороды и волости. Есть указанія, что, вмѣстѣ съ Новгородцами, участвовали въ рѣшеніи дѣлъ и пригородные жители; напр. когда Всеволода изгоняли, то призывали Псковичей и Ладожанъ [1]). Въ 1270 г. совокупилась въ Новгородѣ—говоритъ лѣтописецъ — вся Новгородская волость: Ладожане, Корела, Ижора, Ладожане, Плесковичи [2]). Когда пригорожане были недовольны княземъ Патрикіемъ, то сошлись въ Новгородѣ и подняли за себя половину города [3]). Эти неясныя указанія не позволяютъ сдѣлать заключенія, что пригороды постоянно участвовали на вѣчѣ корпоративно; но несомнѣнно, что жившіе въ пригородахъ могли участвовать какъ Новгородцы, а не какъ пригорожане. Неизвѣстно, былъ ли какой-нибудь способъ повѣрки приходившихъ на вѣче, для предупрежденія прихода тѣхъ, которые права на это не имѣли. Едва ли былъ. Мѣсто отправленія собраній на воздухѣ и способъ сзыва звономъ колокола заставляютъ предполагать неудобство къ этому; притомъ же, когда вѣча собираемы были частными людьми, тамъ ужь не могло быть повѣрки. И такъ естественно, что масса рѣшала дѣло. Неизвѣстно, былъ ли какой способъ сбора голосовъ или дѣло рѣшалось par acclamation. Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили къ народу. Оно находилось у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась вѣчевая изба—т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность вѣчнаго дьяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась печать.

[1]) Новг. I, 7. [2]) Новг. I, 62. [3]) Новг. I, 93.

Печати были свинцовыя и привѣшивались къ грамотамъ снурками. Едва ли существовали постоянно одинакія печати для вѣча. На договорной грамотѣ съ тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ, XV вѣка, двѣ печати: на одной надпись: *печать новгородская*, а на оборотной сторонѣ изображеніе животнаго, похожаго на лошадь; на другой печати надпись: *печать Великаго-Новагорода*, а на оборотной сторонѣ ея, изображеніе животнаго, которое, какъ кажется, хотѣли изобразить львомъ. На разныхъ грамотахъ по нѣсколько печатей разныхъ: иногда владычняя, иногда посадниковъ и тысячскихъ. На грамотѣ 1317 г. число печатей простирается до одиннадцати. Въ старину грамоты писались съ именемъ того князя, который на ту пору княжилъ въ Новгородѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Новгородъ призналъ надъ собою верховное первенство великаго князя, вѣчевыя грамоты писались безъ имени князя — отъ имени степеннаго посадника, тысячскаго, бояръ, житыхъ и черныхъ людей и всего Великаго-Новагорода, а иногда съ приписью въ началѣ благословенія владыки. Выше было разсказано, какъ великіе князья въ XII-мъ вѣкѣ претендовали за такое отсутствіе своего имени въ грамотахъ. Независимо отъ большаго вѣча, каждый конецъ долженъ былъ имѣть свое частное вѣче: это видно изъ того, что концы писали свои грамоты, имѣли свои печати, въ случаѣ недоразумѣнія переговаривались другъ съ другомъ: это было бы невозможно безъ собраній. Обыкновенно большое вѣче сбиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворищѣ, — но также, на Софійской у св. Софіи, особенно когда дѣло шло объ избраніи владыки, или вообще о дѣлахъ церковныхъ: часто предъ такимъ вѣчемъ собиралось предварительное вѣче на Ярославовомъ дворищѣ [1]). Должно быть, вѣчевой звонъ имѣлъ что-нибудь осо-

[1]) Новг. Л. I. 116.

бое, почему можно было узнать его среди множества колоколовъ: колоколъ висѣлъ на Ярославовомъ дворѣ, на башнѣ; когда вѣче собиралось на Софійскомъ дворѣ, Дѣтинцѣ, созывали вѣче звономъ софійскаго большаго колокола.

Во Псковѣ большое вѣче имѣло тѣ же основанія, какъ и новгородское. Оно собиралось въ Крому близъ Дѣтинца. Вѣчевой колоколъ висѣлъ на башнѣ у св. Троицы.

III.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА.

Кромѣ князя, два лица были главными административными распорядителями въ Новгородѣ: посадникъ и тысячскій; ихъ имена стоятъ впереди въ грамотахъ; они представляли въ себѣ собирательную и исполнительную силу Великаго-Новгорода. Слово посадникъ извѣстно было во всей Русской Землѣ, и не составляло исключительнаго достоянія Великаго-Новгорода. Въ другихъ земляхъ посадникъ является лицомъ, имѣющимъ значеніе княжескаго намѣстника: случалось, что князь, принимая городъ и край подъ свою власть, удирживалъ его за собою тѣмъ, что сажалъ тамъ посадника. Такъ Владиміръ-Мономахъ сажалъ своихъ посадниковъ по Дунаю. Въ городѣ Владимирѣ-на-Волыни Святополкъ, захватившій этотъ городъ отъ князя Давида Игоревича, посадилъ своего посадника Василя. Когда Мстиславъ Изяславичъ занялъ Торческъ, то посадилъ тамъ посадника. Слово посадъ на южно-русскомъ языкѣ означаетъ возведеніе въ санъ, дарованіе власти. Такъ въ южно-русскихъ свадебныхъ церемоніяхъ, которыя носятъ живой образецъ удѣльнаго склада, новобрачный съ невѣстою въ знакъ почести и сажается на *посадъ*. Слово посадникъ на

югѣ и на сѣверѣ могло имѣть различное происхожденіе; на сѣверѣ оно, быть можетъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ названіемъ посадъ, означавшимъ вообще жилое мѣсто. Въ Новгородѣ и Псковѣ,—не такъ какъ на югѣ—посадникъ былъ правитель выбранный народомъ, а не назначенный княземъ: здѣсь слово посадникъ могло означать лицо управлявшее посадомъ. Тогда быть-можетъ подъ тѣми посадниками, о которыхъ говорится, что ихъ отправлялъ кіевскій князь въ Новгородъ, скорѣе слѣдуетъ разумѣть намѣстниковъ — посадниковъ въ южно-русскомъ значеніи, а не въ сѣверно-русскомъ. Но посадники новгородскіе существовали независимо отъ тѣхъ, которыхъ южныя лѣтописи именовали посадниками. Такъ Ярославъ князь былъ въ Новгородѣ [1]) и въ его пребываніе лично находился тамъ посадникъ; тогда-какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ посадникъ означалъ княжескаго намѣстника, коль скоро находился князь, посадника при немъ не было.

До окончанія свободы новгородской всегда былъ одинъ только посадникъ. Изъ того, что въ лѣтописяхъ въ послѣднія два столѣтія (XIV и XV) стали упоминаться нѣсколько посадниковъ разомъ, заключали, что число посадниковъ увеличилось: вмѣсто одного стало два; потомъ пять, наконецъ десять. Но здѣсь недоразумѣніе. Только предъ концомъ независимости упоминается о существованіи особаго владычняго посадника [2]). Посадникъ въ Новгородѣ всегда былъ одинъ. Въ древности посадники избирались на неопредѣленное время; смѣна посадника была нѣкоторымъ образомъ наказаніе. Такъ въ 1243 году умершій въ посадничеcкой должности былъ въ ней тринадцать лѣтъ [3]). Впослѣдствіи стали чаще смѣнять посадниковъ, такъ что, по свидѣтельству Ляннуа, посѣщавшаго Новгородъ въ началѣ XV-го вѣка, каж-

[1]) П. Соф. Р. Л. I, 56. [2]) А. Э. I, 70 [3]) Н. I, 54.

дый годъ происходилъ выборъ. Посадникъ оставляя должность, не лишался ея имени. Еще въ XIII вѣкѣ подъ 1257 годомъ говорится о смерти Ананія, бывшаго прежде посадникомъ, и онъ носитъ это названіе, между-тѣмъ назадъ тому былъ третій годъ, какъ онъ лишился самой должности. Въ 1417 году Юрій Онцифоровичъ названъ посадникомъ, хотя онъ былъ передъ тѣмъ болѣе года нѣмъ и, конечно, не могъ исправлять должности. Въ иномъ мѣстѣ человѣкъ, уже удалившійся въ монастырь, названъ посадникомъ только потому, что прежде посадничалъ. Такимъ-образомъ названіе посадника, прежде означавшее исключительно правителя, стало, какъ уже было объяснено, означать особое сословіе, или классъ. О единствѣ посадника правительствующаго говоритъ ясно то, что всегда и въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминается о многихъ посадникахъ въ одно и то же время, является такое лицо, которое, называясь посадникомъ, дѣйствительно управляетъ Великимъ-Новгородомъ; напримѣръ бывшіе посадники и тысячскіе сопровождаютъ въ 1416 году владыку, поѣхавшаго къ митрополиту на посвященіе въ Москву, а посадникъ съ тысячскимъ,—дѣйствительно управлявшіе,—встрѣчаютъ по ихъ возвращеніи [1]). Грамоты всегда писались отъ имени одного посадника и тысячскаго, а не многихъ. Когда упоминается о какомъ-нибудь событіи, то для объясненія, когда оно совершилось, приводится имя правившаго тогда посадника, такъ точно, какъ въ Римѣ это дѣлалось по имени консуловъ. Посадникъ правительствующій назывался степенный.

Во Псковѣ въ XV-мъ вѣкѣ было два степенныхъ посадника. Но въ XIII-мъ, XIV-мъ и первой половинѣ XV-го не видно двухъ степенныхъ посадниковъ разомъ; напротивъ, одинъ посадникъ указывается, какъ одинъ пра-

[1]) Новг. Л. I, 106.

витель для означенія времени, вмѣстѣ съ княземъ, въ такихъ выраженіяхъ: при «псковскомъ князѣ (такомъ-то), при посадникѣ (такомъ-то)»[1]). Съ конца XIV-го вѣка являются и во Псковѣ, какъ въ Новгородѣ, много лицъ носившихъ въ одно и то же время званія посадниковъ, но они отличались отъ степеннаго, который все-таки былъ одинъ. Въ 1397 году являются разомъ два посадника, Сысой и Романъ, но въ то же время упоминается о степенномъ посадникѣ, который назывался Захарій Костроминичъ[2]); также упоминаются четыре посадника въ 1406 и 1407 г.—въ послѣднемъ изъ годовъ этихъ указывается степенный посадникъ Юрій Филипповичъ[3]). Въ 1416 году во Псковѣ упоминается разомъ о четырехъ, въ 1430—о многихъ посадникахъ разомъ, когда въ то же время былъ одинъ главный—Юрій Тимофѣевичъ. При заключеніи мира, при отправкѣ посольствъ вездѣ дѣятелями посадники, но главный или степенный существуетъ особо отъ нихъ. Такъ въ 1434 году посадникъ Селиверстъ Левонтьевичъ ѣздилъ заключать миръ съ Новгородомъ, а когда пріѣхали Новгородцы во Псковъ, для окончательнаго постановленія, тамъ былъ главный или степенный посадникъ Иванъ Сидоровичъ[4]). Трудно рѣшить, упоминаемые, кромѣ степеннаго лица, носившими званіе посадники всѣ ли были старые посадники, или же быть-можетъ между ними разумѣлись нѣкоторые посадники пригородовъ, или же, кромѣ посадника степеннаго и посадниковъ въ пригородахъ, существовали еще должности съ названіемъ посадниковъ. Несомнѣнно только, что во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, бывшій разъ степеннымъ посадникомъ, по сложеніи съ себя этой должности, продолжалъ носить званіе посадника. Такъ бывшій степеннымъ посадникомъ въ 1402 году, Ефремъ, называется посадникомъ и въ 1407, хотя сте-

[1]) Пск. I, 193. [2]) Пск. I, 195. [3]) Пск. I, 197. [4]) Пск. I, 209.

пеннымъ былъ въ то время иной [1]). Носившіе званіе посадниковъ занимались разными общественными дѣлами, напр. въ 1418 году изъ числа упомянутыхъ въ 1417 г. пяти посадниковъ, одинъ занимается устройствомъ мостовой во Псковѣ, а другой со своею дружиною получилъ порученіе заключить договоръ съ Новгородцами [2]). Тамъ, гдѣ происходитъ дѣло, касающееся цѣлаго Пскова, или же производится цѣлымъ Псковомъ, всегда упоминается одинъ посадникъ, напр. въ 1442 г. по дѣлу о построеніи церкви всѣмъ Псковомъ, упоминается вмѣстѣ съ княземъ одинъ степенный посадникъ Юрій Тимофѣевичъ [3]). Въ 1450 году, хотя говорится разомъ о нѣсколькихъ посадникахъ, встрѣчавшихъ владыку Евфимія вмѣстѣ съ боярами, но для означенія времени, когда случилось это самое событіе, упоминается одинъ посадникъ съ прибавленіемъ эпитета — степенный: «при князѣ псковскомъ Васильѣ Васильевичѣ, при посадникѣ степенномъ Өедорѣ Патрикѣевичѣ». Въ 1453 году, также по поводу пріѣзда владыки, упоминается одинъ только степенный посадникъ. То же въ 1462 и въ 1463 годахъ; но въ 1464 году является въ первый разъ двое посадниковъ въ такихъ случаяхъ, когда прежде слѣдовало быть одному, какъ представителю всего Пскова на вѣчѣ, именно: цѣловали крестъ на вѣчѣ два посадника: Максимъ Ларіоновичъ и Игнатій Логиновичъ, съ сотскими [4]); а въ слѣдующемъ 1465 году упоминаются уже два посадника, съ названіемъ степенныхъ (князь псковскій Иванъ Алексадровичъ и посадники степенные — Леонтій Макарьевичъ и Тимофей Васильевичъ [5]). Посадники степенные стали часто перемѣняться во Псковѣ съ XV-го вѣка. Въ XIV-мъ мы напротивъ встрѣчаемъ одного посадника впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ

[1]) Пск. Л. I, 197. [2]) Пск. I, 202. [3]) Пск. I, 212. [4]) Пск. I, 226.
[5]) Пск. I, 229.

посадникъ Селога былъ въ этой должности въ 1327, въ 1337 и умеръ въ званіи посадника въ 1338 году [1]. Захарій Костроминичъ былъ посадникомъ въ 1395 году и пребывалъ въ этой должности до 1401 года, когда скончался [2]). Послѣ его смерти посадники стали перемѣняться чаще, но должно-быть раньше его, т. е. прежде 1395 года, посадники мѣнялись не по винѣ, а входило въ обычай недолго оставлять ихъ въ должности, потому-что при жизни и при посадничествѣ Захаріи упоминаются лица со званіемъ посадниковъ. Нерѣдко въ лѣтописи трудно бываетъ и добраться, какой изъ упоминаемыхъ разомъ нѣсколькихъ посадниковъ былъ степенный.

Случалось, что одно и то же лицо было посадникомъ нѣсколько разъ, напримѣръ: въ 1442 году былъ степеннымъ посадникомъ Юрій Тимофеевичъ; въ 1450 году былъ степеннымъ посадникомъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ, а въ 1453 снова степеннымъ былъ Юрій Тимофеевичъ. Въ 1462 г. былъ степеннымъ посадникомъ Максимъ Ларіоновичъ, но онъ вѣроятно былъ уже разъ прежде въ этой должности; потому-что въ 1456 г. отправился въ помощь Новгороду съ войскомъ и названъ посадникомъ [3]). Въ одинъ и тотъ же годъ смѣнялись и опять возводились въ должность степеннаго посадника однѣ и тѣ же лица. Такъ въ 1462 г. былъ степеннымъ посадникомъ Максимъ Ларіоновичъ, потомъ является Зиновій Михайловичъ, а осенью того же года опять Максимъ Ларіоновичъ [4]). Онъ былъ недолго, ибо въ слѣдующемъ году степеннымъ былъ Ѳедоръ Никифоровичъ, а за нимъ въ томъ жь году явился Зиновій Михайловичъ, бывшій посадникомъ въ предшествовавшемъ году.

[1]) Пск. Л. I, 186. [2]) Пск. I, 195. [3]) Пск. I, 216, 221. [4]) Пск. I, 222.

Вмѣстѣ со степеннымъ посадникомъ въ Новгородѣ обыкновенно выбирался и степенный тысяцкій, хотя это, кажется, не было закономъ. Впослѣдствіи, когда и тысяцкихъ стали выбирать часто, прежніе тысяцкіе удерживали свое названіе, и оно, также какъ и названіе посадниковъ, обратилось въ значеніе сословія: и бывшіе прежде тысяцкими, назывались старыми тысяцкими [1]). Находясь въ своей должности, посадники и тысяцкіе получали содержаніе съ особыхъ сборовъ, назначенныхъ съ нѣкоторыхъ волостей. Такъ подъ 1411 годомъ встрѣчается жалоба Терпиловскаго погоста крестьянъ на посадника и тысяцкаго вѣчу,—что они стали съ нихъ брать поборы не по старинѣ; и вѣче дало жалобникамъ грамоту, чтобъ съ нихъ брать по старинѣ. Этотъ поборъ назывался *поралье посадницe и тысяцкаго* [2]). Изъ этой грамоты видно, что Терпиловскій погостъ платитъ по 40 бѣлъ, четыре сѣва муки и 10 хлѣбовъ, и этотъ налогъ былъ неизмѣненъ по закону.

Вмѣстѣ съ владыкою, верховнымъ правителемъ церковныхъ дѣлъ и начальникомъ духовенства, степенные посадникъ и тысяцкій составляли троичность государственнаго представительства Великаго Новагорода. Когда великій князь Иванъ Даніиловичъ хотѣлъ оказать честь Великому-Новгороду, то выразилъ это тѣмъ, что сдѣлалъ пиръ для этихъ трехъ представителей его правительства.

Выше мы замѣтили, что около посадника и тысяцкаго бояре, а между ними преимущественно старые посадники и тысяцкіе составляли правительственный совѣтъ. Вѣроятно они-то назывались во Псковѣ дружиною посадниковъ [3]).

Кромѣ политическаго представительства народной власти, которое выражалось во внѣшнихъ сношеніяхъ, посад-

[1]) А. И. I, 130. [2]) А. И. I, 26. [3]) Пск. I, 193.

никъ и тысяцкій, нерѣдко въ соучастіи съ владыкою, закладывали города, завѣдывали финансами, распредѣляли начальства по волостямъ, имѣли надъ ними наблюденіе и отправляли судъ. Во Псковской судной грамотѣ указывается, что посадникъ, точто какъ и князь, не могъ отмѣнять распоряженій своего предшественника. Это простиралось вообще на рѣшенныя дѣла и правыя грамоты [1]). Пользуясь своимъ правомъ, посадникъ не могъ вести тяжбы за другаго: это распространялось не только на степеннаго, но и на всякаго, носившаго званіе посадника [2]). Нерѣдко посадники упоминаются на войнѣ, какъ предводители, но, кажется, надобно разумѣть въ такой должности старыхъ посадниковъ. Необходимо было присутствіе посадника въ городѣ, и если въ-самомъ-дѣлѣ степенные посадники ходили на войну, то вѣче должно было выбирать другаго или поручать кому-нибудь эту должность въ его отсутствіе. Она и поручалась, вѣроятно, въ такомъ случаѣ, старымъ посадникамъ. Точно также и на судѣ, вѣроятно, были посадники старые, ибо изъ судной грамоты видно, что не одинъ, а нѣсколько лицъ, носившихъ званіе посадниковъ, занималисъ потомъ судомъ [3]).

Степенный посадникъ имѣлъ свою печать, которою утверждалъ грамоты и дѣла, производимыя въ его управленіе. Старые посадники, будучи судьями и исполняя разныя служебныя порученія, считались въ общественныхъ должностяхъ, были какъ-бы помощниками степеннаго и раздѣляли ихъ трудъ. Изо Псковской судной грамоты видно,

[1]) А иному насѣдъ его судовъ не пересужати.... а князю и посаднику правыхъ грамотъ не посужати.

[2]) А посаднику всякому за друга ему не тягаться, прочъ своего орудіа.

[3]) А *кой* посадникъ, не кончавъ того суда, уѣдетъ прочъ изъ города.

что, во Псковѣ, степенный посадникъ, оставляя должность, долженъ былъ оканчивать послѣ того тѣ судныя дѣла, которыя были ими начаты во время исправленія должности [1]). Въ этомъ правилѣ заключается поводъ удерживать званіе посадника тому, кто пересталъ быть степеннымъ. Въ чемъ состояла должность тысячскаго и отличіе ея отъ должности посадника — опредѣлить трудно, потому-что во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются извѣстія о первомъ санѣ, упоминается и о послѣднемъ. Онъ участвуетъ въ заключеніи договоровъ, во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ дѣлахъ общественныхъ, предводительствуетъ войскомъ: въ послѣднемъ случаѣ быть-можетъ надобно разумѣть старыхъ тысячскихъ [2]). По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ старыхъ памятникахъ, можно заключить, что тысячскій имѣлъ спеціальное назначеніе завѣдывать преимущественно простымъ или чернымъ народомъ. Такъ въ грамотѣ Всеволода церкви Іоанна-на-Опокахъ говорится, что князь поставилъ святому Ивану отъ житыхъ людей старостъ, а отъ черныхъ тысячскаго. Судъ у тысячскаго былъ особый, чѣмъ у посадника; и когда при судѣ посадника былъ намѣстникъ великаго князя, въ судъ тысячскаго послѣдній не мѣшался. Очень можетъ быть, что это произошло отъ того, что намѣстникъ княжій присутствовалъ на судѣ для собранія части судныхъ пошлинъ, слѣдуемой князю; а такъ-какъ тысячскій судилъ черный народъ, то чернь, какъ бѣдная масса, была освобождена отъ пошлинъ. Во Псковѣ тысячскаго не было. Псковъ былъ прежде пригородомъ Новгорода, а въ пригородахъ нигдѣ не встрѣчается тысячскій. Во Псковѣ по старинѣ и осталось. Слово тысячскій конечно

[1]) А который посадникъ слѣзетъ степени своей и су орудіа и судове самому управливати, а иному насѣдъ его судовъ не пересуживати.

[2]) Новг. Л. I, 65, 74, 84, 86.

соединяется съ числовымъ дѣленіемъ у Славянъ вообще; тысяча изображаетъ не только строго это число, но неопредѣленно самое большое количество и дѣлится на сотни, изображающія меньшія и также неопредѣленныя количества. Въ договорной грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1265 году посылается поклонъ отъ посадника, тысячскаго и всѣхъ сотскихъ [1]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ неоднократно употребляется выраженіе: «а купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ, изъ этого, повидимому, можно было бы заключить, что дѣленіе по сотнямъ принадлежало собственно торговому классу: купцы были раздѣлены по сотнямъ, и, слѣдовательно, имѣли своихъ сотскихъ. Но и другіе классы также раздѣлены были на сотни. Въ 1398 году въ грамотѣ Двинской Землѣ отъ Василія Дмитріевича говорится объ одномъ сотскомъ на всю Землю [2]). Въ 1230 году имущество осужденныхъ вѣчемъ было раздѣлено *по стомъ* [3]); нельзя предполагать, чтобъ здѣсь участвовали одни купцы. Въ XV вѣкѣ упоминаются сотскіе въ каждомъ селѣ (въ грамотѣ съ Казимиромъ 1471 г. [4]). Встарину сотскіе были почетные люди и отправлялись послами, напримѣръ къ великому князю Всеволоду въ 1195 году отправлены были посадникъ и сотскій [5]).

Во Псковѣ сотскіе являются представителями Пскова во внѣшнихъ дѣлахъ и замѣняютъ тысячскаго; такъ напримѣръ въ 1464 году при заключеніи мира съ Нѣмцами цѣловали крестъ во Псковѣ степенный посадникъ и сотскіе [6]). Кажется, что званіе сотскіе имѣло два значенія: обширное и тѣсное; въ первомъ — мы встрѣчаемъ одного сотскаго на всю волость; въ Двинѣ сотскій равнялся въ своей зе-

[1]) Соб. Гос. Грам. I, 32. [2]) Арх. Эксп. I, 8.
[3]) Нов. Лѣт. I, 41. [4]) А. Э. I, 62. [5]) Новг. I, 23. [6]) Пск. Л. I, 226.

млѣ тому, что̀ значилъ тысяцкій для всего Новгородскаго-края. Сотскіе въ тѣсномъ значеніи, какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ, какъ кажется, завѣдывали порядкомъ. По-крайней-мѣрѣ впослѣдствіи, уже по уничтоженіи свободы, сотскіе, вмѣстѣ съ подчиненными имъ пятидесятскими и десятскими, наблюдали за порядкомъ, ловили воровъ и разбойниковъ, и предавали суду. Вѣроятно и прежде сотскіе въ селахъ имѣли такое же значеніе; изъ договорной грамоты Новгорода съ Иваномъ Васильевичемъ видно, что сотскіе не могли судить [1]). Во Псковской судной грамотѣ сотскіе производили обыски по дѣламъ, относящимся къ бою, грабежу и къ поземельнымъ спорамъ о границахъ: все это полицейскія обязанности. Неизвѣстно, существовали ли пятидесятскіе и десятскіе, —можетъ-быть и пятидесятскіе были; но вѣроятнѣе всего можно предположить существованіе десятскихъ, потому-что изстари—гдѣ были сотскіе, тамъ и десятскіе: напримѣръ, въ Кіевѣ въ началѣ XII вѣка; раздѣленіе по дворамъ на сотни и на десятки, которое извѣстно какъ повсемѣстное въ XVI вѣкѣ, должно быть древнее.

Кромѣ сотскихъ, существовали старосты. Учрежденіе старостъ чрезвычайно древнее, — еще подъ 1016 годомъ упоминаются старосты, ходившіе съ Ярославомъ на Святополка; о нихъ говорится вмѣстѣ съ смердами и это заставляетъ предполагать, что то были сельскіе начальники. Въ 1228 году говорится о Душильцѣ, старостѣ липинскомъ, котораго хотѣли убить Новгородцы [2]). Липна былъ одинъ изъ подгородныхъ посадовъ, слѣдовательно подгородные посады управлялись старостами. Вездѣ по волостямъ были

[1]) А. А. Э. I, 69.
[2]) Новг. Л. I, 44.

старосты, какъ это видно на Двинѣ, изъ грамоты Андрея Александровича (1294—1304г.). Въ переговорахъ послѣдняго великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ, великій князь требовалъ дани съ земледѣльцевъ и поименовалъ въ томъ числѣ старостъ. Старосты, вездѣ по общему Русскимъ понятію, были хозяйственными начальниками. Такъ, въ церкви Іоанна-на-Опокахъ уставлены были старосты отъ житыхъ людей. Въ Новгородѣ были пятиконецкіе старосты, т. е. отъ концовъ; по числу послѣднихъ ихъ было пять; они между прочимъ завѣдывали торговыми мѣрами. Надъ улицами были свои улицскіе старосты, и въ другихъ частяхъ города;—напр. въ XII-мъ вѣкѣ упоминаются *побережскіе* (въ грам. Всеволода Іоанну-на-Опокахъ) старосты. Во Псковѣ купцы дѣлились по рядамъ и каждый рядъ имѣлъ своего старосту. Во псковскихъ пригородахъ, селахъ и волостяхъ—вездѣ были старосты. Равнымъ образомъ были старосты въ губахъ—пограничныхъ волостяхъ—и назывались «губскими старостами». Старосты въ волостяхъ завѣдывали разверсткою повинностей и всякими сборами и хозяйственными расходами; отъ этого существовало выраженіе «къ старостѣ тянути», означавшее подлежаніе государственнымъ повинностямъ. Вообще, при всякомъ предпріятіи, при всякомъ соединеніи лицъ съ одной цѣлію, выбирался староста. Администрація старостъ должна быть другая, чѣмъ сотскихъ, потому-что въ судной грамотѣ говорится: «а будетъ навадка отъ конца, или отъ улицы, или отъ старосты, или отъ ряду [1]). Изъ этого видно, что раздѣленіе на сотни было особое отъ раздѣленія на концы и улицы, которыми завѣдывали старосты, а также отъ раздѣленія на ряды.

Подвойскій исправлялъ разнаго разнаго порученія; неод-

[1]) А. Арх. Экс. I, 72.

нократно является онъ гонцомъ съ объявленіемъ воли вѣча. Подвойскіе звали къ суду; какъ въ городѣ подвойскіе, такъ въ волостяхъ исправляли эту должность «позовники» [1]. Встрѣчается еще названіе «извѣтники»; судя по имени, можетъ-быть это были доносчики по преступленіямъ, какъ это существовало у южныхъ Славянъ. Для размежеванія земель, въ случаѣ спора, посылались «межники». Чиновники, извѣщавшіе народъ о распоряженіяхъ, созывавшіе на войну, назывались «биричи»: они исправляли вообще должность созывщиковъ, посыльщиковъ, а также брали подъ стражу. Биричи были какъ въ городѣ, такъ и въ волостяхъ, и побуждали къ исполненію повинностей [2]. Приставы были общее названіе лицъ, которымъ власти поручали какое-нибудь судебное или распорядительное дѣйствіе. Такимъ-образомъ, если нужно было послать въ домъ привести къ крестному цѣлованію женщину, то посланные для этого назывались «приставами». Выборные судьи на судѣ княжескаго тіуна назывались «приставами». Если тяжущіеся были недовольны судьями, или докладчиками, то брали отъ вѣча лицъ, которымъ поручалось повѣрить ихъ дѣйствія,— и эти лица назывались приставами [3]. Во Псковской судной грамотѣ, напр. «приставами» называются тѣ, которымъ отъ князя и посадника поручалось по чьей-либо жалобѣ дѣлать гдѣ-нибудь обыскъ, по поводу подозрѣнія въ воровствѣ; когда владѣлецъ жаловался на изорника, который сбѣжалъ у него съ земли, не покончивъ съ нимъ счетовъ, то бралъ у князя и посадниковъ «приставовъ», которые распоряжались, при старостахъ и стороннихъ людяхъ, продажею имущества бѣжавшаго; равнымъ образомъ «приставы» посылались для осмотра имущества умершаго безъ потомства изорника.

[1]) А. Арх. Эксп. I, 68. [2]) А. А. Э. I, 1.
[3]) А. А. Э. I, 69—72.

Вообще во всякаго рода дѣлахъ, когда надобно было посылать куда-нибудь, посланный назывался «приставомъ». Даньщики были чиновники, отправлявшіеся для собранія дани въ провинціи, неустроенныя еще по славяно-русскому образцу, и населенныя инородцами, платившими дань Великому-Новгороду. Предводители военной рати назывались вообще воеводами [1]; это имя не означало постояннаго, опредѣленнаго званія или сана, а значило военачальника вообще. Впрочемъ, когда предводительствовалъ начальникъ съ высшимъ саномъ, например, тысячскій, то другіе предводители, начальствовавшіе отрядами, назывались воеводами [2].

[1]) Новг. Л. IV, 65. [2]) Новг. Л. I, 84.

IV.

ПРИГОРОДЫ И ВОЛОСТИ.

Отношеніе пригородовъ къ метрополіи и вообще способъ ихъ управленія, представляютъ неясныя стороны. Мало знаемъ объ этомъ, и можно дѣлать заключенія только по общимъ чертамъ. Новгородъ, въ отношеніи пригородовъ, былъ господинъ; его княженіе называлось столъ. Вмѣстѣ съ пригородами онъ составлялъ единое политическое тѣло, и потому, заключая договоръ, Новгородцы цѣловали крестъ разомъ за Великій-Новгородъ и за всѣ его пригороды [1]). Въ пригородахъ были посадники. Въ лѣтописяхъ они упоминаются, при случаяхъ, въ городахъ: Русѣ, Ладогѣ, Новомъ-Торгу, Порховѣ; на Двинѣ было разомъ нѣсколько посадниковъ. Вѣроятно, они были въ каждомъ пригородѣ, управляли или охраняли его отъ непріятеля [2]). Встрѣчаются извѣстія, когда видно, что они назначались изъ Новгородцевъ, и притомъ изъ бывшихъ въ Новгородѣ посадниковъ; напр. Нѣжата, лишенный посаднической должности въ Новгородѣ въ 1161 году, былъ въ 1165 году посадникомъ въ Ладогѣ [3]). Очень мо-

[1]) Пск. Л. I, 209. [2]) Новг. Л. I, 39. [3]) Новг. Л. I, 13.

жетъ быть, что въ тѣхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ упоминаются посадники явно не степенные, разумѣлись кромѣ старыхъ, и такіе, которые, бывъ прежде на должности въ Новгородѣ, поступили потомъ куда-нибудь посадниками въ пригородъ, а объ нихъ говорится подъ общимъ именемъ новгородскихъ; на это наводитъ нѣсколько то, что, подъ 1443 годомъ, нѣкто Иванъ Васильевичъ, державшій посадничество русское (въ Русѣ), названъ новгородскимъ посадникомъ [1]). Этими назначеніями посадниковъ изъ Новгорода пригороды не всегда были довольны, коль скоро въ пригородѣ пробуждалось стремленіе управляться самобытно; такъ въ Торжкѣ не приняли посадника, присланнаго изъ Новгорода [2]). Во псковскихъ пригородахъ, по образцу псковскому, были также посадники въ каждомъ. Такъ въ 1426 году, когда Витовтъ подступилъ къ псковскому пригороду Вороночу, въ этомъ пригородѣ начальствовали и просили помощи у Псковичей два посадника [3]). Пригороды имѣли свои народные классы подъ тѣми же названіями, какъ и въ Новгородѣ, наприм. бояре новоторжскіе, купцы ладожскіе, купцы русскіе. Пригороды были главнымъ центромъ управленія приписной къ нимъ территоріи, называвшейся волостью пригорода, напримѣръ, Новоторжская волость, Лужская волость, Корельская волость — (состоявшая подъ управленіемъ корельскаго города), Вороночская волость (во Псковской Землѣ). Пригороды имѣли свой торгъ, свое торговое мѣсто, и свою патрональную церковь. Такъ Новый-Торгъ состоялъ подъ покровительствомъ Св. Спаса, Порховъ подъ покровительствомъ святаго Николы, Руса подъ покровительствомъ святаго Преображенія. Какъ въ Великомъ-Новгородѣ, такъ и въ его пригородѣ былъ свой дѣтинецъ или крѣпость, собственно

[1]) Новг. Л. IV, 122. [2]) Новг. Л. I, 45. [3]) Пск. Л. I, 204.

городъ. Постройкой его завѣдывалъ Великій-Новгородъ, а пригородъ съ своей стороны высылалъ людей для поддержки укрѣпленій въ Новгородѣ. За предѣлами дѣтинца или города, въ пригородѣ распространялся посадъ, который также былъ огороженъ, но вообще хуже города; такъ въ 1338 году Нѣмцы успѣли взять ладожскій посадъ, но города не взяли [1]). Въ пригородахъ должны были быть непремѣнно и свои вѣча. Извѣстія лѣтописныя, вообще очень скудныя во всемъ, что́ касается до пригородовъ и до волостей, упоминаютъ о вѣчѣ одинъ только разъ въ Торжкѣ [2]), и то въ смутное время; но о существованіи вѣчъ въ пригородахъ надобно предполагать, во-первыхъ, потому, что во Псковѣ они существовали въ древнія времена, когда еще Псковъ не достигъ послѣдующей независимости отъ Новгорода; во-вторыхъ, потому, что учрежденіе вѣчъ было общее не только по пригородамъ, но и по селамъ; въ третьихъ, потому, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются такія событія, когда пригороды распоряжались своими дѣлами въ значеніи мѣстнаго общества, составляющаго корпорацію. Такъ напр. Порховичи могли сами покончить съ Витовтомъ дѣло и заплатить ему 5,000 р. серебра за себя [3]). Эта сдѣлка съ Витовтомъ невозможна была безъ народнаго собранія, которое должно было и согласиться на такую сумму и разложить ее между своими членами. Также точно жители городовъ, отданныхъ въ кормленье князю Патрикію Наримунтовичу, являлись на большое вѣче въ Новгородъ жаловаться на князя. Чтобъ сойтись въ Новгородѣ, надлежало прежде собираться въ пригородахъ, и, слѣдовательно такое дѣло не могло обойтись безъ народныхъ сходокъ по, пригородамъ; сверхъ-того, какъ-скоро изъ нѣсколькихъ пригородовъ сошлись разомъ въ Новгородъ, то значитъ,

1) Новг. Л. I, 78. 2) Новг. Л. I, 80. 3) Ник. Л. VI, 121.

эти мѣстныя сходки или вѣча сносились между собою. Случай, когда Порховъ заплатилъ Витовту окупъ собственно за себя, независимо отъ того, что̀ заплатилъ тому же князю Великій-Новгородъ, указываетъ, что пригороды имѣли свою казну. Изъ этой-то казны, собранной съ волости, тянувшей къ пригороду, слѣдовала извѣстная доля въ новгородскую казну: то была обязанность пригородовъ и волостей ихъ; въ 1436 году Великія-Луки и Ржева не стали-было давать дани, и за то Новгородцы ходили на эти волости ратью [1]) и воевали Ржевскую волость, какъ непріятельскую землю; тогда пожгли всѣ ржевскія села до самаго псковскаго рубежа. Вмѣстѣ съ Новгородцами, для укрощенія Ржевы ходили ополченія Русы и Порхова. Въ этой печальной судьбѣ пригородовъ съ ихъ волостями, видно, что вѣча должны были существовать въ ихъ обычаяхъ. Конечно, поступокъ Новгородцевъ былъ вслѣдствіе открытаго сопротивленія и отказа въ платежѣ, что̀ должно было произойти только при существованіи вѣча; оттого Новгородцы , признавая возмущеніе двухъ пригородовъ дѣломъ общимъ, мірскимъ, и казнили весь міръ [2]). Во Псковской Землѣ, въ пригородахъ, также должны были собираться вѣча. Это можно видѣть въ примѣрѣ изъ событія въ 1341 году, когда Псковичи обращались къ Островичамъ съ предложеніемъ: хотятъ ли они ѣхать на войну? Островичи согласились (*яшася*) и назначили срокъ и мѣсто, гдѣ имъ сойтись со Псковичами [3]). Безъ общаго совѣщанія или вѣча въ Островѣ невозможно было такое рѣшеніе.

Въ 1347 — 1348, Новгородъ называетъ право Пскова управляться самобытно своимъ жалованьемъ: это право состояло въ томъ, что Новгородъ не назначалъ туда сво-

[1]) Пск. Л. II, 89. [2]) Новг. Л. I, 111. Въ Новг. Лѣтописи это событіе отнесенокъ)1435 году. О Великихъ-Лукахъ не говорится вовсе. [3]) Пск. Л. I, 187.

ихъ посадниковъ, не звалъ къ суду, слѣдовательно въ другихъ пригородахъ посадники были назначенные и верховный судъ въ Новгородѣ. Такъ было и во Псковской Землѣ: пригороды не имѣли права казнить смертію по своему суду безъ позволенія Пскова; такъ въ 1477 г. Опочане казнили безъ позволенія Пскова конокрада, и за это Псковъ наложилъ на Опочку въ наказаніе сто рублей, т. е. виру [1]). Какъ пригороды такъ и волости во Псковской Землѣ въ случаѣ какихъ-нибудь важныхъ предпріятій обращались за позволеніемъ къ Пскову. Такъ напримѣръ въ 1476 г. Слобожане Кокшинской волости просили у Пскова позволеніе построить городъ на рѣкѣ Лодѣ и Псковъ далъ имъ на то грамоту [2]). Въ случаѣ войны, пригороды обязаны были являться съ своими ополченіями по распоряженію большаго вѣча; но ополченіе ихъ составляло отдѣльную часть общей всеземельной рати. Оттого встрѣчаются выраженія: Ладожане, Рушане, Новоторжцы въ смыслѣ отдѣловъ войска на войнѣ. Во Псковской Землѣ вѣче приказывало чрезъ посадниковъ собраться ополченіямъ пригородовъ въ извѣстное мѣсто, и они являлись каждое со знаменемъ (стягомъ) своимъ во всемъ собственномъ вооруженіи [3]). Такимъ-образомъ сборъ рати и содержаніе лежало уже на попеченіи пригородовъ, управлявшихъ тянувшими къ нимъ волостями.

Не одинъ разъ повторяются примѣры въ новгородской исторіи, что Великій-Новгородъ отдавалъ свои пригороды въ кормленье призваннымъ князьямъ. Это мы видимъ еще въ XII вѣкѣ. Когда изъ Володимерской Земли прибѣжали въ Новгородъ изгнанники князья Мстиславъ и Ярополкъ, то перваго посадили на столѣ втораго, въ Новомъ-Торгу, а Ярослава, своего бывшаго князя, на Волокѣ-Лам-

[1]) Псков, Л. I, 254. [2]) Псков. Л. I, 252. [3]) Псков. Л. I, 279.

скомъ [1]). Князь на пригородѣ былъ въ отношеніи къ пригороду на такомъ же правѣ, какъ князь въ Новгородѣ къ Новгороду: не получалъ пригорода во владѣніе, не былъ въ немъ государемъ, а получалъ извѣстные доходы и обязывался защищать свой пригородъ въ случаѣ войны; и обыкновенно пригороды, какъ укрѣпленныя мѣста, строились въ такихъ пунктахъ, гдѣ можно было ожидать непріятеля. Оттого-то пригороды были по бо̀льшей части близко къ границамъ. Помѣщеніе особаго князя въ пригородѣ значило, что Новгородъ считаетъ необходимымъ усилить средства защиты пригорода и окружающей его волости. Если въ пригородѣ появился такимъ образомъ князь, то ничто не устанавливало на будущее время какого-нибудь права или даже обычая непремѣнно держать тамъ и впослѣдствіи князя. Тѣмъ менѣе этотъ князь имѣлъ бы на пригородъ право долѣе того времени, на какое ему уступлено управленіе. Такъ, тотъ же Ярополкъ, о которомъ сказано выше, переведенъ въ Новгородъ, и Новый-Торгъ остался безъ князя. Но послѣ въ 1245 году [2]), въ Новомъ-Торгу явился опять князь (Ярославъ Володимировичъ); чрезъ то пригородъ не пріобрѣталъ никакой особой самостоятельности и князь не получалъ надъ нимъ никакого личнаго права. Примѣры такой отдачи городовъ въ кормленья повторяются. Въ 1333 году [3]) Наримунту отдали Ладогу, Орѣховъ, Корельскій и половину Копорья—страны пограничныя. Волости эти были отданы притомъ наслѣдственно, но онѣ чрезъ то не уходили изъ-подъ власти Новгорода. Въ 1383 году сыну Наримунта, Патрикію, отданы были въ кормленье тѣ же города, кромѣ Ладоги, а потомъ отняты и даны Луга и Ладога [4]). Власть князя въ пригоро-

[1]) Новг. Л. I, 17. [2]) Новг. Л. I, 54. [3]) Новг. Л. I, 77. [4]) Новг. Л. I, 93.

дахъ, отданныхъ на кормленье, не могла расшириться до того, чтобъ сдѣлаться для него правомъ, независящимъ отъ воли Новгорода. Это доказывается тѣмъ, что когда княземъ Патрикіемъ Наримунтовичемъ стали жители пригородовъ недовольны, то явились въ Новгородъ и подняли весь городъ, и большое вѣче присудило князю другіе города; а потомъ вѣче совсѣмъ изгнало его, когда онъ оказался негоднымъ къ охраненію ввѣреннаго ему края. Тѣ же пригороды, два раза бывшіе въ кормленьи, первый разъ у Наримунта, другой у его сына, поступили въ третій разъ Симеону Ольгердовичу [1]). Самая щедрая раздача пригородовъ была въ 1404 году послѣднему князю смоленскому, Юрью: Новгородъ далъ ему тринадцать пригородовъ за крестное цѣлованіе съ его стороны (Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверскій, Корельскій, Копорье, Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Порховъ, Вышгородъ, Высокое, Кошкинъ и Городецъ [2]). Все это значило только, что Великій-Новгородъ принималъ его къ себѣ на службу и поручалъ ему свои волости въ управленіе и защиту, по тогдашнимъ правамъ и обычаямъ, съ тѣми доходами, которые шли въ пользу князя какъ-бы въ вознагражденіе за труды по управленію и охраненію ввѣреннаго ему края.

Слово волость вообще означало подвластную (волость—власть) кому бы то ни было территорію. Въ обширномъ смыслѣ вся Новгородская Земля была волостью Великаго-Новгорода; пригородъ, куда по управленію тянула окрестная территорія, имѣлъ свою волость, которая въ свою очередь распадалась на нѣсколько волостей, какъ это показываетъ выраженіе: «а се волости Новгородскіе: Волокъ со всѣми волостями» и т. п., встрѣчаемое часто въ договорахъ. Точно тоже и въ лѣтописяхъ: напр. Волокъ-Ламскій съ во-

[1]) Соф. Л. I, 243. [2]) Нов. Л. IV, 107.

лостьми, Торжокъ съ волостьми [1]). Въ тѣсномъ смыслѣ волостью называлось соединеніе поселеній, принадлежащихъ къ одному владѣнію. Въ этомъ смыслѣ различались волости новгородскія, т. е. принадлежащія Великому-Новгороду — казенныя, по теперешнему образу выраженія, — волости боярскія, волости св. Софіи, — т. е. владычнія, — волости монастырскія и волости княжескія — иначе князчина, т. е. такія, съ которыхъ доходы слѣдовали князю [2]). Въ такомъ смыслѣ погосты заключали въ себѣ волости. Въ перечисленіи волостей въ смыслѣ частей Новгородской Земли въ договорахъ не соблюдается полнота; то есть о многихъ не упоминается, вѣроятно потому, что на нихъ не было никакихъ притязаній, а упоминаются только тѣ, на которыя великіе князья ихъ оказывали. Во Псковской Землѣ кромѣ волостей существовали губы, на оконечностяхъ всей области. Край по озеру назывался Пецкая губа, по Наровѣ Наровская губа. Въ Новгородскихъ владѣніяхъ встрѣчается слово губа тоже на границахъ, напримѣръ въ Новоторжской области Спасская губа.

Обширнѣйшія и болѣе точныя единицы дѣленія новгородской территоріи были Земли, о которыхъ понятія образовались не какими-нибудь правительственными распоряженіями, а естественнымъ путемъ соображенія съ географическими и этнографическими особностями. Позднѣйшее раздѣленіе на пятины, сообразно пяти концамъ города, не существовало во времена независимости; по-крайней-мѣрѣ нигдѣ не встрѣчается названія пятинъ; но тѣ самыя территоріи, которыя составляли послѣ пятины, назывались такими собственными именами, изъ которыхъ потомъ образовались для пятинъ прилагательныя, напр. Водь, вм. Водская пятина; Шелонь, вм. Шелонская пятина и проч. Во Псковской Землѣ отношенія пригородовъ къ городу дѣй-

[1]) Новг. Л. I, 98. [2]) Новг. Л. I, 99.

ствительно представляли какую-то сообразность и какъ-бы зависимость отъ концовъ города. «Въ 1468 г. весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили [1]). Изъ этого неяснаго извѣстія видно только, что во Псковѣ конецъ города имѣлъ у себя въ завѣдываніи,—неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ и до какой степени — псковскіе пригороды. Въ новгородскомъ управленіи ничего такого не встрѣчается. Правда, въ житіи Саввы Вишерскаго разсказывается, что за полученіемъ права на землю, гдѣ онъ основалъ монастырь, онъ обращался въ Славенскій конецъ на вѣче; изъ этого заключали, что земля, которой просилъ Савва, принадлежала къ Славенскому концу, состоя въ той пятинѣ, которая находилась въ завѣдываніи этого конца. Но это мѣсто имѣетъ очевидно тотъ смыслъ, что Савва обратился къ большому вѣчу, управлявшему всемъ достояніемъ Великаго-Новагорода; а это вѣче дѣйствительно собиралось на Ярославовомъ Дворищѣ, находившемся въ Славенскомъ концѣ. Мы встрѣчаемъ не пятины, а земли. На западъ отъ Новгорода Водь,—между рѣкою Волховомъ и моремъ; неизвѣстно, включалось ли въ Водскую Землю все пространство до границъ Новгородской Земли, именно до р. Плюсы, отдѣлявшей ее отъ Псковской, и до Наровы, гдѣ она граничила съ Ливоніею;—или Водь доходила только до Луги, какъ впослѣдствіи Водская пятина. Часть этой земли по р. Ижорѣ и по Невѣ называлась Ижорою. Здѣсь были пригороды укрѣпленные: Ладога на р. Волховѣ, невдалекѣ отъ его устья, городъ, котораго основаніе теряется въ баснословной древности: каменный городъ въ немъ построенъ на горѣ, въ 1116 г. Павломъ, ладожскимъ посадникомъ [2]).

[1]) Псков. Л. I, 232.

[2]) Въ настоящее время остались отъ него чрезвычайно толстыя, сверху

Орѣшекъ, построенный въ 1323 году на Орѣховомъ островѣ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Копорье на холмѣ, надъ рѣкою Копоркою. Въ 1240 года Нѣмцы, овладѣвши Водью, построили городъ на погостѣ этого имени, съ тѣмъ, что онъ долженъ быть центромъ управленія надъ всею Водью; Новгородцы разорили его; въ 1280 г. князь Димитрій Александровичъ построилъ тамъ снова каменный городъ; въ 1282 г. Новгородцы, поссорясь съ нимъ, разорили этотъ городъ, а въ 1297 году построили опять. Яма и Луга на рѣкѣ Лугѣ,—первый ниже послѣдняго на правомъ, а послѣдній на лѣвомъ берегу (каменныя стѣны города построены въ 1384 году). На сѣверъ отъ Невы была Корельская Земля, отдѣлявшаяся отъ Шведской Финляндіи рѣкою Сестрою: здѣсь на берегу Ладожскаго озера, при впаденіи рѣки Узервы, существовалъ новгородскій пригородъ Корельскъ, центръ новгородскаго управленія надъ Корельскою Землею. Въ 1310 г. Новгородцы построили тамъ новый городъ, разметавши прежній за ветхостью. За Невою, по близости къ шведской границѣ, находился пригородъ Тиверскій. На юго-западъ отъ Новгорода была Шелонская Земля, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони. Здѣсь были пригороды: Шелонь на устьѣ Пшаги (не Мшаги ли?); Порховъ, гдѣ въ 1387 году построены каменныя

поврежденныя, стѣны изъ плиты съ четырьмя башнями. Пространство по внутренней каймѣ стѣнъ 530 шаговъ. Вся твердыня имѣетъ овальный видъ. Съ противоположной Волхову стороны она окаймлена рѣкою Ладожкою, тутъ же впадающею въ Волховъ. Въ стѣнѣ были сдѣланы потайные ходы, идущіе внизъ подъ землею. Неизвѣстно, на какое пространство тянутся эти подземелья и въ какихъ направленіяхъ; народное повѣрье ведетъ ихъ подъ Волховъ. У подошвы каменной твердыни съ юга былъ посадъ, укрѣпленный земляными насыпями, которыхъ остатки существуютъ. Вокругъ Ладоги, по обѣимъ сторонамъ ея, по берегу Волхова, равнымъ образомъ и на противоположномъ берегу, множество кургановъ, безъ сомнѣнія надгробныхъ памятниковъ языческихъ временъ,—они придаютъ самому городу и его окрестности оригинальный видъ.

стѣны, которыхъ остатки существуютъ и теперь; Высокой, выше Порхова; за Шелонью былъ пригородъ Вышгородъ близъ границы со Псковскою Землею; здѣсь Новгородская Земля, гранича къ западу со Псковскою, огибая вдавшуюся отъ послѣдней Наврежскую губу, низпускалась на югъ и, на близкой со Псковскою линіи, граничила въ древности съ Полоцкою Землею, а потомъ съ Литовскою, когда Полоцкая вошла въ составъ послѣдней: это была Ржевская волость съ пригородомъ Ржевою при озерахъ Поццо, Аршо и Рессо, при истокѣ рѣки Великой; пригородъ былъ окруженъ земляною насыпью до 400 саж. въ окружности. За нимъ слѣдовала литовская граница: Заволочье было уже за границей. Кромѣ этихъ пригородовъ, имѣвшихъ свои волости, по рѣкѣ Шелони были еще укрѣпленныя мѣста, остроги или городки въ XIII вѣкѣ, для защиты отъ Литовцевъ, построенные Александромъ Невскимъ въ 1238 году. Такъ во Псковской Лѣтописи Опока на Шелони называется городомъ. Между Шелонью, впадающею въ западный уголъ Ильмень-озера и Ловатью, впадающею въ то же озеро, на юго-восточной его сторонѣ, протекаютъ отъ юга къ сѣверу впадающія въ Ловать рѣки Рѣдья и Полиста, обѣ изъ озеръ того же названія; при соединеніи рѣкъ Полисты и Порусіи стоялъ городъ Руса, къ которому принадлежалъ край, омываемый этими рѣками. Его основаніе теряется въ доисторическихъ временахъ. О построеніи въ немъ деревяннаго укрѣпленія упоминается подъ 1201 годомъ. На западѣ отъ ней былъ пригородъ Городецъ, а у самаго озера селеніе Коростынь, знаменитое по несчастному миру, предуготовившему паденіе Новгорода; на востокъ по теченію рѣки Ловати лежали пригороды — на правой сторонѣ этой рѣки Курскъ, выше его Холмъ, и еще выше Великія-Луки по близости къ литовскимъ границамъ. Великолуцкая волость граничила къ западу со Ржевскою, а съ востока съ Торо-

пецкою волостью Смоленской Земли, съ юга съ Невельскими и Усвятскими волостьми Великаго Литовскаго княжества—въ древности Кривской Полоцкой Земли. На востокъ отъ Ловати была Дерева или Деревская Земля, заключавшая пространство между Ловатью и Мстою, изрѣзанное множествомъ рѣчекъ и протоковъ. Верхняя часть ея болотиста и неплодородна, но южная гориста и относительно плодородна, какъ и берега рѣкъ, впадающихъ въ Ловать слѣва. На берегу рѣки Явони, впадающей въ Полу, которая сливается съ Ловатью, стоялъ пригородъ Демань; на югъ простиралась Дерева до верховьевъ Волги, вытекающей изъ озера Селигера или Серегера, которое все находилось во владѣнiи новгородскомъ: юго-восточная часть ея называлась Заборовье. Ниже ея простиралась Торжковская или Новоторжская волость, тянувшая къ пригороду Торжку или Новому-Торгу. Этотъ пригородъ, вмѣстѣ съ Русою и Ладогою, составлялъ три важнѣйшихъ города въ Новгородской Землѣ послѣ столицы, какъ по населенiю, такъ и по торговлѣ. На югъ отъ Новоторжской Земли былъ пригородъ Волокъ-Ламскiй съ своими волостьми. Остается неизвѣстнымъ, былъ ли онъ связанъ съ Новоторжскою волостью полосою принадлежащей Новгороду земли черезъ нынѣшнiй Старицкiй уѣздъ, или лежалъ оазисомъ среди чужихъ владѣнiй. Земля Новгородская оканчивалась съ юга, какъ надобно думать, рѣкою Тмою, текущею на востокъ и рѣкою Кошею, текущею на западъ въ верховье Волги. Вѣроятно, упоминаемый въ лѣтописяхъ пригородъ Кошкинъ былъ на послѣдней рѣкѣ. Отъ рѣки Тмы (вѣроятно отъ ея поворота на югъ) граница новгородская шла до верхней части рѣки Медвѣдицы, потомъ на востокъ Медвѣдицею; а потомъ рѣкою Березаемъ на сѣверъ до Мологи, верховьемъ Мологи, до впаденiя въ нее Мелечи, далѣе Мелечею до ея верховьевъ, потомъ Званою и отъ Званы на сѣверо-западъ до устья Ко-

божи, а оттуда на сѣверъ до Колпи и до ея вершины. Край, заключающійся между этой восточною границею и Мстою, назывался Бѣжицами или Бѣжицкою Землею. Здѣсь былъ пригородъ Бѣжицкій-Верхъ, стоявшій на окраинѣ новгородскихъ владѣній. Вѣроятно, городокъ Палицъ или Палецъ, упоминаемый въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ, былъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ; ибо теперь тамъ есть деревня Пальцова, напоминающая названіе древняго городка. Волость Мелеча, упоминаемая въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ, указывается сама собою названіемъ рѣки Мелечи. Отъ верховья рѣки Колпи новгородская граница, раздѣляя Новгородскую волость отъ Бѣлозерской, поднималась вверхъ по верховьямъ рѣкъ: Суды, Кіамы, Вытегры, Кемы, до озера Лача; принадлежащее Новгороду пространство на сѣверозападъ отъ этой границы, начиная отъ самаго Новгорода по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера и кончаясь на востокъ рѣкою Онегою, на западѣ Ладожскимъ озеромъ и выше его рядомъ озеръ (Кучозеро, Линдозеро, Кумчезеро, Сегозеро, Шуезеро), а на сѣверѣ моремъ, называлось Обонежьемъ. Природные жители этого пространства были Корела, въ отличіе отъ западной называемая Обонежскою, и Чудь, а далѣе на сѣверъ Лопь или Лопари. Новгородскія колоніи располагались по рѣкамъ, впадающимъ въ озера— на волокѣ между двумя большими озерами: Ладожскимъ и Онежскимъ, по рѣкамъ: Пашѣ, Ойяти, Свири, Олонцѣ; на другой сторонѣ Онежскаго озера по Вытегрѣ, Водлѣ, Онегѣ. На Водлѣ существовала уже въ XV вѣкѣ Пудога—нынѣшній Пудожь, а на Онегѣ при озерѣ Лачѣ пригородъ Каргополь. За рѣкою Онегою на востокъ до Мезени простиралось Заволочье. Южная граница его шла отъ озера Лача до верховья рѣкъ Вели и Пежмы, впадающихъ въ Вагу; новгородскія поселенія располагались по этимъ рѣкамъ, а также и по ихъ притокамъ Подвигѣ или Подюгѣ и Шоношѣ; по

Вагѣ поселенія существовали отъ ея устья до верховьевъ (въ числѣ ихъ Шенкурскъ, Вельскъ, Терминскъ, Паденгскій погостъ), а съ верховьевъ Ваги было сообщеніе съ Сухоною (можетъ-быть посредствомъ рѣки Вожболя) и съ Вологдою. Пригородъ Вологда былъ конечнымъ новгородскимъ поселеніемъ важской линіи, которая низпускалась къ югу узкою полосою, бывъ окружена въ концѣ съ обѣихъ сторонъ чужими владѣніями. Новгородскія поселенія существовали по обѣимъ сторонамъ правобережныхъ важскихъ притоковъ: Колуя, Терминги и Кокшенги. Погосты и деревни этихъ рѣкъ тянули къ пригороду Емцу, находившемуся при устьѣ рѣки Емцы, впадающей въ Двину. По Емцѣ и по притоку ея Мехренгѣ были новгородскіе погосты и деревни. Они были также на Кодимѣ, впадающей въ Двину и, вѣроятно, на другихъ притокахъ съ лѣвой же стороны Двины, образующихъ волоки съ притоками Ваги. По Двинѣ новгородскіе погосты и селенія шли отъ устья Верхней-Тоймы, сплошь до устья Двины: изъ нихъ, между прочимъ, во времена независимости Новгорода существовали на лѣвой сторонѣ: Нижняя-Тойма, Заостровье, Корбала при впаденіи Ваги, Юмышъ, Моржегоры, Колея, Коскошино, пригородъ Емецъ, Кирьигоры, Чюкчинъ конецъ, Ваймуга, Матигоры, Быстрокурья, Холмогоры, Орлецъ главный городъ надъ Двинскою-Землею, Ижемское, Койдокурья, Кехта; на правой сторонѣ: Шестозеро, Хаврыгоры, Пингишъ, Прилуцкое, Челмахта, Хоченема, Чюкчелема, Чиглонимъ; на двинскихъ островахъ: Курь-островъ, Великая-Курья, Ухть-островъ, Кегъ-островъ, Княжь-островъ, Линь-островъ, Лисичь-островъ, Яковлева-Курья, Коневъ-островъ, Соломбала при морѣ; Терпиловъ погостъ; на берегу моря на западъ отъ Двины: Конечный погостъ, Уна и Ненокса; на рѣкѣ Солзѣ Солза; на Пинегѣ, впадающей съ правой стороны въ Двину: Чаколъ, Кегролъ, Чюшола, Юролъ, Пильигоры;

на волокѣ Пинемскомъ: Пекернема, Шулонема, Воепала; были поселенія по притокамъ, впадающимъ въ Пинегу: по Выѣ, Пинежкѣ, и Немьюгѣ; а также въ небольшомъ количествѣ на рѣкахъ Кулоѣ и Мезенѣ, впадающихъ въ океанъ. Далѣе на востокъ отъ Мезеня была Печорская-Земля; на югъ отъ нея, заходя восточнѣе независимой Вятской Земли, Пермская Земля, а на сѣверо-востокъ отъ нея Югра. Тамъ колоній, сколько намъ извѣстно, небыло, а туземные народы платили Новгороду дань.

Къ Заволоцкой Землѣ принадлежали и острова на Бѣломъ морѣ, изъ которыхъ значительнѣйшими были Соловецкій и Анзерскій, а за Бѣлымъ моремъ принадлежалъ къ новгородскимъ землямъ Терскій берегъ, называемый въ то время Тре, Терь и Тиръ.

Окраинныя новгородскія волости по какимъ-то стариннымъ обычаямъ состояли въ черезполосицѣ съ сосѣдями. Отсюда-то и возникли притязанія на нихъ великихъ князей, которыя вводили Новгородъ въ войны съ ними и довели его между прочими другими причинами до паденія. Еще въ 1133 году давалась дань великимъ князьямъ съ Печоры [1]). Пермская Закамская страна давала Новгороду дань, подъ именемъ—закамскаго серебра. Въ 1332 году великій князь Иванъ Даниловичъ претендовалъ на выдѣлъ себѣ изъ этой дани [2]). Изъ грамотъ, относящихся къ концу XIII и началу XIV вѣка, видно, что великіе князья имѣли право посылать въ сѣверные приморскіе края, принадлежащіе Новгороду, ватаги для поимки птицъ, а жители обязаны были давать имъ кормъ и подводы [3]). Это, вѣроятно, была древняя уступка отъ Новгорода великимъ князьямъ — верховнымъ правителямъ всѣхъ земель русскихъ.

[1]) Карамз. Т. II, пр. 171. [2]) Новг. Л. I, 76,
[3]) Ак. Арх. Эксп. I, 1.

Волокъ-Ламскій, а потомъ и Торжокъ платили половину своихъ доходовъ, слѣдуемыхъ въ новгородскую казну, великимъ князьямъ, а другую половину Новгороду. Такъ велось съ глубокой старины, что Новгородъ вознаграждалъ своихъ князей частью доходовъ съ извѣстныхъ окраинныхъ волостей. Съ усиленіемъ московскихъ великихъ князей, эти древніе обычаи подавали имъ поводъ покушаться на бо́льшее подчиненіе окраинныхъ земель и, наконецъ, на оторваніе ихъ отъ Новгорода. Великіе князья претендовали потомъ и на Бѣжецкій-Верхъ. Уже въ XIV вѣкѣ Михаилъ тверско́й захватилъ Бѣжецкій-Верхъ и посадилъ тамъ намѣстника въ 1370 г., а Димитрій Донской убилъ этого намѣстника [1]). Василій Димитріевичъ отторгнулъ отъ Новгорода разомъ Заволочье, Волокъ-Ламскій, Торжокъ и Бѣжецкій-Верхъ. Хотя онъ долженъ былъ уступить отнятое назадъ Новгороду, но впослѣдствіи, во время распрей князей московскаго дома, въ XV вѣкѣ, эти князья дѣлили между собою окраинныя новгородскія волости, какъ свою собственность. Такъ напримѣръ великій князь отдалъ Бѣжецкій-Верхъ меньшому сыну Юрія [2]). Въ 1449 году тотъ же князь отдалъ тотъ же новгородскій пригородъ Ивану Можайскому [3]), а Димитрій Шемяка въ 1447 г., плѣнивъ Василія, далъ ему въ удѣлъ Вологду [4]). Край Бѣжецкій, также какъ Новоторжскій и Волоколамскій, подвергался частымъ разореніямъ отъ сосѣдей и Новгородъ не въ силахъ былъ охранить его. Напр. въ 1446 г. Борисъ тверской напалъ на Бѣжецкій-Верхъ и впродолженіи двухъ лѣтъ потомъ разорялъ его волости, повоевавъ ихъ до двадцати [5]). Изъ актовъ, относящихся къ уступкѣ Заволочья Ивану Васильевичу, видно, что въ этой землѣ происходили столкновенія между Новгородцами съ

[1]) Ник. Л. IV, 30—31. [2]) Соф. Л. I, 266.
[3]) Соф. Л. I, 269. [4]) Соф. Л. I, 269. [5]) Новг. Л. IV, 125.

одной стороны и разными князьями и боярами великокняжескихъ земель съ другой. Земли въ Заволочьѣ занимались и Новгородцами и не Новгородцами; тамъ происходили безпрестанныя драки; на томъ основаніи, что въ нихъ селились подданные великихъ князей,—великіе князья называли ихъ своими. Не въ силахъ будучи обезопасить свои окраинныя волости и колоніи отъ сильныхъ сосѣдей, уступая великимъ князьямъ извѣстные съ нихъ доходы, Новгородцы старались по-крайней-мѣрѣ удержать ихъ въ своемъ управленіи. Сверхъ того, окраинныя волости на границѣ литовской,— Ржевская и Великолуцкая, давали дань и половину судныхъ пошлинъ [1]) литовскимъ великимъ князьямъ, а послѣдніе держали тамъ своихъ тіуновъ. Трудно рѣшить: было ли это слѣдствіе давней черезполосицы со Смоленскою и Полоцкою Землями, вошедшими въ составъ Литовской державы, или же то была ускользнувшая отъ лѣтописцевъ уступка притязаніямъ усилившихся литовскихъ князей и имѣла значеніе платы мира дѣля, т. е. за то, чтобъ не грабили и не разоряли новгородскихъ владѣній.

Въ волостяхъ сельское народонаселеніе дѣлилось на погосты. Въ договорахъ говорится, что смердъ, бывшій закладникомъ, долженъ отойти въ свой погостъ, а въ другихъ въ свой потугъ; слѣдовательно погостъ и потугъ одно и тоже. Итакъ погостъ означалъ главное мѣсто, куда тянули, то есть отбывали свои повинности и считались принадлежащими на опредѣленномъ разстояніи живущіе сельскіе жители-смерды. Туда должны были они доставлять свои налоги, поэтому слово погостъ употреблялось тоже въ смыслѣ дани или платежа налога [2]), — какъ показываетъ выраженіе *погоста не платити*. Тамъ было ихъ управленіе. Туда сходились жители деревень и селъ для раз-

[1]) Акты Зап. Росс. Т. I, 87. [2]) Собр. Госуд. грам. I, № 144.

сужденій о своихъ дѣлахъ. Но для поселянъ не было обязанностію непремѣнно пребывать въ одномъ мѣстѣ и тянуть къ такому-то погосту. Каждый имѣлъ право выйти и переселиться изъ одного погоста въ другой, но обязанъ былъ по мѣсту жительства исполнять повинности [1]). Значеніе погостовъ яснѣе, нежели происхожденіе этого слова; несомнѣнно, оно древле-славянское и однозначительно съ чешскимъ названіемъ *погостина*—торговое, большое село. Вѣроятнѣе всего, слово погостъ—однокоренное со словомъ гость и съ глаголомъ гостить,—что̀ значило торговать; ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе поселянъ, происходила и сельская торговля. Вмѣстѣ съ этимъ погостъ имѣлъ и религіозное значеніе: тамъ былъ приходскій храмъ для окрестныхъ деревень, тянувшихъ къ погосту;—въ древней Руси торговля всегда избирала себѣ дѣятельность около храмовъ или монастырей. Къ погосту принадлежали села, сельца, деревни, починки и выставки.

Названіе село, кажется, имѣло значеніе всякаго земледѣльческаго поселенія вообще; а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—селомъ, и еще чаще, сельцомъ, называлось имѣніе частнаго владѣльца, гдѣ онъ жилъ самъ или гдѣ имѣлъ усадебное заведеніе. Иногда въ селахъ и сельцахъ были церкви, построенныя хозяевами. Деревня было самое обыкновенное названіе: деревни были владычнія, монастырскія, боярскія—принадлежавшія къ боярскимъ селамъ, — поселенные на земляхъ Великаго-Новгорода и своеземцевы, т. е. частныхъ мелкихъ собственниковъ. Онѣ были не велики и состояли по бо̀льшей части изъ нѣсколькихъ дворовъ; но зато въ мѣстахъ, куда притягивалось народонаселеніе, располагались въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи. Деревни не всегда были безъ церквей; случалось, что въ

[1]) А. И. I. 26.

деревнѣ строилась церковь, а она все-таки не переставала называться деревнею. [1]. Починокъ былъ—только-что возникавшее поселеніе; выставка—выселокъ изъ прежняго. Что такое рядокъ—опредѣлить трудно. Неволинъ заключаетъ, что это были поселенія, въ которыхъ избы были построены рядомъ [2].

Сельняне, люди свободные, управлялись своими вѣчами. Изъ поселеній, тянувшихъ къ одному и тому же погосту, собирались они—преимущественно по воскреснымъ днямъ—къ церкви своего погоста. Собраніе происходило или на открытомъ воздухѣ, или въ избахъ, нарочно для того состроенныхъ при церкви; смотря по количеству собиравшихся, было по одной и по двѣ такихъ избы [3]. Здѣсь выбирали они себѣ старостъ, распоряжались сборомъ, раскладкою и исполненіемъ повинностей, обсуждали свои нужды и творили свой судъ. По отношенію къ отбываемымъ повинностямъ, принято было дѣленіе на сохи; каждая соха заключала три обжи; а обжей называлось то, что̀ можетъ выпахать одинъ человѣкъ съ одной лошадью. Повинности разлагались на сохи. Изъ грамоты на черный боръ, данной Василію Васильевичу по Новоторжской области, видно, что за соху принимались три лошади, и приравнивались съ нею нѣкоторые промыслы, напримѣръ: чанъ кожевенный, неводъ, лавка, кузница, цренъ (соляное производство); лодка; плугъ принимался за двѣ сохи, а исполовникъ за полсохи вмѣсто сохи.

[1]) О пят. Новг. IX. стр. 248.

[2]) Тамь же. Напр. деревня. Потерпѣлый рядъ, а въ немъ церковь Покровъ св Богородицы.

[3]) Да у тѣхъ же церквей на церковиыхъ земляхъ двѣ избы большія за трапезы мѣстъ, гдѣ сходягся по воскресеньямъ крестьяне... да на погостѣ изба схожая а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ.

Одерноватые, какъ люди несвободные, освобождались отъ дани. Освобождались тоже старосты, какъ люди должностные. Какая именно была обычная дань, неизвѣстно; но когда предстояла необходимость, тогда Новгородъ дѣлалъ распоряженіе собрать съ извѣстнаго количества дворовъ извѣстную сумму, напримѣръ, съ десяти дворовъ по рублю; для этого посылались нарочные, которые сбирали эту дань черезъ старостъ, въ имѣніяхъ частной собственности черезъ ключниковъ. Кромѣ платежа налоговъ, жители волостей были обязаны давать кормъ и подводы гонцамъ и подъѣздникамъ, служить въ военной службѣ по разрубкѣ, выходить на работу для постройки укрѣпленій.

Отбываемыя по опредѣленнымъ правиламъ, сосредоточенныя въ опредѣленныхъ пунктахъ, повинности назывались тягломъ, подчиненные имъ — тяглыми людьми; такимъ-образомъ, живя по деревнямъ, починкамъ, селамъ, сельняне тянули къ погостамъ и волостямъ, волости къ пригородамъ, наконецъ, всѣ пригороды и волости тянули къ Великому-Новгороду. Нѣкоторыя изъ волостей не только Великаго-Новгорода, но и монастырскихъ, и можетъ-быть боярскихъ, вмѣсто даней, которыя бы слѣдовало брать съ нихъ въ новгородскую казну, тянули тягломъ къ извѣстнымъ концамъ Новгорода [1]). Вѣроятно, такіе-то носили названія кончанскихъ и улицкихъ, которыя встрѣчаются въ судной новгородской граматѣ 1471 года. Послѣднее названіе — улицкихъ — заставляетъ предполагать, что, кромѣ тянувшихъ къ концамъ, были еще приписанные тягломъ къ улицамъ. Во Ржевской волости, гдѣ какъ было сказано, великому князю литовскому платилась половина дани

[1]) А великаго князя оброка на нихъ здѣсь не положено того для, тянуть въ конецъ Наревской.

*

и судныхъ пошлинъ, Новгородъ отдавалъ свои доходы владыкѣ, монастырямъ и своимъ боярамъ. Дань сбиралась у нихъ больше вещественными произведеніями. Нѣкоторые предметы собирались валовымъ способомъ съ погоста или волости, другіе по жеребьямъ, на которыхъ бывало по нѣскольку хозяевъ на каждомъ, напр. по пяти и по одномъ, и наконецъ, нѣкоторые съ дыма. Для образца какъ платили съ жеребьевъ—укажемъ на повинности, отправляемыя въ Будкинской и Туровской волостяхъ новгородскому владыкѣ. Съ жеребья (сколько бы ни сидѣло на немъ хозяевъ) давалось три горсти льна, хлѣбъ, полполти мяса, полбочки жита, и это возили сами крестьяне зимою. Сверхъ того, когда пріѣзжали владычніе подъѣздники, то на нихъ варили пиво. Съ другихъ жеребьевъ брали рыбною ловлею: владыка присылалъ два невода, а третій неводъ великаго князя литовскаго; крестьяне были обязаны кормить людей и лошадей, присланныхъ владыкою. Въ селеніяхъ, гдѣ доходы были уступлены Кириловскому монастырю, брали валовой доходъ безъ подѣла на жеребья: напр. на Влицахъ и на Цеблѣ, осенью брали 1 рубль, двѣстѣ бѣлокъ, двѣстѣ хлѣбовъ, двѣстѣ окороковъ мяса, двѣстѣ горстей льна; за этимъ ѣздили два раза монастырскіе подъѣздникя; и тогда жители обязаны были варить имъ пиво. Сверхъ того, бралось съ нихъ жито; если сами мужики повезутъ въ Новгородъ, то—шестьдесятъ бочекъ, а если не сами, но пріѣдутъ за житомъ посланные изъ Новгорода,—то девяносто бочекъ. Бояре получали обыкновенно пятый снопъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брали съ жеребья по три бѣлки, замѣняя ихъ, по удобству, тремя деньгами, да по горсти льна, и сверхъ того, кормъ для подъѣздника. Въ другихъ мѣстахъ брали по сыру съ дыму. Дань великому князю литовскому давалась деньгами [1]).

[1]) Акты Западн. Росс. I. 87—92.

Въ странахъ, подвластныхъ Новгороду, но заселенныхъ инородцами, повинности подвластныхъ ограничивались дачею мѣховъ. Такъ было въ Перми, Печорѣ и Югрѣ.

Налоги, назначаемые Великимъ-Новгородомъ на жителей своихъ волостей, были главнымъ источникомъ новгородской казны. Кромѣ того, доходы его составляли судныя пошлины, виры и торговыя пошлины. Судныя пошлины платили съ каждаго дѣла проигравшіе тяжбу; виры платились общинами съ убитыхъ на ихъ землѣ, когда убійца не найденъ. Для сбора судныхъ пошлинъ и виръ посылались по волостямъ тіуны, которые отбирали ихъ у судей. Половина всѣхъ виръ и судныхъ пошлинъ по Новгородской Землѣ принадлежала князю, а другая Великому-Новгороду. О торговыхъ пошлинахъ даетъ слабое и смутное понятіе жалованная грамота Троицкому монастырю (1444 — 1454 г.) Тамъ исчисляются нѣкоторыя пошлины, отъ которыхъ освобождались монастырскіе торговцы въ видѣ привилегіи: подоральное, подзорное, описчее, подъѣздное, анбарное, т. е. плата съ анбаровъ и лавокъ въ городахъ и въ торговыхъ мѣстахъ, побережное, помѣрное. Это были болѣе платы за труды, употребленные при разныхъ повѣркахъ торговыхъ оборотовъ.

Псковская Земля заключала въ себѣ полосу между рѣкою Плюсою и озерами Псковскимъ и Чудскимъ, и пространство, составляющее часть нынѣшней Псковской губерніи, именно уѣзды: Псковскій, Островскій и Опочскій; на западъ она простиралась до Нейгаузена и нынѣшней границы Лифляндской губерніи. Южный берегъ Псковскаго озера, между рѣками Медою и Великою, принадлежалъ къ ней; на востокъ она доходила до Дубровны и Вышгорода, новгородскихъ поселеній. Граница шла невдалекѣ отъ этихъ мѣстъ прямо съ сѣвера на югъ, а на югѣ она соприкасалась съ Литвою въ предѣлахъ нынѣшней Витебской

губерніи. Сѣверная часть земли ровна и болотиста, южная же лѣсиста и холмиста. Послѣдняя довольно плодородна, особенно въ урожайные годы и родитъ въ изобиліи хлѣбъ, сѣно, вособенности ленъ, который издавна воздѣлывали Псковичи, точно какъ и теперь. Эта промышленность составляла важнѣйшій источникъ народной экономіи. Земля Псковская имѣла пригороды и волости; къ пригородамъ приписывались волости и носили названія по пригороду: Велейщина, Красногородчина и пр.; но были волости и безъ пригородовъ, напр. Березская волость, Кокшинская волость. Кромѣ волостей, существовали еще губы, подъ которыми кажется понимать слѣдуетъ окрайныя земли, представлявшія собою загибы. Край сосѣдній съ новгородскою волостью, Порховщиною, называли Наврежскою губою; на озерѣ была Пецкая губа; по Наровѣ—Наровская; упоминается еще Бельская губа. Какъ и въ Новгородской Землѣ, во Псковской селъ большихъ не было; поселенія устроивались небольшими деревнями, тянувшими къ погостамъ, гдѣ были церкви, и при нихъ, вѣроятно, совершались народныя сходки. Совокупность нѣсколькихъ погостовъ съ деревнями составляла волость. Пригородовъ было двѣнадцать; они были размѣщены такъ, что опоясывали границу и явно имѣли своимъ назначеніемъ служить укрѣпленными мѣстами. Они строились на высокихъ мѣстахъ, способныхъ къ защитѣ; укрѣплялись земляными валами, нѣкоторые—каменными стѣнами. Пригороды эти были: Изборскъ [1]) на за-

[1]) На горѣ Жеравіи построенъ въ XIV в. вмѣсто стараго Изборска. Гора крута съ трехъ сторонъ; но къ сторонѣ нѣмецкой онъ защищался стѣнами и рвомъ. Въ настоящее время отъ него остались толстыя плитяныя стѣны съ шестью башнями, изъ которыхъ одна на углу четвероугольная; прочія круглы, съ узкими окнами. Внизу протекаетъ ручей, называемый Славянскіе-ручьи. На сѣверъ отъ него съ версту городище стараго Изборска съ землянымъ валомъ на холмѣ, естественно защищенномъ оврагами на западной сторонѣ; среди зарослей, съ горы съ шумомъ

падъ отъ Пскова; Кобылій городокъ у озера; Гдовъ (каменная крѣпость построена была въ немъ въ 1431); на юго-востокъ и на югъ отъ Пскова: Владимирецъ, заложенный въ 1462 г. [2]); Котелна а вмѣсто нея Выборъ, заложенный въ 1431 году въ Котелинскомъ обрубѣ [3]). Вревъ [4]); Вороночь—въ 16-ти верстахъ отъ Врева, на лѣвомъ берегу рѣки Сороти [5]); Коложе — уничтоженное великимъ

скатываотся горный ручей въ глубокомъ оврагѣ. Пространство его не велико и менѣе иного помѣщищьяго двора. На углу Городища стоитъ древняя патрональная церковь св. Николы.

[2]) На рѣкѣ Листвицѣ, очень быстрой, на высокомъ мѣстѣ покрытомъ лѣсомъ.

[3]) Близъ едва замѣтной рѣки Выборки. Городище его въ настоящее время обведено валомъ, имѣющимъ до 600 шаговъ въ окружности и до 30 въ вышину. Всходъ на него довольно крутъ. Въ срединѣ, на мѣстѣ прежней патрональной церкви, построена другая, уже новѣйшей архитектуры. Къ этому валу, съ восточиой стороны, примыкаетъ земляное закругленіе, обдѣланное изъ натуральнаго холма и отъ него идетъ холмистая линія, обдѣланная съ обѣихъ сторонъ въ валъ, и, заворачиваясь, соединяется съ натуральною горою. Пространство между этой линіею, превращенною въ валъ, и горою, съ которою онъ связуется, образуя тупой уголъ, называется до сихъ поръ посадомъ, въ воспоминаніе того, что тамъ былъ нѣкогда посадъ, защищенный такимъ образомъ съ одной стороны горою, съ другой продолговатымъ холмомъ, преобразованнымъ въ валъ. Закругленіе, примыкающее къ валу городища, называется Варвара, въ память когда-то стоявшей тамъ церкви св. Варвары. Напротивъ городища, къ югу, холмъ съ удлиненіемъ, обдѣланный также валомъ: кажется, онъ служилъ передовою защитою пригороду и посаду, въ случаѣ нападенія непріятеля. Этотъ холмъ называется Жолчь. На немъ деревянная церковь Воздвиженія.

[4]) Вревское городище занимаетъ небольшой, но высокій холмъ, возвышающійся въ видѣ стола, посреди горъ. Сама природа укрѣпляетъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ очень крутъ и въ древности былъ обдѣланъ еще круче. На вершину его вела извилистая дорога. По краямъ этого холма, наверху былъ сдѣланъ валъ, закрывавшій строенія. Вышина холма въ настоящее время 75 шаговъ, вышина вала на холмѣ, какъ можно судить по небольшому его остатку, вышиною до 15 шаговъ. Вся площадь городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину. Около этого городища внизу, раскинувшись лежалъ вревскій посадъ и преданіе сохранило память о мѣстѣ церквей (Троицкой, Ильинской, Михайловской). У самой подошвы холма на сѣверовосточной сторонѣ по преданію были лавки; противъ этого мѣста показываютъ впадину, куда будто бы былъ ходъ въ подземелье.

[5]) Нынѣ погостъ близъ села Тригорскаго. Съ рѣки представляются гла-

княземъ Витовтомъ въ 1406 году [6]). Опочка построенная вмѣсто Коложа въ 1414 году [7]); Красный,—на рѣки Сини, основанный 1464 года [8]); Велье [9]). Островъ,—названный

замъ три высокихъ живописныхъ холма. На правомъ расположено село Тригорское, на лѣвомъ погостъ съ поселеніями, а на среднемъ городище древняго пригорода. Это естественный холмъ, обдѣланный въ видѣ вала: искусство дополнило пригородную защиту. Вышина вала до 40 шаговъ, но задняя часть его поднята выше; въ окружности болѣе семисотъ шаговъ. На этомъ холмѣ церковь, кладбище и жилища церковниковъ. Объ этомъ городищѣ сохранились въ народѣ повѣрья: говорятъ, что тамъ сокрыты клады, но трудно ихъ взять, потому что привидѣнія пугаютъ того, кто станетъ ихъ вырывать; а во время пасхальной заутрени слышны подъ землею вой, вопли и звукъ оружія. Посадъ былъ разбросанъ отчасти на близь лежащемъ холмѣ, гдѣ теперь погостъ, а отчасти внизу на низкомъ мѣстѣ. Въ разстояніи одной съполовиною версты отъ него надъ Соротью искуственная возвышенность—курганъ съ часовней, въ память бывшей тамъ церкви. Вѣроятно, здѣсь было укрѣпленіе, господствовавшее надъ ходомъ по рѣкѣ; въ другомъ мѣстѣ — также возвышеніе на противоположной сторонѣ Сороти.

[6]) Въ 12-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Опочки, на чрезвычайно высокомъ, дикомъ и неприступномъ холмѣ, покрытомъ лѣсомъ. Валъ его, какъ и во Вревѣ, дополняетъ естественное укрѣпленіе. На верху холма, въ окружности имѣющаго до 800 шаговъ, есть старый переломленный каменный крестъ съ надписью, которую разобрать трудно. Въ лѣсной чащѣ яма гдѣ, какъ думаютъ, былъ ходъ въ подземелье. На мѣстѣ Коложе находили не разстаринныи вещи, серьги, копья, мѣдные образки и пр.

[7]) Опочское городище въ самомъ нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ надъ рѣкой Великой, вышиною 40 шаговъ, въ окружности 750. Въ срединѣ площадь его изрыта холмами и ямами, свидѣтельствующими о бывшихъ на ней строеніяхъ. Сохранилась память о томъ, что въ самомъ Городищѣ было четыре церкви: соборная Преображенія, Троицы, Козмы и Даміана и Сергія.

[8]) Въ 30-ти верстахъ отъ Опочки. Городище его, теперь существующее, лежитъ между рѣкою Синею и протокомъ, впадающимъ въ эту рѣку, въ окружности 515 шаговъ, имѣетъ форму неправильнаго параллелограма съ округленными углами, съуживающагося съ одной стороны, гдѣ видѣнъ входъ въ укрѣпленіе. Есть двѣ часовни на мѣстѣ двухъ бывшихъ церквей: Преображенія и Богородицы. За укрѣпленіемъ есть надгробный камень со стертой надписью «Объ этой надписи существуетъ преданіе» что кто ее разберетъ, тотъ можетъ достать кладъ, будто бы зарытый на городищѣ.

[9]) Вельское городище въ 28 верстахъ отъ Опочки, расположено на крутомъ и высокомъ холмѣ, обведенномъ валомъ для большей крутиз-

такъ потому, что замокъ или городъ его расположенъ дѣйствительно на островѣ рѣки Великой [1]), Вышгородъ, уничтоженный Нѣмцами въ 1480 году. При концѣ независимости Пскова, уже не существовало Котелны, и Коложа, Вышгорода и Кобыльяго. Псковскіе пригороды вообще, какъ видно по ихъ настоящимъ остаткамъ, были не велики и могли служить болѣе для убѣжища сосѣднимъ жителямъ, чѣмъ для постояннаго жилья большаго народонаселенія. Въ нихъ всегда находилась патрональная церковь, главная надъ всею волостью, и кромѣ ея нѣсколько церквей; тамъ жили посадники, управлявшіе волостью.

ны. Холмъ лежитъ между трехъ озеръ: съ сѣверной озеро Черное, съ южной озеро Чало, а за нимъ озеро къ югу западу Большое. Прямо на западъ, между озерами Чернымъ и Большимъ, гора, служившая передовымъ укрѣпленіемъ. На востокъ посадъ на песчаномъ мѣстѣ. Посреди городища стояла патрональная церковь св. Михаила, на мѣстѣ которой теперь построена деревянная Вся окружность 879 шаговъ, на западъ валъ съ подошвы холма 78 шаговъ, извнутри валъ, придѣланный сверху натуральнаго холма, 25 шаговъ. На сѣверной и восточной сторонахъ городъ укрѣплялся плитяною стѣною, которая въ началѣ XVIII в. разобрана; изъ кирпичей состроена церковь на посадѣ, гдѣ есть желѣзныя двери, найденныя на городищѣ. Площадь городища покрыта ямами и неровностями; подлѣ церкви большая яма; довольно большой курганъ на западной сторонѣ. Вокругъ городища до сихъ поръ совершается крестный ходъ 8-го іюля. Преданіе говоритъ, что онъ установленъ будто бы въ воспоминаніе побѣды, одержанной когда-то Вельянами надъ сосѣдями своими Красногородцами. Другой ходъ бываетъ въ память избавленія отъ мороваго повѣтрія, когда-то опустошавшаго Велье. Близъ посада на пескѣ огромныя груды человѣческихъ костей; хотя ихъ не разъ уже прикрывали пескомъ, но вѣтеръ открывалъ ихъ снова, и теперь можно видѣть черепы и кости разныхъ частей человѣческаго тѣла.

[1]) Существуютъ обломки плитяной стѣны обломками башенъ; въ одной есть потайные ходы, по срединѣ старая плитяная патрональная церковь св. Николы; на фонарѣ ея надпись вязью гласитъ о ея построеніи.

V.

ВОЕННАЯ СИЛА.

Войска, исключительно занятаго военнымъ ремесломъ, сколько извѣстно, не было. Каждый Новгородецъ и Псковичъ былъ воинъ болѣе или менѣе. И купцы появлялись въ битвахъ. Когда Изяславъ Мстиславичъ посѣтилъ Новгородъ, вызываясь охранять его противъ общаго врага, суздальскаго князя, Новгородцы сказали ему, что пойдутъ всѣ на брань, исключая посвященныхъ въ духовный санъ. Иногда въ войскѣ были только бояре, да купцы, а иногда черные люди становились въ ряды. Наборъ войска опредѣлялся вѣчемъ, и производился въ волостяхъ по сохамъ. Приговоры вѣча отправлялись по пригородамъ, оттуда по волостямъ, такъ-что въ набранномъ ополченіи различались пригорожане и волостные люди [1]). Кромѣ подвластныхъ Новгороду русскихъ жителей, набирались въ ополченіе также и инородцы, напр. Чудь, Корела, Ижора. Смотря по степени опасности и по краю, съ котораго угрожало нападеніе, Великій-Новгородъ опредѣлялъ иногда собирать опол-

[1]) Пск. 1. 224.

ченіе только съ нѣкоторыхъ своихъ волостей, напр., когда въ 1240 году Шведы напали на Ладогу: ихъ отражали Новгородцы и Ладожане. Когда въ слѣдующемъ году Шведы продолжали нападенія, то собирали силы Корелы и Ижоры [1]). Также въ 1301 году, когда князь Андрей сразился со Шведами и разрушилъ построенный ими городокъ, то въ походѣ участвовали Новгородцы и Ладожане. Въ 1256 году, по поводу нашествія Шведовъ, Новгородъ разослалъ собирать войско по всей волости. Въ 1348 году, по поводу войны со Шведами, собрана была вся область новгородская [2]). По извѣстіямъ, относящимся къ XV вѣку, во Псковѣ вѣче приговорило собрать съ четырехъ сохъ одного коннаго [3]). Въ случаѣ сопротивленія, непокорные наказывались пенями. Такъ въ 1200 году Новгородцы принуждали идти въ походъ ополченіе, собранное на Латышей, а когда ратники не хотѣли, то ихъ били и брали съ нихъ куны [4]). Впрочемъ, такіе случаи вѣроятно были рѣдки; охота къ брани вообще была въ тотъ вѣкъ у всѣхъ велика, и набиралось войска всегда много; только уже въ XV вѣкѣ воинственность охладѣла, и Новгородъ видимо не могъ собрать на свою защиту такихъ силъ, какъ въ прежніе вѣка. Войско, собранное по сохамъ, называлось «рубленое», «рубленые люди», потому-что собирались по разрубкѣ т. е. по разчисленію. Кромѣ рубленаго войска были всегда охотники; — охочіе люди, [5]). Изъ имѣній, принадлежавшихъ владыкѣ, собиралась рать, составлявшая особое владычное ополченіе — владычный полкъ. Княжеская дружина составляла также особый отдѣлъ, и называлась дружиною, въ отличіе отъ всей остальной рати, которая называлась, полкъ. Слово полкъ принималось въ обширномъ и болѣе-тѣсномъ

[1]) Новг. I, 53.

[2]) Новг. IV. 58. [3]) Псков. I, 263. [4]) Нов. I, 25. [5]) Псков. I, 192.

смыслѣ: въ первомъ оно значило все ополченіе, идущее на войну, за исключеніемъ княжеской дружины; въ последнемъ оно значило отдѣлъ войска; такъ ополченія пригородовъ и волостей составляли каждоя свой «полкъ», и назывались по мѣстности, гдѣ собраны: Ладожане, Рушане, Новгородцы, Двиняне. Войско состояло изъ пѣхоты (пѣшцы) и конницы (коневницы): и та и другая составляли часто отдѣльныя ополченія, и въ военной позиціи становились на значительное разстояніе одна отъ другой; напр. въ 1270 году, когда Новгородцы воевали противъ князя своего Ярослава, то пѣшцы стояли за Жилотугомъ, а коневницы за Городищемъ. Надъ полками начальствовали воеводы, а начальникомъ всего ополченія былъ князь. По принятому и усвоенному вѣковыми привычками понятію, онъ былъ нормальный начальникъ войска, хотя случалось, когда не было князя, то начальствовалъ старый посадникъ, или тысячскій, или вообще бояринъ. Въ войскѣ всегда были удалые, отважные молодцы — открывали бой, задирали непріятеля; они назывались «кмети» и «добрые удальцы» [1]). Каждый полкъ имѣлъ свое знамя — стягъ, котораго держался; особый стягъ былъ княжескій, особый владычный, особый у охочихъ людей. Вооруженіе у нихъ было: остроконечные шлемы на головахъ, кожаные щиты и брони: новгородскія брони такъ были тяжелы, что нерѣдко мѣшали быстротѣ движенія. Такъ въ 1343 году, въ битвѣ съ Нѣмцами, одинъ воинъ, бѣжавшій съ поля сраженія, долженъ былъ обрѣзать себѣ броню [2]). То же было на шелонской битвѣ, гдѣ бѣгущіе Новгородцы сбрасывали съ себя тяжелыя брони. Сражались мечами, сѣкирами палицами, сулицами и стрѣлами. Въ XV-мъ вѣкѣ стали употреблять пушки, но по старой привычкѣ не оставляли

[1]) Новг. I. 19. IV. 49. [2]) Новг. I. 82.

стрѣлъ и лука [1]). Для возбужденія охоты къ битвѣ ударяли въ бубны, гудѣли на трубахъ и на свистѣляхъ [2]) Когда приходилось брать укрѣпленное мѣсто, то обступали его кругомъ, и били въ стѣны орудіями, называемыми пороки: это были длинные валы. Ставили туры на колесахъ, такъ чтобы онѣ были въ уровень съ непріятельскими стѣнами, и оттуда бросали черезъ стѣны зажигательные снаряды, которые назывались огненныя приметы. Вообще жечь составляло обычный способъ войны. Добрые молодцы отправлялись въ зажитье по непріятельскимъ селамъ, брали что̀ могли, и сожигали жилища. Коль-скоро входили въ непріятельскую землю,—слѣдовало жечь.

При отправленіи въ походъ, Новгородцы всегда испрашивали благословеніе владыки и придавали священное значеніе походу. Война предпринималась какъ-бы за св. Софію и ея достояніе, потому-что Новгородъ съ его волостью былъ достояніемъ св. Софіи; вособенности войны съ иновѣрцами имѣли религіозное значеніе. Когда Довмонтъ отправлялся на брань противъ Нѣмцевъ, то клалъ мечъ свой предъ алтаремъ, и игуменъ препоясалъ его этимъ мечомъ самъ. Такимъ-образомъ воитель получилъ его какъ-бы отъ Церкви. Во время похода за войскомъ шелъ обозъ, называемый «товары». Становясь на стоянку, разставляли стражей, перемѣняя ихъ въ день и въ ночь.

Укрѣпленіе собственныхъ городовъ въ Новгородской и Псковской Земляхъ совершалось также посошною службою. Такъ, когда Михаилъ тверскій угрожалъ Новгороду, были созваны изъ пригородовъ и волостей люди для работъ: Ладожане, Рушане, Корела, Ижора; и Псковичи помогали [3]).

[1]) Псков. 1. 241. [2]) Новг. IV. 59.
[3]) Новг. 1. 71.

Во время опасности ставились по стѣнамъ и башнямъ караулы. Отражая приступъ, метали на непріятеля каменья [1]). Пригороды имѣли постоянное вооруженіе, готовое въ случаѣ нужды отбивать непріятеля. Такъ, въ 1231 году, когда Литва напала на Русу, Рушане должны были отражать нападеніе своими силами; въ 1245 года Новоторжцы преслѣдовали нападавшаго на нихъ того же непріятеля. [2]) Впрочемъ силы пригородовъ, вообще, были сами по себѣ недостаточны. Такъ въ 1257 году Торжокъ не могъ защищаться противъ литовской рати [3]). Такъ посадникъ ладожскій въ 1314 году не могъ охранить Ладоги отъ Шведовъ, и непріятели сожгли Ладогу [4]). Поэтому, въ случаѣ нападенія на пригородъ, пригорожане должны были давать знать въ столицу; а собственныхъ силъ у нихъ едва ставало на столько, чтобы удерживаться до прихода силъ присланныхъ Новгородомъ.

[1]) Псков. I, 240. [2]) Н. I, 54. IV. 37. [3]) Новг. 56. [4]) Новг. I, 70.

VI.

СУДЪ.

Говоря осудѣ въ Великомъ-Новгородѣ и Псковѣ, надобно различать изслѣдованіе дѣла или собственно судъ, называемый теперь этимъ словомъ, и исполненіе суда, что тогда называлось судомъ. Тогда проиграть процессъ какой бы то ни было, значило—платить князю и Великому-Новгороду; по этому, исполненіемъ приговора завѣдывали посадникъ и (въ древности) князь, или (впослѣдствіи), вмѣсто князя, намѣстникъ великаго князя (а въ замѣнъ намѣстника тіунъ). Тысячскій имѣлъ свой особый судъ. У посадника и тысячскаго тамъ, гдѣ они не могли быть лично сами, были свои судьи, исполнявшіе за нихъ обязанности на судѣ и собирали пошлины по правиламъ. Что касается до самаго суднаго процесса, то въ Новгородѣ въ основаніи онъ имѣлъ такой порядокъ. Спорящія стороны выбирали себѣ двухъ человѣкъ (а кто въ суду кого посадить, тотъ съ тѣмъ и вѣдается); кажется эти лица есть тѣ самыя, которыя ниже того въ той же грамотѣ называются розказчики. Эти розказчики имѣли значеніе примирителей. Они разсматривали споръ и предлагали уладить его какимъ-либо способомъ. Когда тяжущіеся на это соглашались—тяжба прекращалась сама-собою. То былъ вольный рядъ: ни князь, ни посадникъ, никакіе судьи не могли его пересуживать.

Если же розказчики не успѣвали, тогда начинался судъ. Такъ, между прочимъ наблюдалось и въ сношеніяхъ съ нѣмцами: когда нѣмецъ съ новгородцемъ поспоритъ, обѣ стороны должны представить по-двое такихъ розказчиковъ съ каждой стороны. Если они не успѣютъ уладить спора [1]), тогда уже начинали разбирать его судебнымъ порядкомъ. Въ верховномъ новгородскомъ судѣ сидѣли лица творившіе судъ [2]), да по боярину и по житому человѣку съ каждаго новгородскаго конца; они назывались, докладчики, ихъ было десять человѣкъ. Они руководили судомъ, наблюдали за его правильностію и утверждали приговоръ. Безъ нихъ нельзя было вершить суда. Въ Новгородѣ докладчики должны были съ судьями собираться три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ для судопроизводства во владычнихъ палатахъ. Вмѣстѣ съ ними были при судопроизводствѣ были приставы, которые, также какъ и докладчики, цѣловали крестъ—поступать справедливо. Учрежденіе докладчиковъ извѣстно по памятникамъ съ 1384 года. Тогда, по поводу соприкосновенія церковнаго суда и гражданскаго, установлено было, чтобъ на такомъ смѣсномъ судѣ сидѣли четыре выборные человѣка, два боярина и два житыхъ. Древность этого учрежденія неизвѣстна, но нѣтъ сомнѣнія, что оно велось изстари, съ видоизмѣненіями. Такъ въ XIV-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ на судѣ четыре человѣка, а въ XV-мъ столѣтіи десять. Самое учрежденіе, по своему смыслу, имѣетъ связь со стариннымъ обычаемъ, записаннымъ въ одномъ изъ списковъ Русской Правды, что истецъ съ отвѣтчикомъ должны были идти на изводъ передъ двѣнадцать мужей. Это былъ обычай глубокой древности, при-

[1]) Dreyer Specimen Juris lubecensis CLXXVII.

[2]) Въ Новгородѣ вообще судную власть имѣли: Посадникъ, тысячскій или ихъ судьи, владычніе судьи и иные судьи. Э. А. А. 1, 71.

надлежавшій всѣмъ славянскимъ народамъ и уступившій вездѣ наплывамъ другихъ началъ. Въ Новгородѣ онъ сохранялся полнѣе, какъ въ странѣ болѣе свободной. Отношеніе ко князьямъ произвело во всемъ организмѣ общественныхъ отправленій двоеначаліе—одна половина принадлежала собственно народу, а другая призывной власти; такъ было и въ судѣ. Но князь, какъ лицо охраняющее, пользуется только половиною дохода судебнаго; самый судъ принадлежитъ народу: представители народной совѣсти—выборные докладчики. Это было то же, что у Сербовъ «поротци» и у Чеховъ «помощники» и «очистницы». Разница между первыми и послѣдними была та, что первые были самобытные судьи, а вторые подавали мнѣнія, которыми уже суды руководились [1]). Но въ сущности и то и другое исходило изъ одного источника,—понятія о народномъ судопроизводствѣ по совѣсти. Порота въ сербскомъ судопроизводствѣ отличалась отъ царскаго суда. Для каждаго дѣла выбирались поротцы и число ихъ было различно, смотря по важности дѣла, для инаго выбирали шесть, для другаго двѣнадцать, для болѣе важнаго—двадцать четыре поротца. Они должны были присягать въ церкви. Также точно въ Венгріи, гдѣ старые славянскіе обычаи вошли въ положительныя права, въ уголовныхъ дѣлахъ выбирались двѣнадцать мужей для изслѣдованія дѣла; они должны были присягать предъ начатіемъ дѣла. Въ Новгородѣ это общеславянское учрежденіе выразилось двоякимъ образомъ: одни судьи, какъ помощники чешскіе, были выбираемы обѣими сторонами, другіе выбраны были отъ цѣлаго города, какъ блюстители правды во всѣхъ вообще дѣлахъ. Названіе докладчики въ новгородскомъ судопроизводствѣ, кажется, происходитъ не отъ значенія представить, ибо въ

[1]) Palacki; Dejine ćeske II. 322.

судной граматѣ говорится, что докладчики кончали судъ. Докладчики — «докладывали», добавляли къ суду свое мнѣніе и оно было окончательнымъ приговоромъ. Судьи изслѣдывали дѣло, а докладчики рѣшали его, и судьи должны были приказать дьяку написать протоколъ и прилагали къ нему свои печати. Правой сторонѣ выдавалась судная грамота, по которой онъ взыскивалъ свое съ обвиненнаго. Намѣстникъ и посадникъ или ихъ судьи брали пеню по правиламъ и въ этомъ-то состоялъ, судъ— то есть наказаніе, исполненіе приговора.

Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, верховный судъ принадлежалъ вѣчу, какъ надъ городомъ, такъ и надъ всею Псковскою Землею. Отъ него зависѣло оправдать и обвинить тѣхъ, которые къ нему обращались [1]). Оно назначало и отряжало судей для разбирательства пограничныхъ дѣлъ, служившихъ поводомъ ко враждѣ съ сосѣдями [2]). Кому оно поручитъ судъ по какому-нибудь дѣлу, тотъ и судья. Постоянная высшая судебная инстанція во Псковѣ былъ судъ княжій, пополамъ съ посадничьимъ; на судѣ присутствовали сотскіе. О докладчикахъ или подобныхъ представителяхъ народной совѣсти мы незнаемъ. Только по уничтоженіи вѣча великій князь уставилъ на судѣ двѣнадцать старостъ московскихъ и двѣнадцать псковскихъ — *стеречи правды*. Быть можетъ это не было тогда новымъ учрежденіемъ, а старое: только великій князь далъ въ немъ участіе и Москвичамъ. Но въ примѣрѣ княжьяго суда, представляемомъ дошедшею до насъ правою граматою отъ 1483 года [3]), значатся, кромѣ князя и посадниковъ, одни сотскіе. Если послѣдніе были полицейскими должностными лицами, то, вѣроятно, во Псковѣ понятіе о судѣ смѣшивалось съ понятіемъ объ управленіи: кто былъ облеченъ по выбору пра-

[1]) Псков. Л. I, 254. [2]) Псков. Л. I, 235. [3]) А. Ю. 3.

вительственною властію, тотъ былъ уже тѣмъ самымъ и представителемъ правды на судѣ. Судъ производился такимъ порядкомъ: спорящія стороны излагали каждая свое дѣло; сначала говорили истцы, потомъ отвѣтчики. Если дѣло подтверждалось письменными доказательствами, то ихъ представляли тутъ же. Если ссылались на свидѣтелей, то звали послѣднихъ на судъ. Если показаніе спорящихъ должно было повѣриться на мѣстѣ, для этого посылались княжескіе бояре и псковскіе сотскіе или приставы. Имъ же или другимъ лицамъ, по совмѣстному распоряженію князя и посадниковъ, поручалось привести въ исполненіе приговоръ суда. Оправданной сторонѣ выдавалась правая грамота съ двумя печатями: одна была княжеская, другая—печать посадниковъ псковскихъ. Дѣлопроизводствомъ занимался дьякъ, т. е. писалъ правую грамоту, гдѣ излагалась исторія тяжбы и приводились рѣчи тяжущихся. Этотъ судъ происходилъ на сѣняхъ у князя. Псковская судная грамота указываетъ, что судъ непремѣнно долженъ совершаться здѣсь, а никакъ не на вѣчѣ. Но были, кажется, случаи, когда судъ, происходившій на сѣняхъ у князя, былъ въ присутствіи гражданъ и образовалъ малое вѣче, называемое, въ отличіе отъ большаго, *вѣчье*. Для этого существовалъ особый колоколъ, меньше большаго вѣчеваго, висѣвшаго у Живоначальной Троицы, и назывался корсунскимъ [1]). Кромѣ этого княжескаго суда на сѣняхъ были во Псковѣ другіе суды и судьи; объ ихъ устройствѣ и отношеніяхъ мы ничего не можемъ сказать точнаго; но что были такіе судьи, доказывается извѣстіями о лицахъ, носившихъ титулъ судей; напр. подъ 1444 г. говорится о Прокопіи судьѣ, который ѣздилъ въ Ригу и Выборгъ для мирныхъ постановленій [2]).

1) Меньшой колоколъ въ корсунскаго мѣста, что на сѣни въ него звонили какъ вѣчье было. Пск. 1. 292.

2) Пск. 1. 212.

По новгородскимъ волостямъ судъ производили посадничьи и великокняжескіе тіуны, въ судебныхъ избахъ, называемыхъ одринами; но такимъ же порядкомъ, какъ въ городѣ, выбирались приставы по одному съ каждой стороны. Вѣроятно, существовали вездѣ народные суды по мѣстнымъ обычаямъ, о которыхъ до насъ не дошло подробныхъ извѣстій. Такъ-какъ великіе князья безпрестанно жаловались, что Новгородцы отнимаютъ у нихъ княжщины—(княжескія статьи дохода), то, вѣроятно, въ бо̀льшей части случаевъ великокняжескихъ тіуновъ и не было. Тіуны никакъ не были разбиратели дѣла. Даже послѣ паденія независимости, когда по Новгородской Землѣ управляли великокняжескіе намѣстники и ихъ тіуны; кромѣ ихъ были еще судьи, разбиравшіе дѣла, — предъ намѣстникомъ или тіуномъ, который на основаніи производившагося процесса оправлялъ и обвинялъ. Кромѣ судей, на судѣ были судные мужи—цѣловальники, имѣвшіе то значеніе, какъ въ самомъ Новгородѣ докладчики.

При судебномъ разсмотрѣніи дѣлъ, для доказательствъ служили грамоты, улики, послухи, свидѣтели и показанія сторонних ъ людей по разспросамъ. Псковская судная грамота показываетъ, что, при спорахъ о правѣ владѣнія, о займахъ, о покражахъ и вообще въ дѣлахъ, касающихся собственности, грамоты служили важнѣйшимъ доказательствомъ. Правая грамота, т. е. рѣшеніе суда въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ, имѣла юридическую неприкосновенность: ни князь, ни посадникъ не имѣлъ права нарушить ее, лишь бы она сама не была фальшивая. По смыслу этой правой грамоты, тяжущіеся должны были урядиться между собою; могли они, однако, урядиться и не сообразно съ приговоромъ, лишь бы у нихъ послѣдовало обоюдное согласіе: тогда составлялась рядная грамота, и она какъ и правая

оканчивала всего тяжебное дѣло. Въ ней полагалась пеня, которой подвергался тотъ, кто ее нарушить [1]). Улики (долики), т. е. очевидные признаки и свидѣтельство послуховъ (знающихъ дѣла обстоятельства) служили какъ для рѣшенія гражданскихъ исковъ, такъ и при обвиненіи въ преступленіяхъ. Послухъ не могъ ссылаться на другаго (а послуху на послуха не быть); не могъ быть послухомъ въ Новгородѣ Псковитянинъ [2]), также одерноватый или холопъ; но позволялось быть послухомъ холопу, когда тяжба велась съ холопомъ (а холопъ на холопа послухъ). Если оба тяжущіеся ссылались на одного послуха, то показаніе послуха рѣшало дѣло какъ-бы третейскаго судьи. Въ противномъ случаѣ, если одинъ изъ истцовъ отрицалъ послуха, то могъ вызвать его на судебный поединокъ (поле, Божія правда) или заставить присягнуть (рота). Выгода предоставлялась въ этомъ случаѣ тяжущемуся, ибо вызывалъ онъ, а не послухъ, и если самъ онъ былъ нездоровъ, или старъ, или слишкомъ молодъ противъ послуха, или принадлежалъ къ духовному званію, то имѣлъ право поставить противъ него наймита. Послухъ долженъ былъ выходить на поединокъ самъ лично, а ставить за себя другаго ему не позволялось. Если судились женщины, то присуждалось поле женщинѣ съ женщиною, но ужь тогда женщина никакъ не могла противъ соперницы назначить наймита. Впрочемъ псковская грамота дозволяетъ при спорахъ о долгахъ нанимать наймитовъ обѣимъ женщинамъ. Вообще наблюдалось правило, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, чтобъ боецъ шелъ на бойца, а небоецъ на небойца. Поле и присяга (рота) вообще слу-

[1]) А. Ю. 263. 270.

[2]) Это, кажется, было только временно, по случаю распрей Новгорода со Псковомъ.

жили средствомъ открытія истины, когда нельзя было ее доискаться юридическимъ путемъ. Полемъ завѣдывали приставы, получавшіе за то опредѣленную плату съ побѣжденнаго. По юридическому значенію поля, оно не должно было оканчиваться убійствомъ. Было достаточно, когда одинъ другаго повалитъ на землю; тогда побѣдитель бралъ съ побѣжденнаго свой искъ и сверхъ-того снималъ съ него доспѣхъ. Бились чаще всего дубинами; но изъ извѣстій, относящихся къ XVI вѣку, видно, что употреблялись короткіе мечи о двухъ остреяхъ съ отверзтіемъ посреди, куда вкладывалась рука, также топоры; сражающіеся надѣвали на себя кольчуги и латы. Поле присужалось обыкновенно тогда, когда отвѣтчикъ почему-либо признавалъ невѣрными письменныя свидѣтельства, представленныя истцомъ, или ихъ недоставало, но были какія-нибудь данныя, не дозволяющія признавать иска совершенно лишеннымъ основанія, или же когда отвѣтчикъ не признавалъ свидѣтельства послуха и съ нимъ вступалъ въ поединокъ. Обыкновенно вызовъ на бой съ истцомъ предоставлялся отвѣтчику, и при этомъ онъ имѣлъ возможность выбирать что-нибудь для предложенія: или поле, или крестное цѣлованіе — роту. Если дѣло шло о вещи, то онъ клалъ эту вещь у креста и потому вошло въ обычай выраженіе: у креста положить, т. е. предложить присягу (роту). Рота много разъ была порицаема духовенствомъ. Архіепископъ Іоаннъ II въ началѣ XV вѣка установилъ, вмѣсто цѣлованія креста, въ дѣлахъ о пропажахъ и покражахъ, ходить къ иконѣ св. Исповѣдникъ Гурія, Самона и Авива, которой приписывалась благодать открывать похитителей. Вѣрованіе это возникло послѣ какого-то знаменія, бывшаго 21 декабря 1410 года отъ этой иконы, по поводу похищенныхъ церковныхъ сосудовъ; похитители были обличены предъ этою иконой. У стѣнъ св. Софіи построена была маленькая церковь св. Гурія, Самона и Ави-

ва, и тамъ-то, вѣроятно, сходились ротники. Священникъ служилъ литургію на просфорѣ, нарочно для того приготовленной, съ изображеніемъ крестообразно-расположенныхъ четырехъ крестовъ. Три раза:—первый—при входѣ въ церковь, второй—предъ иконою св. Исповѣдникъ, а третій —вынимая частицу изъ просфоры,—читалъ онъ молитву св. исповѣдникамъ, сочиненную архіепископомъ. Кромѣ-того, для узнанія истины, двумъ тяжущимся давали съѣсть хлѣбецъ съ написаннымъ на немъ Божіимъ именемъ. Кто съѣдалъ, тотъ тѣмъ показывалъ свою правоту; а кто былъ виновенъ, тотъ не рѣшался съѣсть его; кто же отказывался идти къ хлѣбцу вовсе, того—признавали виновнымъ безъ Божія и безъ мірскаго суда. Архіепископъ учреждалъ такой способъ прибѣганія къ религіи ради открытія преступленій и въ то же время запрещалъ ходить на роту [1]). Въ поземельныхъ спорахъ существовалъ обычай, приближающійся къ ротѣ: обычай ходить съ иконою по межѣ спорной земли; этотъ обычай былъ равносиленъ полю; истецъ могъ предлагать то или другое. Прошедшій по межѣ съ иконою оправдывался, если только судьи находили возможнымъ допустить это. Во Псковѣ пособники не допускались; каждый долженъ былъ заботиться только о собственномъ дѣлѣ; только за женщину, малолѣтняго, чернеца, черницу, стараго и глухаго могли явиться въ судъ пособники. По новгородской судной граматѣ также запрещается ходить толпою въ судъ въ качествѣ пособниковъ, для предупрежденія *навадки*, но въ каждой тяжбѣ было, какъ сказано, двое розказчиковъ, которые, такимъ образомъ, были пособниками дѣла. Они были отъ конца, или улицы, или сотни, или отъ ряду, куда тяжущіеся принадлежали. Въ Новгородѣ, кромѣ цѣлованія креста въ значеніи роты, истецъ и отвѣтчикъ предъ нача-

[1]) Дух. вѣстникъ 1862. февр. VIII, 33.

тіемъ дѣла должны были цѣловать крестъ. Каждый долженъ былъ цѣловать крестъ самъ за себя; но сынъ за мать, а мужъ за жену могли исполнить крестное цѣлованіе, когда дѣло шло объ имуществѣ, принадлежавшемъ такой особѣ женскаго пола. Сверхъ-того, каждый вмѣсто себя могъ послать другаго,—«отвѣтчика», т. е. довѣреннаго. По отрывочности новгородской судной грамоты, невозможно доискаться подробностей, которыми руководились при судѣ.

Замѣчательно, что новгородская судная грамота принимаетъ мѣры, чтобъ дѣло не затягивалось. Нельзя было запутывать тяжбы, примѣшивая къ ней другія дѣла; надлежало окончить одно дѣло, а потомъ уже изслѣдовать другое. Когда рѣчь шла о землѣ и истецъ требовалъ повѣрки на мѣстѣ, то, чтобъ дѣло не затягивалось, выдавалась срочная грамота, опредѣлявшая время по разнымъ пространствамъ: полагалось на сто верстъ три недѣли, и если срокъ протягивался долѣе, то дѣло проигрывалось. Вообще дѣла о земляхъ не должны тянуться долѣе двухъ мѣсяцевъ, а дѣло, которое могло разсмотрѣться внутри города,—не болѣе одного мѣсяца. Если одинъ изъ тяжущихся являлся, другой медлилъ, то послѣдній проигрывалъ дѣло. Съ другой стороны, докладчики, безъ которыхъ не могло производиться дѣло, подвергались штрафу, когда не являлись въ судъ, а если не рѣшали дѣла въ опредѣленное время, то истецъ могъ обратиться къ Великому-Новгороду и взять отъ него приставовъ, которые уже судили самыхъ докладчиковъ и при себѣ заставляли рѣшать дѣло. Точно также, если дѣло замедляли судьи, истецъ имѣлъ право брать отъ Великаго-Новгорода приставовъ на судей.

По отношенію къ сословіямъ и состояніямъ, юридическія новгородскія понятія соблюдали строгое равенство на судѣ [1])

[1]) А судити всѣхъ равно, какъ бояршна, такъ житьего, такъ и молодчаго человѣка—А. Э. 1. 69.

Никто не могъ быть арестованъ безъ суда; подлежавшій суду получалъ извѣщеніе и если не являлся, то слѣдовало другое, наконецъ третье; и только послѣ того не являясь, онъ лишался своего иска. Если онъ назначалъ день, когда явится въ судъ, его не безпокоили, но болѣе трехъ дней не могъ онъ медлить. Послѣ выдачи судной грамоты, если обвиненный могъ уладить дѣло мирно съ судьями и приставами, ему давался льготный мѣсяцъ, въ который его не задерживали; онъ имѣлъ возможность безъ принужденія самъ исполнить приговоръ суда или иначе сойтись съ противникомъ; по прошествіи этого мѣсяца, если онъ не исполнилъ присужденія, посылались за нимъ пристава и принуждали. Въ случаѣ, когда онъ уклонялся и хоронился, то подвергался казни всѣмъ Великимъ-Новгородомъ.

Нигдѣ не видно употребленія пытки. Не существовало тѣлеснаго наказанія, исключая холопу, котораго могъ бить господинъ за вину. Только въ послѣдніе годы независимости Пскова, появился тамъ московскій кнутъ, какъ предвѣстникъ разрушенія стараго свободнаго порядка [1]. Обыкновенно наказаніе состояло въ денежной пенѣ, а за тяжкія преступленія слѣдовала смертная казнь. Въ такомъ случаѣ преступника отдавали истцу, и тотъ собиралъ гражданъ и предавалъ его казни. Уголовныя дѣла противъ личности имѣли значеніе гражданскихъ; начинались тяжбы, и обвиненный отдавался головою обиженному, который могъ съ нимъ поступить по закону, но могъ и простить. Судъ надъ измѣнниками и преступниками, виновными противъ общественнаго спокойствія, принадлежалъ вѣчу: преступника судилъ и казнилъ весь Великій-Новгородъ. Судъ и казни общественныя такъ похожи на народныя возстанія, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ не всегда можно рѣ-

¹) Пск. Л. I, 269, 282.

Bayerische Staatsbibliothek München

шить, гдѣ было возстаніе и гдѣ судъ, и одно отъ другаго отличалось только бо́льшимъ или ме́ньшимъ участіемъ всей народной массы въ негодованіи къ осужденнымъ. По старинному понятію было два рода тяжкой народной казни: смертная и пограбленіе или отдача на потокъ; третій родъ казни была ссылка; она встрѣчается въ лѣтописяхъ однажды, надъ Якуномъ, котораго въ 1141 году сослали въ Чудь. Но такъ-какъ передъ тѣмъ его ограбили, то быть-можетъ ссылка эта была уже обычнымъ послѣдствіемъ отдачи на потокъ. Обычная смертная казнь въ Новгородѣ была утопленіе: осужденнаго сбрасывали съ моста. Но сверхъ-того, существовалъ также обычай вѣшать; впрочемъ, сколько можно замѣтить, вѣшали только во время походовъ измѣнниковъ; въ Двинской Землѣ вора пойманнаго въ третій разъ въ кражѣ вѣшали [1]), и вообще всякаго вора, хотя бы и въ первый разъ уличеннаго, пятнали. Во Псковѣ повѣшеніе было такою же обычною казнью [2]), какъ въ Новгородѣ утопленіе, и нигдѣ не видно, чтобы во Псковѣ топили. Смертная казнь, по Псковской судной грамотѣ, постигала церковнаго вора, всякаго вора, уличеннаго въ воровствѣ трижды, зажигателя и перевѣтника (измѣнника). Сожженію предавали зажигателей и волшебниковъ. Во Псковѣ пойманнаго въ поджогѣ Чухну, въ 1496 году, сожгли [3]). Въ Новгородѣ, во время сильныхъ пожаровъ, народъ въ ожесточеніи бросалъ въ огонь подозрительныхъ и часто невинно; это было больше слѣдствіе раздраженія, чѣмъ народный судъ и казнь, тѣмъ болѣе, что тогда же подозрѣваемыхъ въ поджигательствѣ не только жгли, но и топили; слѣдовательно изъ этого нельзя еще заключить, чтобы въ Новгородѣ по суду слѣдовала зажигателямъ такая казнь.

[1]) А. И. I, 70.
[2]) Псков. Л. I, 205.
[3]) Псков. Л. I, 270.

Bayerische Staatsbibliothek München

Сожженіе за волшебство встрѣчается только одинъ разъ въ Новгородѣ и одинъ разъ во Псковѣ. Въ Новгородѣ въ 1227 году сожгли на Ярославовомъ дворищѣ, слѣдовательно по приговору вѣча, четырехъ волхвовъ [1]), а во Псковѣ въ 1411 году сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ [2]). Эти казни, столь обычныя на западѣ, кажется, оттуда перешли къ намъ, однако не вошли въ обычай; и два случая, приводимые въ лѣтописяхъ, вѣроятно, были исключительными, вособенности въ Новгородѣ; ибо лѣтописецъ, сообщивъ извѣстіе о сожженіи четырехъ волхвовъ, прибавилъ сомнѣніе въ ихъ виновности и неодобреніе этого поступка, и, безъ сомнѣнія, высказалъ тогдашній нравственный взглядъ въ этомъ отношеніи (творяхуть е потворы дѣюще, а то Богъ вѣсть). Во Псковѣ въ послѣдній годъ свободы (1510) казнили сожженіемъ за кражу общественной казны [3]). Другаго рода казнь—отдача на потокъ, состояла въ томъ, что народная толпа бросалась на дворъ осужденнаго и расхватывала его имущество, самый дворъ и хоромы разносили, иногда выжигали; его имѣніе конфисковали. Иногда, при этомъ, самого виновнаго убивали, а чаще изгоняли со всѣмъ семействомъ и даже съ роднею, напримѣръ съ братьями, племянниками и вообще близкими по крови. Иногда отдача на потокъ—разграбленіе постигало семейства тѣхъ, которыхъ уже сбросили съ моста. Такъ въ 1418 году одного боярина свергнули въ воду и потомъ разграбили его домъ [4]). Когда потокъ происходилъ юридическимъ образомъ, то раздѣлъ имущества осужденнаго велся правильно, по городовому дѣленію; такъ въ 1230 году ограбили Водовика, Семена Борисовича и другихъ бояръ, и раздѣлили ихъ достояніе по сотнямъ [5]). Въ 1209 году разграбленъ былъ дворъ

[1]) Н. Л. I, 42. [2]) Пск. Л. III, 22. [3]) Пок. Л. I, 283.
[4]) Н. Л. I, 107. [5]) Н. I, 46.

Мирошки и Дмитрія и тогда избытокъ раздѣленъ былъ по *зубу* по три гривны [1]).

Въ разрядъ имущества, подлежащаго дѣлежу, входили и села, и рабы, и скотъ; все это оцѣнивалось, продавалось и дѣлилось на каждый дворъ, сколько придется. Слово избытокъ» (избытокъ раздѣлиша) побуждаетъ предполагать, что не вся сумма проданнаго имѣнія дѣлилась: можетъ-быть извѣстная часть шла въ новгородскую казну, и также князю. При такомъ всеобщемъ дѣлежѣ и расхватѣ, случалось, схватывали и тайно, какъ объ этомъ и упоминается въ лѣтописи [2]). Такъ, по замѣчанію лѣтописца, одни трудились, другіе входили въ ихъ труды. Остается неизвѣстнымъ порядокъ такого расхвата имущества осужденныхъ, право участія въ немъ тѣхъ или другихъ гражданъ. Изъ примѣра 1230 г. мы узнаемъ, что имущества эти дѣлили по сотнямъ. Значитъ ли это, что участвовать въ дѣлежѣ могли только тѣ, которые принадлежали къ той сотнѣ, въ которой состоялъ осужденный, и всегда ли такъ соблюдалось, или же расхватанное имущество доставаться могло юридическимъ путемъ жителямъ по концамъ и улицамъ, гдѣ жили виновные? Неизвѣстно.

Возможность наживаться на счетъ другихъ была поводомъ къ тому, что въ Новгородѣ постоянно находились «ябедники, возмутители, которые легко подговаривали другихъ, составляли кружокъ изъ черныхъ людей, звонили на вѣче и обвиняли богатыхъ и вліятельныхъ бояръ, то въ перевѣтѣ, то въ неправомъ судѣ и въ насиліяхъ бѣднымъ людямъ. Вообще Новгородцы не отличались ни кровожадностію, ни мстительностію: случалось, что осужденный на смерть преступникъ возбуж-

[1]) Новг. Л. 1, 30. [2]) Аще кто потаи похитилъ, а единъ Богъ вѣдаетъ: отъ того мнози разбогатѣша.

далъ своими просьбами состраданіе, особенно если уважаемые люди подавали за него голосъ; и осужденнаго освобождали отъ смерти и позволяли вступить ему въ монастырь — душу на покаяніе отпускали. Такъ одного изъ двинскихъ измѣнниковъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, избавили отъ Волхова, а потомъ такъ слабо стерегли его въ монастырѣ, что онъ могъ оттуда уйти и опять враждебно дѣйствовать противъ Новгорода. Бывало даже, осужденный и ограбленный, случайно ускользнувшій отъ смерти, опять былъ въ чести у народа; такъ случилось съ посадникомъ Якуномъ; онъ не только потерялъ все достояніе, отданное на потокъ, но и самъ былъ брошенъ съ моста и, случайно спасшись отъ смерти, впослѣдствіи былъ посадникомъ. Въ новгородскомъ народѣ была сильная впечатлительность, быстрая воспріимчивость, недостатокъ обдуманности; дѣлали по первому побужденію и послѣ сознавали, что дѣлали не въ-попадъ. Какъ толпа производила иногда свой судъ, можно видѣть изъ примѣра серебрянаго ливца Ѳедора Жеребца, въ 1447 году: его уличили въ неправильномъ приготовленіи рублей, призвали на вѣче, стали поить и допрашивать; онъ оговорилъ восемьнадцать человѣкъ, что они заказывали ему дѣлать рубли не по узаконеннымъ правиламъ; тѣхъ схватили, — однихъ сбросили съ моста, у другихъ ограбили домы [1]). Не видно, чтобы при этомъ было строго изслѣдовано показаніе Ѳедора Жеребца: Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—весь городъ былъ въ сѣтованіи, а ябедники и посульники радовались: стоило только на кого-нибудь сказать и тотчасъ предавали того смерти, а имѣніе его, обыкновенно спрятанное въ церкви, разграбляли. И прежде подобное случалось, когда народъ буйствовалъ, не разсуждая, по первому впечатлѣнію. Въ 1316

[1]) Новг. Л. IV, 126.

году, нѣкто Данилъ Писцовъ былъ убитъ своимъ холопомъ и убійца остался безъ наказанія, объявивъ гражданамъ, что его господинъ держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю [1]. Такимъ-образомъ правило, чтобъ холопу не вѣрить, когда онъ будетъ говорить на господина, правило, которымъ стѣсняли Новгородцы своихъ князей, не имѣло приложенія на вѣчѣ; тамъ, напротивъ, низшій и бѣдный скорѣе могъ быть оправданъ въ дѣлѣ съ богатымъ и сильнымъ, по естественной злобѣ толпы къ тѣмъ, которые надъ нею возвышаются. Лѣтописцы нерѣдко указываютъ, что народный судъ постигалъ невинныхъ. Въ 1137 году предавали потоку и разграбленію приверженцевъ Всеволода. Тогда, — говоритъ лѣтописецъ—«сягоша и невиноватыхъ» [2]. Въ 1194 году, когда возвратились новгородскіе отряды изъ несчастнаго похода въ Югру, Новгородцы, раздосадованные неудачею, нѣсколькихъ человѣкъ убили, другихъ обложили денежною пенею; на нихъ взводили, что они погубили свою братью въ походѣ;—но видно преступленіе не было доказано, потому что лѣтописецъ прибавляетъ: «а то Богови судити!» [3]. Подъ 1208 годомъ разсказывается о сверженіи съ моста невиннаго Олексы Сбыславича; на другой день, въ обличеніе несправедливости народнаго суда, заплакала Богородица у св. Якова въ Неревскомъ концѣ [4]. Во время пожаровъ, раздраженная толпа, подозрѣвая, что городъ зажигаютъ злодѣи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, обращала злобу свою на всякаго, кто мало-мальски навлекалъ ея нерасположеніе; напримѣръ, въ 1442 году [5], послѣ сильнаго пожара, народъ схватилъ нѣкоторыхъ лицъ: однихъ бросалъ въ огонь, другихъ съ мосту въ воду. Какія причины иногда руководили народомъ, можно видѣть изъ

[1]) Новг. Л. I, 71. [2]) Новг. Л. I, 8. [3]) Новг. I, 22. [4]) Новг. Л. і, 30. [5]) Новг. Л. I, 114; IV, 122.

примѣра надъ архіепископомъ Арсеніемъ въ 1228 году:—черному народу вообразилось, что изъ-за него стоитъ долго тепло осенью; ибо онъ, какъ говорили, неправильно поступилъ въ архіепископскій санъ; и его выгнали съ безчестіемъ [1]). Подобно тому, во Псковѣ въ 1407 году изгнали князя Данила Александровича по случаю мора; Псковичи укоряли его, будто бы изъ-за него постигъ ихъ моръ [2]).

Неудивительно, что при такомъ образѣ народнаго суда, лѣтописецъ жалуется на неправосудіе въ новгородскихъ волостяхъ въ XV вѣкѣ [3]). Тогда—говоритъ онъ,—въ Новгородѣ не было ни правды, ни справедливаго суда; возстали ябедники, устраивали *четы и обѣты* и цѣловали на неправду; и стали грабить по селамъ и на волостяхъ и по городу; и стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было разореніе и частные поборы, крикъ и рыданіе, и вопль, и проклятія людей на нашихъ старѣйшинъ и на нашъ городъ; ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія».

[1]) Новг. Л. I, 44. [2]) Псков. Л. I, 981. [3]) Новг. IV, 126.

VII.

УСОБИЦЫ.

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили раздоры, и молодшіе или черные враждовали со старѣйшими и богатыми. Люди, которые успѣвали возвышаться, тотчасъ возбуждали противъ себя злобу низшихъ. Начальники, уже потому, что облечены были властію, подвергались неудовольствію черныхъ людей. Начало личной свободы было всегда духомъ общественной жизни и взаимныхъ отношеній. Перевѣсъ общинной воли не подавилъ его до конца. Тѣ же черные люди, которые злобствовали на богатыхъ и вліятельныхъ, сами же помогали ихъ возвышенію и оказывали имъ честь и повиновеніе, пока послѣдніе не раздражали массы и не наживали себѣ завистниковъ и обиженныхъ мстителей. Народъ озлоблялся противъ бояръ, но никто не думалъ, чтобъ можно было не быть боярамъ. Нехороши бояре; надѣются — другіе будутъ лучше. Бѣдный завидуетъ богачу и когда чувствуетъ отъ него оскорбленіе и презрѣніе, готовъ разграбить его; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что такъ свѣтъ созданъ, чтобы были богатые и бѣдные, и самъ, разумѣется, желаетъ лучше быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ. Уравнивающее начало народной воли не уничтожило и родоваго начала. Уважалось происхожденіе. Внукъ помнилъ дѣда и народъ признавалъ за нимъ святость этого воспоминанія. Христіанская религія должна была способствовать поддержкѣ чести происхожденія установлені-

емъ порядка кровно-семейныхъ связей. Византійскія понятія о благородствѣ прививались къ древнимъ славянскимъ родовымъ понятіямъ.

О временахъ, болѣе отъ насъ отдаленныхъ, предшествовавшихъ XII вѣку, историческія извѣстія такъ скудны, что не осталось ничего о существованіи въ древности такой же борьбы старѣйшихъ съ молодшими, бояръ съ чернью, какая является впослѣдствіи. Еще меньше можно, по той же скудости источниковъ вообще, даже и въ послѣдующія времена, прослѣдить постепенность этой борьбы, ея видоизмѣненія и поводы къ нимъ. Однако изъ короткихъ, отрывочныхъ извѣстій и смутныхъ преданій старины можно ощупью уловить, и въ эти темныя времена, слѣды той же борьбы, которая рѣзкими чертами является въ послѣдующіе вѣка, о которыхъ извѣстія дошли до насъ полнѣе. Еще до прибытія прусско-варяжскихъ князей, возставалъ родъ на родъ. Когда Перуна низвергли въ воду, онъ бросилъ палку на мостъ и заповѣдалъ Новгородцамъ биться между собою. Преданіе это показываетъ, что въ памяти Новгородцевъ ихъ раздоры были очень древними. Народъ этимъ какъ-бы хотѣлъ сказать, что, по его понятію, то же и при дѣдахъ дѣлалось, что̀ послѣ. По неяснымъ чертамъ можно видѣть не только вражду равныхъ партій, но и борьбу старѣйшихъ съ меньшими, въ нѣкоторыхъ событіяхъ XI и XII вѣка; напримѣръ въ 1071 году, при князѣ Глѣбѣ, когда явился волхвъ и вызывался перейти Волховъ, черный народъ, долѣе упорствовавшій въ язычествѣ, и, какъ видно, въ то время еще не приладившій своихъ завѣтныхъ чувствъ и понятій ко введенному огнемъ и мечомъ христіанству, пошелъ за волхвомъ и посягалъ даже на епископа. Епископъ, взявъ крестъ и, облачившись въ богослужебныя одежды, говорилъ: «Пусть идетъ за волхвомъ — кто вѣруетъ въ него; а кто вѣруетъ кресту, — тотъ за крестомъ пойдетъ». Князь и

боляре его пошли за епископомъ, а людіе—то есть народъ—за волхвомъ [1]). Едва-ли въ этомъ мѣстѣ можно разумѣть подъ болярами князя исключительно дружину его, которая пришла съ нимъ съ юга. Иначе, еслибъ подъ словомъ людіе понимать всѣхъ Новгородцевъ вообще, то надобно предположить, что христіанство вовсе не имѣло никакой почвы въ странѣ. И потому скорѣе можно толковать это мѣсто такъ, что христіанство было распространено между старѣйшими, а язычество держалось въ массѣ. Такъ вездѣ было, и это конечно должно было способствовать раздвоенію народа, выдѣленію изъ массы лицъ и родовъ, благопріятству со стороны Церкви избраннымъ—въ противорѣчіи съ массою, различію понятій одной части народа отъ другой, сознанію собственнаго преимущества въ тѣхъ, которые принадлежали къ давнимъ христіанскимъ семьямъ. Какъ все извнѣ входящее въ народную жизнь, и христіанство должно было произвести раздвоеніе въ народѣ и возставить понятіе о превосходствѣ тѣхъ, которые приняли новое, предъ тѣми, которые держатся того, что́ необходимо должно уступить свое мѣсто новому, а само исчезнуть. Поэтому, христіанство, принимаемое, какъ вездѣ, прежде классомъ зажиточнымъ и вліятельнымъ, должно было поддерживать противорѣчіе между жизнью высшихъ и низшихъ слоевъ народа; а черезъ то неизбѣжно поддерживались и начала непріязни между ними.

Въ XII-мъ вѣкѣ, въ междоусобіи, происшедшемъ по поводу князя Всеволода Мстиславича, видимо играла роль та же вражда: тогда ограбили бояръ, пріятелей Всеволода, взяли съ нихъ въ родѣ пени за приверженность къ изгнанному князю 1,500 гривенъ и отдали другому классу—не боярамъ, а купцамъ, устроивать военный походъ: *крутитися на*

[1]) Соф. П. С Л. V, 146.

войну. Какъ въ IX-мъ вѣкѣ Новгородъ призвалъ прусско-варяжскихъ князей для устроенія порядка, сознавая, что у него самаго нѣтъ ни ладу, ни складу, такъ и въ половинѣ XII-го вѣка Новгородцы понимали, что имъ нуженъ князь именно потому, что у нихъ вѣчная безтолковщина; что князь долженъ творить между ними «рядъ,» и тотъ, который не умѣетъ этого сдѣлать—не годится быть княземъ. Такъ подъ 1154 годомъ хулится одинъ князь, — *зане не створи имъ ряда, но болѣ раздьра* [1]). Здѣсь какъ-нельзя яснѣе высказывается первоначальное понятіе, что князь необходимъ, какъ внѣшняя, правительственная сила надъ внутренней безладицей.

Во множествѣ смутъ, происходившихъ по поводу князей, не видно пружинъ, двигавшихъ партіи, стоявшія за того или иного князя, потому-что лѣтописцы скупы на изложеніе побужденій. Но въ нѣкоторыхъ подобныхъ описаніяхъ закрались черты, показывающія, что тутъ необходилось безъ той же постоянной борьбы классовъ. Изъ смуты, возникшей въ 1418 году, о которой будетъ сказано ниже, видно, что на Софійской сторонѣ, именно въ Загородномъ и Неревскомъ концахъ жили бояре, старѣйшіе, и соперничество Торговой стороны съ Софійскою, которое показывается съ перваго вида, какъ вражда двухъ мѣстностей, часто можетъ объясняться именно этою сословною враждою чернаго народа со старѣйшими. Такъ еще въ 1157 году, по поводу князя Мстислава Юрьевича, Торговая сторона поднялась за князя, а Софійская противъ него [2]). Въ 1218 году сдѣлалась смута изъ-за посадника Твердислава. Прусская улица держалась за Твердислава. Четыре конца были противъ него, или же—ни туда, ни сюда. Дѣло началось съ того, что князь Святославъ арестовалъ какого-то Матвѣя

[1]) Новг. Л. I, 11. [2]) Новг. Л. I, 12.

Душильцовиця. Распространился слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ этого человѣка князю, когда по новгородскому праву никто не могъ быть лишенъ свободы безъ обвиненія судомъ. Твердиславъ со своими Пруссами пошелъ на битву. Началась драка у городскихъ воротъ; но тутъ разломали нарочно мостъ, вѣроятно для того, чтобъ остановить смятеніе. Толпы плыли въ ладьяхъ на междоусобную битву. Тогда убили нѣсколько Пруссъ. Цѣлую недѣлю волновался городъ. Наконецъ открылось, что тутъ было недоразумѣніе. Твердиславъ вовсе не былъ виноватъ, а князь самъ его нелюбилъ. Воспользовавшись неудовольствіемъ противъ него, князь объявилъ, что смѣнитъ его. «За что̀?—спрашивали его:—виноватъ ли онъ?» Князь не могъ представить вины и долженъ былъ сказать, что—нѣтъ. Это примирило Твердислава съ народомъ. Всѣ почувствовали, что князь нарушаетъ права̀ и кричали, что «князь присягалъ безъ вины не отставлять мужей». Твердиславъ отказывался отъ посадничества, говоря: «Вы, братья, вольны въ посадникахъ и князьяхъ» [1]). Народъ оставилъ его на посадничествѣ. Въ 1255 году старѣйшіе или вящшіе, и меньшіе или молодшіе стояли другъ противъ друга открыто-враждебно. Сторона меньшихъ или простыхъ была недовольна княземъ Александромъ, изгнала его сына и призвала его брата, Ярослава. Александръ шелъ съ военною силою противъ Новгорода. Вящшіе стали за Александра. Меньшіе вооружились. Тогда,—говоритъ лѣтопись,—(въ этомъ мѣстѣ вѣроятно попавшаяся подъ руку сторонника народной массы), старшіе составили совѣтъ, какъ бы меньшихъ побить и поставить князя на своей волѣ. Меньшіе собрались на вѣчѣ у св. Николы. Князь Александръ, поддерживаемый старѣйшими, потребовалъ выдачи своихъ

[1]) Новг. Л. I, 37.

противниковъ и въ томъ числѣ посадника Ананіи; меньшіе цѣловали Богородицу—стоять за новгородскую правду и за свою отчину. При посредствѣ владыки, дѣла уладились такъ, что любимый чернымъ народомъ посадникъ Ананія лишился должности. Народъ въ этомъ случаѣ уступилъ силѣ: Александръ угрожалъ чужою ратью. Примиренію способствовало и то, что князь Ярославъ, котораго тогда хотѣла чернь, самъ убѣжалъ изъ города. Чернь устояла на своемъ только въ томъ, что Ананія остался безъ преслѣдованія. Посадникомъ сдѣланъ былъ другой, изъ партіи вящшихъ. Но черезъ два года, именно въ 1257 г., чернь взяла свое. Пріѣзжіе Татары потребовали дани — десятины и тамги. Новгородцамъ непривычно показалось давать дань. Вящшіе, державшіеся Александра, угождали ему и готовы были покориться ханской власти, наравнѣ съ остальнымъ русскимъ міромъ; вѣроятно ихъ располагалъ къ этому страхъ, а иныхъ могли руководить и личные виды, надежды возвыситься черезъ угодничество сильнымъ. Народъ взволновался. Татары, пришедшіе въ Новгородъ съ этимъ предложеніемъ, ушли безуспѣшно. Нелюбимаго посадника Михалка убили. Кто,—говоритъ по этому поводу лѣтописецъ вѣроятно устами тогдашняго народа,—копаетъ яму подъ другими, тотъ самъ впадетъ въ нее. Любимаго посадника Ананію нельзя было только потому избрать, что онъ тогда уже умеръ. Поставили посадникомъ какого-то Михаила Ѳедоровича, перемѣнили тысячскаго, избравши какого-то Жироху и, вѣроятно, убили прежняго; по-крайней-мѣрѣ, кажется, подъ именемъ убитаго Миши, о смерти котораго говорится вмѣстѣ съ избраніемъ новаго тысячскаго, должно разумѣть прежняго. Князь Василій, сынъ Александра, сначала потакалъ народному упорству; но когда убили начальство, онъ бѣжалъ. Александръ прибылъ въ Новгородъ съ силою, ловилъ непокорныхъ, обрѣзывалъ имъ носы выколупливалъ глаза.

На третій годъ послѣ того, въ 1259 году, явились Татары, съ согласія Александра, исполнять то, чего не могли прежде сдѣлать въ Новгородѣ то же исчисленіе, какое производилось въ другихъ мѣстахъ Россіи. Вмѣстѣ съ княземъ они остановились на Городищѣ и послали въ Новгородъ требовать числа (переписи). То былъ знакъ подчиненія хану. Чернь воспротивилась.—«Лучше умереть за св. Софію и за домы церковные!»—кричали простые Новгородцы:—«Кто добрый человѣкъ, тотъ за святую Софію и за правую вѣру!» Но вящшіе разсчитали, что Новгородъ не сладитъ съ Татарами и съ остальною всею Русскою Землею, которая пойдетъ на него по приказанію Татаръ; а сопротивленіе волѣ сильныхъ доведетъ ихъ самихъ до разоренія. Они убѣжали на Городище, и, вмѣстѣ съ Татарами, готовились брать Новгородъ приступомъ. Въ черни было больше порыва, чѣмъ разсчета; оставшись безъ бояръ, чернь и смыслъ потеряла, и жаръ ея началъ остывать. Тогда бояре вступили съ народомъ въ переговоры, стали убѣждать и представлять, и убѣдили. Новгородцы размыслили, что сопротивляться трудно и, скрѣпя сердце, согласились. Все то,—говоритъ лѣтописецъ,—надѣлали бояре, «творяще себѣ легко, а меньшимъ зло.» Татары поѣхали по улицамъ и переписали жителей [1]).

Народъ не имѣлъ энергіи довести до конца какое-нибудь дѣло безъ бояръ; оттого партія старѣйшихъ и брала верхъ; но черные не переставали выказывать свой протестъ возстаніями и сопротивленіями. Татарская перепись сдѣлалась, какъ хотѣли бояре; но черные долго послѣ того не могли забыть этого и долго выказывали свое сопротивленіе и боярамъ, и татарской власти. Въ 1270 году, когда изгнали князя Ярослава, одинъ изъ его пріятелей, отданный на потокъ, жаловался хану въ Ордѣ и доносилъ,

[1]) Новг. Л. I, 55—57.

что Новгородцы не хотятъ платить хану дани и оставаться въ покорности Татарамъ; что бояре требовали отъ нихъ дани хану, а чернь за то разграбила ихъ домы и имущества [1]). Въ 1290 году зазвонили разомъ у Софіи и на Ярославовомъ дворищѣ: одного, по имени Самойла Ратьшинича, убили на владычнемъ дворѣ; толпа бросилась на Прусскую улицу, гнѣздо новгородскихъ вящшихъ людей, разграбила тамъ всѣ домы и сожгла всю улицу [2]). Въ 1342-мъ году произошелъ мятежъ, который явно носитъ на себѣ характеръ сословной вражды. Какой-то Лука Варѳоломеевъ, сынъ бывшаго посадника Варѳоломея и внукъ посадника Юрья Мишинича, набравъ себѣ толпу холоповъ-сбоевъ, отправился за Двину и бралъ на щитъ заволочскіе погосты. Тамъ построилъ онъ себѣ городокъ Орлецъ. Заволочане его убили. Какъ видно, предпріятіе его нравилось черни. Онъ былъ ея любимецъ. Когда разнеслась вѣсть, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, чернь кричала, что его тамъ велѣли убить вящшіе, и двухъ изъ нихъ разграбила; такъ они едва спаслись отъ смерти, убѣжавши въ Копорье. Послѣ того сынъ убитаго Луки явился въ Новгородъ и требовалъ мщенія за отца. По его наущенію, Новгородцы потребовали къ суду укрывшихся въ Копорье бояръ. Убѣжавши отъ народнаго волненія, они не побоялись потомъ войти въ Новгородъ: у нихъ тамъ были пособники. Обѣ стороны зазвонили вѣче на разныхъ берегахъ Волхова (одни у святой Софіи, другіе на Ярославовомъ дворѣ); начиналась уже междоусобная брань, но владыка съ намѣстникомъ успѣли примирить ихъ и остановить смуту. Въ этомъ неясномъ для насъ событіи видно только, что Лука и его сынъ угодили чер-

[1]) Новг. I, 62. [2]) Новг. I, 65.

ному народу, и дѣло ихъ стало дѣломъ партіи простонародной противъ партіи боярской.

Часто бояре, достигая званія посадника, тысячскаго или вообще должности, которая могла имѣть вліяніе на дѣла, наживались на счетъ народа и навлекали народное мщеніе на себя, на свою родню и на весь свой классъ. Въ 1351 году опять Прусская улица испытала почти то же, что̀ испытывала шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Вознегодовалъ народъ на посадника Ѳедора Даниловича, лишилъ его должности; этого было мало, — посадникъ должно быть пріобрѣлъ много выгодъ въ свое посадничество; его изгнали, домъ его разграбили; потомъ предали на потокъ его родню, брата и тоже выгнали изъ Новгорода и, наконецъ, перенесли вражду на всю Прусскую улицу— ограбили, разорили ее [1]).

Нигдѣ такъ наглядно не описывается это соперничество и вражда сословій, какъ въ дѣлѣ Степанка и боярина Данила Ивановича въ 1418 году. Нѣкто по имени Степанко схватилъ на улицѣ боярина Данила Ивановича Божина и кричалъ къ народу: — «Господо! пособите мнѣ на сего злодѣя!» Видно слова его попали на готовое уже раздраженіе противъ бояръ; безъ большаго разбирательства толпа бросилась къ нему, схватила боярина, потащила на вѣче. Тогда одна женщина,—по выраженію лѣтописца,—отвергши женскую немощь и вземши мужскую крѣпость, выскочила посреди вѣча и начала колотить его съ неистовствомъ, припоминая причиненныя себѣ обиды. Потомъ боярина повели на мостъ и сбросили въ воду. На его счастье какой-то рыбникъ Личько Людинъ (изъ Людина конца), подхватилъ его въ свою лодку. Тогда толпа бросилась на домъ этого рыбника и разграбила его. Народъ въ сво-

[1]) Новг. Л. I, 85.

ихъ побужденіяхъ былъ не очень настойчивъ; дѣло бы тѣмъ и кончилось, да спасшійся отъ смерти Данило поймалъ Степанка и началъ его мучить. Когда разнесся слухъ по улицамъ, что Степанко схваченъ, побѣжала толпа съ крикомъ на Козмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Данило. Бояринъ ушелъ; но тутъ загорѣлась у народа охота грабить и другихъ бояръ. Меньшіе люди подняли знамя и съ оружіемъ кинулись на Яневу улицу, гдѣ жили бояре, разграбили нѣсколько богатыхъ домовъ; потомъ бросились въ Загородный конецъ, ограбили на Чюдинцевой улицѣ монастырь св. Николы, гдѣ хранились боярскіе пожитки, и достигли наконецъ гнѣзда боярскаго — Прусской улицы: тутъ дали имъ отпоръ. Черный народъ легко могъ составлять толпу на бояръ; и у бояръ были свои толпы вооруженныхъ «паробковъ» изъ того же простаго народа,— челядь боярская: эти паробки стали защищать своихъ господъ. Удалые двинулись назадъ на Торговую сторону. Но вслѣдъ затѣмъ распространился на Торговой сторонѣ слухъ, что съ Софійской собираются толпы и хотятъ напасть на Торговую. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола тревогу. Съ обѣихъ сторонъ вооруженный городъ бросился на мостъ. Началась свалка: «бяше же и губленіе»— повѣствуетъ лѣтопись—«овы отъ стрѣлъ, овы отъ оружїа бѣша же мертвыи яко на рати, и отъ грозы тоя страшныя и отъ възмущеніа того великаго въстрясеся весь градъ и нападе страхъ на обѣ странѣ.» Вотъ тогда владыка Симеонъ созываетъ священниковъ, самъ облачается, и имъ приказываетъ облачиться, велитъ нести кресты и хоругви и образъ св. Богородицы отъ св. Софіи, идетъ самъ на мостъ и, среди разъяренной массы народной, начинаетъ благословлять крестнымъ знаменіемъ на всѣ стороны. Увидѣвъ владыку, старые посадники и тысячскіе подошли къ нему и поклонились. Волненіе стало утихать. Владыка от-

правляетъ архимандрита Варлаама, своего духовнаго отца, да протодіакона на Ярославовъ дворъ — отдать благословеніе степенному посаднику, и тысячскому, и народу и уговаривать, чтобъ всѣ шли съ миромъ въ свои домы. Волненіе прекратилось [1]). Конечно, къ той же сословной враждѣ слѣдуетъ отнести и возстаніе, случившееся въ 1421 году. Тогда Неревскій и Славенскій концы поднялись за землю какого-то Климентія Ортемьина противъ посадника и бояръ; разграбили ихъ домы, до двадцати человѣкъ убили и своихъ Неревлянъ потеряли двухъ человѣкъ [2]). Слѣды подобнаго соперничества старѣйшихъ и молодшихъ видны и въ пригородахъ. Такъ, напримѣръ, въ Торжкѣ въ 1340 году возстала чернь на бояръ; и бояре, ограбленные, бѣжали въ Новгородъ, едва успѣвъ унести душу. Черный народъ не только ограбилъ ихъ имущества, но разнесъ домы и опустошилъ ихъ села [3]).

Нерѣдко этою сословною враждою пользовались сами бояре въ своихъ распряхъ другъ противъ друга; составлялись между ними противныя другъ-другу партіи и старались привлечь на свою сторону черный народъ. Тогда въ самой черни дѣлалось раздвоеніе; одни ополчались за тѣхъ, другіе за другихъ бояръ. Это особенно проявлялось въ тѣ времена, когда общественныя бѣдствія поражали народныя массы. Такой примѣръ видимъ мы въ 1230 году въ ссорѣ посадника Водовика со Степаномъ Твердиславичемъ. Оба, какъ ясно видно, были предводителями партій. Паробки посадника напали на одного приверженца Твердиславичева, Иванку Тимошкинича и поколотили его. На другой же день партія, противная посаднику, зазвонила на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вооружила народъ противъ посадника; собрались охотники и начали гра-

[1]) Новг. Л. I, 108; Новг. Л. 137. IV, 117. [2]) Новг. Л. IV, 120.
[3]) Новг. Л. I, 80.

бить дворъ посадника. Но посадникъ въ свою очередь зазвонилъ на вѣче и поднялъ значительную массу народа противъ Иванка Тимошкинича, Якима Блунковича и Прокши Лашнева. Это были сторонники Твердиславича, подустившіе народъ грабить посадника. Посадникъ такъ хорошо умѣлъ повернуть дѣло, что народъ озлобился на тѣхъ, которые предъ тѣмъ стали-было руководить его. Убили Якимова брата Волоса, сожгли дворъ Прокши; потомъ Иванка сбросили съ моста; другихъ привели къ присягѣ, что они не будутъ мстить. Водовикъ взялъ верхъ, да не надолго. Въ тотъ же самый годъ, въ его отсутствіе ограбили нетолько его, но его братьевъ, его родню и много дворовъ его пріятелей, бояръ; одного изъ нихъ, Семена Борисовича, убили; въ заключеніе поручили посадничество врагу Водовика, Степану Твердиславичу [1]).

Иногда составлялась партія, «коромольники,» — какъ называетъ лѣтописецъ; — поднимались на посадника и на всѣ власти, низвергали ихъ, грабили и въ свою очередь терпѣли то же, чтò другимъ приготовляли. Такъ въ 1332 году, такіе коромольники подняли народъ, отняли посадничество у Ѳедора Ахмыла и дали Захаріи Михайловичу, ограбили села и дворы прежней партіи; но въ тотъ же годъ сверженъ былъ новопоставленный посадникъ [2]). Точно также и въ 1359 году лихіе люди взбунтовали Славенскій конецъ противъ Зарѣчанъ, то-есть Софійской стороны, лишили посадничества Андрея Захаринича и дали Сильвестру Леонтьевичу. Зарѣчане бросились на Славянъ; на Ярославовомъ дворѣ сдѣлалась сѣча; нѣсколькихъ человѣкъ прибили; одного убили до смерти; Слáвяне прогнали гостей за рѣку. Тогда нoднялась вся Софійская сторона мстить свое безчестье. Поднялась Торговая сторона защищать себя. Мостъ разло-

[1]) Новг. Л. I, 46. [2]) Новг. Л. I, 76.

мали. Обѣ стороны стояли вооруженныя на берегу, угрожая одна другой. Между-тѣмъ удальцы изъ Софійской стороны бросились на села бояръ и богатыхъ людей, жившихъ въ Слȧвенскомъ концѣ и начали ихъ брать на щитъ. Но владыка Алексій съ архимандритомъ и игуменами вышелъ къ раздраженной толпѣ и возгласилъ: «Дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты. Не сступайтесь, дѣти, на бой! Примиритесь!» Убѣжденіе его подѣйствовало. Примирились; посадничество не досталось ни прежнему, ни тому, котораго Слȧвенцы поставили, а выбрали новаго [1]). Какъ-только какое-нибудь лицо возвышалось и чѣмъ-нибудь навлекало на себя нерасположеніе чернаго народа, составлялась шайка и замышляла ему какую-нибудь пакость. Такъ, напримѣръ, въ 1337 г. «простая чадь,» то-есть толпа чернаго народа, озлобилась на архимандрита Есипа, загнала его въ церковь св. Николы и цѣлый день и ночь держала его тамъ. Въ церковь ворваться не смѣли, а онъ выйти боялся [2]).

Вообще междоусобія въ Новгородѣ, или какъ назывались они—«голки,» не представляютъ слишкомъ кровавыхъ картинъ. До кровопролитія не всегда доходили, а если оно и случалось, то ограничивалось смертію нѣсколькихъ человѣкъ. Часто голка тѣмъ и кончалась, что соберутся враждебныя стороны и, вооруженныя, погрозятъ другъ-другу, побранятся, а потомъ помирятся и разойдутся. Но эти обычаи произвели въ народѣ такіе слои, которые руководились только эгоистическими разсчетами и обращались очень неуважительно съ чужою собственностію. Иногда молодцы собирались для грабежа. Новгородъ принужденъ былъ усмирять ихъ. Въ 1291 году коромольники начали грабить торгъ въ Новгородѣ; на другой день вѣче осу-

[1]) Новг. Л. I, 87. [2]) Новг. Л. I, 78.

дило и свергло съ моста двухъ заводчиковъ этого дѣла [1]). Въ 1310 году собрались коромольники, пошли грабить села около города, принадлежавшія зажиточнымъ людямъ [2]). Въ 1314 году то же дѣлалось во Псковѣ: грабили села, дворы и клѣти въ городѣ, но Псковичи казнили ихъ до 50 человѣкъ и потомъ стало тихо [3]). Во время пожаровъ часто происходили грабежи и безчинства. Въ 1299 году сдѣлался пожаръ, и злые люди,—какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, придавая имъ это названіе, какъ бы особый терминъ,—пустились грабить не только дома, но и церкви, гдѣ, по обыкновенію, прятались сокровища; они убивали сторожей и расхищали товары. То же происходило въ 1311 году [4]). Вѣроятно бо̀льшая часть опустошительныхъ пожаровъ, которыми такъ часто страдалъ Новгородъ, происходили отъ поджигательствъ съ цѣлію грабить. Во времена дороговизны хлѣба, молодцы грабили села и дворы зажиточныхъ людей, не дозволяя имъ наживаться на счетъ бѣднаго народа, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ.

Въ городѣ всегда была на готовѣ толпа такихъ задорныхъ и пьяныхъ забіякъ, которые, какъ итальянскіе bravi, служили сильнымъ, и богатые бояре держали ихъ у себя на жалованьѣ, чтобы ихъ услужливыми руками охранять себя отъ соперниковъ, своей братьи бояръ, и отъ народныхъ волненій. Митрополитъ Іона въ 1448—1458 годахъ писалъ къ Новгородцамъ: «Мы узнали, что въ вашемъ православномъ христіанствѣ, въ Великомъ-Новгородѣ, въ вотчинѣ моего сына, великаго князя, сотворяется нѣкое богоненавистное и богоотметное дѣло не только отъ простыхъ людей, но отъ честныхъ великихъ людей,—отъ нашихъ духовныхъ дѣтей. Изъ-за какой-нибудь малой вещи зачинается гнѣвъ и ярость,

[1]) Новг. Л. I, 65. [2]) Новг. Л. I, 69. ([3] Новг. Л. I, 71.
[4]) Новг. Л. I, 66. 70.

и свары, и лжесловія и многонародное сборище съ обѣихъ сторонъ; угождая врагу діаволу, нанимаютъ на такое злое и богоненавистное дѣло сбродней, пьянчивыхъ и кровопрожадныхъ людей, замышляютъ бои и кровопролитія, и губятъ христіанскія души» [1]).

Во Псковѣ лѣтописи не представляютъ намъ подробностей о такихъ междоусобіяхъ, какъ въ Новгородѣ, но изъ краткихъ извѣстій видно, что и тамъ они случались, были и кровопролитія: въ 1385 г. произошли по неизвѣстной для насъ причинѣ драки и убійства (бысть сѣча Псковичемъ промеже себе и много бысть мертвыхъ [2]).

¹) А. И. I, 91. ²) Новг. Л. IV, 91.

VIII.

УШКУЙНИКИ.

Новгородскіе удальцы, нетерпѣвшіе стѣсненія своего произвола, искали раздолья, простора, подвиговъ за предѣлами Новгородской Земли и такимъ-образомъ составились въ XIV вѣкѣ разбойничьи шайки, разносившія страхъ на востокѣ нынѣшней Россіи, подъ именемъ ушкуйниковъ (отъ слова ушкуй, означавшаго лодку особой постройки). Войны со Шведами пріучили Новгородцевъ къ водянымъ набѣгамъ. Такъ въ 1320 году Лука (можетъ быть Варѳоломеевъ, который потомъ съ толпою холоповъ-сбоевъ. разорялъ Заволочье и тамъ погибъ) ходилъ въ ушкуяхъ на Мурманъ (на Норвегію), но былъ разбитъ [1]). Въ 1339 году такіе молодцы разоряли Корелу, признававшую власть Шведовъ, а въ 1349 г., когда Магнусъ предпринялъ свой крестовый походъ противъ Новгорода, новгородскіе и двинскіе удальцы дѣлали морскіе набѣги на берега Норвегіи (на Мурманъ [2]). Въ 1340 году шайка новгородскихъ лодейниковъ сожгла Устюжну и воевала Бѣлозерскую об-

[1]) Новг. Л. IV, 49.
[2]) Новг. Л. IV, 59.

ласть; однако на нихъ напали и отняли награбленное [1]). Въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія, Новгородцы стали отличаться на Волгѣ отъ того, что въ то время по Волгѣ и притокамъ ея развилась торговля и было кого грабить. Въ 1360 г. новгородскіе ушкуйники напали на татарскій городъ Жукотинъ, разорили его, набрали тамъ всякаго добра и расположились въ русскихъ поволжскихъ городахъ, особенно въ Костромѣ. Татарскіе князья обратились съ жалобою къ хану, и ханъ Хидырь прислалъ къ русскимъ князьямъ пословъ съ требованіемъ выдать ему новгородскихъ разбойниковъ. По этому поводу князья владимирскій, нижегородскій и ростовскій съѣхались въ Кострому. Нельзя было потакать такому удальству, тѣмъ болѣе, что Татары съ христіанами вообще стали поступать такъ же какъ Новгородцы съ Татарами: въ возмездіе за Жукотинъ, въ Болгарахъ, другомъ татарскомъ поволжскомъ городѣ, ограбили всѣхъ христіанъ, какіе на ту пору тамъ случились. Князья переловили ушкуйниковъ, бывшихъ на ту пору въ Костромѣ и выдали ихъ Татарамъ [2]). Въ 1365 — 1366 годахъ трое бояръ новгородскихъ: Есипъ Вареоломеевичъ, Василій Θедоровичъ, да Александръ Абакумовичъ набрали себѣ толпу удалыхъ и отправились по Волгѣ. Ихъ было двѣсти ушкуевъ. Они пошли самовольно, безъ новгородскаго слова. Подъ Нижнимъ-Новгородомъ они напали на купцовъ бесерменъ (бухарскихъ), ограбили ихъ и многихъ убили. При этомъ, какъ видно, досталось не однимъ бесерменамъ, но и русскимъ купцамъ. Великій князь Димитрій жаловался, что новгородскіе ушкуйники ограбили подъ Новгородомъ его московскихъ гостей. Новгородское вѣче дало такой

[1]) Новг. Л. I, 79. [2]) Ник. Л. III, 216.

отвѣтъ: Это ходили молодые люди на Волгу, безъ нашего слова; да они твоихъ купцовъ не грабили, а грабили бесерменъ. За это не сердись на насъ» [1]). Если новгородское вѣче не давало позволенія на такіе походы, то, очевидно, смотрѣло на нихъ сквозь пальцы и, по общимъ понятіямъ того времени, пограбить и побить бесерменъ казалось дозволительно. Такое понятіе должно было возникнуть очень естественно, послѣ того, что претерпѣли Русскія Земли отъ татарскаго своевольства. И дѣйствительно, за свои самовольные разбои новгородскіе ушкуйники не только остались безъ преслѣдованія, а одному изъ ихъ тогдашнихъ предводителей довѣряли государственное дѣло: онъ посланъ былъ для защиты Торжка отъ Тверичей. Въ 1369—1370 г. ушкуйники взяли Кострому и Ярославль. Эти набѣги, вѣроятно, состояли въ связи со враждою Новгорода къ тверскому князю, который тогда посадилъ своего намѣстника въ Костромѣ точно также, какъ и въ новгородскомъ пригородѣ Бѣжецкомъ-Верху [2]). Въ 1374 году девяносто ушкуевъ напали на Вятку, ограбили ее, потомъ захватили Болгары, и взяли окупа 300 рублей. Потомъ они раздѣлились на двѣ партіи: одна—изъ 50 ушкуевъ—отправилась на низъ къ Сараю, а другая—изъ 40 ушкуевъ—пошла вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, ограбила Засурье и Марквашъ, перешла за Волгу, истребила суда свои, конно прошлась по берегамъ Ветлуги, ограбила села и ушла къ Вяткѣ [3]). Но самый свирѣпый набѣгъ новгородскихъ ушкуйниковъ на Поволжье происходилъ въ 1375 году, тогда когда Новгородцы вмѣстѣ съ московскимъ великимъ княземъ воевали подъ Тверью. Отправилось двѣ тысячи удальцовъ; они плыли въ семидесяти ушкуяхъ; воеводами у нихъ были: одинъ по имени Прокопій, другой

[1]) Новг. IV. 66 I. 88. [2]) Ник. IV. 30—31. [3]) П. С. Л. VIII. 21.

по прозвищу Смольнянинъ, вѣроятно такъ названный потому что дѣйствительно былъ пришелецъ изъ Смоленской Земли. Эта шайка состояла не изъ однихъ Новгородцевъ, но еще болѣе изъ Заволочанъ. Они приплыли рѣкою Костромою на Волгу, къ городу Костромѣ. Костромичи, зная чего можно ожидать отъ такихъ гостей, вышли противъ нихъ съ оружіемъ; было Костромичей пять тысячъ; воеводою у нихъ былъ Плещеевъ. Новгородцы сошли на берегъ и какъ только поняли, что Костромичи встрѣчаютъ ихъ не добромъ, то раздѣлились на-двое. Одна половина пошла прямо на Костромичей, а другая зашла имъ въ тылъ, черезъ кусты можжевельника. Они разомъ ударили на Костромичей, — и спереди, и сзади. Воевода Плещеевъ первый оставилъ рать и побѣжалъ въ Кострому: за нимъ и всѣ пустились въ разсыпную. Новгородцы нѣкоторыхъ въ догонку убили, другихъ повязали; третьи успѣли скрыться въ лѣсу. Тогда ушкуйники вошли въ беззащитную Кострому, простояли тамъ недѣлю и ограбили ее до конца: они брали все что̀ имъ попадалось подъ руки; не оставляли даже того чего не могли брать съ собою: взяли только что̀ было подороже, а все остальное сожгли; такая у нихъ родилась охота истреблять. Въ заключеніе, набрали они сколько хотѣли плѣнниковъ, особенно женскаго пола, и поплыли внизъ по Волгѣ. Они пристали въ Нижнемъ-Новгородѣ, награбили что̀ имъ приглянулось и зажгли городъ. Отсюда они поплыли въ Болгары и тамъ распродали бесерменамъ женщинъ и дѣвицъ, костромскихъ и нижегородскихъ, а потомъ поплыли еще ниже. Встрѣтятъ по пути на судахъ гостей бесерменскихъ — ограбятъ и людей перебьютъ; а встрѣтятъ христіанскихъ купцовъ — только ограбятъ, а самихъ пустятъ живыми. Такъ достигли они Астрахани. Тутъ-то постигло ихъ воздаяніе и за Костромичей, и за Нижегородцевъ. Какой-то татарскій князь Салчій заманилъ ихъ

лестью; и Татары всѣхъ ихъ перебили безъ милости, забравши все ихъ имущество, пріобрѣтенное въ русскихъ городахъ [1]). За этотъ-то походъ Димитрій съ князьями и съ ополченіями многихъ русскихъ городовъ подходилъ къ Новгороду. Эти шайки, точно такъ какъ и шайки Луки Варѳоломеева въ 1340 г., вѣроятно, наполнялись бѣглыми холопами, которые или сами продавались въ рабство для того, чтобы взять деньги съ господина, а потомъ убѣжать отъ него, или, будучи рождены въ рабствѣ, находили себѣ единственный исходъ изъ него въ такихъ странствованіяхъ. Предлогомъ для походовъ такихъ ватагъ, однако, было грабить и разорять бесерменъ и Татаръ, это казалось извинительнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ и понятіямъ; а на Русскихъ они озлились за то, что Русскіе встрѣчали ихъ недружелюбно. На Кострому они нападали два раза. Очень можетъ быть, что они питали особенную злобу именно къ этому городу за то, что здѣсь перехватали и выдали Татарамъ ихъ братію, разорившую Жукотинъ.

Поступокъ Димитрія съ Новгородомъ не искоренилъ совсѣмъ ушкуйничества, хотя новгородское правительство преслѣдовало ушкуйниковъ: такъ въ 1390 г. по миру, заключенному Новгородомъ со Псковомъ, послѣдній обязывался выдавать тѣхъ, кто въ путь ходилъ на Волгу;—вѣроятно гонимые въ Новгородской-Землѣ молодцы думали найти убѣжище во Псковской [2]). Послѣ Костромскаго дѣла нѣсколько разъ еще встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія о набѣгахъ ушкуйниковъ. Въ 1379 году Вятчане ходили въ Арскую Землю и разбили шайку ушкуйниковъ; воевода ихъ Рязанъ, взятый въ плѣнъ, былъ умерщвленъ [3]). Въ 1392 году,

[1]) Н. IV. 71—72. Нак. IV. 44.
[2]) Воскр. П. С. Л. VIII. 61.
[3]) Воскр. П. С. Л. VIII. 34.

шайка, составленная изъ Новгородцевъ и Устюжанъ, напала рѣкою Вяткою на Жукотинъ и Казань, и грабила гостей на Волгѣ [1]). Въ 1409 г. Анѳалъ предпринялъ походъ на Болгары: сто насадовъ шло Камою, сто пятьдесятъ Волгою. Это раздѣленіе шайки погубило ее; Татары напали на тотъ отрядъ, который плылъ по Камѣ и разбили его: самъ Анѳалъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ тюрьму. Волжскіе насады не поспѣли на помощь Камскимъ [2]).

[1]) Воскр. П. С. Л. VIII. 61.
[2]) Воскр. П. С. Л. VIII. 85.

IX.

НОВГОРОДСКІЙ УДАЛЕЦЪ ПО НАРОДНОМУ ВОЗЗРѢНІЮ.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ-быть бояриномъ. Противники его—мужики, слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, то есть долго и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился—поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ; ни со Псковомъ ни съ Москвою не вздоривалъ; а потому-то послѣ его смерти, все житье-бытье его, (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское), передалъ онъ въ цѣлости сыну. Народная поэзія не всегда выставляетъ обычныя черты; чаще она увлекается тѣмъ, что̀ любитъ, чего желаетъ, что ы оно всегда было, но что̀ не всегда бываетъ. Положеніе Буслая не было рядовое; бывало вчастую, что богачь, боя-

ринъ, не долго утѣшается своею знатностію и богатствомъ; только раздразнитъ онъ мужиковъ новгородскихъ, начнутся противъ него заговоры, умыслы; составится на него вѣче; пойдутъ на него въ вооруженіи, расхитятъ животы его, и разнесутъ хоромы его. Буслай—примѣрный бояринъ, добрый богачь; онъ умѣетъ поладить съ чернымъ народомъ; онъ такой бояринъ, какого желаетъ народъ. Старикъ Буслай умеръ, оставилъ молодца сына Буслаевича. .Мать стала главою дома. Жена теряется при мужѣ; вдова получаетъ полную независимость и значеніе. Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ чему учился Василій, сынъ Буслая, то есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Сопротивъ Василія Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходитъ на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ, гулякъ, которые, какъ мы видѣли, составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ силь-

ныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты и голки, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ; люди буйные, разудалые—и святыня храма ихъ не удержитъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими поводился Василій; поитъ ихъ до пьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словно сказочный Еруслапъ Лазаревичъ—тому руку вывихнетъ, этому ногу переломитъ. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ: ясно, что его шалости преувеличены,—еще видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному-другому далъ затрещину,—тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ, и товарищи за него; — идутъ къ матушкѣ: «Честная вдова!-говорятъ ей—уйми ты свое чадо милое! Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой наквасить ему рѣка Волхова.» Мать стала журить сынка. Удалецъ присмирѣлъ, покорятся матери, а самъ злится на мужиковъ: хочется имъ отплатить. Можетъ-быть съ жалобою и угрозы были: мужики нападутъ на него и отколотятъ; надобно себѣ запастись товарищами, дружиною, а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе,—это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Ва-

силій хочетъ подобрать себѣ названныхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный, все равно что на роту идти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ Славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Это исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ Арійскаго племени; до сихъ поръ этотъ обычай сохранился у Афгановъ. У древнихъ Грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Пиритоя, Геркулеса и Іола, Ореста и Пилада; на противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ называется Foetbroederalag и сопровождался завѣтными символическими обрядами [1]).

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно героической эпохи Владимира Краснаго Солнышка, и почитался до того священнымъ, что богатырь упорный и неустрашимый терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ беззаконіе—своего названнаго брата идущаго противъ него съ

[1]) Молодцы разсѣкали себѣ ладонь и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ подавали другъ другу руки и произносили обѣтъ братства. Другой обрядъ, еще торжественнѣе, совершался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, такъ чтобы ихъ края были соединены между собою и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остріемъ копья. Стоя на колѣняхъ подъ этой землею, витязи призывали боговъ во свидѣтели своей клятвы и обѣщались жить между собою какъ родные братья. Этотъ союзъ цѣнился у нихъ такъ, что отецъ готовился мстить собственнымъ сыновьямъ, исполняя завѣтъ кроваваго мщенія за убійство названнаго брата.

оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранявшихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное....

Замѣчательно, какъ измѣнялся древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ;–все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ. Названные братья ниже его по достоинству: они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей низпускается до кліентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же, хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, но не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Василіемъ и хотя былъ меньшимъ передъ нимъ, однако все-таки братомъ; такъ точно какъ и Псковъ хотя былъ меньшимъ, а все-таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому-Новугороду.

Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новѣгородѣ тогда были грамотны люди. Большой литературной образованности конечно не было; за то грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; торговыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за Новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный. Замѣчаніе въ пѣснѣ о грамотныхъ людяхъ въ Великомъ-Новѣгородѣ осталось какъ воспоминаніе угасшей старины для послѣдующихъ вѣковъ, когда уже пѣсня приняла измѣненную подъ вліяніемъ московской народности редакцію.

Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичь испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожій молодецъ подойдетъ къ поставленному посрединѣ двора чану съ виномъ, выпьетъ чару— Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ, не шевельнется, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся. Это значило,—годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у Скандинавовъ, не рѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ къ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василію. Пришелъ Костя Новоторженинъ; пришли Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій; пришли потомъ два сына боярскіе, братья родные; пришли мужики Залѣшане;—семь братьевъ Сбро-

довичи. Всѣхъ надобно было опробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили не въ попадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись; ихъ изломаютъ и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много - много товарищей;
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новѣградѣ;

и пошелъ Василій со своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ Новгородцами— отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина–Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть и это называлось ссыпь. Избирали пироваго старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурою—съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи, стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше, другихъ смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходѣ св. Николая—вѣрно по поводу храмоваго праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратен-

никами. Спрашиваетъ: по сколько въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названнаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него съ искоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такою же двусмысленною угрозою.

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но они нерѣдко переходили въ дѣло серьозное, подъ пьяную руку. «Отъ того боя кулачнаго—говоритъ пѣсня,—учинилась драка великая.«Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ-быть и невзначай, оплелъ его по уху. Тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ,
И, Лука, Моисей-дѣти боярскіе!
Уже Ваську, меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается; они кричатъ, ревутъ; а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною.
Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ городомъ-
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи!
А буде я васъ побью—
И вы мнѣ покоритеся;
То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородскіе смекнули въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели. Мужики говорятъ ему:

Ай-же ты Васильюшка Буслаевичъ,
Загадываешь загадку великую:
Когда ты, Василій, удалъ е,
Пойдемъ же драться на мостикъ, на волховскій,
На тою на рѣченьку на Волхову;
Ты съ своими съ дружинами хоробрыми,—
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василію нельзя было идти на попятную. И вотъ удари-

лись объ закладъ; написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи постановлено: «Василію идти на волховскій мостъ. Поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ. Черта чрезвычайно любопытная; она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть-можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовалось двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная; одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина; другая изъ толпы черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ: чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получала юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши что̀ ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать: нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что̀ тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту—правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобъ не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

Матера вдова Амелфа Тимофѣевна!
Прими у насъ дороги подарочки:
Уйми свое чадо милое!

Старуха естественно склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвушку чернавушку—взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватила Ваську за бѣлы руки—
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды, передъ матерью. Тутъ былъ чистый разсчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть?—Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ; и сила его будетъ не въ силу. Оттого и Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее неразмышленной:

А и та старуха неразмышлена—
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василія Буслаевича,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василіемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тогда пошла дѣвушка-

чернавушка къ Волхову; и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики Васильевыхъ побратенниковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси ты дѣвушка-чернавушка!
Не подай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго.

Иначе—они просили, чтобъ она освободила Василія. Но мужики-противники, завидя ее, бросились на нее;

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой—дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала къ Василію Буслаеву:
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
А и спитъ Василій или такъ лежитъ?—
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василія. Но можетъ быть и матушка тогда не противилась; матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома и тогда

придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросается стремглавъ; — не попалъ — говоритъ пѣсня — палицы желѣзной; попалась ему ось телѣжная — обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса! Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки... Вдругъ предъ нимъ явленіе — старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ.*) То́ его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кириловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія: они думали, что Василій, увидя предъ собой крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его. Онъ кричитъ ему:

А стой, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай!
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцы супротивъ тебя!
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

Ай же ты мой крестовой батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ во той поры
На своего на любимаго крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:

*) Первоначально это слово значитъ плащъ или капу, какую носили пилигримы. (Срезневск. Крута Кальчья. Изв. И. Арх. Общ. т. IV.)

Головами, батюшка, играемся!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей,
И тебя старца пилигримища;
Въ задоръ войду и тебя убью!

Это не только крестный отецъ,—это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ-паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, былъ встарину лицо исключительно принадлежавшее Церкви, какъ монахъ: паломники были въ большомъ уваженіи въ Новѣгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленій такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ образѣ старца паломника. Василій, говоря, что онъ держалъ закладъ опричь честнаго монастыря и старца пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ Церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи изъятіемъ отъ земныхъ дѣлъ и житейскихъ треволненій; ихъ минуютъ страсти и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры.«Что̀ тебѣ за дѣло—какъ-бы хочетъ сказать паломнику Василій:—мы до тебя не касаемся; мы людей церковныхъ не трогаемъ; не трогай же и насъ грѣшныхъ: мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ; да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку».

Пилигримище—крестовый батюшка Василія Буслаевича

по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца роднаго. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все ни почемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

Ай же ты крестовый мой батюшко!
Не далъ я ти яичка о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ варіантамъ онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ—пилигримище оказался вовсе существомъ не плотскаго человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ.... а у пилигримища во лбу глазъ ужь вѣку нѣту. Кажется народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе Церкви отъ мірскихъ устъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, чтò происходитъ около него; онъ принадлежитъ иному міру—съ нимъ нельзя драться; онъ не дастъ отпора. Пилигримище исчезаетъ какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ, какъ-только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидалъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ-только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій идетъ къ нимъ навыручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василію, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говоритъ, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую съ серебромъ; а это только подарокъ—не въ счетъ у-

словія. Три тысячи, что въ закладѣ положены, само собою; эти три тысячи разлагаются на опредѣленныя дани съ цѣлой улицы, такъ-что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ-будто князь со своего княженія дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлины:

А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Со калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.

Можетъ-быть въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ-что если такой-то улицы молодцы побиты въ закладѣ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось извѣстной массы людей, соединенныхъ одномѣстностію жительства, или принадлежностію къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней же дѣвушкѣ-чернавушкѣ привести Василія. Дѣвушка застаетъ его еще среди боя, побѣждающаго мужиковъ. Она схватила Василія за руки и провозгласила утѣшительную вѣсть:

Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ-матушкѣ.

Бой прекратился. Василій пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ его удалые вѣрные побратенники. Прежде всего послѣ трудовъ они выпили по чаркѣ вина и когда хмѣль зашелъ имъ въ голову, они выразили Василію намекъ, чтобы онъ распоясывался — давалъ имъ награду и честили его такимъ образомъ:

У мота у пьяницы
У млада Василія Буслаевича,
Не упито не уѣдено,
Вкраснѣ хорошо не ухожено,
И цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено.

Василій повелъ ихъ обѣдать и веселымъ пиромъ окончилось побоище.

И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ властей, — онѣ не вмѣшиваются, не останавливаютъ безпорядка. Это братчина — повольное дѣло. А братчина, по судной новгородской грамотѣ, сама судитъ какъ судьи. Невольно приходитъ вопросъ: какія же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что̀ князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять честятъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно при-

нятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души, раждаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. «Планида набѣжала такая»,—говоритъ и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому-что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій нрава и сердца: человѣкъ не знаетъ самъ утромъ — что̀ сдѣлаетъ вечеромъ.

Есть другая пѣсня о томъ же Василіѣ. Герой нашъ является съ тѣмъ же безстрашіемъ, съ тою же удалью и отвагою, но уже подъ другими впечатлѣніями, подъ религіознымъ чувствомъ, которое также составляло черту новгородской души. Василій уже пережилъ первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ во славѣ и въ чести, — но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно отмолить;-онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествіе было своего рода удалью. Побывать въ далекой странѣ, повидать всякаго дива, поклониться величайшей святыни— это приманчиво для пылкой натуры. Василій приплываетъ откуда-то по Ильменю въ Великій-Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ-быть съ торговаго дѣла, а можетъ-быть съ удалаго; а можетъ-быть и отъ Великаго-Новгорода въ посылкѣ былъ; а Великому-Новгороду такіе молодцы, какъ Буслаевъ, всегда годились. Онъ оставляетъ караульщиковъ у своихъ суденъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрая дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ. Старуха подозрѣваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ, либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ-будто боится, чтобъ Василій обманомъ не взялъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говоритъ:

Гой еси ты чадо мое милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!

Ты коли поѣдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты дитя на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго —
А и не носи Василія сыра земля!

Она даетъ Василію съѣстные запасы и долгомѣрное оружіе. Василій и теперь еще у ней въ зависимости, какъ въ то время, когда бился съ мужиками новгородскими; и оружія молодецъ не смѣетъ взять безъ воли материнской. «Побереги ты, Василій, свою буйну голову»—говоритъ ему на прощаньи мать. И дѣйствительно, Василій ѣдетъ Богу молиться, а не разбойничать: онъ знаетъ, что ему не посчастливится въ удаломъ дѣлѣ, когда матушка заранѣе дала ему свое проклятіе, если онъ пойдетъ на то.

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судовъ приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть и въ Ерусалимъ можно достигнуть поплывши по Ильменю. Наши паломники плывутъ по Волгѣ: путь ея былъ хорошо извѣстенъ Новгородцамъ. Встрѣчаютъ они гостей корабельниковъ.

Бесѣдуя съ гостьми, Василій такъ о себѣ говоритъ имъ:

Мое дѣло не охотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.

Вотъ чѣмъ объясняется страсть къ паломничеству: надобно загладить старые грѣхи! Когда гости сказали ему, что далѣе на своемъ волжскомъ пути онъ встрѣтитъ разбойниковъ, Василій отвѣчаетъ имъ:

А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ:
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василій, какъ видно, и не робокъ, и вмѣстѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ хотя поддается вѣрованіямъ, но сознаетъ, что его идеалъ не долженъ бояться ни примѣтъ, ни предзнаменованій, ни сна, ни чоха. Далѣе это еще яснѣе высказывается.

На дорогѣ съ Василіемъ чудная встрѣча: на горѣ Сорочинской лежитъ (символическое старопѣсенное изображеніе) человѣческій черепъ. Полнота жизни непріятно сталкивается съ унылымъ видомъ ея разрушенія. Василій пихнулъ голову съ дороги; и вдругъ голова проговорила человѣческимъ голосомъ:

Гой еси Василій Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь.:
Я молодецъ, не хуже тебя былъ!
Умѣю я, молодецъ, валятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будетъ головѣ Васильевой!

Василій плюнулъ. «Вѣрно въ тебѣ врагъ говоритъ,—сказалъ онъ—духъ нечистый!» Далѣе другое предзнаменовательное видѣніе—камень;—на немъ написано: «кто перескочитъ чрезъ него поперекъ—тому ничего не будетъ; а кто перескочитъ вдоль—тотъ сломитъ буйную голову.» Молодцы стали скакать поперекъ—вдоль не смѣютъ перескочить. Василію было приходила охота, да не рѣшился! Еще онъ Ерусалима не видалъ, грѣховъ не отмолилъ; рано ему пропадать! Дорога еще жизнь; за гробомъ страшно. Поплыли молодцы далѣе. Встрѣчаютъ удалыхъ атамановъ: въ пѣснѣ они называются

казаками. Явно это—ушкуйники, замѣненныя въ позднемъ варіантѣ болѣе современнымъ однозначительнымъ именемъ. Они

> Грабятъ бусы, галеры,
> Разбиваютъ червлены корабли.

Они были страшны купцамъ, но Василій не боится ихъ. Василія слава далеко пошла. Атаманы знаютъ его по слуху. Не Василій ихъ испугался; они Василія боятся.

> Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ;
> Не видали страху великаго:
> Это де идетъ Василій Буслаевичъ:
> Знать де полетка соколиная;
> Видѣть де поступка молодецкая!

Они сошлись въ кругъ, честь отдаютъ славному богатырю. Василій спрашиваетъ у нихъ дороги къ Ерусалиму. Атаманы приглашаютъ его хлѣба-соли вкусить. Василій удивилъ ихъ тѣмъ, что выпилъ вина много-много, столько—сколько изъ нихъ никто не можетъ выпить. Атаманы поднесли ему подарковъ, и, по просьбѣ Василія, дали Новгородцамъ провожатаго до Ерусалима.

Прибыли Новгородцы въ Ерусалимъ. Василій совершаетъ тамъ дѣла благочестія въ томъ видѣ, въ какомъ слѣдовало по нравственнымъ понятіямъ народа.

> Служилъ обѣдню за здравіе матушки,
> И за себя, Василія Буслаевича,
> И обѣдню съ панихидою служилъ,
> По родимомъ своемъ батюшкѣ,
> И по всему роду своему!

На другой день служилъ обѣдню съ молебномъ:

> Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
> Что съ молоду бито много, граблено

Послѣдніе стихи показываютъ, что самое религіозное настроеніе поддерживалось удалью. Молодецъ нашалитъ, надѣлаетъ другимъ зла, а потомъ отмаливаетъ грѣхи, въ Ерусалимъ ѣздитъ, церкви строитъ. Въ заключеніе Василій ѣдетъ купаться въ Ерданѣ рѣкѣ. Тутъ является ему привидѣніе— баба залѣсная. Въ Русской Землѣ, покрытой дремучими лѣсами и болотами, раздѣлявшими жилыя поселенія одно отъ другаго, то что̀ было за *лѣсомъ*—представлялось воображенію зловѣщимъ, страшнымъ, таинственнымъ. Громадность лѣсовъ давала противоположной сторонѣ значеніе далекаго, недоступнаго; оно легко облекалось въ образы фантазіи. Отъ этого существо таинственное, привидѣніе, называется «залѣснымъ». Баба залѣсная возвѣщаетъ Василію что купаться въ Ерданѣ нельзя, потому-что тамъ Христосъ крестился. За это Василій голову потеряетъ. Дружина дала отвѣтъ, который уже прежде смѣльчаки выразили:

Нашъ Василій не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ.

Когда молодцы возвращались домой, встрѣтили они атамановъ, съ которыми видѣлись прежде, и Василій извѣстилъ ихъ, что въ Ерусалимѣ и за ихъ грѣхи помолился;

Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдню съ молебнами за ихъ, молодцовъ.

Атаманы были довольны, что за нихъ помолились Богу для очищенія ихъ грѣховъ, но грѣшить перестать ни чуть не думали. Василій былъ что-то грустенъ. Онъ не сталъ обѣдать у атамановъ. Онъ торопился. Его предчувствіе томило. Молодцы опять проплываютъ мимо горы Сорочинской; опять взошелъ на гору Василій, и опять толк-

нулъ пусту человѣчью голову. Голова снова проговорила ему то же, что̀ и прежде. Василій опять плюнулъ и прочь пошелъ. Далѣе молодцы встрѣтили знакомый камень съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ верхъ Не утерпѣлъ Василій. Онъ перепрыгнулъ вдоль и только четверти не доскочивши—убился досмерти. И сбылось предвѣщаніе черепа; сбылось предсказаніе и залѣсной бабы.

Дружина потеряла храбраго предводителя. Противъ судьбы невозможно устоять, но можно убѣжать отъ нея. Таинственное предвѣщаніе остерегало его; но Василій не былъ бы и богатырь, удалецъ, еслибъ онъ послушался предостереженія. То и молодецъ, что ничему не покоряется, ничего не боится—вѣруетъ въ одну свою силу! Хотя погибъ онъ—да славно, честно, до конца сохранилъ свою свободу, свою мочь-силу. Новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность—это видно во всей общественной жизни. То же выходило и въ явленіяхъ единичныхъ. Какъ не сдѣлать того, что̀ запрещается, хотя бы за это и грозили? Ужь лучше пропасть, да не послушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ. Старая матушка узнаетъ о смерти сына: она теперь круглая сирота въ мірѣ. Ей ничего не нужно. Она отдаетъ казну свою изъ глубокихъ подваловъ удалымъ товарищамъ сына: они теперь ей какъ родные; они напоминаютъ ей Василія. И молодцы возговорили ей таково слово:

Спасибо, матушка Амелфа Тимофѣевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ.
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофѣевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка-чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;

А и выпили они сами, поклонилися,
И пошли добры молодцы
Куда кому захотѣлося [1])!

[1]) Конецъ Василія представляетъ сходство съ окончаніемъ исторической пѣсни объ Иванѣ Коновченкѣ, которая и вообще въ своемъ духѣ имѣетъ сходство съ новгородскою думою. И тамъ такъ же точно казаки возвращаются изъ похода и приносятъ вѣсть матери о смерти ея сына, который, подобно Василію Буслаевичу, погибъ смѣло и безразсудно, пренебрегая предсказаніями осторожности.

Вдова жалібни слова промовляла:
Всіхъ козаківъ на хлібъ—на-сіл зазывала,
Похороны и весільля Ивасеві одбувала,
Полковникові козацкького коня даровала,
Старшимъ шаблі, пищалі Ивасеви роздавала!

X.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Частная жизнь, со всѣми особенностями нравовъ, для насъ остается пока неизвѣстна; только незначительныя черты, вообще отрывочныя, наводятъ на нѣкоторыя предположенія. Нельзя приписывать Новгородцамъ такую же народность, каковую имѣли извѣстные намъ, по источникамъ домашнимъ и иностраннымъ, Московитяне. Во-первыхъ, русская жизнь повсюду измѣнялась съ XV вѣка, и въ XVII явилась выработанною уже подъ вліяніемъ единодержавнаго уклада; во-вторыхъ, Новгородъ представлялъ и прежде, издавна, своеобразный складъ народности. Всѣ принадлежности быта и обращенія были иныя: другія монеты, другіе вѣсы, мѣры, другія понятія, отличные общественные нравы. Необходимо должны были быть своеобразныя явленія частной домашней жизни. Герберштейнъ въ началѣ XVI вѣка отличалъ Новгородцевъ отъ Московитянъ и, описывая послѣднихъ въ черномъ видѣ, замѣтилъ, что въ Новгородѣ народъ былъ честный и гуманный, но, по его замѣчанію, московская зараза внесла уже въ край другіе, испорченные

нравы; ибо Іоаннъ населилъ его другими людьми [1]). Безъ сомнѣнія было что-то рѣзко выдававшееся въ нравахъ если такъ поразило путешественника.

О способѣ построекъ и помѣщеній мы имѣемъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Такъ-какъ пространство Новгорода, въ сравненіи съ его населеніемъ, было не велико, то нельзя думать, чтобы дворы были обширны. Исключеніемъ, можетъ-быть, была прусская улица, гдѣ дворы бояръ, вѣроятно, были просторнѣе, потому что были многолюдны и хозяева содержали большія дворни. Улицы въ городѣ имѣли видъ совсѣмъ отличный отъ московскаго, потому-что въ 1507 г. великій князь передѣлалъ ихъ по-московски. Улицы были вѣроятно не широки и не прямы, потому-что большое скопленіе строеній этого недопускало. Улицы были мощеныя въ Новгородѣ вѣрно деревомъ, а во Псковѣ быть-можетъ плитнякомъ, потому что этого матеріала изобильно въ Псковской Землѣ. На нѣкоторыхъ улицахъ въ Новгородѣ садились ветлы (тополцы) [2]). Во Псковѣ въ 1473 г. около церкви разсадили яблони [3]).

Домы новгородскіе строились деревянные, на подклѣтяхъ, иногда каменныхъ, въ которыхъ были службы и кладовыя. Во Псковѣ должно быть каменныхъ зданій было больше чѣмъ въ Новгородѣ, потому-что изобиліе плитняка вблизи способствовало ихъ построенію. [4])

[1]) Nam capta civitate archiepiscopum, ditiores et potentiores omnes secum Moscoviae abduxerat, inque horum possessiones subditos suos quasi colonias remiserat, gentem quoque humanissimam ac honestum habebat, sed quae nunc procul dubio peste moscovitica quam eo commeantes Mosci secum invexerant, corruptissima est (Rer. Moscov. 51).

[2]) О посадкѣ этихъ деревъ упоминается въ XV вѣкѣ. 1) Въ 1469 г. «почаша тополцы сажати на Ѳедоровой улицѣ»; въ 1470 году «на Ѳедоровой улицѣ изъ тополы потекло воды много». Тополцами и теперь называются ветлы въ деревняхъ паозорскихъ.

[3]) Пск. 1. 246.

[4]) Замѣчательны въ этомъ отношеніи оставшіеся во Псковѣ каменныя зданія старинной постройки, именно домы принадлежащіе хозяевамъ

На дворахъ, кромѣ главнаго жилья, строились свѣтлицы, называемыя одрины, и клѣти для храненія домашняго груза. Вѣроятно, богатые люди хранили лучшее свое добро въ домахъ и въ церквахъ, или церковныхъ подвалахъ. При дворахъ разводились огороды и садики. Деревянныя

Драуе и Леонову, и казенное зданіе подъ провіантскимъ магазиномъ называемое Поганкины-полаты.

Первый, принадлежащій Драуе, представляетъ собою одноэтажный домъ съ подклѣтомъ, входящимъ въ землю; окна съ полукруглыми верхами, окаймленныя съ наружной стороны лѣпными колонками. Въ настоящемъ положеніи одинъ фасадъ этого дома выходитъ въ переулокъ, другой—противоположный—во дворъ; одна боковая сторона на улицу, другая—противоположная—примыкаетъ къ дому Леонова. Входъ со двора, полукруглый; около входа украшенія съ колонками, уже обломались. Входъ ведетъ въ широкую комнату, очевидно бывшую сѣньми. По бокамъ входа по окну, а на противоположной сторонѣ два окна. Слѣдовъ печи нѣтъ. Изъ сѣней въ обѣ стороны по комнатѣ. Въ комнатѣ направо по два окна, на противныхъ одна другой сторонахъ; а на той сторонѣ, которая выходитъ на улицу, окна закладены. Въ комнатѣ налѣво изъ сѣней по три окна на противоположныхъ сторонахъ, а третья сторона пристроена къ дому Леонова. Комнаты пространствомъ 14—15 шаговъ въ длину и въ ширину верхъ сводообразный. съ закругленными тонко выемками надъ окнами. По угламъ свода по желѣзному висячему кольцу. Въ срединѣ свода также одно кольцо. Въ нѣкоторыхъ окнахъ карнизовъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что въ окошечной выемкѣ можно стоять, но есть окна съ карнизами, и потому можно предполагать, что въ другихъ—карнизы выломаны послѣ Въ комнатахъ есть слѣды печей въ бокъ отъ входа. Входы съ полукруглыми верхами, чрезвычайно толстые—до 15-ти вершковъ; на этомъ пространствѣ сдѣланы впадины съ полками. Остались желѣзные крюки для дверей. Впадины въ сѣняхъ въ углу; между лѣвою дверью и стѣною, выходящею на улицу, потайная впадина со входомъ, который ведетъ въ узкую восходящую галлерею или ходъ въ срединѣ стѣны. Куда ведетъ она—неизвѣстно, но чуть ли прежде не было надстроено верхняго этажа надъ домомъ, а послѣ онъ снятъ. Подъ домомъ подвалы безъ оконъ.

Домъ Леонова примыкаетъ къ дому Драуе и его стѣны перпендикулярны къ стѣнамъ послѣдняго. Главный входъ былъ со двора, принадлежащаго теперь дому Драуе и уже задѣланъ. Около него были колонны и лѣпныя украшенія; теперь входъ съ противоположной стороны, съ двора г. Леонова. По каменной лѣстницѣ вы входите въ присѣнокъ, прежде бывшій крыльцомъ съ ажурными арками съ сѣверной и восточной стороны; видны новыя вставки между столбовъ, служившихъ продолженіемъ свода до

строенія на улицахъ перерывались каменными церквами, которыхъ было множество; около церкви пускалось просторное мѣсто для торговли и также для погребенія. Такъ посреди города около церквей и хоронили мертвыхъ. Такъ-какъ у богатыхъ людей были около города дворы и села, то, вѣроятно, все домашнее заведеніе у нихъ было, преимущественно, въ загородныхъ имѣніяхъ, а въ городѣ дворъ стоялъ только для пріѣзда.

низа. Входите въ сѣни. На противолежащей сторонѣ слѣды прежней заложенной двери главнаго входа. Изъ сѣней по обѣ стороны по широкой (до 14-ти шаговъ) комнатѣ. Въ комнатѣ налѣво съ двухъ сторонъ по три окна, третья примыкаетъ къ дому Драуе; посреди этой стѣны мѣсто для печи, которая, кажется, нагрѣьала равнымъ образомъ и оборотную сторону комнаты въ домѣ Драуе. Надъ окнами закругленныя тонкія выемки отъ свода. По угламъ желѣзныя кольца, а по срединѣ свода одно кольцо. На правой сторонѣ комната съ тремя окнами на каждой изъ трехъ сторонъ. На сторонѣ, гдѣ входъ, по бокамъ отъ входа впадины съ полками. Изъ сѣней, по обѣимъ бокамъ заложеннаго главнаго входа, два входа въ стѣну съ дверьми; когда дверь растворяется, то окно, находящееся въ стѣнѣ прямо противъ входа, освѣщаетъ сѣни. Узкая каменная лѣстница ведетъ въ сѣни верхняго этажа, двумя входами по обѣимъ сторонамъ окна, выходящаго на дворъ Драуе. Въ обоихъ входахъ окна, освѣщающія сѣни, когда двери растворены. Противъ этихъ двухъ входовъ изъ стѣны на противоположной сторонѣ выходъ на верхнее крыльцо подъ навѣсомъ, теперь уже сломаннымъ; тутъ была наружная галлерея, кончавшаяся, вѣроятно, лѣстницей прямо внизъ. По обѣимъ сторонамъ—комнаты очень свѣтлыя, съ тремя окнами на каждой изъ трехъ сторонъ. Между окнами впадины. Вмѣсто сводовъ были потолки. Подъ домомъ подклѣты со сводами. Хотя они входили въ землю, но были жилые: ихъ освѣщаютъ сверху узкія окна со ступенями, восходящими къ нимъ отъ земли; вышина отъ 4-хъ до 5-ти аршинъ.

Поганкины-палаты поражаютъ своею величиною, когда примемъ во вниманіе, что вообще домашняя жизнь встарину не требовала огромныхъ домовъ для помѣщенія. Это трехсторонное зданіе или лучше сказать фасадъ съ боковыми, по краямъ неравными по высотѣ, флигелями. Правая сторона трехъэтажная; а остальная часть лѣвой одноэтажная. Теперь это зданіе занято провіантскимъ магазиномъ; вѣроятно уже въ позднія времена въ правой его сторонѣ прорублена изъ окна дверь во второмъ этажѣ. Старинный входъ во второй этажъ остается въ средней части по каменной лѣстницѣ. Войдя въ сѣни, передъ вами двѣ части средняго этажа по обѣ стороны; захотите повернуть налѣво—вы должны

Объ утвари, одеждѣ, пищѣ, извѣстій мало. Домашняя утварь зажиточныхъ людей необходимо должна была быть привозная, европейская, получаемая черезъ нѣмецкую торговлю. На пирахъ пили изъ золоченыхъ кубковъ и оправ-

взойти нѣсколько ступеней вверхъ; пройдете три комнаты, одна за другой; потомъ заворачиваете въ четвертую, составляющую заворотъ втораго этажа средней стороны, со сводами съ заостренными выемками надъ окнами и со впадинами въ разныхъ мѣстахъ: иныя съ полками вмѣсто шкафовъ, другія въ ростъ человѣка. Возвратившись назадъ и сошедши со ступеней, на которыя всходили, войдете въ другую часть средняго этажа. Проходите двѣ комнаты въ рядъ со сводами. Одна изъ этихъ комнатъ, будучи угольною, равнымъ образомъ составляетъ часть какъ средней, такъ и правой стороны. Она освѣщена съ двухъ сторонъ, прочія съ одной: быть-можетъ прежде были окна и на другой. Въ одной комнатѣ окна расположены такъ, что на стѣнѣ ихъ три, но одно выше другихъ, другія два одно подъ другимъ. Верхи оконъ полукруглы. Своды въ однихъ съ выемками, въ другихъ безъ нихъ. Есть желѣзныя кольца и въ одномъ кусокъ желѣзной цѣпи. Входы изъ комнатъ въ комнаты съ закругленными верхами. Какъ во входахъ, такъ и въ окнахъ остались крюки для дверей и оконницъ. Вездѣ въ комнатахъ впадины въ стѣнахъ, иногда съ полками. Стѣны толстыя плитяныя. Входы между комнатами до 9 четвертей шириною, а въ окнахъ до 7-ми. Нѣкоторыя окна съ желѣзными рѣшетками. Въ третьей комнатѣ два углубленія въ стѣнѣ, изъ которыхъ одно было отхожимъ мѣстомъ. Въ первой комнатѣ видны слѣды того же въ закоулкѣ, гдѣ продѣлано свѣтлое отверзтіе въ стѣнѣ ко входу, ведущему куда-то внизъ. Изъ четвертой комнаты идетъ въ стѣнѣ входъ въ третій этажъ. Такъ пять комнатъ. Сводовъ нѣтъ, но были потолки, теперь уже несуществующіе: остались только балки, на которыхъ были утверждены доски. Въ верхнемъ этажѣ окна и входы также съ полукруглыми верхами. Комнаты вообще очень свѣтлы, особенно угольная: тамъ стоитъ каменный столбъ, украшенный обводами; онъ проведенъ черезъ средній этажъ внизъ и вѣрно служилъ для поставца. Печей теперь нѣтъ нигдѣ. Внизу подклѣтъ опускается въ землю, раздѣленъ сообразно среднему этажу, также на комнаты, освѣщаемыми каждая однимъ небольшимъ окномъ вверху. Стѣны не обмазаны. Очевидно, эти подклѣты не были обитаемы, но служили кладовыми. Въ подклѣтъ ведутъ два входа: одинъ на середней, другой на правой сторонѣ; части подклѣта, куда ведутъ различные входы, не имѣютъ между собою сообщенія: быть-можетъ оно было прежде, но завалено. Одноэтажная часть лѣвой стороны заключаетъ двѣ обширныя комнаты и была прежде поварней, какъ это видно по широкимъ отверзтіямъ, особенно по срединѣ, гдѣ, какъ видно ясно съ перваго раза, была большая печь, устроенная такъ, что вокругъ нея можно было ходить.

ленныхъ роговъ. Названія одеждъ, которыя мы знаемъ изъ московской жизни, въ Новгородѣ, и Псковѣ не были извѣстны вовсе: едвали могли быть тамъ въ употребленіи татарскія названія, какъ кафтанъ, армякъ и проч.; потому-что татарскіе нравы не проникали въ эти города, жившіе старою славянскою жизнію. Напротивъ, упоминаются одежды древнія. Въ холодъ Новгородецъ и Псковичъ надѣвалъ шубу, и подпоясывалъ ее поясомъ; въ сырую погоду опашень, верхній плащъ. Другое названіе новгородской одежды было—«мятель», вѣроятно, обыкновенная домашняя, равняющаяся зипуну. Одежды мужскія были суконныя, цвѣтовъ яркихъ, особенно пунцоваго. Для простыхъ одеждъ сукно различное, капелюкъ и орница—шерстяныя матеріи. Богатыя одежды передавались по наслѣдству дѣтямъ отъ отцовъ и матерей [1]). Грудь богатаго Новгородца украшалась золотой цѣпочкой; на пальцахъ носили перстни. Женщины носили перстни, а въ ушахъ *колтки* (подвѣски) [2]) на рукахъ браслеты: разныя украшенія женскія назывались, вообще, *крутою*, и составляли необходимость въ приданомъ. Есть въ церкви Николы Качанова въ Новгородѣ вытертый образъ: на немъ изображено молящееся семейство. Образъ этотъ XV-го вѣка [3]). На немъ — нѣсколько мужскихъ и одно женское лицо. На мужскихъ одежда до колѣнъ, съ поперечными нашивками на груди, по обѣимъ сторонамъ передняго разрѣза; одежды эти краснаго и зеленаго цвѣтовъ, штаны черные и зеленые вкладываются въ сапоги. Сапоги у всѣхъ красные, съ высокими голенищами. На плечахъ, сверхъ этой

[1]) Ак. Юрид. 432

[2]) А. Ю. 432.

[3]) По году (6995) можно считать это семейство изъ переведенныхъ въ Новгородъ послѣ паденія независимости; но изъ надписи видно, что она была заказана не тѣми, которые на ней изображены (сравн. Макарія Опис. церк. древн. II. 79).

одежды, накинутъ плащъ съ откидными рукавами; плащи черные, у всѣхъ съ отложными красными воротниками. У женщины подобное одѣяніе, только разница та, что одежда доходитъ до ступней, безъ нашивокъ; на головѣ шапочка, повязанная убрусомъ, подвязаннымъ подъ подбородокъ. Новгородцы носили бороды; на головѣ — клокъ волосъ, спускавшійся съ макушки. Изъ нравственно-аскетическихъ поученій стараго времени видно, что щеголи заботились о волосахъ, мазали ихъ пахучими маслами, подстригали на лбу, о заплетали такъ, что дѣлали особаго рода прическу, которую называли кикою, а бороды для красоты подстригали. Все это охуждалось благочестивыми [1]). Дѣвушки носили косы съ лентами. О пищѣ намъ извѣстно, что хлѣбъ употреблялся ржаной, а пшеничный шелъ на калачи; богатые люди употребляли калачи къ столу. Каша было обычное кушанье. Обыкновенно продовольствіе состояло въ мясѣ и рыбѣ: этими предметами означалось вообще обиліе. Лакомствами были овощи и медъ. Напитки, употребительные у Новгородцевъ, были: пиво, брага, медъ и вино, доставляемое отъ иноземцевъ. Изъявленіемъ веселости и радушія былъ пиръ, который въ Новгородѣ человѣкъ зажиточный считалъ обязанностію дѣлать для множества гостей и тѣмъ поддерживалъ свое значеніе. Вособенности считалось почетомъ и дѣломъ вѣжливости, дѣлать пиръ для уважаемаго гостя. Иноземецъ, заѣхавшій въ Новгородъ, если знакомился съ Новгородцами, подавалъ предлогъ къ учрежденію пировъ. Такъ Французъ Ланнуа, заѣхавшій въ Новгородъ въ началѣ XV-го вѣка, говоритъ, что ради его давали пиры владыка и посадникъ. Ксожалѣнію, этотъ путешественникъ не передалъ намъ подробностей пировъ, на которыхъ былъ самъ, но счелъ нужнымъ замѣтить, что обычаи, наблюдаемые при пирѣ, показались ему странными и непривычными. Когда

[1]) Кирилло Бѣлоз. Библ. Сб. Рук. XV-го вѣка.

князь пріѣзжалъ въ Новгородъ, избирался и поставлялся, владыка всегда торжество сопровождалось пиромъ. Князь Изяславъ Мстиславичъ, желая пріобрѣсть расположеніе Новгородцевъ, сдѣлалъ пиръ для цѣлаго города. Какъ много значили пиры въ Новгородѣ и какъ легко было посредствомъ хлѣбосольства пріобрѣсть расположеніе, показываетъ то, что Борецкіе дѣлали пиры, и черезъ то подбирали себѣ партіи. Такъ и въ пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ, Ильмень-озеро совѣтуетъ ладить съ Новгородцами, почаще ихъ кормить обѣдами. Послѣ пировъ въ обычаѣ было дарить гостей. Исполняя этотъ обычай, и Ивану III-му подносили подарки, когда онъ посѣщалъ Новгородъ, приготовляя ему паденіе. Существовалъ обычай встрѣчать и провожать гостей съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ. Такъ, отпуская своихъ князей, Псковичи провожали ихъ до рубежа съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и вологою [1]). Когда въ 1473-мъ году, въ Изборскѣ, Псковичи встрѣчали невѣсту великаго князя Ивана Васильевича, то отрядили шесть насадовъ, въ которые усѣлись посадники и бояре. Какъ-только нареченная невѣста причалила къ берегу, они вышли изъ своихъ насадовъ, налили золоченые кубки и рога медомъ и виномъ и, подошедши къ ней, кланялись и били челомъ. Гостья должна была принять поднесенное въ честь и любовь. Послѣ ея пріѣзда на княжій дворъ, посадникъ и бояре снова оказывали ей почесть поднесеніемъ вина и меда, раздавали тоже напитки и кушанья слугамъ и кормили ея лошадей. Царевна благодарила на хлѣбѣ, соли и вологѣ. Кажется, эти предметы, упоминаемые неоднократно, символизировали гостепріимство. Отпуская ее изъ города, Псковичи, посадники и бояре, провожали ее

[1]) Собирательное названіе, означавшее разныя съѣстныя снадобья, получаемыя отъ коровъ: масло, молоко, сметану, творогъ.

также съ хлѣбомъ, солью, виномъ и медомъ до самаго рубежа. Такъ же Псковичи встрѣтили посылаемаго къ нимъ отъ великаго князя для защиты отъ Нѣмцевъ князя Даніила Холмскаго [1]).

Это описаніе можетъ служить образчикомъ почетовъ, оказываемыхъ разнымъ гостямъ. Подобное наблюдалось и въ каждомъ домѣ. Почетнаго гостя встрѣчали на дворѣ и провожали съ символическими знаками. Товарищескіе пиры — братчины, имѣли общественное значеніе; это было средство сближенія между собою; это были, такъ-сказать, общественные митинги, гдѣ не только пировали и веселились, но и толковали о дѣлахъ. Братчина имѣла уваженіе въ народномъ мнѣніи, и ей, какъ отдѣльной корпораціи, предоставляли самосудъ и самоуправленіе. [1]). Братчины сбирались иногда улицами, т. е. жители улицы вмѣстѣ учреждали братчину, иногда въ храмовые праздники, и потому говорилось — братчина-никольщина, братчина-покровщина. Участники давали свой удѣлъ въ братчину [2]). При большомъ количествѣ участниковъ, братчины отправлялись, вѣроятно, на воздухѣ, особенно въ неслишкомъ холодное время. Иногда на такихъ братчинахъ сходились не только мужчины, но и женщины, и послѣ пира начиналась пляска [3]).

Пиры Новгородцевъ пріобрѣли значительность въ свое время, и пастыри особенно вооружались противъ нихъ,

[1]) Пск. Л. 249.

[2]) Мнози совѣщавше дають злотники кождо отъ себе, яко купятъ брашна различна, и вино, и творятъ трапезу богату, и собравшеся купно ядять и піють.

[3]) Древняго обычая пріимше человѣцы, еже собратися на нарочитыхъ мѣстахъ, или при церквахъ, въ память святыхъ, мужи и жены сходящеся пиры творять, и оупившеся пляшуть срамно, и ина нѣкая безобразія творять. (Изъ сборн. XV в. Кирилло Бѣлоз. Библ.).

такъ-какъ вообще съ церковнаго взгляда почиталось грѣшнымъ дѣломъ всякое увеселеніе [1]).

Свадьбы совершались обыкновенно, зимой, такъ-что время зимняго мясоѣда называлось: о свадьбахъ [2]). Свадьба была временемъ домашнихъ пировъ и веселій. Она сопровождалась всегда пирами, которые назывались кашею. Такъ Александръ Невскій, женившись на дочери полоцкаго князя Брячислава, вѣнчался въ среднемъ на пути между Новгородомъ и Полоцкомъ городѣ Торопцѣ; тамъ учредилъ одну кашу, а другую въ Новгородѣ, по своемъ возвращеніи съ новобрачною. Свадебные обряды въ Новгородѣ, вѣроятно, представляли отличія отъ другихъ русскихъ; но они намъ неизвѣстны; а что они были въ старину отличны, видно изъ того, что и теперь въ мѣстахъ, гдѣ только потомство новгородской народности сохранилось болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ, есть важныя отличія отъ свадьбы русской вообще [3]).

Изъ старинныхъ памятниковъ видно, что женщина пользовалась юридическимъ равенствомъ съ мужчиною. Жена могла владѣть своими вотчинами, своимъ имуществомъ, могла пріобрѣтать его, и передавать и вести дѣла отъ себя. Въ случаѣ нужды, женщинѣ, такъ же какъ и мужчинѣ, присуждали поле, и во Псковѣ позволяли нанимать

[1]) Въ грамотѣ Фотія, архипастырь нападаетъ на эти обычаи въ Новгородѣ: «пьянства лишитися лишняго и пировъ, болѣ же егда бываетъ говѣніе».... не токмо творите милостыню, и тако возвращаемся на злая дѣла и на пьянство, и на совокупленіе миромъ, и на чревообъяденіе.... Священнослужителямъ дается поученіе: «не буди кощунникъ, ни игрецъ, ни пьяница.... ни складовъ пировныхъ творя, но инымъ возбраняй.»

[2]) Псков. 1. 43.

[3]) Между прочимъ замѣчателенъ обычай, показывающій большую свободу женскаго пола, чѣмъ въ Московщинѣ. Такимъ-образомъ, когда въ старой Московщинѣ невѣста была закрыта до самаго того времени, когда дѣлалась женою, у Новгородцевъ таковъ обычай: женихъ съ своимъ поѣздомъ, «вершниками» (дружками) и тысячскимъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ;

наймитовъ. Равнымъ образомъ приводили женщинъ къ окрестному цѣлованію. Изъ извѣстія подъ 1418-мъ годомъ видно, что женщины являлись даже на вѣче, потому-что тогда женщина обвиняла боярина Божина. При паденіи независимости Новгорода, Иванъ Васильевичъ приказалъ приводить къ присягѣ на вѣрность не только мужчинъ, но и женщинъ: значитъ за ними признавали самобытную дѣятельность. По псковской судной грамотѣ, по взаимному имуществу, предоставляется равное право какъ мужу, такъ и женѣ; напр. когда мужъ умретъ безъ завѣщанія (безъ рукописанія), то вотчина его остается женѣ до ея смерти если она не пойдетъ замужъ; такъ же точно, по смерти жены, мужъ владѣлъ ея вотчиной, пока самъ не вступитъ въ другой бракъ. И когда мужъ, умирая, назначалъ изъ своего имѣнія часть женѣ, если она послѣ его смерти пойдетъ замужъ [1]). Дѣвушкѣ по завѣщанію оставлялась родительская часть—надѣлокъ; а если родители умерли, то братья считали обязанностью выдать ее замужъ съ надѣлкомъ. Между-тѣмъ у Ляннуа есть извѣстіе чрезвычайно странное, будто Новгородцы продавали публично женъ своихъ за грпвны. Авторъ еще и замѣчаетъ несообразность такого поступка съ понятіями, господствующими у западныхъ христіанъ. Это извѣстіе нельзя не признать грубою ошибкою. Новгородцы какъ христіане, никакъ не могли сохранить такихъ чертъ

невѣсту выводятъ закрытую; но тысячскій и вершники кричатъ: «Мы не фату пріѣхали смотрѣть, а невѣсту!» Невѣсту открываютъ. Тогда они спрашиваютъ жениха: люба ли ему невѣста, а невѣсту—любъ ли ей женихъ? И тотъ и другая отвѣчаютъ поклономъ другъ другу, потомъ невѣста поноситъ всѣмъ вина и, наконецъ, чокается съ жинихомъ чарками: оба стараются ударить сильно, такъ-чтобъ изъ своей чарки вылилось вино въ другую, а кто пересилитъ, тотъ будетъ имѣть первенство, по народной паримѣтѣ. Этотъ обычай, не наблюдаемый въ Московщинѣ, намекаетъ на такіе нравы, гдѣ женщина стояла съ достоинствомъ въ понятіи и общественномъ значеніи.

въ XV вѣкѣ, а еслибъ онѣ были, то, вѣроятно, какъ-нибудь упомянули объ этомъ церковные учители, которые часто преслѣдуютъ пороки своего общества. Вѣроятно, Ляннуа видѣлъ продажи рабынь или передачу любовницъ, ибо нѣкоторые дозволяли себѣ жить невѣнчанными, противъ чего дѣйствительно вооружаются пастыри, хотя въ позднее время [1]). Вообще въ новгородскомъ быту связь родовая должна была сдѣлаться слабѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Руси. Это видно по скопленію бездомовныхъ гулякъ. Эти молодцы были выкидыши изъ родовъ. Семьи неизбѣжно дробились, болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ, что́ соблюдается даже и теперь въ селахъ древняго Новгородскаго края. Въ Новгородѣ сильно развитъ былъ духъ артельничества, товарищества, и это уже служитъ признакомъ слабости родовыхъ связей. Въ товарищества сходились лица, несвязанныя родовыми узами, по-крайней-мѣрѣ товарищества составлялись не на основаніи родственныхъ, кровныхъ связей, а на условіяхъ взаимной выгоды. Таковы были товарищества купеческія, промышленныя; таковы были и военныя—ушкуйническія. Духъ необузданной свободы, привычка и средства распоряжаться собою по произволу, препятствовали усиленію родоваго деспотизма. Изо всѣхъ примѣровъ, указывающихъ на связи между собою Новгородцевъ, замѣтно, что связи по мѣсту жительства и по способу занятій брали вездѣ верхъ надъ ними. Жители одной улицы составляли между собою корпорацію по мѣсту жительства: нельзя предположить, чтобы тутъ участвовали какія-нибудь родовыя отношенія,—вся-

[1]) Такъ въ одномъ посланіи митрополита Фотія къ Новгородцамъ говорится оффиціально священникамъ: «а которіи не по закону живутъ съ женами безъ благословенія поповскаго понялися, тѣмъ епитимія три лѣта, какъ блуднику, да совокупити ихъ, и учите и приводите ихъ къ правиламъ вѣры, дабы съ благословеніемъ съ женами, а не съ благословеніемъ восхотятъ жити, ино ихъ разлучити, аще не послушаютъ, и вы, попы, не принимайте ихъ приношенія и дары имъ не давайте.

кій могъ поселиться на улицѣ, перейти въ другую, выйти вонъ изъ Новгорода—всѣмъ была вольная воля. Еще менѣе это возможно въ товариществѣ по способу занятій.

Обычная забава Новгородцевъ была, какъ уже былъ случай упомянуть, примѣрная драка палками и борьба. Князья и бояре тѣшились охотою за звѣрьми и птицами. Такъ-какъ остатки веселаго язычества долго еще существовали въ жизни, не поддаваясь христіанской строгости, то у народа были свои завѣтныя забавы, напримѣръ, праздникъ Купала, или веселой Радуницы, съ разными играми, плясками и обрядами. Но Церковь старалась вывести эти забавы: въ 1357-мъ году Новгородцы утвердили между собой крестнымъ цѣлованіемъ «бѣсовскихъ игръ не играти, и бочекъ не бити» [1]). Попадать въ бочки—древняя славянская игра, употребительная до-сихъ-поръ у Хорутанъ. Подобное описаніе бѣсовскихъ игръ, ясныхъ остатковъ язычества, представляетъ посланіе Памфила, игумена Елизарьевой пустыни [2]). Эти забавы сопровождались суевѣріями, исканіями зелій и кладовъ [3]). Порицая такія забавы, Церковь преслѣдовала волхвованіе, состоявшее, какъ остатокъ язычества, въ тѣсной связи съ этими потѣхами.

[1]) Никон. III, 211

[2]) Егда бо придетъ самый праздникъ Рождество Предотечево, тогда во святую ту нощь мало не весь градъ возмятется, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны, и въ сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніе и устнами ихъ непріязненъ кличь; вся скверные бѣсовскіе пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, ту же есть мужамъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, тако же есть и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе. Что же бысть во градѣхъ и селѣхъ въ годину ту? Сотона красуется.... кумирское празднованіе, и проч.

[3]) Исходятъ огавницы мужіе и жены, чаровницы по лугомъ и по болотомъ, и въ пустыни, и въ дубравы ищущи смертныя отравы, отравнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ, ту же и дивія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ. Пск. I, 279.

Народъ тѣшился игрою скомороховъ. Они ходили по городамъ и по селамъ, и представляли разныя сцены, такъ называемыя дѣйства изъ жизни — свойскій зачатокъ драматическаго искусства. Они сопровождали свои представленія пѣснями и музыкою, которая состояла изъ гуслей струнныхъ, сопѣлей, свистѣлей и бубенъ. Въ Новгородскомъ краѣ эти странствующіе актеры — веселые молодцы, — кажется, были многочисленнѣе, чѣмъ еще въ другихъ краяхъ, потому-что свобода давала просторъ ихъ дѣятельности. Народъ любилъ сценическія представленія. Любовь къ сценизму видна уже изъ того, что въ Новгородѣ ввелись даже въ церковный обиходъ сценическія представленія, которыхъ не видно въ другихъ земляхъ, напр. на праздникъ трехъ отроковъ сценическое представленіе чуда огненной пещи халдейской, отправляемое въ самой церкви во время заутрени. О новгородскихъ скоморохахъ можетъ дать понятіе, хотя слабое, пѣсня о новгородскомъ гостѣ Терентьищѣ, которая, какъ и нѣкоторыя другія, будучи первоначально новгородскаго состава, дошла до насъ не иначе, какъ перешедши черезъ вліяніе послѣдующихъ вѣковъ, усвоенная и передѣланная поколѣніями другой народности, заступившей въ новгородской землѣ, старую народность.

Богатый гость Терентьище жилъ въ подгородной слободѣ Юрьевской, то есть около Юрьевскаго монастыря, гдѣ дѣйствительно издавна были дворцы зажиточныхъ людей. Онъ былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Жена у него Авдотья Ивановна — молодая и привѣтливая. Она раскапризничалась, кричитъ что больна,

Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустилъ недугъ къ сердцу.

Она требуетъ, чтобы онъ шолъ искать лекарей, которые не могли быть ничѣмъ другимъ, какъ волхвы. Терентьище

Онъ жены своей слушался,
И жену-то въ любви держалъ.

Взявши деньги, отправился онъ искать волхвовъ, и повстрѣчалъ скомороховъ.

«Веселые скоморохи люди вѣжливыя,
скоморохи очестливые».

Они взялись вылечить жену Терентьища. По ихъ приказанію, онъ влѣзъ въ мѣшокъ и взялъ дубинку; они понесли его въ его домъ и сказали женѣ, что принесли ей поклонъ отъ Терентьища, что Терентьища они нашли мертваго и его клюютъ вороны. Молодая жена обрадовалась, избавившись отъ постылаго стараго мужа и приглашаетъ запѣть ей про него пѣсенку. Скоморохи садились на лавкѣ, заиграли на гусельцахъ и запѣли пѣсенку, призывая въ ней мѣшокъ зашевелиться, а Терентьище вылѣзть оттуда. Тогда Терентьи ще, раздосадованный на жену, выскочилъ изъ мѣшка и выгналъ дубинкою отъ жены изъ-за занавѣса недугъ который выскочилъ въ окно и чуть головы не сломилъ а на мѣстѣ оставилъ и платье и деньги.

Такими-то дѣйствами тѣшили скоморохи свою публику, представляя ей сцены домашней жизни.

———

XI.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ БѢДСТВІЯ.

И Новгородъ и Псковъ втеченіи своей исторіи подвергались физическимъ бѣдствіямъ, потрясавшимъ благосостояніе жителей и нарушавшимъ спокойное теченіе общественной жизни. Очень часто жители этихъ городовъ страдали отъ пожаровъ. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ, правда, были незначительны и ограничивались сгореніемъ двухъ-трехъ дворовъ и одной церкви; но другіе до того были опустошительны, что истребляли значительныя части города, а иногда какъ случилось однажды во Псковѣ и весь городъ заразъ. Въ XII-мъ вѣкѣ въ Новгородѣ упоминается о семи пожарахъ: изъ нихъ были четыре на Торговой сторонѣ, три на Софійской; въ Людиномъ и Неревскомъ концахъ разомъ. Изъ нихъ важнѣйшіе въ 1153, 1181, 1194, особенно послѣдній. Онъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ этихъ концовъ одинъ разъ за другимъ вспыхивало пламя, невидимо, по выраженію лѣтописца, и люди до того перепугались, что жили нѣсколько времени въ полѣ. Тогда на всю Новгородскую волость нашла, такъ сказать,

пожарная эпидемія; вслѣдъ за новгородскими пожарами горѣло Городище, горѣла Ладога, горѣла Руса [1]).

Въ XIII вѣкѣ было семь большихъ пожаровъ: изъ нихъ три на Торговой, три на Софійской, одинъ на обѣихъ разомъ [2]). Пожаръ 1290 года произошелъ отъ междоусобія: тогда сожгли Прусскую улицу. Пожаръ 1299 года былъ въ самую пасхальную ночь,—загорѣлось на Варяжской улицѣ; поднялась буря съ вихремъ; и вдругъ загорѣлось совершенно далеко оттуда, въ Неревскомъ концѣ, на Софійской сторонѣ; горѣло на обѣихъ сторонахъ до свѣта; сгорѣло много людей; въ церквахъ много товаровъ погибло; а удалые воспользовались суматохою и общею бѣдою—пустились грабить товары въ церквахъ. Тогда—говоритъ лѣтописецъ,—вмѣсто праздничной радости была намъ утромъ скорбь и сѣтованіе. XIV-й вѣкъ былъ особенно изобиленъ пожарами. Записано девятнадцать [3]); изъ нихъ четыре были на обѣихъ сторонахъ разомъ, девять на Торговой, а шесть на Софійской. Нѣкоторые пожары отличаются своею важностію. Въ 1311 году было три пожара въ Неревскомъ концѣ; сгорѣло тогда болѣе сорока церквей; и много сгорѣло добрыхъ домовъ,—говоритъ лѣтопись,—а недобрые люди по обычаю грабили; точно то же повторилось на Торговой сторонѣ; и тамъ окаянные человѣцы—какъ называетъ ихъ лѣтонисецъ, — не боясь Бога, или не жалѣя своей братьи въ бѣдѣ, поспѣшали исхитить чужое добро отъ огня, чтобъ прибрать его въ свои руки. Въ пятомъ десятилѣтіи XIV-го вѣка были четыре силь-

[1]) Эта черта сохранилась до нашего времени въ Россіи и примѣръ Новгородской Исторіи указываетъ на глубокую ея древность. Извѣстно, что въ недавнія и близкіе къ нимъ времена бывали случаи, когда города горѣли безпрестанно, пожары слѣдовали одинъ за другимъ и распространялись полосами.

[2]) 1211, 1217, 1231, 1267, 1275, 1290, 1299

[3]) 1311, 1326, 1329, 1340, 1342, 1347, 1348, 1368, 1371, 1379, 1384 1385, 1386, 1390, 1391, 1394, 1396, 1397, 1399 г.

ные пожара. Въ 1340 г. обратилась въ пепелъ значительная часть концовъ Неревскаго и Людина; огонь прошелъ въ Дѣтинецъ; сгорѣли владычныя палаты, огорѣла Софія; такой былъ пожаръ,—говоритъ лѣтописецъ,—что думали мы, вотъ кончина наступаетъ: поднялась буря съ вихремъ; огонь перешелъ на другую сторону чрезъ Волховъ: значительная часть Славянскаго конца сгорѣла; захватилъ огонь и Плотницкій; люди не успѣвали выносить ни изъ церквей, ни изъ домовъ товаровъ и пожитковъ; а кто что́ и вынесъ на поле, или на огороды, или въ лодки, или въ учаны,—то лихіе люди все пограбили. Молодцы врывались въ церкви, пока не дошелъ туда огонь, и расхватывали товары и церковное имущество. Въ 1342 году повторился сильный пожаръ на Софійской сторонѣ и на жителей напалъ такой паническій страхъ, что они бѣжали изъ города и расположились въ полѣ или на водѣ въ ладьяхъ; такъ продолжалось недѣлю; а лихіе люди, которые не слишкомъ Бога боялись, воровали и грабили. Изъ остальныхъ пожаровъ сильны и опустошительны были пожары въ 1368, 1385, 1391 и 1399 г. Тогда погибали отъ огня и люди; такъ въ 1385 г. вся Торговая сторона сгорѣла и погибло 70 человѣкъ. Въ 1399 г. также сгорѣла бо́льшая часть Торговой стороны; много людей погибло отъ огня, много потонуло въ Волховѣ во время смятенія. Такой лютый былъ пожаръ,—говоритъ лѣтописецъ,—что огонь по водѣ ходилъ. Въ XV вѣкѣ упоминается о пожарахъ подъ десятью годами [1]): пять на Торговой, четыре на Софійской сторонѣ города, и одинъ на обѣихъ сторонахъ разомъ. Пожаръ 1442 года замѣчателенъ тѣмъ, что онъ возобновлялся три раза сряду въ разныхъ мѣстахъ на Торговой сторонѣ и привелъ жителей въ ожесточеніе, такъ-что начали хватать

[1]) 1403, 1405, 1406, 1407, 1419, 1424, 1432, 1433, 1442, 1471.

разныхъ лицъ, кто только имѣлъ несчастіе непонравиться толпѣ и бросали въ огонь. Невидно, чтобъ Новгородцы принимали какія-нибудь мѣры предупрежденія. Пожары считались Божьимъ наказаніемъ и противъ нихъ можно было защищаться молитвою. Въ 1342 году владыка со игумены и попы замыслилъ постъ; и ходило духовенство по монастырямъ и церквамъ съ крестами; и весь Новгородъ молился Богу и пресвятой Богородицѣ, дабы отвратить отъ себя праведный гнѣвъ небесный.

По Псковской Лѣтописи пожары во Псковѣ исчисляются только въ двухъ столѣтіяхъ XIV и XV. Число пожаровъ чрезвычайно неравно мѣрно, такъ въ XIV и XV вѣкахъ упоминается ихъ только три [1]), но всѣ были значительны, такъ-что въ 1386 году сгорѣлъ весь городъ. Въ XV вѣкѣ и началѣ XVI, до паденія независимости Пскова, они насчитываются подъ двѣнадцатью годами, [2]); а подъ нѣкоторыми было по два въ годъ; пожары эти вообще были опустошительны, такъ-что иногда выгоралъ весь городъ.

Моровыя повѣтрія и повальныя болѣзни неоднократно опустошали Новгородскій и Псковскій край. Теперь трудно отдѣлить тѣ случаи, когда, подъ упоминаемымъ въ лѣтописяхъ словомъ «моръ», слѣдуетъ разумѣть дѣйствительное моровое повѣтріе и когда такія повальныя болѣзни, которыя не умѣли лѣчить и потому онѣ наносили истребленія. Между множествомъ случаевъ смертности обыкновенно железа служатъ признакомъ болѣзни; можетъ быть это былиповальныя воспаленія горла, отъ чего, при недостаткѣ средствъ, умирали какъ отъ чумы.

¹ 1320, 1337, 1386.

²) 1426, 1433, 1451, 1458, 1459, 1465, 1666, 1471, 1493, 1496, 1496, 1500, 1507.

Въ Новгородѣ сдѣлалось моровое повѣтріе на людей и на скотъ разомъ; отъ скотскаго падежа сдѣлался такой страшный смрадъ, что невозможно было проходить по городу. Но самое ужасное посѣщеніе смертностію народа было въ 1352 году, когда весь сѣверный край Россіи, наравнѣ съ бо̀льшею частію земнаго шара, подвергался черной смерти. «Отъ госпожина дня до Великаго дня, — говоритъ лѣтописецъ,—умерло безчисленное множество народа добрыхъ людей, а признаки смерти были таковы: харкнетъ человѣкъ кровью и послѣ трехъ дней умретъ». Этотъ моръ также свирѣпствовалъ и въ Псковѣ и во всей Россіи. Тогда, — говорятъ лѣтописцы — мужіе и жены начали бѣжать въ монастыри и сподобляться ангельскому чину; говѣли, причащались; другіе въ домахъ готовились къ исходу души и спѣшили отдавать свои имѣнія на монастыри и церкви попамъ и нищимъ, кормили убогихъ; тогда и слѣпецъ былъ призрѣваемъ, оный вождь въ царствіе Божіе, даромъ, что, ходя, о стѣну ушибется или въ яму падаетъ..... Многіе рыбныя ловли и клады свои отдавали въ монастыри, чтобъ себѣ достать вѣчную память по писанію. Умирающихъ было такъ много, что попы не успѣвали ихъ хоронить и велѣли привозить мертвыхъ на церковные дворы: впродолженіи ночи скоплялось въ каждой церкви тѣлъ по̀ тридцати и болѣе, по пяти въ одинъ гробъ клали, и такъ было по всѣмъ церквамъ; и ужь негдѣ было погребать умершихъ: все около церквей было ископано. Во время вторичной заразы, Новгородъ не подвергался этому бѣдствію; но Псковъ былъ снова опустошенъ въ 1358 г. Въ 1390 году Новгородъ опять посѣтила моровая болѣзнь; признаками ея было опуханіе желѣзъ и смерть послѣ трехъ дней. Въ XV-мъ вѣкѣ упоминаются въ лѣтописяхъ частные случаи повальной смертности, особенно въ Псковской Лѣтописи. Въ 1417 году свирѣпствовала повальная

болѣзнь по всему сѣверному краю: въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Псковѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери и по погостамъ: «прежде человѣка словно рогаткою ударитъ—описываютъ современники признаки этой болѣзни,—потомъ явятся железа, станетъ человѣкъ харкать кровію, начнется лихорадка и горячка, и черезъ нѣсколько дней умираетъ болящій. Тогда въ страхѣ начали многіе бросать свои жилища, семьи и бѣжать въ монастыри, ради спасенія души». Во Псковѣ этотъ моръ повторился въ 1420 году, а въ Новгородѣ въ 1423—1424г. г. и для пущаго бѣдствія присоединился къ этому еще и голодъ. И во псковскихъ лѣтописяхъ тѣ же признаки съ пагубными послѣдствіями повальной смертности. Повѣтрія во Псковѣ упоминаются подъ годами: 1425, 1442, 1465, 1466, 1467, 1487, 1506; въ Новгородѣ подъ 1470 [1]). Быть можетъ, это была какая то повальная болѣзнь, появлявшаяся втеченіи XV-го вѣка съ безпрестанными рецидивами. Медицинскихъ средствъ не предпринимали, а искали спасенія въ вѣрѣ и молитвѣ. Было обыкновеніе, во время мора, ставить въ одинъ день церковь какому-нибудь святому, которому молились о защитѣ и вѣрили, что это спасаетъ.

Край сѣверный не отличался плодородіемъ; не было предпринимаемо мѣръ на случай неурожаевъ; подвозъ былъ часто затруднителенъ, особенно, когда междоусобныя войны въ Россіи препятствовали торговому обращенію. Отъ этого Новгородская и Псковская страны терпѣли отъ голода всѣ бѣдствія, какія только можетъ воображеніе представить. Цѣны на хлѣбъ возвышались съ быстротою, потому что люди богатые сейчасъ же искали въ общемъ несчастіи себѣ выгодъ, а бѣдняки осуждены были ѣсть березо-

[1]) (I. 141).

вую кору, мохъ, падаль и умирали толпами отъ болѣзней, происходившихъ отъ такой пищи, и въ отчаяніи изъ-за куска хлѣба закладывались и продавали себя навсегда въ рабство боярамъ; другіе расходились по чужимъ землямъ. Отъ этого, во время бѣдствій, приливъ народонаселенія и естественное размноженіе народа уменьшалось по причинѣ выхода людей въ чужіе краи. Въ XII вѣкѣ извѣстіе о голодѣ встрѣчается подъ 1128 годомъ. Въ 1161 г. отъ засухи лѣтомъ и теплой зимы сдѣлался неурожай, и цѣны на хлѣбъ поднялись; и лѣтописецъ восклицаетъ: «О, великое горе было тогда людямъ!» То же случилось въ 1181 году. Въ XIII-мъ вѣкѣ тяжелъ былъ для Новгорода 1215 годъ, во время войны съ Суздальцами. Горькими страданіями покупалъ себѣ народъ въ потомствѣ славу, которую далъ ему въ этой войнѣ Мстиславъ-Удалой; сильный морозъ побилъ озими; получить изъ Россіи было невозможно; Ярославъ держалъ Торжокъ въ своихъ рукахъ и не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ зерномъ. Кадь ржи дошла до неимовѣрныхъ въ то время цѣнъ: до 10-ти гривенъ; овса кадь продавалась по три гривны; рѣпы—по двѣ гривны; и люди—говоритъ лѣтописецъ—ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ, отдавали своихъ дѣтей въ рабство; умирало множество отъ голода: по торгу валялись ихъ трупы и псы не успѣвали ихъ съѣдать». Тогда страшная судьба въ-особенности досталась Водской Землѣ: тамъ все почти народонаселеніе вымерло или разбѣжалось. «И разошлась, печально замѣчаетъ лѣтописецъ,—волость наша и городъ нашъ [1])». Это-то всеобщее бѣдствіе должно-быть и послужило Новгородцамъ побужденіемъ къ той рѣшимости, какую они тогда показали. Въ 1230 году Новгородскій край былъ жестоко пораженъ голодомъ; тогда и во всей Россіи

[1]) Новг. I. 383.

былъ неурожай, исключая Кіева. Въ Новгородской волости сталась бѣда отъ того, что ранніе морозы (на Воздвиженіе) уничтожили озими и цѣны на хлѣбъ стали быстро подниматься. Бѣдняки разбѣгались толпами. «И полны были чужіе грады и страны нашихъ братій и сестеръ— говоритъ лѣтописецъ,—а оставшіеся умирали съ голода; и кто не прослезится отъ этого, видя мертвецовъ, валяющихся по улицамъ, и младенцевъ, съѣдаемыхъ псами. Въ одной скудельницѣ на Прусской улицѣ положено было въ ямѣ три тысячи труповъ умершихъ съ голода. Сверхъ того устроили еще двѣ такія же ямы на Чудинцевой улицѣ и на Колѣнѣ; и тѣ были полны. Пожирали падаль собачью, кошачью; ѣли мохъ, липовую кору, обрѣзывали трупы и пожирали; иные рѣзали свою братью и ѣли; а другіе ихъ за то ловили, жгли огнемъ и вѣшали; а смѣльчаки грабили зажиточныхъ людей, гдѣ только чуяли жито. Всѣ были въ неистовствѣ: братъ надъ братомъ не показывалъ жалости, отецъ надъ сыномъ, мать надъ дочерью; сосѣдъ сосѣду не уломитъ куска хлѣба; не было милосердія между нами — говоритъ лѣтописецъ:—печаль, и тоска, и скорбь, и на улицахъ, и въ домахъ; смотрятъ на то, какъ дѣти плачутъ, просятъ хлѣба и умираютъ. Только и спасенія было, что родители, сами себя обрекая на смерть, отдавали дѣтей гостямъ «одерень», (въ рабство) лишь бы ихъ кормили. Во Псковѣ происходило тоже: былъ голодъ — говоритъ лѣтописецъ — какого никогда не бывало. Люди умирали на улицахъ и ѣли ихъ собаки, какъ мертвую скотину; а живые, провожая въ могилу умершихъ, плакали кровавыми слезами, завидовали прежде-умершимъ, восклицая: «добро вамъ, что вы умерли, невидавши этого горькаго часа!» Въ 1291 году сдѣлался опять неурожай, и ожесточеніе голоднаго народа побуждало его на грабежи зажиточныхъ торговцевъ [1]). Въ 1298 г. на

[1]) Новг. I. 65.

сѣверѣ (тверское извѣстіе) отъ засухи сдѣлалась нужа велія,—загорались сами собою лѣса и болота и былъ падежъ на скотъ [1]). Дороговизна постигла Псковскую волость въ 1303 году [2]). Въ 1309 году сдѣлался голодъ по всей Русской Землѣ; лѣтописецъ прибавляетъ, что тогда мышь поѣла хлѣбъ [3]). Неурожай былъ на сѣверѣ въ 1314 г. [4]), во Псковѣ тогда еще тяжелѣе было, потому-что цѣна зобницы хлѣба простиралась до пятигривенъ [5]). 1421—1423 г. три года сряду былъ въ новгородской области голодъ; во Псковской, напротивъ, сохранилось много старыхъ годовъ хлѣба, и толпы народа искали тамъ убѣжища; отъ многолюдія возникла и тамъ скудость, и много пришельцевъ погибало голодною смертію во Псковѣ и псковскихъ пригородахъ и въ волостяхъ [6]). Къ большему горю Новгородской Земли присоединился къ голоду еще моръ въ 1423 году [7]). Въ 1436 году по причинѣ сильнаго мороза Новгородская волость подвергалась недостаткамъ. [8]) Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что впродолженіи десяти лѣтъ въ Новгородѣ и на волости была дороговизна и недостатокъ хлѣба, такъ-что цѣна доходила до полтины за два короба и была, — говоритъ лѣтописецъ, — христіанамъ скорбь и печаль, и плачь, и рыданіе; на торгу и на улицахъ иные падали и умирали отъ глада, и много убѣжало въ Литву, въ Западную Европу (въ латынство), а нѣкоторые изъ-за хлѣба отдавались бесерменскимъ и жидовскимъ гостямъ». [9]) Наконецъ, въ 1471 году, въ годъ несчастной шелонской битвы, къ удвоенію народнаго бѣдствія въ Новгородѣ, былъ недостатокъ хлѣба и дороговизна.

[1]) Никон. III. 95. [2]) Псков. I. 183. [3]) Никон. Л. III. 105.
[4]) Новг. I. 71. Ник. III. 109. [5]) Псковск. II. 11.
[6]) Пск. II, 24. Пск. I. 202. [7]) Новг. I. 110. [8]) Новг. IV. 121. [9]) Новг. IV. 124.

Причиною неурожаевъ были чаще всего раннiе морозы [1]), побивавшiе озимь; такiе морозы опустошали поля иногда не только осенью, но и середи лѣта. [2]) Иногда, напротивъ, отъ теплой и сырой зимы пропадало зерно [3]). Нерѣдко отъ дождливой погоды хлѣбъ вымокалъ [4]), въ другiе годы была засуха (сухмень) и зерно не имѣло нужной влаги; такъ въ 1471 г. неурожай произошелъ отъ засухи и сильныхъ жаровъ, что̀ такъ помогло Ивану III въ его войнѣ. Случалось, что причиною неурожаевъ были черви, въ-особенности вредные огороднымъ растенiямъ. Памятникомъ послѣдней причины неурожаевъ осталась легенда о св. Варламѣ, о его пророчествѣ, сказанномъ архiепископу Антонiю.

Многоводiе края было причиною, что иногда наводненiя пугали жителей, являлись народнымъ бѣдствiемъ. Независимо отъ вреда, какой наносила сильная мокрота хлѣбному произрастанiю, не разъ встрѣчаются извѣстiя, что какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, вода ломала мосты, мельницы, строенiя и вообще дѣлала вредъ [5]). Въ 1421 году на-

[1]) Въ Псковской Лѣтописи подъ 6822 (1312) г.—«избп мразъ всяко жито»; тоже подъ 6943 (1435) «морозъ бысть въ Петрово говѣнье, поби рожь на поли».

[2]) Псковск. I, 209. — 6944 (1436) «мразъ поби обилiе, въ жатву уже по всей новгородской области. (Новг. IV, 121)».

[3]) Въ Псковской же лѣтописи подъ 6811 (1301) г. «бысть зима тепла, не бѣ снѣга и бысть хлѣбъ дорогъ вельми». То же подъ 6961 (Пск. 1. 215).

[4]) Какъ мѣшали произрастанiю и уборкѣ хлѣба дожди, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста Псковской Лѣтописи. «*зима была добрѣ снѣжна*, а веснѣ вода была велика въ рѣкахъ и не памятятъ люди таковой поводи, и мельницъ много теряло, а на лѣто было дождливо въ сѣнокосѣ и въ жатву, а рожь жати починали въ Богородицкiй постъ поздо, а рожь худа родилася, съ весны были сѣверные вѣтры и мразы и до Петрова говѣнiя, а яровой хлѣбъ былъ добръ, да не дало обряжати хлѣба и ржи и яра дожжами, ни сѣяти хлѣба ржи, послѣ Успеньева дня Пречистыя да до Воздвиженьяго дня честнаго креста дожди.

[5]) «Поиде дождь силенъ и потопе иное все въ погребѣхъ, — иное на площадѣхъ (1337. г. Новг. I. 78); бысть вода велика въ Волховѣ якова не бысть была такова николи ж но велицѣ дня

водненіе въ Новгородѣ было такъ памятно, что лѣтописецъ, описывая его, говоритъ, что и въ древнія лѣта бывали въ Новгородѣ наводненія и записаны въ лѣтописяхъ, но такого, какое онъ видѣлъ, не находилъ въ старыхъ сказаніяхъ: не только мосты были сломлены, и городскій и тѣ, что̀ были около города, но уличные примостки разбились отъ воды, и многія хоромы были низпровергнуты до основанія; къ этому бѣдствію присоединилась страшная буря; и нѣкоторые жили на верхахъ своихъ домовъ, не смѣя сойти по причинѣ водоразлива; нѣкоторые на лодкахъ къ церкви путешествовали, а другіе по доскамъ переходили; девятнадцать монастырей обступила вода и во многихъ церквахъ нельзя было совершать литургіи. Въ то же время вода вмѣстѣ съ бурею разломала ограды садовъ, искоренила и погубила плодовитыя деревья. Къ довершенію страха, внушеннаго народу этимъ явленіемъ, послѣ того случилось одно изъ рѣдкихъ явленій—каменный дождь [1]).

на 3-й недѣли въ среду и снесе великаго моста 10 городень, 1338 Новг. I 78); въ 1421 г. бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великій мостъ и Передичскій и Жилотужской, а съ Коломець и церковь снесе св. Троицю въ а Щиловѣ и на Соколницѣ и въ Радоковицахъ и Въскресеніи въ Людинѣ концѣ; въ тѣхъ церквахъ толко на полатяхъ пѣли, а по концамъ хоромы и съ животы снесе». (Новг. I. 109).

[1]) «Вшедши туча силна съ полудни, испущая громъ страшенъ и молнія огненая съ небеси блескающе, яко нѣсть мощно человѣкомъ видѣти, и пришедши ста надъ градомъ, и убо тученосный облокъ на огнено видѣніе преложися, и въ тацихъ же облацѣхъ помышляху людіе всяко огнено быти или пламени пожигаа грѣшники, и убоявшеся людіе отъ страха и ужасошася вопіяху койждо: Господи помилуй! Бысть дождь силенъ и градъ убо, и каменіе являшеся изъ облока». Новг. II, 139.

Глава осьмая.

ТОРГОВЛЯ.

I.

ДРЕВНІЯ ИЗВѢСТІЯ О ТОРГОВЛѢ НОВГОРОДА СЪ ЗАПАДОМЪ. ГОТЛАНДЪ, ЛЮБЕКЪ, ИНОЗЕМНЫЕ ДВОРЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Древнѣйшіе намеки на торговлю на сѣверѣ Россіи сохраняются въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ скандинавскихъ сагъ и средневѣковыхъ лѣтописей. Въ сагѣ Олафа святаго говорится о какомъ-то Гудлейкѣ, который отправлялся in regnum Gardorum по порученію короля Олафа для покупки шелковыхъ одеждъ [1]), дорогихъ мѣховъ и столовой утвари. Въ этомъ извѣстіи рисуется и тогдашній образъ веденія торговли, которая была подвержена множеству затрудненій и опасностей на пути. Ѣдучи въ Гарды, этотъ купецъ былъ задержанъ на Готландѣ, а когда онъ возвращался назадъ, напалъ на него Торгётъ, непріятель Олафа, вступилъ съ нимъ въ бой и убилъ его со всею свитою, отнявъ его сокровища. Въ свою очередь явился иной молодецъ, Эй-

[1]) Gudleikas cum quo contenderet pervenisse multa cimelia regi soliquae emit et sericum quod ornatui regio destinavit et alias vestes electiores et pelles pretiosas et eximiam mensae supellectilem concilavit. (Historia de Olavo Sancta. Scripta Hist. Island. IV. 124—125).

вандъ, убилъ Торгёта, отнялъ сокровища Гудлейковы и потомъ уступилъ ихъ королю Олафу, на деньги котораго онѣ были куплены. Другое сѣверное извѣстіе говоритъ, что Гаральдъ Гаарфагеръ, жившій въ X-мъ вѣкѣ, посылалъ своего довѣреннаго Гаука-Габрока въ Русь покупать товары; онъ прибылъ туда во время ярмарки и накупилъ тамъ золотошвейныхъ тканей для одеждъ, какихъ въ Норвегіи и не видывали. Въ Геймскринглѣ разсказывается объ одномъ купцѣ, по имени Лодинѣ, ѣздившемъ въ Эстонію для обмѣна товаровъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что датскіе купцы во времена Гальфданга, отца Гаральда Гильдетана, плавали въ Русь и приводитъ имя какого-то купца Симунда, изъ торговаго города Сигтуны; разсказываетъ также о сынѣ какого-то шведскаго короля, который на двухъ корабляхъ совершалъ торговыя операціи съ Русью или Греціею. Россію смѣшивали съ Греціею, (по мнѣнію Рассмуссена ob nominum similitudinem) какъ по географическому положенію въ отношеніи Скандинавіи, такъ и потому что Россія исповѣдывала греческую вѣру. Въ царствованіе Свента Естритсена, процвѣтала торговля Раскильдіи и тамъ стояло въ гавани много кораблей, ходившихъ въ Россію. Эти извѣстія темны, но указываютъ на древнее торговое значеніе Сѣверно-Русскаго края, черезъ который производились сношенія Сѣвера съ Югомъ и Востокомъ. По замѣчанію Бермана, въ Помераніи находятъ арабскія монеты и точно такія же монеты были находимы около Новгорода [1]). Это указываетъ на древнее торговое значеніе послѣдняго Во время цвѣтущаго состоянія славянскаго города Юлина, а также Сигдуна и Гатеби на Шлезвигѣ, безъ сомнѣнія, уже были сношенія съ Новгородомъ. Шлезвигъ велъ торговлю съ Русью [2]). При описаніи раз-

[1]) Berm. 34.

[2]) Torph. t. III, pag. 331.

зоренія Шлезвига упоминается между прочимъ о русскихъ товарахъ. Адамъ бременскій (XI-го вѣка) говоритъ о плаваніи изъ Юлина въ Острогардъ русскій. По извѣстію этого писателя, на островахъ Борнгольмѣ и Готландѣ въ его время были порты, куда сходились корабли, ходившіе въ Русь [1]). Хотя трудно опредѣлить съ совершенною точностію, что разумѣлось подъ русскимъ Острогардомъ, но то несомнѣнно, что торговля изъ славянскихъ городовъ южнаго балтійскаго побережья направлялась по Балтійскому морю въ Сѣверо-восточную Россію. Долженъ былъ существовать съ древняго времени торговый пунктъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи является торговая дѣятельность Новгорода. Древніе славянскіе прибалтійскіе города безспорно вели съ Россіею торговлю, и нѣмецкіе города, возникшіе на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря послѣ паденія славянскихъ, преемственно получили отъ нихъ эту торговлю.

О торговлѣ со Скандинавіею во время Ярослава видно изъ того, что когда былъ убитъ другъ его Олафъ, то князь русскій воспретилъ торговлю съ Норвегіею. По мнѣнію Бермана [2]) черезъ Россію Скандинавскія Земли получали произведенія Востока, напримѣръ, драгоцѣнные камни, азіятскія ткани, арабскіе и персидскіе ковры. На привозъ драгоцѣнныхъ камней указываетъ то, что въ Скандинавіи гробы королей украшались драгоцѣнными камнями. Кромѣ того, Скандинавія получала черезъ Россію греческія произведенія. Послѣ того, какъ нѣмецкіе города возникли и стали населяться, въ XII-мъ вѣкѣ, императоры нѣмецкіе и датскіе короли спорили за право владѣть этими городами, и одинъ передъ другимъ старались привлечь на свою сто-

[1]) Rasmussen de oriente commerc, 17.

[2]) Die skra von Nowgorod, стр. 41.

ону жителей и давали имъ привилегіи, обезпечивавшія и покровительствовавшія ихъ торговому значенію. Такъ Фридрихъ I-й далъ привилегію Любеку въ 1189 году. Вольдемаръ датскій тому же городу въ 1202 году и Бремену въ 1220. Эти привилегіи освобождали города отъ налоговъ, гарантировали имъ свободное судопроизводство внутри и неприкосновенность собственности. Въ то же время другіе иноземные государи, по отношенію къ своимъ землямъ, давали привилегіи германскимъ прибалтійскимъ городамъ, напримѣръ англійскіе короли Ричардъ и Іоаннъ Безземельный. Центромъ торговой дѣятельности въ XII вѣкѣ на всемъ балтійскомъ бассейнѣ сталъ на островѣ Готландѣ городъ Висби. Въ значительномъ количествѣ переселялись туда нѣмецкіе промышленники и вступали въ одну корпорацію съ туземцами, Готами. Не обходилось безъ кровавыхъ недоразумѣній между нѣмцами и туземцами, какъ это показываетъ примирительный между ними актъ, заключенный въ 1163 году при посредствѣ герцога Генриха Льва [1]). Несмотря на такія столкновенія, взаимныя выгоды были столь важны, что на Висби составился правительственный Совѣтъ Управленія изъ тридцати шести засѣдателей отъ обоихъ народовъ и два фогта—одинъ изъ Готовъ, другой изъ Нѣмцевъ: они завѣдывали правильнымъ ходомъ торговли. Впрочемъ, въ торговомъ отношеніи Нѣмцы и Готландцы составляли особыя компаніи [2]). Взаимная корысть сближала Нѣмцевъ и Готовъ: товарищество готландское возрастало быстро и богато; важнѣйшій источникъ его обогащенія въ XII-мъ вѣкѣ была торговля съ восточною Европою, которой туземнымъ центромъ, за предѣлами германскаго міра, былъ Новгородъ.

¹) Sart., II. 5.
²) Herm. Beitr. 4.

Важность и обширность значенія этой торговли доказывается тѣмъ преуспѣяніемъ, какое Готландъ получилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ дѣятельную и постоянную торговлю съ Новгородомъ. Въ XII вѣкѣ Новгородцы посѣщали Готландъ и проживали тамъ для торговыхъ операцій и Готландцы жили въ Новгородѣ. О многочисленности тѣхъ и другихъ можно судить потому, что на Готландѣ существовала русская церковь, а въ Новгородѣ была варяжская [1]). Готландцы имѣли въ Новгородѣ свою факторію, называвшуюся готскимъ дворомъ. Торговыя сношенія въ XII вѣкѣ не ограничивались у Новгорода Готландомъ и велись также съ южно-балтійскими нѣмецкими городами; Новгородцы посѣщали эти города и проживали тамъ: напримѣръ въ Любекѣ, какъ это видно изъ грамоты императора Фридриха, гдѣ, между иноземными торговцами, проживавшими въ Любекѣ, упоминаются и Русскіе [2]). Нѣмцы, вступившіе въ готландскую корпорацію, мало-по-малу стали брать первенство надъ туземцами и, наконецъ, совершенно ихъ вытѣснили. Разомъ съ этимъ и прибалтійская торговля Новгорода перешла въ руки Нѣмцевъ. Уже въ XII-мъ вѣкѣ рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ возникъ другой—нѣмецкій; его основали, вѣроятно, нѣмецкіе торговцы Готланда и онъ былъ сначала только какъ-бы отдѣленіемъ готскаго, но состоялъ съ нимъ подъ однимъ главнымъ управленіемъ. Оба двора зависѣли отъ нѣмецко-готской купеческой компаніи въ Висби.

Но въ исходѣ XII-го вѣка, въ системѣ торговыхъ отношеній, совершился переворотъ: въ XIII вѣкѣ безпорядки въ Гер-

1) Lehrberg 268, Sart. 13.

2) Rutheni, Gothi, Normanni, et ceterl gentes orientales absque thel neo et absque *gansa*, ad civitatem saepius dictam veniunt et libere recedunt Sart. II, 9.

маніи, вредные для торговли, побудили города для своей безопасности соединиться въ союзы. Такъ образовалась Нѣмецкая Ганза. Городъ Любекъ быстро возвысился и сталъ во главѣ союза. Привилегіи англійскихъ королей, фландрійскихъ владѣтелей и скандинавскихъ государей помогали развитію этого союза. Вмѣстѣ съ этимъ и нѣмецкій торговый дворъ подчинился Любеку [1]). До того времени союзные купцы всѣхъ нѣмецкихъ городовъ имѣли равное право пребывать на новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, и нѣмецкій дворъ составлялъ какъ-бы маленькую независимую колонію; но въ это время купцы всѣхъ городовъ обязались, что новгородскій нѣмецкій дворъ будетъ о дѣлахъ своихъ относиться въ Любекъ. Причина гегемоніи Любека состояла въ выгодахъ, которыя купцы получали подчиняясь этому городу. Любекъ получилъ въ разное время отъ скандинавскихъ владѣтелей привилегіи обезпечивавшія свободное плаваніе и торговлю по Балтійскому морю, даже и въ военное время; напримѣръ въ 1268—1285 г. онъ получалъ привилегіи отъ короля Магнуса, отъ эстонской Агнесы на торговлю съ Эстляндіею, отъ Эрика въ 1287 году, Вольдемара герцога ютландскаго, Эрика и Вольдемара въ 1312 [2]). Впрочемъ вѣковыя привычки еще долго обращали новгородскую торговлю на Готландъ, и Любекъ долженъ былъ выдержать соперничество съ Висби и на время дѣлать уступки. Такимъ-образомъ управленіе новгородскою факторіею зависѣло равномѣрно отъ Любека и Висби вмѣстѣ, а начальникъ факторіи назначался попеременно—разъ отъ Любека, другой послѣ того отъ Висби. Но Готландъ годъ-отъ-году упадалъ; Любекъ годъ-отъ-году возрасталъ въ своемъ значеніи;—подъ его

[1]) Sart. 177. 185.

[2]) Sartort стран. 75, 146, 147, 153, 262.

первенствомъ поднимались другіе города, и въ XIV-омъ вѣкѣ, союзъ Ганзы совершенно образовался. Составился *стевенъ*—сеймъ союзныхъ городовъ. Тогда новгородская факторія внутри получила болѣе самостоятельности, а въ важнѣйшихъ случаяхъ стала зависѣть отъ сейма. Ему принадлежало верховное разбирательство спорныхъ дѣлъ, назначеніе пошлинъ, постановленія о способахъ веденія торговли. Тогда и посольства и сношенія съ Новгородомъ дѣлались отъ имени Сейма или всего Союза. Участь готландскаго (или готскаго) двора въ XIII-мъ вѣкѣ неизвѣстна; вѣроятно, онъ боролся и соперничалъ съ нѣмецкимъ, пока наконецъ долженъ былъ уступить. Въ XIV-мъ вѣкѣ готскій дворъ уже находится въ подчиненіи у нѣмецкаго. Въ 1351 г. было издано постановленіе, воспрещавшее продажу пива на готскомъ дворѣ,—доказательство, что готскій дворъ находился уже въ полной зависимости отъ Ганзы. Въ 1402 г. готскій дворъ былъ отданъ въ пользованіе нѣмецкому купцу по распоряженію уполномоченнаго въ Висби, срокомъ на десять лѣтъ. Такимъ-образомъ, готскій или готландскій дворъ былъ уже не особое торговое учрежденіе, а только зданіе, принадлежавшее нѣмецкому двору.

II.

ДОГОВОРЫ СЪ ГАНЗОЮ И ПРАВА НѢМЕЦКИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Отношенія нѣмецкаго двора и вообще торгующихъ иностранцевъ къ Новгороду опредѣлялись въ договорахъ, заключаемыхъ Новгородомъ съ Ганзою. Существуетъ пять древнихъ такихъ актовъ [1]), изъ которыхъ пространнѣе другихъ излагаютъ правила два;—первый однако нѣкоторые ученые считаютъ только однимъ проэктомъ, не утвержденнымъ формально [2]). Ризенкампфъ справедливо

[1]) Ярослава Владиміровича 1195 г., Александра Невскаго 1257—1259 г., неизвѣстный, считаемый проэктомъ, договоръ Ярослава Ярославича около 1270 г., договоръ Андрея Александровича около 1301—2 г.

[2]) Главное, на что опирались для подтверженія этой мысли, было то, что въ этомъ актѣ предоставляются Нѣмцамъ такія выгоды, которыя едва ли возможно допустить со стороны Новгорода; напримѣръ, предоставляется судъ Нѣмцамъ надъ Новгородцами вслучаѣ тяжбы съ нѣмецкими торговцами; допускаются тѣлесныя наказанія, которыхъ не было въ Новгородѣ. Такого мнѣнія держались Сарторій и Карамзинъ. Другаго мнѣнія были Лербергъ и Славянскій, развившій эту мысль въ своемъ сочиненіи: «Историческое обозрѣніе сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ». Они считали его дѣйствительнымъ договоромъ. Время составленія этого акта также было предметомъ недоразумѣній и разнорѣчій. Славянскій указывалъ на одинъ документъ (въ Codex Lubec.), изъ котораго видно, что миръ въ 1270 году заключенъ такой же, какъ нѣкогда во время Волквина и епископа Альберта, и полагалъ, что договоръ, на который

замѣчаетъ, что если этотъ договоръ дѣйствительно не болѣе какъ проэктъ, то все-таки въ немъ сохраняются обычаи, наблюдавшіеся въ древности и составлявшіе обычное право сношеній Новгорода съ Варягами. Черезъ столѣтіе, именно въ 1371 году, мы видимъ дѣйствительно примѣры, что нѣмецкіе послы сами написали проэктъ для подписи Новгородцевъ, но послѣдніе не согласились на него. Такимъ-образомъ видно, что встарину было въ обычаѣ у Нѣмцевъ составлять договоры, какъ-будто отъ лица Новгорода и потомъ уже предлагать [1]). Второй документъ относится къ 1268—1270 годамъ, заключенъ княземъ Ярославомъ, котораго Новгородцы принудили не нарушать

ссылаются здѣсь, какъ на давно происходившій, есть именно этотъ самый. Лербергъ относитъ его къ 1201 году, Славянскій—къ 1229. Первый основывается на извѣстіи Новгородской лѣтописи, что въ тотъ годъ (1201) послѣдовало примиреніе съ Варягами, послѣ того, какъ тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ Варяги были изгнаны изъ Новгорода. Славянскій относилъ составленіе этого документа къ 1229 году на томъ основаніи, что въ этотъ годъ новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ предпринималъ походъ противъ Риги,—Псковичи не пошли съ нимъ, отговариваясь тѣмъ, что они въ мирѣ съ Ригою. Тогда Новгородцы отказали своему князю въ содѣйствіи и заключили миръ съ Нѣмцами. Ризенкампфъ (Der Deutsche Hof zu Nowgorod. 68) справедливо замѣчаетъ, что о документѣ этомъ основательно можно сказать только то, что онъ долженъ былъ состояться не ранѣе 1206—1219 годовъ и не позже 1293 года. Въ промежуткѣ первыхъ годовъ княжилъ въ Новгородѣ князь Константинъ, о которомъ говорится въ документѣ какъ о князѣ, ранѣе договора, даровавшемъ Нѣмцамъ привилегіи въ Новгородѣ; не позже 1293 года, потому что островъ Берно, упоминаемый въ договорѣ какъ владѣніе новгородское, сдѣлался тогда шведскимъ владѣніемъ. Что же касается до точнаго опредѣленія года, когда этотъ документъ могъ послѣдовать, то Ризенкампфъ приблизительно готовъ принимать 1231 годъ, когда въ Новгородѣ былъ голодъ, а Нѣмцы доставляли туда хлѣбъ и сдѣлали, по сознанію туземныхъ лѣтописей, большое благодѣяніе краю. Андреевскій считаетъ его только за проэктъ, а не за настоящій договоръ, указываетъ на слово postulant, которое можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь Нѣмцы только предлагаютъ условія, изложенныя въ документѣ, но судомъ еще не утвержденныя (jura et libertates prescriptas quas hospites mercatores sibi in dominio regis eo nogardensium sibi fieri postulant).

[1]) Bung.. III, 3. 269.

правъ нѣмецкихъ купцовъ. Время, указываемое для этого документа, потверждается тѣмъ, что ливонскій ландмейстеръ Оттофонъ-Роденштейнъ извѣщаетъ Любечанъ о счастливомъ исходѣ дѣла, совершеннаго послами ихъ Генрихомъ Вуллентуномъ, Людольфомъ и Іаковомъ, а эти самыя имена встрѣчаются въ договорѣ.

Нѣмцы старались держаться въ Новгородѣ особою колоніею и составлять отдѣльную корпорацію, которая управлялась собственными правилами. Внутреннія дѣла нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства. Нѣмцы могли свободно пріѣзжать въ Новгородъ и проживат въ своемъ нѣмецкомъ дворѣ на извѣстныхъ для нихъ условіяхъ: Новгороду до этого не было дѣла. Изъ многихъ ганзейскихъ конторъ, находившихся въ разныхъ городахъ Европы, ни одна не была на столько изолирована отъ мѣстнаго общества, какъ новгородская. Тогда какъ въ Лондонѣ и Брюгге встрѣчались случаи, когда торгующіе члены союза могли обращаться къ посредству мѣстной управы по своимъ дѣламъ, въ новгородской конторѣ такихъ случаевъ не представлялось. Новгородскій подвойскій и биричь не смѣли войти въ нѣмецкій дворъ. Если Новгородецъ имѣлъ дѣло до Нѣмца, онъ долженъ былъ обращаться къ начальству нѣмецкаго двора, выборному альдерману, и только тогда, когда былъ недоволенъ судомъ его, обращался къ своему правительству, но не иначе, какъ къ высшимъ правителямъ, посаднику и тысячскому: второстепенные судьи и правители не могли рѣшать тяжбу Новгородца съ Нѣмцемъ. Въ такомъ случаѣ судъ производился обыкновенно при посадникѣ или тысячскомъ и при выборныхъ купцахъ, имѣвшихъ значеніе судныхъ мужей, на дворѣ церкви святаго Ивана-на-Опокахъ; но установлены были правила, клонившіяся къ предотвращенію невыгоднаго положенія нѣмецкой сторо-

ны. Такимъ-образомъ, по первому документу, въ тяжебномъ дѣлѣ свидѣтелей должно быть непремѣнно два: одинъ Новгородецъ, другой Нѣмецъ, и когда ихъ показанія бывали сходны между собою, тогда онѣ считались юридическими доказательствами. Въ случаѣ разногласія бросали жребій, чье свидѣтельство слѣдуетъ принять за истинное. По второму, слѣдуетъ представить обоимъ одного и того же свидѣтеля, и если не будетъ такого, то дѣло рѣшалось жребіемъ: въ чью пользу жребій выпадетъ, того свидѣтеля показаніе принималось за истинное. Насилія и обиды по новгородскому праву наказывались пенею: за убійство посла, священника и альдермана 20 гривенъ, за простаго купца десять гривенъ серебра. Новгородцы тѣмъ же правомъ пользовались за границею. За рану платилось полторы гривны, а за рану рабу по первому документу гривна, за ударъ или пощечину по первому документу полгривны, по второму три ѳердинга. По первому документу, тотъ, кто вламывался въ нѣмецкій дворъ и производилъ въ немъ буйство, платилъ тоже двадцать гривенъ, хотя бы и не сдѣлалъ убійства, и десять гривенъ тогда, когда пустилъ во дворъ камень или стрѣлу. Во второмъ документѣ за такіе поступки глухо опредѣлено — судить по обычаю (пошлинѣ). Ни Новгородецъ за границею, ни нѣмецкій торговецъ въ Новгородѣ, не могутъ быть арестованы за долги. Арестъ на имущество иноземнаго торговца могъ быть наложенъ только тогда, когда судъ о долгѣ впродолженіи трехъ лѣтъ не могъ дать рѣшенія. Съ другой стороны, для того, чтобы долгъ иноземному торговцу былъ скорѣе выплачиваемъ, постановлено было, что съ задолжавшаго разнымъ лицамъ Новгородца прежде всего взыскивался долгъ иноземцу. Торговля была мѣновая или же должна была производиться на металлы, которыхъ достоинство оцѣнивалось и гарантировалось правительственными лицами и утверждалось штем-

пелемъ. Новгородъ обязывался принимать подъ свою отвѣтственность иноземныхъ купцовъ, коль скоро они достигали острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской Земли. Доплывши до Котлина, иноземцы посылали передовыхъ до устья Невы и давали о себѣ знать; тогда Великій Новгородъ высылалъ пристава и отряжалъ купцовъ для принятія гостей,—они провожали ихъ до самого Новгорода. Иноземцы имѣли право брать новгородскихъ лоцмановъ для провода судовъ отъ устья Невы до Ладоги. Отъ Ладоги по Волхову нанимали другихъ лоцмановъ, которые исключительно занимались проводомъ судовъ черезъ волховскіе пороги (Vorsch). Такъ-какъ здѣсь уже морскія суда не годились, то иноземцамъ давали особыя, приспособленныя къ тому суда; они перекладывали на нихъ свои товары и плыли на нихъ по Волхову. Новгородъ ручался за безопасность гостей, но избавлялся отъ всякой отвѣтственности, если они не дали о себѣ знать и не просили содѣйствія новгородскаго правительства. Иноземцамъ на пути по Невѣ предоставлялось право рубить деревья для снастей. Въ случаѣ какой-нибудь покражи, воръ судился въ Ладогѣ, если покража сдѣлалась на Невѣ; а если она сдѣлалась во время пути по Волхову, то—въ Новгородѣ; въ первомъ документѣ значится, что въ такомъ случаѣ воръ отплачивался двумя гривнами, если онъ укралъ на полгривны кунъ; но долженъ быть наказанъ розгами и клейменъ на щекѣ или заплатить десять гривенъ тогда, когда цѣна украденной вещи не выше полгривны; за важнѣйшее воровство казнили смертію.

Достигая Гостинополья, гости подвергались осмотру и облагались легкою пошлиною, но безъ платежа ее. Отъ Гостинополья гости плыли въ Новгородъ и приставали къ берегу въ городѣ и только здѣсь платили положенную въ Гостинопольѣ пошлину, болѣе какъ благо-

дарность за содѣйствіе къ благополучному прибытію судна. Пошлина эта была по гривнѣ съ ладьи; а съ пудовъ, нагруженныхъ льномъ, мукою, пшеницею, платили полгривны; суда, нагруженныя однимъ съѣстнымъ, ничего не платили. Съ берега извозчики брали иноземные товары на возы и провозили на нѣмецкій или готскій дворъ. Чтобы избѣгнуть съ одной стороны конкурренціи рабочихъ, съ другой недоразумѣній и жалобъ, установлена была однажды навсегда плата рабочимъ, необходимымъ при провозѣ и выгрузкѣ товаровъ; — постановлено было, что лоцманы, проводившіе суда по Невѣ, получали по пяти марокъ кунъ или одинъ окорокъ, а отъ Ладоги до Новгорода и обратно по три марки кунъ или полъ окорока [1]). Извозчики, возившіе товары съ суденъ до дворовъ, брали за провозъ до нѣмецкаго двора по 15-ти кунъ, а до готскаго десять кунъ съ каждаго судна, а съ отходящихъ по полгривнѣ кунъ. При отъѣздѣ за границу гости давали одну гривну церкви, называвшейся Fridach — это церковь св. Пятницы, построенная компаніею новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иноземцами. Сверхъ того, при продажѣ вѣсовыхъ товаровъ, иноземцы платили вѣсовую пошлину (по двѣ куны отъ капи) [2]). Всѣ эти привилегіи давались Новгородцами какъ Нѣмцамъ, такъ равно и Готландцамъ. Свободная торговля предоставлялась не только въ городѣ, но и по всей Новгородской Землѣ; позволялось торговать и съ инородцами въ Ижорѣ и Корелѣ; но Великій-Новгородъ не принималъ на себя отвѣтственности, если бы что-нибудь дурное случилось въ путешествіи съ иноземнымъ торговцемъ. Такъ-

[1]) Dhe schall hebben uor sine spise v marc cunen ofte enen baken: по толкованію Сарторія—окорокъ. Sart. II. 99.

[2]) Въ первомъ договорѣ, лоцманы, доводившіе нѣмецкія суда до Рыбацкой слободы, получали по 8 куньихъ мордокъ (VIII capita martarorum) и по два полотенца (вѣрно куски холста).

какъ Новгородъ часто бывалъ тревожимъ войнами и внутренними волненіями, то иноземцы старались оградить себя на этотъ случай. Съ кѣмъ бы ни находился Новгородъ въ войнѣ, проживавшіе въ немъ иноземцы пользовались полнымъ нейтральнымъ положеніемъ. Гости безпрепятственно могли ѣздить, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Въ самомъ городѣ, чтобъ иноземцы случайно не сдѣлались жертвою смутъ, постановлено было, что близъ нѣмецкаго и готландскаго дворовъ не должны собираться молодцы играть на палкахъ — обычная новгородская игра, которая въ нѣмецкомъ документѣ называется (вѣроятно испорченнымъ словомъ) «веленъ»; сверхъ-того, чтобъ на восемь шаговъ кругомъ, около иноземныхъ дворовъ оставлено было незастроенное мѣсто. Если дворъ, почему-нибудь, оставался пустъ, то онъ повѣрялся владыкѣ, и юрьевскому архимандриту. Впрочемъ, правила, обезпечивавшія иноземцевъ, не всегда соблюдались и не могли соблюдаться строго, особенно когда Новгородъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями и особенно съ Орденомъ. Кромѣ главнаго воднаго пути, существовали еще другіе, и именно черезъ Псковъ: суда достигали Пернова или же Нарвы; товары шли по Наровѣ, или перевозились по сухопутью до Эмбаха; ладьи везли по этимъ рѣкамъ товары до озера, а потомъ до Пскова. Въ случаѣ небезопасности воднаго пути, главные товары везли сухопутьемъ черезъ Вирландъ. Кромѣ указанныхъ путей, запрещалось возить товары другими путями; и всякій другой, самовольно избранный путь, наказывался какъ контрабанда.

III.

УСТРОЙСТВО НѢМЕЦКАГО ТОРГОВАГО ДВОРА.

Внутренній бытъ и управленіе нѣмецкаго двора опредѣлялись правилами, утвержденными отъ ганзейскаго союза. Эти правила назывались «*Скры*» и были прибиты въ нѣмецкомъ дворѣ для всеобщаго и постояннаго свѣдѣнія [1]).

[1]) По толкованію историка Ганзы, Сарторія, слово это исландское и означаетъ книгу или доску; однако это слово, кромѣ Новгорода, не упоминалось нигдѣ въ ганзейскихъ факторіяхъ. До насъ дошло три «скры». Первая относится къ первой половинѣ XIII вѣка и заключаетъ вообще обычное право (die Rechts gewoncheiten). Издатель скры, Берманъ (die Scra v. Nowogr. стр. 32), справедливо замѣчаетъ, что существованіе предметовъ, упоминаемыхъ въ первой Скрѣ, какъ напримѣръ: комнаты для жилья, церкви и т. п. указываетъ, что записанное въ ней существовало и прежде и, слѣдовательно, подчинялось какимъ-нибудь обычаямъ. Эти-то обычаи теперь написаны были въ видѣ устава. Нельзя даже относить начало существованія этихъ обычаевъ ко времени возвышенія Любека, къ 1156 г., потому что самый языкъ первой скры носитъ отпечатокъ болѣе отдаленной старины. Въ прежніе вѣка Новгородъ велъ торговлю со славянскими прибалтійскими городами и съ нѣмецкими, процвѣтавшими еще до Любека, а именно: Бардевикомъ, Эртенсбургомъ, Великимъ Мекленбургомъ, Вестальскимъ Соестомъ; при основаніи Любека, изъ этихъ городовъ а также изъ славянскихъ, перешли туда купцы и принесли свои прежніе

Духъ корпораціи, общій въ то время въ торговомъ мірѣ, какъ по трудности дѣйствовать единично, такъ и по причинѣ путевыхъ опасностей, требовавшихъ взаимнаго содѣйствія къ ихъ преодолѣнію, составлялъ главную черту нѣмецкой факторіи въ Новгородѣ. Иноземцы прибывали въ Новгородъ артелями или «адмиралтействами,» которые имѣли до нѣкото-

обычаи. Такимъ-образомъ, правила, изложенныя въ первой скрѣ, есть сборникъ древнихъ извѣчныхъ обычаевъ, наблюдавшихся въ Новгородѣ у иноземныхъ купцовъ, издавна производившихъ тамъ торговые обороты. Вторая скра возникла въ концѣ XIII-го вѣка, когда уже явился перевѣсъ Любека надъ торговыми нѣмецкими городами. Она пространнѣе первой, но не противорѣчитъ ей, а служитъ дополненіемъ; она вмѣщаетъ въ себѣ все, что заключается въ первой, буквально, но до того мѣста, гдѣ говорится о ежегодномъ храненіи казны въ Висби: тутъ вмѣсто города Висби, которому дается значеніе казнохранилища въ первой скрѣ. во второй стоитъ Любекъ. За нимъ удерживается право рѣшать возникавшіе споры и недоумѣнія въ новгородской факторіи. Вторая скра втрое пространнѣе первой и заключаетъ въ себѣ, кромѣ древнихъ обычаевъ, извлеченія изъ положительнаго Любскаго Права. Третья скра заключаетъ въ себѣ рѣшенія и опредѣленія, начиная съ 1315 года до второй половины XIV-го вѣка (1370 г.), составленныя управленіемъ новгородскаго двора по разнымъ случаямъ. Между-тѣмъ тамъ повторяются и прежнія постановленія. Для составленія этой скры въ 1370 году пріѣзжали въ Дерптъ депутаты изъ Любека и Готланда. Тогда нѣмецкій торговый дворъ вступилъ въ подчиненность Союзу, и Висби опять раздѣляло съ Любекомъ свое торговое значеніе. Составленіе новой скры произошло отъ того, что на нѣмецкомъ дворѣ прежняя пришла въ ветхость и исписана была непринадлежащими къ дѣлу прибавленіями. Это было въ то время, когда война съ Ливоніею нарушила въ Новгородѣ ходъ торговли, и нѣмецкій дворъ нѣсколько времени оставался пустымъ. Тогда нужно было возобновить торговую дѣятельность. Въ современномъ актѣ, относящемся до этого событія (Bung. III. 3. 251) говорится, что предъ тѣмъ болѣе двухъ лѣтъ продолжалась война у Новгородцевъ съ Нѣмцами; церковь св. Петра была заперта, утварь, богослужебныя одежды, книги, все писанное, и въ томъ числѣ скра, были взяты и переданы посламъ Ганзы въ Дерптѣ. Тогда нашли, что въ скрѣ нѣкоторые листы были вырваны и въ самый текстъ вписано много не принадлежащаго къ дѣлу. Положили переписать съизнова скру и постановили, чтобы на будущее время альдерманы берегли ее подъ страхомъ пени 10-ти марокъ серебра; а кто окажется виновнымъ въ вырѣзкѣ изъ нея части или въ самовольной припискѣ въ нее чего-нибудь, тотъ поплатится за это жизнію или имѣніемъ.

рой степени свою самостоятельность и всѣ вмѣстѣ, по отношенію ко двору или факторіи, составляли цѣлое. Общее раздѣленіе иноземныхъ купцовъ, принадлежавшихъ ко двору, было на лѣтнихъ и зимнихъ, или на водопутныхъ и сухопутныхъ. Сначала эти раздѣленія имѣли различныя права, такъ что водопутные пользовались преимуществами Сухопутные или зимніе были преимущественно Ливонцы, а къ нимъ присоединялись также купцы изъ Пруссіи. Ливонскіе города составляли отдѣльныя отъ Ганзы корпораціи, впослѣдствіи же онѣ соединились съ Ганзою и въ XIV-мъ вѣкѣ раздѣленіе купцовъ на водопутныхъ и сухопутныхъ исчезаетъ. Вообще ганзейскій союзъ не благоволилъ къ сухопутнымъ поѣздкамъ и даже формально запрещалъ ихъ. Такое запрещеніе послѣдовало въ 1344 году [1]). Отличительный характеръ новгородской конторы отъ другихъ между прочимъ, состоялъ въ томъ, что въ ней не было постоянныхъ торговцевъ-жильцевъ, какъ напримѣръ въ Лондонѣ, Бергенѣ и другихъ европейскихъ городахъ. Новгородской дворъ только посѣщали. Это было причиною, что его устройство носило подобіе дорожной компаніи и должностныя лица выбирались каждый разъ путешественниками, пріѣзжавшими на время въ Новгородъ. Время пребыванія ихъ было ограничено: лѣтніе жили до послѣдней навигаціи, зимніе до послѣдняго зимняго пути. Кромѣ раздѣленія на водопутныхъ и сухопутныхъ, тѣ и другіе дѣлились на коллегіи или отдѣлы (Ausshüsse) по мѣстамъ ихъ жительствъ, откуда они приходили. Но въ Новгородѣ коллегіи эти означали только мѣстность, откуда пришли купцы, а не части союза. Купцы собственно составляли отдѣленія только для удобства помѣщенія; въ концѣ XV-го вѣка появились раздѣленія на трети, а потомъ.

[1]) В. Hans. p. 279,

на чети уже по частямъ союза; раздѣленіе это существовало уже прежде въ другихъ конторахъ, а въ новгородской ввелось позже;—когда именно-опредѣлить трудно: въ половинѣ XIV-го вѣка (1363 г.) являются трети по поводу допущенія Рижанъ и вообще Ливонцевъ въ нѣмецкій дворъ; тогда состоялось постановленіе, представлявшее новодопущеннымъ третью часть двора (tertiam partem). Раздѣленіе на чети является уже въ концѣ XV в., но нельзя признавать его возникшимъ только тогда: вѣроятно, это былъ уже прежде того существовавшій обычай.

Всѣ, проживавшіе въ нѣмецкомъ дворѣ, имѣли сословное дѣленіе на мейстеровъ, кнехтовъ и учениковъ. Мейстеры были хозяева; прибывавшіе на ихъ счетъ кнехты,—ихъ приказчики или подручники. Было постановлено, чтобы кнехты не оставляли мейстеровъ, а мейстеры не прогоняли кнехтовъ безъ особыхъ причинъ; но мейстеръ обязанъ былъ своего кнехта отправить назадъ въ отечество, гдѣ его нанялъ. Мейстеры составляли совѣтъ (стевенъ) то́ въ бо́льшей, то́ въ ме́ньшей зависимости отъ власти Ганзейскаго союза. Сначала онъ дѣйствовалъ независимо. Послѣ усиленія Любека онъ подчинился ему. Потомъ Любекъ раздѣлялъ свою власть надъ нимъ съ Висби—новгородская контора зависѣла разомъ отъ двухъ городовъ, а когда Ганзейскій Союзъ совершенно сформировался—отъ цѣлаго собранія. Въ древнія времена стевенъ выбиралъ главнаго чиновника, алдермана двора. Впослѣдствіи, въ концѣ XIII-го вѣка, стевенъ потерялъ это право и альдерманъ назначался отъ Любека и Висби, такъ-что тотъ и другой городъ попеременно посылалъ альдермана въ Новгородъ одного за другимъ, а съ половины XIV-го вѣка альдерманъ назначался цѣлымъ союзомъ не обращалось вниманія, изъ какого города онъ происходилъ. Альдерманъ двора имѣлъ право суда и даже право казнить смертію; былъ блюститель порядка,

велъ сношенія съ начальствомъ ганзейскаго союза и съ русскими; отпускалъ купцовъ, позволялъ и запрещалъ ввозъ и покупку товаровъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ все управленіе; власть его была почти деспотическая, такъ-что остальныя должностныя лица были въ-сущности — его подручники. Онъ выбиралъ себѣ по желанію изъ мейстеровъ четырехъ ратмановъ, называемыхъ *мудрыми*. Они были его помощники въ дѣлахъ. За альдерманомъ слѣдовали двое должностныхъ лицъ, называемыхъ альдерманы св. Петра, по имени церкви нѣмецкаго двора. Прежде они выбирались стевеномъ, потомъ, во время зависимости конторы отъ Любека и Висби, должности эти давались поперемѣнно лицамъ того и другаго города; по сложеніи съ себя должности, они отдавали отчетъ о доходахъ и расходахъ тевену. Такъ постановляется въ 1373 году [1]); позже они назначались альдерманомъ двора. На нихъ лежала экономическая часть и отчасти полицейская, потому-что они смотрѣли за соблюденіемъ правилъ. Впослѣдствіи, въ XV-мъ вѣкѣ, должность альдермана двора упразднилась и альдерманы св. Петра сдѣлались главными лицами и были выбираемы по четямъ. Каждая четь отряжала трехъ избирателей; всѣ двѣнадцать выбирали изъ среды себя двухъ альдермановъ. Тогда же сдѣлалось измѣненіе и въ ратманахъ: — вмѣсто четырехъ, альдерманы назначали двухъ и одного писца. Никто не могъ отказываться отъ возлагаемой на него должности подъ пенею десяти марокъ серебра, а второй разъ подъ пенею 50 марокъ и потерею правъ. Кромѣ этихъ чиновниковъ, къ должностнымъ лицамъ принадлежалъ священникъ: подобно альдерманамъ, онъ не былъ постояннымъ жильцомъ нѣмецкаго двора, а пріѣзжалъ и уѣзжалъ съ лѣтнею или зимнею компаніею и во время его пребыванія

[1]) Bung. III. 3. 266.

во дворѣ, другой священникъ не имѣлъ права тамъ находиться. Содержать его должны были гости, которые съ нимъ пріѣзжали. Во время двойнаго господства надъ конторой Любека и Висби, священникъ выбирался на цѣлый годъ попеременно отъ того и другаго города. По малограмотности нѣмецкихъ купцовъ, священникъ исправлялъ должность секретаря. Ему предоставлялось особое жилье, но впрочемъ въ этомъ жильѣ висѣли вѣсы для взвѣса денегъ и драгоцѣнныхъ вещей.

Все купечество раздѣлялось на коллегіи или артели. Каждая артель помѣщалась въ особомъ отдѣленіи: онѣ называлось дортсы. Дортсы эти были внутри двора двухъэтажные домы, на подклѣтяхъ. Артель выбирала себѣ фогта, хозяина, завѣдывавшаго всѣмъ механизмомъ обыденной жизни; онъ избиралъ себѣ двухъ помощниковъ-исполнителей, одного изъ хозяевъ, другаго изъ кнехтовъ и повѣрялъ сверхъ-того и другимъ лицамъ надзоръ за посудою и чистотою помѣщенія. Въ подклѣтяхъ помѣщалась столовая. Въ одномъ изъ зданій была такъ-называемая большая комната, гдѣ имѣлъ почетное право помѣщаться альдерманъ. У зимнихъ гостей она служила обыкновенно мѣстомъ провожденія времени, обѣда и вечернихъ бесѣдъ. Пиво служило обыкновеннымъ развлеченіемъ и оно никогда не переводилось, а приготовлялось для двора особымъ пивоваромъ. Ризенкампфъ отличаетъ отъ этой комнаты, служившей для бесѣды—гридницу. Значеніе послѣдней комнаты неясно, но можетъ-быть она была мѣстопребываніемъ служителей. Товары лежали въ клѣтяхъ, которыхъ было четыре. Это было деревянное зданіе, гдѣ помѣщались лавки. Купцу позволялось положить въ клѣть только часть своего товара, потому-что громоздкіе товары лежали въ магазинѣ. Верхняя часть этихъ клѣтей занята была преимущественно суконными товарами. Клѣти слу-

жили также и для спален. Кромѣ этихъ зданій, въ нѣмецкомъ дворѣ была больница для ограниченнаго числа больныхъ, пивоварня, баня (въ позднѣйшее время), мельница и церковь, которая служила вмѣстѣ и кладовой. Она была сдѣлана на подвалѣ,—тамъ хранились товары; но нѣкоторые, по тѣснотѣ, были въ самой церкви, такъ-что рядомъ съ алтаремъ стояли бочки вина; здѣсь висѣли же вѣсы; по стѣнамъ вѣшали тюки съ товаромъ; только на алтарь не позволено было, подъ пенею марки серебра, класть товаровъ. То, чего нельзя было помѣстить ни въ церкви, ни въ ея подвалѣ, хранилось въ магазинѣ, такъ-называемомъ моркевеговомъ покоѣ, названномъ такъ, вѣроятно, по имени перваго строителя. Каждый тюкъ или бочка должны были носить на себѣ значокъ хозяина, чтобъ не перемѣшать товаровъ по ихъ принадлежности; и тотъ, кто нарушалъ это правило, подвергался пени.

Такимъ-образомъ, нѣмецкій дворъ составлялъ кучу отдѣльныхъ строеній, обнесенныхъ толстымъ заборомъ. Ворота вечеромъ на̀-глухо запирались и тогда спускались по двору большія цѣпныя собаки. Русскій могъ посѣщать нѣмецкій дворъ только днемъ. Караульные ходили день и ночь, смѣняясь въ установленное время, и должны были по очереди являться въ пору, подъ опасеніемъ наказанія пенею. Попеременно два мейстера должны были вмѣстѣ караулить церковь, которая составляла предметъ особой заботливости, потому-что лучшіе и драгоцѣннѣйшіе товары сохранялись тамъ. Этой обязанности подвергались не только тѣ, которые помѣщались во дворѣ, но и тѣ, которые, за недостаткомъ помѣщенія въ немъ, жили на квартирахъ. Нѣмецкій и готландскій дворы составляли собственность общины, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они были построены. Сверхъ-того, были подъ городомъ пожни, которыя имъ принадлежали. Доходы нѣмецкаго

двора состояли въ умѣренной пошлинѣ, которою облагалась каждая ввозная статья, въ наемной платѣ за клѣти для товаровъ и за дортсы для помѣщенія, въ конфискованныхъ за нарушеніе правилъ товарахъ, въ пеняхъ и судейскихъ пошлинахъ. Ввозной пошлины платили зимніе гости по одному фердингу со ста марокъ серебра, что̀ составляло $^1/_4$ процента, а лѣтніе половину этой суммы. Въ этомъ различіи видно, что лѣтніе гости пользовались преимуществами, какъ первоначальные строители и настоящіе хозяева двора. Кто выѣзжалъ со двора путешествовать съ торговою цѣлью продажи товаровъ по новгородской волости, тотъ подвергался, при возвращеніи во дворъ, той же ввозной пошлинѣ, какъ и тогда, когда въ первый разъ являлся во дворъ съ товаромъ. Въ основаніе оцѣнки принималось клятвенное увѣреніе хозяина, подъ надзоромъ альдермановъ св. Петра. Утаенный товаръ конфисковался. Кромѣ ввозной пошлины, существовала еще такъ-называемая королевская:—это была пошлина, которую встарину давали Нѣмцы Новгороду, но впослѣдствіи она обратилась въ пользу двора; вѣроятно, Новгородъ уступилъ ее за годичную плату. Съ каждой пени бралось въ пользу двора часть съ суммы трехъ марокъ серебра, а какъ только сумма доходила до десяти марокъ, то двѣ марки. Несмотря на эти доходы, контора безпрестанно нуждалась въ деньгахъ, затруднялась иногда въ издержкахъ на отправку посольствъ и дѣлала займы у ливонскихъ городовъ, возвышала пошлины, или предлагала городамъ наложить у себя въ пользу русской торговли вѣсовую пошлину; но города не такъ легко соглашались на введеніе у себя новыхъ налоговъ, и самый сборъ ихъ былъ не великъ, потому-что купцы удачно обходили его, провозя товары контрабанднымъ путемъ. Нѣмецкая контора въ Новгородѣ была главнымъ правительственнымъ мѣстомъ всей ганзейской

торговли съ Русскимъ міромъ; другія конторы во Псковѣ и Полоцкѣ зависѣли отъ нея; всякія распоряженія, касающіяся какъ внутренняго устройства дворовъ, такъ и отношеній къ туземцамъ, указывались новгородскою конторою. Только о смоленской конторѣ не упоминается, когда говорится о новгородской и другихъ разомъ, она,—казалось не входила въ кругъ непосредственной подчиненности новгородской конторѣ; но тѣмъ не менѣе, и она вѣроятно до нѣкоторой степени была съ нею связана, потому-что какъ видно изъ договора Мстилава, исключительно относящагося къ Ригѣ, была основана этимъ городомъ; торговля же ливонскихъ городовъ зависѣла впослѣдствіи отъ новгородской конторы.

IV.

ПРЕДМЕТЫ, СПОСОБЫ И ХАРАКТЕРЪ ТОРГОВЛИ СЪ НѢМЦАМИ.

Со всякими льготами и привилегіями и вообще съ гостепріимствомъ Новгорода къ иноземцамъ, вѣковое торговое знакомство не произвело нравственнаго единенія между туземцами и гостями. Духъ корпораціи, свойственный средневѣковой торговлѣ, побуждалъ вести торговлю, имѣя въ виду исключительно выгоды своего общества. Контора запрещала отдѣльнымъ членамъ своей общины вступать съ Русскими въ торговое общество и давать имъ въ кредитъ товары и даже деньги. Дѣятельность каждаго лица была связана и ограничена. Торговля должна была происходить съ вѣдома начальства конторы. Сближеніе съ Русскими дозволялось на столько, на сколько это могло быть полезно для общества. Такимъ-образомъ, контора сознавала необходимость знанія русскаго языка, и держала у себя переводчиковъ; для этой цѣли ихъ съ дѣтства отдавали учиться къ русскимъ людямъ, но запрещалось учиться по-русски совершеннолѣтнимъ, достигшимъ двадцатилѣтняго возраста,—чтобъ не допустить личныхъ сношеній, независимыхъ отъ конторы. Удаляя всякую конкурренцію, община располагала цѣнами товаровъ, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ по своему желанію и потому продавала нѣмецкіе товары какъ-можно дороже, русскіе—какъ-можно дешевле. Чтобъ удерживать постоянно дорогія цѣны на свои товары, запрещалось въ разныя времена торговцамъ приво-

зить отдѣльно товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы такимъ-образомъ не было большаго изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ; съ другой стороны, для того, чтобы русскіе товары постоянно оставались на низшей цѣнѣ въ сравненіи съ нѣмецкими,—запрещалось купцу, для покупки ихъ, привозить болѣе 1000 марокъ, подъ опасеніемъ конфискаціи лишняго [1]).

Нѣмцы составляли въ разныя времена правила: какіе товары слѣдуетъ ввозить, какихъ не слѣдуетъ; такъ наприм. въ 1373-мъ году постановлено не ввозить въ Новгородъ обрѣзанныхъ суконъ и краснаго цвѣта тканей (scarlaten), чтобъ довольствовались зелеными (grenen). И кто поступалъ противъ этого правила, тотъ подвергался потерѣ товара, дѣлавшагося достояніемъ св. Петра, и еще пенѣ 10-ти марокъ серебра [2]). Въ 1414 году Орденъ Ливонскій поручалъ не продавать Новгородцамъ и Псковичамъ лошадей и принуждалъ къ этому города [3]). Корпоративной силѣ способствовало то, что контора вела только оптовую торговлю, а розничная торговля иностранными товарами предоставлялась Русскимъ. Покупки сырыхъ товаровъ также производились оптомъ. Тутъ, очевидно, выигрышъ всегда долженъ былъ переходить на сторону Нѣмцевъ. У послѣднихъ была община; члены ея покупали по тѣмъ цѣнамъ, какія назначила община; слѣдовательно, покупщикъ былъ какъ-бы одинъ, а продавцовъ много. Между Нѣмцами не было конкурренціи, между Русскими она оставалась. Нѣмцы назначали цѣны русскимъ товарамъ сами; изъ Русскихъ всегда были такіе, которые не могли упрямиться и выжидать, а должны были продавать по томъ, по чемъ имъ даютъ, и такимъ-образомъ низкія цѣны утверждались.

[1]) Urk. B. 271. 276. 351.

[2]) Bunge, III, 3. 286.

[3]) Bunge. V, 1. 10.

Тѣ, которые хотя бы и не хотѣли продавать своихъ товаровъ по такимъ цѣнамъ, рано или поздо были къ этому принуждены: продать было некому, кромѣ нѣмецкаго двора. А какъ сырые продукты доставлялись купцамъ отъ сельскаго и рабочаго народа, мелкихъ торговцевъ, то богатые купцы должны были давать производителямъ и первоначальнымъ покупателямъ дешево; такимъ-образомъ производительность края вознаграждалась слишкомъ скупо, а покупка чужихъ товаровъ обходилась, въ сравненіи съ своими средствами, слишкомъ дорого. Новгородская торговля была болѣе выгодна для нѣмцевъ, чѣмъ для благоденствія туземнаго края. Итакъ, несмотря на продолжительную торговлю, богатство края не увеличивалось. Новгородская волость служила предметомъ эксплуатаціи для Нѣмцевъ. Нѣмцы запрещали своимъ членамъ показывать Русскимъ какую-нибудь технику, чтобъ они не переняли чего-нибудь и не пустились сами на фабричное производство: черезъ это ослабилось бы вліяніе иноземцевъ и перевѣсъ иноземныхъ гостей передъ туземцами. Въ торговыхъ сдѣлкахъ господствовало недовѣріе: Нѣмцы обвиняли Русскихъ въ недобросовѣстности и обманахъ. Такъ въ 1414 г. жаловался купецъ изъ Брюгге, что Новгородецъ, продавъ ему воскъ, наложилъ туда кирпичей для увеличенія вѣса [1]), Когда продавали Русскимъ товары, или покупали у нихъ, то сдѣлки происходили при свидѣтеляхъ, и Русскихъ непремѣнно заставляли при себѣ пересчитать, перемѣрять и повѣрить, и Нѣмецъ платилъ Русскимъ не иначе, какъ съ большою осторожностію. Удалый духъ Новгородцевъ постоянно побуждалъ Нѣмцевъ бояться со стороны ихъ нарушенія правъ гостепріимства и насилій. Были примѣры, что Нѣмцы постановляли не покупать у Русскихъ никакихъ товаровъ, и

¹) Bunge, V, 1.

Русскіе жаловались на нихъ за нарушеніе торговаго мира: такъ въ 1375-мъ году жаловались на постановленіе — не покупать у Новгородцевъ мѣховъ, которые означено въ актахъ нѣмецкихъ подъ именемъ Trogenitzen und Poppelen [1]), а въ 1376-мъ году толковали объ томъ, какъ покупать у Новгородцевъ мѣха, называемые Hardink (?). Дерптскій Совѣтъ, въ которомъ шло объ этомъ дѣло, замѣтилъ, чтобъ мѣха эти не были испорчены и худаго достоинства [2]). Съ своей стороны и Новгородцы жаловались, что Нѣмцы доставляютъ имъ дурные товары. Дѣйствительно, нѣмецкіе купцы, смотря съ-высока и съ пренебреженіемъ на Русскихъ, не считали предосудительнымъ сбывать въ Новгородѣ всякую дрянь. Такъ, наприм. около 1300 года возникло недоразумѣніе по поводу привоза полотенъ; самъ альдерманъ нѣмецкаго двора призналъ ихъ дурными, и Новгородцы объявили, что если Нѣмцы будутъ привозить подобное, то ихъ товары будутъ конфискованы, а самихъ продавцовъ вышлютъ [3]). Въ началѣ XV-го вѣка, сами нѣмецкіе торговцы въ Новгородѣ роптали на нѣмецкіе города, что оттуда доставляютъ имъ плохія и короткія сукна, а Новгородцы за то имъ даютъ плохой воскъ [4]). Изъ этихъ чертъ видно, что, несмотря на наружное дружественное отношеніе, Новгородцы и иноземцы смотрѣли одни на другихъ съ подозрѣніемъ и недоброжелательствомъ. Дѣйствительно, несмотря на привилегіи, какія давались иноземнымъ торговцамъ, ихъ дворы не разъ терпѣли отъ новгородской удали, и, доброе согласіе наруша-

[1]) Bung. III, 4. 298.

[2]) Nicht limen noch besceren, noch beplucken, noch blien, noch in binden, noch lappen, noch de hovede, etc. Bunge III. 4, 311;

[3]) Rutheni sic dixerunt si de caetero talium bonorum vectorem reperiernt de Nogardia, sine suis bonis sit nihilominus ammovendus Bung. I. H 8. 768.

[4]) Bung. IV, 4. 378. V. I- 35. 99.

лось и торговыя сношенія прекращались. Въ 1168-мъ году задержали Варяговъ въ Новгородской Землѣ; въ 1291-мъ году ограбили нѣмецкій дворъ, и никакъ нельзя было найти виновныхъ, хотя самъ князь хлопоталъ о вознагражденіи Нѣмцамъ, и въ-заключеніе долженъ былъ сказать, что Нѣмцамъ остается заплатить Новгороду тѣмъ же самымъ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ епископъ Альбертъ призвалъ въ Ливонію рыцарей и началось покореніе Остзейскаго края, Новгородъ, владѣвшій этимъ краемъ и бравшій съ него дань, вступилъ во враждебное отношеніе съ Орденомъ, и черезъ него съ германскимъ населеніемъ. Въ 1229 г. папа Григорій IX-й запрещалъ торговлю съ Русскими, какъ съ врагами всего римско-католическаго христіанства, указывая на то, что они препятствовали въ Финляндіи распространенію вѣры, выставлялъ это дѣло оскорбленіемъ всего католичества, и поручалъ рижскому епископу дѣйствовать убѣжденіями и своею церковною властію на купцовъ [2]). Это нарушало мирное теченіе торговыхъ оборотовъ. Во время борьбы противъ Нѣмцевъ Александра Невскаго, торговля прекратилась неизвѣстно на сколько времени, но вѣроятно на долго, потому-что въ 1257—1259 годахъ составленъ договоръ Александра Невскаго, гдѣ говорится: *что ся учинило тяжи межи Новгородци и межи Нѣмцы и Готи и съ всѣмъ Латинскимъ языкомъ, то все от-*

[1]) Mandat rex, quod si viri estis ipsis reddite, quod vobis fecerunt, et vicem rependite, ut bene potestis. Bung. I, H. 7. 686.

[2]) Cum vero universi fideles reputare debeant, in se ipse fieri, quod in eundem acquisitionis populum committitur a praedictis, qui Dei sunt et fidei catholici inimici, discretioni vestrae per apostolica scripta mandamus, quatenus mercatores de partibus vestris, ne mercimonia, cum illis exerceant, donec desinant persequi de novo conversos ad fidem in terris eisdem, monitione praemissa, per censuram ecclesiasticam, appellatione remota, cogatis. Bunge, 1. III. 20.

ложихомъ [1]). Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ нарушалось согласіе, послѣ чего была потребность новыхъ грамотъ и договоровъ. Это нарушеніе послѣдовало и предъ 1269—1270 годами, когда дана грамота Ярославомъ [2]). Въ 1278 по просьбѣ архіепископа рижскаго и гермейстера Эрнста, прекращено было сношеніе нѣмецкихъ торговцевъ съ Новгородомъ. Оно было снова возстановлено, но взаимное недовѣріе и зависть выступили и въ 1291 году. Непріязненныя отношенія къ Ордену, часто возобновлявшіяся, дѣйствовали невыгодно на мирный ходъ торговли и неоднократно прекращали дѣятельность новгородской конторы, хотя вообще Великій-Новгородъ старался выгородить торговлю. Такъ въ 1308 году Новгородцы заключили договоръ съ Михаиломъ Ярославичемъ обороняться противъ рыцарей, но съ тѣмъ, чтобы торговцы нѣмецкихъ городовъ были изъяты отъ непріязненныхъ дѣйствій. Долгая вражда со Шведами, въ концѣ XIII-го и въ началѣ XIV-го вѣковъ, не оставалась безъ вредныхъ послѣдствій для торговли, хотя шведскій король и ограждалъ свободу плаванія привилегіями. Только по заключеніи мира въ 1323 году, въ слѣдующій годъ была дана грамота, дозволявшая безусловно-свободную торговлю по Невѣ съ правомъ входа и выхода, но тогда Выборгъ владѣлъ уже путемъ невскимъ [3]). Въ 1338 году, по случаю возникшихъ неудовольствій съ Орденомъ за убійство русскаго посла въ Дерптѣ, ганзейскіе уполномоченные дѣйствовали заодно съ новгородскими

[1]) Собр. Гр. № 1. [2]) Cod. Lubec, 297, 298.

[3]) Id circo vola ut dicti mercatores hujus modi passagium sive transitum in Nogardiam pro libito suae voluntatis exercentes veniendo, morando et redeundo, tamin aquis, quam in terris, tam in rebus, quam personis prae me et omnibus meis sub castrum viborgensi constitutis et astrictis meis obedire mandatis et aliis omnibus, causa mei facere vel dimittere volentibus, liberi semper permaneant et securi. (Bung. III. 2. 121).

послами и старались объ удовлетвореніи Новгорода; тогда, по ихъ посредничеству постановили, чтобы, въ случаѣ убійства, вообще отвѣчали одни виновные лично. Со Псковомъ распри у Ордена были безпрерывны и вмѣстѣ съ тѣмъ прерывалась торговля съ этимъ городомъ. Поэтому постановлено, чтобъ въ случаѣ еслибы возгорѣлась война между Новгородомъ и сосѣдями—кѣмъ-бы то ни было: Шведами, Датчанами, Орденомъ, или Рижскимъ, Дерптскимъ и Эзельскимъ епископствами—купцы должны имѣть свободную торговлю [1]). Во время войнъ съ Шведами, король шведскій Биргеръ не загорожалъ однако пути европейскимъ торговцамъ. Такимъ-образомъ въ 1303 году дана была привилегія плавать по Невѣ съ товарами, съ условіемъ не возить въ Новгородъ оружія и вообще желѣза [2]), и въ 1313 [3]); даже безъ включенія этого ограниченія хотя между Шведами и Новгородомъ не было мира. Новгородцы старались, во что бы то ни стало, сохранять миръ съ сосѣдями ради своей торговли, но навлекали на себя жалобы отъ Псковичей въ томъ, что не оказываютъ имъ помощи. Были однако случаи, когда миролюбивая политика Новгорода уступала требованіямъ союзныхъ обязательствъ со Псковомъ. Новгородъ вступалъ въ открытую войну съ Орденомъ и тогда непріязнь распространялась и на ганзейскихъ торговцевъ по причинѣ союзной связи, въ какой находились съ Ганзою ливонскіе города. Такъ въ 1362 году арестъ псковскихъ пословъ въ

[1]) Weret sake dat de Novgardere ein orloge cregen mit dem koninge van Sweden oder mit des koninges mannen van Danemarke, ofte mit deme stichte van Darbete, ofte mit deme biscope van der Rige, ofte mit dem biscope van Osele, dar ne scal de Dudesche kopman nicht me to donde hebben, he scal einen reinen wech hebben beide to lande und to watere sunder hindernisse (Bunge, II. 4. 312).

[2]) Bunge, III, 2. 106. [3]) Bunge, III, 2. 118.

Дерптѣ произвелъ войну, и хотя на слѣдующій 1363 годъ [1]) выборные отъ концовъ Великаго-Новгорода бояре заключили въ Юрьевѣ миръ съ Нѣмцами и обѣ стороны дали свободу задержаннымъ купцамъ; но недоразумѣнія между Псковомъ и Ливоніею возобновились и опять втянули Новгородъ во вражду съ Нѣмцами. Въ 1366 году Любскій Совѣтъ запретилъ всѣмъ ганзейскимъ городамъ торговать съ Русскими и возить къ нимъ соль и мелкую соленую рыбу [2]), однако Ревелю дано исключеніе: товары доставляемые въ Ревель, могли отправляться въ Россію, и если комендаторъ и консулы дозволяли, то и въ Ревелѣ можно было продавать товары Русскимъ [3]). Понятно, что эти торговыя сношенія раздражали Новгородцевъ, и они заступились за Псковъ, который, по обыкновенію, умолялъ ихъ о помощи, когда на него нападали непримиримые враги. Тогда контора была закрыта до заключенія мира въ 1370 году. Весь обиходъ нѣмецкаго двора былъ перенесенъ въ Дерптъ, а ганзейскіе послы, прибывшіе для заключенія мира въ Новгородъ, нашли контору пустою. Несмотря на миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ, оставалось долго недовѣріе и въ 1371 году опять произошла размолвка. Послы Ганзы Іоганнъ Шепенштеде и Даніэль Фанъ-деръ-Гейде въ Дерптѣ извѣщали ревельскій магистратъ и другія мѣста, чтобъ не допускали никакихъ Русскихъ товаровъ, по поводу какого-то имущества задержаннаго въ Перновѣ [4]). Въ томъ же году послы ѣздили въ Новгородъ, но не заключили мира. Новгородцы отказались, неизвѣстно почему, подписать проэктъ договора, представленный послами. Заключено было только перемиріе до Иванова дня слѣдующаго года. Въ 1373 году было еще посоль-

[1]) Новг. Л. I, 88.

[2]) Allec—по Дюканжу мелкая рыба, годная для соленія; вѣроятно—килька.

[3]) Bung. II. 8. 770. [4]) Bunge III, 3. 259.

ство, чтобы уладить недоразумѣнія [1]). Въ 1375 году опять сдѣлалось недоразумѣніе: какого-то новгородскаго купца, называемаго Нѣмцами *Оваке*, вѣрно Абакума, задержали въ Дерптѣ. Новгородцы жаловались, что и другихъ ихъ братьевъ Нѣмцы задержали и томятъ въ оковахъ. Въ отмщеніе за то, они приставшаго на ладьѣ къ Новгороду нѣмецкаго купца Іоганна фонъ-Брунслаке съ товарищами арестовали и отвели во дворъ Абакумовъ. Нѣмцы просили ходатайства у владыки. Владыка послалъ приставовъ къ посаднику, и посадникъ обѣщалъ собрать бояръ (de Herren), а потомъ далъ отвѣтъ, что Нѣмцы освободятся тогда, когда изъ Дерпта выпустятъ Абакума. Изъ письма дерптскаго Совѣта къ Ревельскому, видно, что тогда въ Дерптѣ было задержано четыре русскихъ купца [2]). Изъ актовъ того времени видно, что поводомъ къ тому былъ споръ этого Абакума съ Нѣмцемъ Вробердрункеномъ объ имуществѣ; споръ ихъ уладили наконецъ такъ, что Русскій по приговору заплатилъ 250 монетъ и отпущенъ, а новгородскіе послы при этомъ дали обязательство, что ни Абакумъ, ни другіе не будутъ мстить на купцахъ нѣмецкихъ, живущихъ въ Новгородѣ [3]). Въ 1377 году опять возникло столкновеніе. Новгородцы были ограблены на Эмбахѣ и вслѣдъ за тѣмъ задержаны купцы нѣмецкіе въ Новгородѣ: Ревельскій Совѣтъ писалъ въ Новгородъ, что удивляется, какъ Новгородцы, умные люди, взыскиваютъ на невинныхъ и представлялъ, что имущества ограбленныхъ найдены и сохранены [4]). Когда, не зная этого, новые купцы прибыли въ Новгородъ, то уже не Новгородцы, а нѣмецкая контора присудила ихъ къ пени, и Ревельскій Совѣтъ долженъ былъ ходатайствовать за нихъ передъ

[1]) Urkund. Buch 290, 291. Willebr. 189.
[2]) Bunge III, 4. 297—299. [3]) Bunge III, 4. 311. [4]) Bunge III, 4. 331.

Совѣтомъ Любека и Висби, доказывая, что послѣдніе торговцы поѣхали въ Новгородъ еще прежде объясненія новгородскихъ пословъ [1]). Но въ 1386 году опять сдѣлался разрывъ съ Орденомъ; Ганзейскій Союзъ поставленъ былъ въ такое недоумѣніе, что помышлялъ перевесть всю русскую торговлю въ Ливонію. Споры длились до 1391 года. Въ эти пять лѣтъ, хотя не доходило до явной непріязни, но не было,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—и крѣпкаго мира [2]). Наконецъ, миръ былъ заключенъ въ Изборскѣ между Новгородцами и Псковичами съ одной стороны [3]) и Орденомъ и городами Союза съ другой [4]). Теченіе торговли опять пошло стройно. Но столкновенія не прекратились. Въ слѣдующемъ году прибыло въ Новгородъ нѣмецкое посольство [5]) и жаловалось, что Новгородцы отняли у купцовъ дерптскихъ ихъ имущества. Оказалось, что нѣмецкій дворъ былъ Новгородцами сожженъ и церковь повреждена. Новгородцы оправдывались тѣмъ, что въ Нарвѣ ограбили ихъ купцовъ, и они за это удовлетворили семерыхъ братьевъ, потерявшихъ тамъ свое достояніе Послѣ споровъ заключили миръ: Русскіе приписывали сожженіе двора ворамъ и обѣщались отыскать ихъ и наказать, но не брали на себя отвѣтственности, если не отъищутъ преступниковъ. Такъ же точно и нѣмецкіе послы обѣщались отъискивать и судить разбойниковъ, ограбившихъ и убившихъ на Невѣ куп-

[1]) Ibidem 333. [2]) Новг. I. 96.

[3]) Посадниками Василіемъ Ѳедоровичемъ, Богданомъ Абакумовичемъ, Ѳедоромъ Тимофеевичемъ, тысячскими Есипомъ Фалелеевичемъ, Василіемъ Борисовичемъ и купцами.

[4]) Послами городовъ Риги, Юрьева, Колывани, Любека, Готланда, и изъ иныхъ городовъ многихъ.

[5]) Изъ Любека Іоаннъ Нибуръ, изъ Готланда Гейнрихъ фонъ-Фландернъ и Годеке Куръ, изъ Риги Тидеманнъ фонъ-деръ-Нимбруггенъ, изъ Ревеля Гердъ Витте, изъ Дерпта Витольдъ Книпроде.

ца Моисея съ его сыновьями и компаніею, а если не отъищутъ, то не отвѣчаютъ. Постановили, что если Новгородъ попадетъ въ споръ съ Орденомъ или со Швеціею, или съ епископами, или съ морскими разбойниками,—нѣмецкіе купцы не должны терпѣть отъ этого,—имъ предоставленъ свободный путь по водѣ и по суху черезъ Новгородскую Землю и сюда и назадъ; равнымъ образомъ и Новгородцы могли свободно ѣздить въ Готландъ и въ Дерптское епископство. Съ обѣихъ сторонъ миръ и союзъ укрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ [1]) Въ 1400 году опять возникло какое-то неудовольствіе, которое имѣло вредное вліяніе на торговлю. Споръ произошелъ, какъ кажется, со Псковичами у дерптскаго и ревельскаго епископовъ. Въ этотъ споръ вмѣшался съ одной стороны Новгородъ, съ другой Орденъ. Послѣдовало отъ Совѣта епископовъ и отъ городовъ запрещеніе торговать съ Русскими и возить въ русскіе города товары, плавать по Невѣ, а также пропускать въ свою землю русскіе товары, подъ страхомъ потери имущества и самой жизни [2]). Въ Новгородѣ были свои причины недоразумѣній по поводу иска одной торговой складчины со внуками бывшаго ревельскаго бургомистра и товарищами его за 400 рублей. Судъ по этому вопросу происходилъ въ Новгородѣ предъ новгородскими судьями, при послахъ нѣмецкихъ, и судъ призналъ выигрышъ за Русскими; однако, исполненіе приговора не послѣдовало, и Новгородъ извѣщалъ, что если присужденные не отдадутъ иска, то Новгородъ возьметъ четыреста рублей на нѣмецкихъ купцахъ [3]). Нѣмецкія конторы извѣщали другъ друга, что Новгородцы намѣрены сдѣлать нападеніе на Земли Ливонскія [4]).

[1]) Bunge III. 7. 190. [2]) Bunge IV. 3. 334. bi live und bi gude.
[3]) Bunge IV, 3. 343. [4]) Bunge IV, 3. 346.

Войны однако не было. Недоразумѣнія какъ-то пріостановились въ 1401-мъ году. Новгородскіе послы Кирило Андріановъ, Захаръ Микулинъ, и псковскіе Романъ Сидоровъ, Димитрій (которому Нѣмцы даютъ, вѣроятно, испорченную фамилію Sasseteke), и Гаврило Сухловъ (Suchloww), жаловались Ганзѣ, что Нѣмцы привозятъ имъ очень короткія сукна (laken), медъ въ самыхъ малыхъ бочкахъ, сладкое вино въ малыхъ сосудахъ и дурнаго качества, и соль въ малыхъ мѣшкахъ; не принимаютъ отъ нихъ воскъ иначе какъ съ тугою набивкою, и вообще русскіе товары подвергаютъ осмотру и налогамъ (meñ beschote). Эти просьбы переданы были сейму ливонскихъ городовъ, такъ-какъ торговля этими товарами касалась преимущественно Ливонцевъ. Въ февралѣ 1402 года, на дерптскомъ сеймѣ союзныхъ ливонскихъ городовъ (Риги, Ревеля, Дерпта, Перновы), по три депутата отъ каждаго, постановили, что о томъ, чтобъ товары доставлялись въ Новгородъ въ надлежащемъ видѣ, они сдѣлаютъ распоряженіе, замѣтивъ однако при этомъ о винѣ, что оно не производится въ ихъ земляхъ, и бочки не дѣлаются у нихъ; а на требованіе Новгородцевъ и Псковичей относительно досмотра русскихъ товаровъ, сеймъ отвѣчалъ, что это не мѣшаетъ Русскимъ, если ихъ товары хороши, и что, вообще, такъ издавна велось [1]). Взаимное нерасположеніе проглядываетъ въ послѣдующихъ торговыхъ отношеніяхъ ливонскихъ городовъ и Новгорода. Въ томъ же 1402-мъ году, въ ноябрѣ, ревельскій магистратъ повторилъ существовавшее прежде запрещеніе торговать съ Русскими на кредитъ на три года, исключая тѣхъ, которые торговали съ Русскими на сухомъ пути, потому-что долги этихъ были необязательны для городовъ; напротивъ, тѣ, которые вели свою торговлю

[1]) Bunge IV, 4. 391—410.

по водѣ, состояли подъ поручительствомъ городовъ. Въ 1416-мъ году опять-было клонилось къ разрыву [1]): Новгородцы готовы были принять сторону Псковичей въ ихъ безпрерывныхъ распряхъ съ Орденомъ, но дѣло обошлось безъ послѣдствій: скоро уладились недоразумѣнія [1]). Черезъ нѣсколько времени опять возникли взаимныя неудовольствія съ Орденомъ; въ 1420-мъ году, съѣхались съ обѣихъ сторонъ, и распря была улажена миромъ въ Нарвѣ [2]). Черезъ два года опять сдѣлалась размолвка. Въ Новгородѣ задержали иноземцевъ, а Ганзейцы начали захватывать русскія суда [3]). Вслѣдъ за тѣмъ заключенъ былъ миръ, и Ганза отдала Новгороду захваченныя суда, но потомъ въ 1442-мъ году возникло неудовольствіе съ Орденомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространилось и на иноземныхъ купцовъ новгородской факторіи. Задержали купцовъ въ Новѣгородѣ, снова контора была закрыта, и Ганза поневолѣ должна была, по требованію Ордена прекратить торговыя сношенія съ Новгородомъ. Такъ было до 1448 года, когда снова заключили миръ. Это была послѣдняя вражда Новгорода съ Орденомъ, въ которую невольно впутывались интересы Ганзы.

Послѣ паденія независимости Новгорода и переселенія его жителей, новгородская торговля упала; контора закрылась. Война возникшая у Ордена, съ Московіею, принявшей сторону Пскова, продолжалась до 1483 года. По сказанію ливонскаго историка Руссова [4]), Иванъ III-й придрался къ тому, что въ Ревелѣ казнили двухъ Русскихъ; они были уличены—одинъ въ дѣланіи фальшивой монеты, другой въ содомскомъ грѣхѣ;—послѣдняго сожгли живаго.

[1]) Взяша Новгородци съ Нѣмци миръ. Новг., IV., 115. Bunge V, I. 109.
[2]) Новг. Л. I, 109.
[3]) Villebr. II, 206.
[4]) Chronicka, 32.

Ганза получила прежнія права; но черезъ одинадцать лѣтъ наступилъ роковой ударъ вѣковому учрежденію нѣмецкой конторы въ Новгородѣ. Въ 1494-мъ году сорокъ девять купцовъ—членовъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ—были препровождены насильно въ Москву; товары, суммою на 96,500 гривенъ, конфискованы; церковныя утвари и весь дворовый обиходъ взятъ на государя. Уничтожились древнія привилегіи Ганзы, и затворились двери двора нѣмецкаго [1]).

Какъ ни старалась нѣмецкая новгородская контора вытѣснить всякое совмѣстничество другихъ иностранцевъ въ Новгородѣ, но не могла достичь этого вполнѣ. Такъ въ Новгородъ пріѣзжали Фландрійцы и Ломбардцы; послѣдніе продавали Новгородцамъ произведенія, получаемыя съ Востока. Число ихъ вообще было невелико, потому-что контора старалась убить всякую конкурренцію. Были иноземцы, проживавшіе въ Новгородѣ, вѣроятно, по торговымъ дѣламъ, но не зависѣли отъ конторы. Подъ 1270-мъ годомъ Новгородцы жаловались на князя за то, что онъ прогоняетъ живущихъ среди ихъ иноземцевъ [2]). Здѣсь едва ли можно понимать контору, потому-что члены конторы посѣщали Новгородъ временно; скорѣе надобно предполагать, что здѣсь разумѣются иноземцы, проживавшіе въ городѣ добровольно.

Поѣздки за границу Новгородцевъ по торговымъ дѣламъ совершались постоянно, но въ раннія времена болѣе, чѣмъ въ послѣдующія; потому-что съ тѣхъ поръ какъ образовался Ганзейскій Союзъ, и контора подчинена была строжайшей корпораціи,—всѣ мѣры были предприняты, чтобъ торговля въ Новгородѣ была исключительно въ рукахъ

[1]) Russow, 39; Карамзинъ VI, 249; Hiarn. 188.

[2]) Чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? Новг. I. 61.

конторы. Въ XII-мъ вѣкѣ встрѣчаются извѣстія о поѣздкѣ Новгородцевъ за границу; такъ напримѣръ, въ 1188-мъ году, когда произошла вражда съ Нѣмцами—Новгородцы не пустили своихъ за море [1]). Уже прежде сказано, что въ грамотѣ императора Фридриха, данной Любеку въ XII-мъ вѣкѣ, въ числѣ посѣщавшихъ этотъ городъ иноземныхъ торговцевъ, упоминаются Русскіе. Изъ договоровъ XII-го и XIII-го столѣтій видно, что Новгородцы посѣщали Любекъ, Готландъ и разные прибалтійскіе города довольно часто; потому-что предупреждаются разныя случайныя столкновенія, которыя могутъ возникнуть только при достаточномъ знакомствѣ со страною, напримѣръ оскорбленіе женщинъ, ссора, сопровождаемая разодраніемъ платья [2]). Указаніе на то, какой судъ долженъ соблюдаться надъ Новгородцами въ чужой землѣ, показываетъ, что Новгородцы не только на короткое время посѣщали тѣ края, но и проживали тамъ ради своихъ дѣлъ. То же видимъ въ договорѣ Невскаго (1257—1259 г.), гдѣ упоминается о становищѣ новгородскомъ на готскомъ берегу [3]). Эти поѣздки были не безъ опасностей; такъ въ 1130-мъ году семь ладей новгородскихъ съ товарами погибли отъ бури, а торговцы возвратились домой, хоть здоровые, да голые [4]). Несмотря на взаимное обезпеченіе правъ торговцевъ, возникли недоразумѣнія и оскорбленія торговцамъ: въ 1188 году прибалтійскіе горожане (Варяги) посадили въ тюрьму (рубоша) Новгородцевъ. Въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ о поѣздкахъ Новгородцевъ упоминается рѣже, и, должно думать, что контора, стараясь покупать все на мѣстѣ и при-

[1]) Новг. Л. I, 20.

[2]) 1185 г. Ярослава Владимировича. Собр. Гр. № 1.

[3]) А Новгородцамъ въ становищи на Готскомъ берегу безъ напасти въ старый миръ (Ibidem).

[4]) Новг. Л. I, 6.

возить въ Новгородъ все нужное, предупреждала эти поѣздки, имѣя въ виду эгоистическую цѣль—не допустить Новгородцевъ до знакомства съ Европою, чтобы ихъ держать въ зависимости. Но поѣздки эти совсѣмъ не прекращались. Такимъ-образомъ, какъ выше сказано, въ 1422-мъ году захвачено было Ганзою нѣсколько новгородскихъ судовъ.

О торговлѣ съ Даніею, Швеціею и Норвегіею сохранились очень скудныя извѣстія; но ясно, что съ этими странами были непосредственныя торговыя сношенія; такъ въ 1134-мъ году Новгородцевъ задержали въ Даніи [1]). На торговлю съ Даніею указываетъ договоръ, заключенный въ 1302-мъ году [2]); о торговлѣ съ Швеціею и Норвегіею мы знаемъ изъ договоровъ, заключенныхъ въ XIV-мъ вѣкѣ [3]): тогда Новгородцы посѣщали Швецію и Норвегію, а Норвежцы торговали на Заволочьѣ. Такъ-какъ Заволочье играло важную роль въ этихъ договорахъ, то, видно, древнія разбойническія нападенія Скандинавовъ на сѣверныя края нынѣшней Россіи, впослѣдствіи получили торговый характеръ.

[1]) Новг., I, 6.
[2]) Новг. Л., I 68.
[3]) Antiquités Russes, II.

V.

ТОРГОВЛЯ НОВГОРОДА СЪ РУССКИМИ ЗЕМЛЯМИ. ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВЛИ.

Уступая перевѣсъ Нѣмцамъ въ торговлѣ съ Западомъ, Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю съ остальною Россіею. Вездѣ и во всякое время можно было встрѣтить новгородскихъ гостей: одни направляли свою торговую дѣятельность на сѣверъ въ Корелу, на Онегу, и назывались обонежскими купцами. Другіе ѣздили на Двину и въ Пермь, третьи торговали въ Суздалѣ и Владимирѣ. Въ суздальской странѣ проживали всегда новгородскіе гости, какъ это видно изъ того, что великіе князья Суздальской Земли, во время распрей съ Новгородомъ, задерживали новгородскихъ гостей съ ихъ товарами [1]). Расширяя кругъ торговыхъ занятій на востокъ, Новгородцы плавали по Волгѣ, и составляли компанію подъ именемъ низовскихъ гостей. Въ этомъ названіи слѣдуетъ различать новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ на Низу, и тамошнихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ на Сѣверъ. Послѣ паденія

[1]) Новг. Л. I, 31.

Хазарской державы, Поволжье наполняли бродячія орды; но Монголы завели тамъ города. Богатства, пріобрѣтенныя грабительствомъ во время опустошительнаго Батыева похода, возбудили въ нихъ потребность цивилизаціи. Новгородскіе купцы нашли исходъ своей дѣятельности, — вели торговлю съ бесерменскими, хивинскими и персидскими купцами. Новгородъ, такимъ-образомъ, вошелъ въ соприкосновеніе съ восточнымъ міромъ, и возобновилъ ту древнюю связь, отъ которой не осталось никакихъ памятниковъ, кромѣ рѣдкихъ арабскихъ монетъ въ Новгородской землѣ. Новгородцы получали восточныя издѣлія, и передавали на Западъ. Нельзя положительно сказать, въ какой степени могли служить Новгородцы для передачи западныхъ произведеній на Востокъ и въ Орду, но, кажется, едва ли они могли выдержать соперничество съ итальянскими торговцами, привозившими въ Орду европейскіе товары черезъ Черное море.

Торговля съ Южной Русью производилась издавна и постоянно, до опустѣнія края. Это видно изъ того, что Новгородцы проживали въ Кіевѣ, въ Черниговской области, на Волыни. Въ XII-мъ вѣкѣ, въ Кіевѣ, была у нихъ своя особая церковь святаго Михаила. Когда, въ 1225 году, князь черниговскій Михаилъ уходилъ изъ Новгорода, то говорилъ: «Не хочу у васъ княжити, иду къ Чернигову; — гостей ко мнѣ пускайте». О пребываніи Новгородцевъ на Волыни упоминается подъ 1288 годомъ [1]). По образованіи Великаго Литовскаго княжества, Новгородцы и Псковичи ѣздили съ торговою цѣлію по его владѣніямъ, какъ это видно изъ того, что Ольгердъ, поссорившись съ Новгородомъ, задерживалъ его купцовъ.

Изъ привозимыхъ нѣмецкими купцами товаровъ, болѣе

[1]) П. С. Р. Л. II, 220.

всего въ расходѣ были сукна разныхъ сортовъ, въ томъ числѣ капеляки [1]), которое употреблялось на одежды священниковъ, разныя фландрійскія и англійскія сукна, нидерландскія и вестфальскія полотна. Но, чтобъ подержать монополію германской промышленности, впослѣдствіи положили не возить въ Новгородъ фландрійскихъ и нидерландскихъ издѣлій, а сбывать преимущественно нѣмецкія. Изъ лучшихъ сортовъ суконъ считались красныя, особенно любимыя Русскими. Соль, несмотря на обиліе этого продукта въ Россіи, привозилась иногда изъ-за границы; такъ въ 1402 году Новгородцы жаловались, что привозимая Нѣмцами соль была не надлежащаго вѣса и качества [2]). Въ большомъ количествѣ привозили вина и пиво, которое продавали оптомъ бочками. Вино было однимъ изъ главныхъ предметовъ и между прочимъ сладкое вино [3]), тѣмъ болѣе, что Новгородъ снабжалъ имъ весь русскій міръ для церковныхъ службъ. Привозили металлическія вещи, напримѣръ нѣмецкія иголки, и металлы въ кускахъ: олово изъ Англіи, мѣдь изъ Швеціи, изъ Богеміи желѣзо, свинецъ изъ Испаніи, шелкъ, получаемый черезъ Фландрію, обдѣланную кожу, пергаментъ, котораго расходилось очень большое количество, впослѣдствіи писчую бумагу, стекло, копченое мясо, сушеную рыбу и хлѣбъ, въ случаѣ голода въ Новгородѣ или войнъ съ Восточною Русью, когда нельзя было получать хлѣба изъ плодородныхъ русскихъ странъ. Привозъ металловъ вообще подвергался стѣсненіямъ со стороны сосѣдей. Серебро и золото ввозить не дозволялось потому-что благородные металлы считались преимущественно признаками богатства; желаніе Ганзы былъ таково, чтобы Новгородъ держать побѣднѣе и принуждать Нов-

[1]) Urk. B. 286.
[2]) Bunge, IV, 4. 393.
[3]) Soten wine. Bunge, IV, 4. 393.

городцевъ брать за свои товары не деньгами, а нѣмецкими товарами. Новгородъ этого не понималъ и продавалъ иностранцамъ серебро, получаемое изъ-за Камы. Желѣзо и сталь подвергались иногда стѣсненію; такъ Биргеръ, въ 1303 году [1]), находясь во враждѣ съ Новгородомъ, дозволялъ свободное плаваніе по Невѣ къ Новгороду, но съ условіемъ—не возить оружія Новгородцамъ.

Изъ товаровъ, которые Новгородъ получалъ изъ внутри материка, первое мѣсто занимаютъ мѣха и шкуры, и этотъ предметъ составлялъ главнѣйшее богатство Новгорода [2]). Въ средніе вѣка мѣха повсемѣстно составляли щегольство нарядовъ и Новгородъ былъ такимъ-образомъ поставщикомъ этого товара на цѣлую Европу. Это-то болѣе всего послужило новгородской промышленной предпріимчивости и направляло Новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это-то было поводомъ къ движенію новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи, получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перьми, двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ. Даньщики отправлялись туда отъ правительства, сбирали съ подвластныхъ народцевъ мѣха и доставляли ихъ въ новгородскую казну. Опредѣленная часть дани принадлежала князю, но князь обыкновенно продавалъ свою дань,—причемъ Новгородъ обязывалъ его продавать не иначе, какъ только Новгородцу. Вѣроятно, и тѣ дани, которыя собирались для казны Великаго-Новгорода, также продавались или давались на откупъ частнымъ

[1]) Bunge, III, 106.

[2]) Въ XIV вѣкѣ, какъ видно изъ актовъ, покупали въ Новгородѣ какіе-то товары, называемые «трогницами» и «поппелями» (Bunge, III, 4. 305). Carторій признаетъ ихъ мѣхами низкаго достоинства (II, 280. Anm. I, S. 287. Anm. 3 und S. 759). Другаго рода мѣха назывались hardnck (Bunge, III, 4. 311).

*

людямъ, по общепринятому издавна обычаю въ Россіи. Кромѣ мѣховъ, съ сѣвера получали Новгородцы китовое и моржевое сало, морскихъ птицъ, а на берегахъ Ваги производили деготь и поташъ, какъ это видно изъ грамоты князя Андрея [1]. Изъ Перми и Югры, Новгородцы получали серебро, которое, вѣроятно, доставалось съ сибирскихъ рудниковъ, обработываемыхъ издавна на берегахъ Енисея, по изысканіямъ Палласа. Большія выгоды отъ добычи мѣховъ должны были побуждать торговцевъ поселяться по близости къ сѣверо-восточнымъ странамъ и такимъ способомъ образовалось свое мѣстное купечество на Двинѣ въ Заволочьѣ.

Кромѣ этихъ товаровъ вывозными статьями служили кожи, ленъ, конопля и воскъ. Новгородцы и Псковичи посылали не только сырыя кожи, но и обдѣланныя: юфть, сколько извѣстно, единственный фабричный товаръ, выпускаемый изъ русскаго міра. Ленъ и конопля составляли важнѣйшій сбытъ Псковской Земли; Новгородцы же отчасти получали ихъ изъ своихъ владѣній, особенно изъ Вологды, а также покупали въ Восточной Россіи. Воскъ и медъ получались изъ странъ приволжскихъ, гдѣ финскіе народы занимались пчеловодствомъ. Воскъ въ большомъ количествѣ отпускался за границу; католическая набожность дѣлала этотъ матеріалъ предметомъ первой необходимости. Но въ началѣ XV вѣка встрѣчаются примѣры, когда медъ получали Новгородцы отъ ливонскихъ Нѣмцевъ, можетъ-быть по поводу какого-нибудь неблагопріятнаго дѣйствія на пчелиный промыселъ въ другихъ мѣстахъ, а можетъ-быть находили выгоднымъ перепродавать его Ганзейскимъ Нѣмцамъ [2].

[1]) Акт. Арх. Эксп. I.
[2]) Bunge, IV, 3. 338.

Изъ предметовъ торговли, потребляемыхъ собственно внутри Россіи, первое мѣсто занимали хлѣбъ и рыба. Новгородская Земля не могла производить хлѣба достаточно для внутренняго потребленія и получала его изъ болѣе плодородныхъ краевъ Россіи. Это-то и было причиною, что Новгородъ долженъ былъ подчиняться требованіямъ великихъ князей, потому-что не могъ выдержать долгое время прекращенія торговыхъ связей съ остальною Русью. Въ XI, XII и отчасти XIII-мъ вѣкахъ, хлѣбъ получали съ юга, вѣроятно, Днѣпромъ, съ Днѣпра шелъ онъ волокомъ до Ловати и, наконецъ, по Ильменю. Когда, вслѣдствіе внутренняго разложенія и, потомъ, послѣ Батыева раззоренія, Русь южная опустѣла, Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ Владимірской области и изъ Поволжья. Эта торговля должна была въ короткое время обогащать многихъ во время неурожаевъ, когда цѣны подымались вдругъ иногда до чрезвычайности; но зато хлѣбные торговцы легко могли навлечь на себя ожесточеніе народной толпы и въ одинъ день потерять собранное годами состояніе. Какъ хлѣбная торговля могла обогащать торговцевъ, можно видѣть изъ многихъ примѣровъ быстраго увеличенія цѣнъ, напримѣръ, удвоенія въ одинъ годъ: — въ 1187 г., осьмина стоила полгривны, а на другой годъ уже гривну. Таковое возвышеніе цѣнъ составляло бѣдствіе простаго народа и открывало дорогу другаго рода торговлѣ: отцы и матери сажали въ ладью дитя свое и продавали гостямъ за хлѣбъ.

Рыбная торговля была значительною вѣтвію въ Новгородѣ. Обычай хранить посты поддерживалъ эту торговлю; купцы нанимали рыболововъ, доставлявшихъ имъ рыбу, и возили ее на продажу въ города. Памятью о значительности рыбной торговли служатъ пѣсни о Садкѣ, богатомъ гостѣ, который свое баснословное богатство пріобрѣлъ рыбными промыслами.

Главнымъ пунктомъ хлѣбной торговли былъ Новый-Торгъ, городъ, стоявшій на границѣ Новгородской Земли съ страною, откуда привозился хлѣбъ: и потому-то онъ сдѣлался между другими пригородами значительнымъ торговымъ мѣстомъ. Новгородскіе торговцы селились въ немъ и вскорѣ образовали тамъ свои мѣстные интересы иногда противные собственно новгородскимъ. Торговая дѣятельность побуждала Новгородцевъ селиться и въ другихъ пригородахъ и основывать отдѣльное торговое общество. Такимъ-образомъ, въ Русѣ и въ Ладогѣ существовало особое купечество. Уже въ XII-мъ вѣкѣ, въ грамотѣ Всеволода, встрѣчаются деревскіе и бѣжецкіе купцы. Были свои купцы на Онегѣ, въ Корелѣ, въ Вологдѣ и въ Перми, и во всѣхъ краяхъ образовалось торговое сословіе. Въ каждомъ краѣ, какой товаръ производился или удобнѣе получался, тамъ заводились и купцы, добывавшіе этотъ товаръ. Купцы, поселявшіеся въ пригородахъ, въ самомъ Новгородѣ по своей торговлѣ имѣли уже второстепенныя права, чѣмъ настоящіе новгородскіе, но съ преимуществами противъ купцовъ другихъ земель. По грамотѣ Всеволода Гавріила, Новоторжане платили пошлинъ болѣе, чѣмъ Новгородцы, но менѣе чѣмъ Полочане или Смольняне.

VI.

НОВГОРОДСКОЕ КУПЕЧЕСТВО.—ТОВАРИЩЕСТВА.—ОПАСНОСТИ, ИХЪ ВЫЗЫВАВШІЯ.

Купцы новгородскіе, въ торговомъ отношеніи, составляли компаніи или артели, сообразно или направленію своей торговли, напр. купцы заморскіе, купцы низовскіе, или же по предметамъ торговли, напримѣръ купцы-прасолы, то есть торгующіе съѣстнымъ товаромъ, купцы-суконники, торгующіе сукнами, рыбные, хлѣбные и пр. Соединяясь между собою въ торговое товарищество, они принимали покровительство какой-нибудь церкви и святаго патрона. Это видно изъ Всеволодовой грамоты [1]), гдѣ указывается до нѣкоторой степени составъ такого товарищества, называвшагося Ивановскимъ, подъ покровительствомъ св. Іоанна на-Опокахъ. Каждый членъ компаніи, вступая въ нее, обязанъ былъ давать вкладъ въ пользу всего товарищества (пятьдесятъ гривенъ серебра) и сверхъ-того жертвовать на церковь св. Іоанна 29 $^1/_2$ гривенъ серебра. Это дѣлалось одинъ разъ и называлось «вложенье» въ купечество. Купецъ, сдѣлавшись такимъ-образомъ членомъ товарищества, на-

[1]) Собр. Памятн. 412.

зывался, по отношенію къ этому товариществу, «пошлый купецъ» и оставался имъ до смерти;—дѣти его уже сами собою, безъ собственнаго личнаго вклада, были, какъ родители, членами товарищества. Они выбирали изъ среды себя двухъ старостъ для управленія дѣлами торговыми и для торговаго суда. Сверхъ-того выбирались трое старостъ отъ житыхъ людей и тысячскій отъ черныхъ (неизвѣстно, былъ ли онъ общій тысячскій или особый для товарищества). Эта компанія имѣла особое значеніе торговли воскомъ и освобождалась отъ власти посадника. Впослѣдствіи, торговое значеніе ея расширилось. При церкви св. Ивана-на-Опокахъ производился вѣсъ, и не только воскъ, медъ, но и другіе товары входили въ кругъ торговли ивановскаго купечества: олово, свинецъ желѣзо, ладанъ, квасцы и даже скотъ, который для продажи въ городѣ пригоняли къ Ивану-на-Опокахъ и тамъ брали за него пошлины. Такъ было еще въ XII-мъ вѣкѣ. Во всей Европѣ въ средніе вѣка были такія товарищества, и самый нѣмецкій дворъ представлялъ такую компанію подъ покровительствомъ святаго Петра. Изъ актовъ, относящихся до сношеній Новгорода и Пскова съ Нѣмцами, видно, что новгородскіе купцы торговали компаніями съ Ганзою и ливонцами, которые также составляли компаніи. Въ дѣлахъ, возникавшихъ между ними, сношенія дѣлались отъ цѣлой компаніи и всѣ члены, называвшіеся складчики, считались отвѣтственными по дѣламъ своего товарищества; напр. въ актѣ, относящемся до первыхъ годовъ XV-го вѣка, жалуются сыновья нѣсколькихъ отцовъ, предъявляя требованіе на внуковъ колыванскаго посадника въ 400 рубляхъ [1]). Не можетъ быть, чтобъ иванов-

[1]) Сдѣсе вамъ наша братья много жаловалѣся Игнатовѣ дѣти и Лентѣевѣ дѣти и Фоминѣ дѣти и Родивоновѣ на Кондрата на Колываньского посадника и на Іеремѣіевыхъ дѣтей...... чтобъ іеси повелѣлъ Кондратовымъ

ское купечество составляло единственный, исключительный, фактъ въ новгородской торговлѣ; есть больше вѣроятія думать, что, кромѣ ивановской, существовали и другія артели. Всеобщность этого способа торговли была слишкомъ развита въ тѣ времена и истекала не изъ прихоти какого-нибудь князя, а изъ духа времени. Подъ церковью св. Ивана-на-Опокахъ хранились товары ивановской компаніи; но извѣстно, что и подъ многими другими церквами хранились товары, напримѣръ въ Успенской, Пятницкой, Дмитревской; тѣ купцы, которые такимъ образомъ повѣряли свои товары одному мѣсту, непремѣнно должны были имѣть между собою общую связь и признавать покровительство той церкви, гдѣ сохранялось ихъ достояніе. Притомъ же есть указаніе, что одну церковь, именно Пятницкую, строили купцы заморскіе, слѣдовательно и эта церковь имѣла одно значеніе для кружка купцовъ, посвятившихъ себя одной вѣтви торговли. Отъ этого-то иноземные торговцы и обязаны были давать даръ этой церкви: она была покровительною церковью той компаніи, которая вела съ ними преимущественно торговлю, покупала у нихъ товары. Также точно въ Русѣ построили церковь Бориса и Глѣба купцы-прасолы [1]). Такъ-какъ эта церковь имѣла значеніе для прасоловъ, то, безъ сомнѣнія, и прасолы имѣли между собою связь, составляли товарищество. Церкви въ новгородскомъ мірѣ вообще имѣли торговое значеніе:—въ церковныхъ подвалахъ хранились товары; въ самыхъ церквахъ держались лари, гдѣ лежали книги, куда записывались торговыя сдѣлки, такъ-что какъ-скоро дѣлалось что-нибудь письменное, то одинъ экземпляръ оставался въ церкви, и въ случаѣ

внучатамъ Колыванскаго Посадника Корту (Cord) и Инцѣ (Hinze) и складникомъ ихъ дати нашей братьи четыреста рублевъ чисто. (Bunge, IV.3, 343.

[1]) Новг. 1. 102.

спора, служилъ доказательствомъ справедливости [1]). Эти товарищества и были причиною того, что въ Новгородѣ почти всѣ старыя церкви дѣлались съ подвалами, приспособленными къ храненію товаровъ.

Артельное устройство, соединявшее купцовъ, было также у промышленниковъ и ремесленниковъ. По извѣстію новгородской скры, лоцманы, проводившіе иноземныя суда, составляли артели и имѣли старосту, котораго Нѣмцы называютъ альдерманомъ. Одна такая артель занималась проводомъ судовъ по Невѣ, другая по Ладожскому озеру, третья по Волхову. Рыболовы составляли также товарищества, и это древнее обыкновеніе до сихъ поръ соблюдается у ильменьскихъ рыболововъ. Безъ-сомнѣнія, поводомъ къ образованію товариществъ болѣе всего располагали опасности, которымъ подвергалась торговля повсюду. Выше было сказано, какъ часто нарушались дружелюбныя отношенія съ иноземными торговцами. Какъ только вспышка съ Орденомъ,—Ганза становится въ непріязненное отношеніе къ Новгороду: Нѣмцы задерживаютъ новгородскихъ купцовъ, Новгородцы тоже дѣлаютъ у себя съ Нѣмцами. Самая форма товариществъ въ торговлѣ, предохраняя отъ опасностей, служила имъ и поводомъ; напр. Новгородцы по дѣлу частному за оскорбленіе купцовъ своихъ взыскивали на всѣхъ вообще нѣмецкихъ гостяхъ [2]). Дожидаясь, напр., пословъ съ Готланда, которые должны были уладить возникшіе споры, Новгородцы задерживали купцовъ на нѣмецкомъ дворѣ [3]). Такъ же точно по какому-нибудь недоразумѣнію со стороны Новгородцевъ или Псковичей, Нѣмцы арестовали и конфисковывали товары русскихъ людей, неприглашенныхъ вовсе къ дѣлу непричастныхъ вовсе къ недоразумѣніямъ.

[1]) Пск. Суд. грам. 7.

[2]) Bunge III, 7. 190. IV, 3. 343. [3]) Bunge IV, 3; 348.

Плаваніе по Балтійскому морю не было безопасно отъ разбойниковъ. Иногда шайки ихъ, подъ предводительствомъ знатныхъ дворянъ, были до того сильны, что государства обращались съ ними, какъ-бы съ законною силою; такъ, въ 1382 году, Ганза заключила перемиріе на положенный срокъ съ морскими разбойниками [1]). Въ 1386 году королева датская Маргарита заключила съ ними четырехлѣтній миръ [2]); для поддержки на морѣ безопасности кораблей отъ разбойниковъ, приморскіе города собирали налоги и содержали на морѣ оборонительную стражу изъ судовъ: въ 1393 году употребили для этого сборъ съ новгородскихъ пошлинъ [3]). Потеря отъ разбоевъ на Невѣ, понесенная новгородскими торговцами и убійства ихъ разбойниками, были поводомъ притязаній къ нѣмецкимъ торговцамъ, и города старались оградить своихъ купцовъ отъ такихъ притязаній. Въ 1395 году ограблены были, какими-то братьями Виталіями, новгородскіе купцы (Ермилъ Карпинъ, Василій Юрьевъ, Павелъ Тимофѣевъ, Иванъ Константиновъ, Трифонъ Нестеровъ, Кузьма какой-то, называемый въ нѣмецкихъ актахъ, Marckemin)? Нѣкто Якобъ Абрагамсонъ отнялъ у разбойниковъ ограбленное, и ихъ самихъ предалъ суду на смертную казнь, а Русскихъ, взятыхъ разбойниками, привелъ въ Ревель.

Во Псковѣ, торговля подвергалась еще чаще такимъ внезапнымъ разореніямъ [4]).

[1]) Bunge III, 4. 398. [2]) ibid. 5. 124.

[3]) Bunge III, 5. 406 propter sustentare naves defensorias, quas in mari sub magnis expensis et sumtibus hoc anno tenuimus et adhuc tenemus. Supplicamus itaque, quod dignemini, cum ceteris civitatensibus, quos concernit, sic disponere quod tallia Novgardiae concepta nobis istac per ros destinetur.

[4]) Напримѣръ, въ 1363 году. Псковичи задержали нѣмецкихъ гостей, а Нѣмцы псковскихъ (I. 88). Въ 1446 г. Псковичи задержали 24-хъ купцовъ нѣмецкихъ за то, что Нѣмцы оскорбили Псковичей (Пск. Л. I, 210).

Сѣверныя государства давали привилегіи на неприкосновенность торговцевъ во время войнъ только Ганзейцамъ: это не простиралось на Новгородцевъ, когда Швеція находилась во враждѣ съ Новгородомъ. Даже Ганзейцамъ давались привилегіи съ ограниченіями: такъ, напримѣръ, изъ уваженія къ торговлѣ, шведскій король обѣщалъ не трогать нѣмецкихъ купцовъ, отправляющихся изъ Германіи въ Новгородъ и обратно, и даже распространилъ это право на проводниковъ изъ Русскихъ, сопровождавшихъ нѣмецкихъ купцовъ; но это право предохраняло ихъ только отъ умышленныхъ нападеній, а не отъ войска, если оно въ своемъ движеніи ихъ встрѣчало. Новгородскіе купцы не были ограждены ни въ какомъ случаѣ, и дѣйствительно, по поводу несогласій Новгорода съ Шведами подвергались разграбленію и убійству. Въ 1317 году, обонежскіе купцы побиты нѣмецкими и шведскими разными людьми, вошедши въ Ладожское озеро. Въ 1338 году, въ Ладогѣ, погибли новгородскіе купцы отъ Нѣмцевъ. Въ самое мирное время купцы могли подавать поводъ къ взаимнымъ ссорамъ и убійствамъ. Случаи, предупреждаемые въ договорныхъ грамотахъ съ иноземцами, уже черезъ то самое показываютъ, что они были явленіями не исключительными; напримѣръ предупреждается, сколько брать вознагражденія, если купецъ оскорбитъ чужую жену или дочь, или собьетъ съ головы у женщины уборъ; изъ этого видно, какъ дерзки могли быть торговцы въ чужой странѣ. Разумѣется, договоръ о томъ, сколько слѣдуетъ платить въ такомъ случаѣ, не исполнялся, потому что нельзя было обязать закономъ мужа или отца довольствоваться пенею, и, конечно, были такіе, что вмѣсто, того чтобъ взять по суду сорокъ гривенъ кунами, да другіе сорокъ въ пользу оскорбленнаго лица женскаго пола, предпочитали лучше самому убить оскорбителя и заплатить десять гривенъ серебра, какъ въ томъ

же договорѣ показано. Какъ всегда бываетъ въ обществѣ, гдѣ прочное сознаніе обоюдныхъ выгодъ не заставляетъ одного человѣка уважать другаго, торговецъ смотрѣлъ на чужаго торговца какъ на своего врага, котораго надобно обмануть. Въ томъ же договорѣ съ Ганзою, говорится о томъ, какъ поступать тогда, когда Варягъ долженъ Русскому или Русскій Варягу и станутъ запираться. Конечно, были случаи, что по поводу взаимныхъ несправедливостей по торговлѣ, купцы развѣдывались сами собою, вмѣсто того чтобъ судиться. Мы уже изъ предъидущаго обзора видѣли, что вся исторія торговыхъ отношеній Новгорода и Пскова къ Нѣмцамъ, есть рядъ безпрерывныхъ, взаимныхъ недоразумѣній, въ силу которыхъ опасность, постигшая одного купца, переходила на всѣхъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ опасностей, сопровождавшихъ Новгородца въ торговлѣ иноземной, его встрѣчали еще опасности отъ природы; плаваніе было мало ограждено отъ воздушныхъ перемѣнъ; искусство было мало развито, и если торговый плаватель избѣгалъ опасностей отъ людей, то могъ погибнуть отъ бурь.

Въ русскихъ странахъ Новгородскій торговецъ не былъ изъятъ отъ повсемѣстныхъ опасностей. При распряхъ, возникавшихъ у Новгорода съ русскими князьями, за изгнаніе ихъ родственниковъ изъ Новгорода, часто терпѣли купцы, захваченные въ расплохъ въ землѣ, недовольной на новгородскаго князя. Такъ въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ задержалъ гостей новгородскихъ и ограбилъ ихъ. Въ 1273 году Новгородскую волость воевалъ Святославъ съ Тверичами и тогда у гостинниковъ по Низовской Землѣ товары отымаша»[1]). Въ 1323 году, во время

[1]) Новг. Л. I, 63.

несогласія Новгорода съ Устюгомъ, Устюжане ограбили новгородцевъ, ходившихъ въ Югру, конечно съ промышленною цѣлію [1]). Въ 1372 году во время войны Новгорода съ Михаиломъ тверскимъ, съ обѣихъ сторонъ пострадали торговцы. Новгородцы поймали, ограбили и нѣкоторыхъ перебили изъ тверскихъ торговцевъ, захваченныхъ въ Торжкѣ; а Михаилъ, взявъ Торжокъ, ограбилъ всѣхъ купцовъ новгородскихъ и новоторжскихъ [2]). Независимо отъ того, что торговцы попадали въ ратное время къ непріятелю, они дѣлались жертвою и разбойниковъ; въ особенности въ XIV вѣкѣ замѣтенъ въ Русской Землѣ вкусъ къ разбоямъ. Такъ, въ договорѣ второй половины XIV вѣка, Новгородцы жалуются, что ихъ купцы ограблены передъ Невою нѣмецкими разбойниками, изъ Новгородцевъ самихъ были такіе молодцы; охота ушкуйничать тогда была обычна. Когда одни ѣздили торговать, другіе гнались за торговцами и грабили ихъ. Все это заставляло купцовъ держать оружіе и отправляться въ торговый путь, какъ въ военный походъ. Купецъ новгородскій былъ вмѣстѣ и воинъ, и мы видимъ купцовъ вмѣстѣ съ боярами на сраженіи [3]).

Опасности не миновали купца и въ городѣ. Новгородъ и другіе торговые города сѣвера часто опустошались пожарами. Предохраненіемъ служили каменныя церкви, но и туда достигалъ огонь, особенно къ тѣмъ товарамъ, которые лежали въ самой церкви, а не въ подвалѣ. Такъ, въ 1299 году, сгорѣла церковь Іакова въ Неревскомъ концѣ и тогда погорѣло много товаровъ и въ другихъ церквахъ [4]). Часто, во время всеобщей суматохи, произведенной пожаромъ, въ церкви врывались молодцы и расхищали достояніе тор-

[1]) Новг. Л. I, 73. [2]) Соф. Врем. 232. [3]) Новг. Л. I. 71. [4]) Новг. Л. I, 66.

говцевъ. Иногда же и безъ огня молодцы въ Новгородѣ составляли шайки и нападали на торговцевъ [1]).

Среди такого государственнаго склада, гдѣ личная свобода мало обуздывалась установившимся сознаніемъ святости опредѣленныхъ формъ, богатый и знатный человѣкъ, возвысившись надъ другими, легко могъ подвергнуться внезапной опасности и потерять все заразъ: такъ и купцы новгородскіе терпѣли во время народныхъ бѣдствій, когда масса злобствовала вообще на всѣхъ, кто не раздѣлялъ съ нею ея страданій; такъ, напримѣръ, во время голода, бѣдные грабили зажиточныхъ; тогда-то доставалось богатымъ торговцамъ.

[1]) Новг. Л. I, 65.

VII.

ПРІЕМЫ И ХАРАКТЕРЪ МѢСТНОЙ ТОРГОВЛИ.

Артельное устройство торговли, вѣроятно имѣло вліяніе на то, что въ Новгородѣ торговый механизмъ носилъ особый отпечатокъ, отличный отъ московскаго; въ Новгородѣ не было рядовъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Москвѣ. Во Псковѣ, въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка, встрѣчается слово ряды, но это кажется, означаетъ купеческія товарищества или артели; потому-что ряды имѣли своихъ старостъ; купцы были подѣлены на ряды подъ начальствомъ старостъ [1]). Въ Новгородѣ въ первый разъ въ 1507 году московскій государь велѣлъ завести торговый рядъ по-Московски [2]). Не упоминается и о лавкахъ, кромѣ нѣмецкаго двора. Герберштейнъ говоритъ, что въ его время волховскій мостъ былъ застроенъ лавками, и неизвѣстно: древній-ли это обычай, или онъ возникъ уже послѣ паденія независимости. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ неясныхъ извѣстій видно, что, въ древности, въ обычаѣ было въ удобныя для торговли мѣста въ городѣ ставить строенія и собираться въ нихъ съ товарами. Такъ въ 1371

¹) Пск. Л. I, 281. ²) W. 136.

году нѣмецкіе послы, предлагая Новгородцамъ мирный трактатъ, требовали, чтобъ новгородскіе купцы не стояли на мосту (по рву) по обѣимъ сторонамъ нѣмецкаго двора, не вколачивали шестовъ въ заборъ (вѣрно, для вывѣски товаровъ) и не ставили строеній на землѣ, принадлежащей Нѣмцамъ по праву [1]). Дворы были какъ мѣстомъ жительства пріѣзжихъ, такъ и мѣстомъ торговли; кромѣ нѣмецкаго и готскаго дворовъ существовалъ еще плесковскій [2]), а въ XVI-мъ вѣкѣ упоминается тверской [3]). Такъ-какъ намъ извѣстно, что дворы въ Новгородѣ существовали принадлежавшіе какому-нибудь одному краю, то, вѣроятно, тверской дворъ не былъ московскимъ изобрѣтеніемъ, а существовалъ еще и прежде. Должно думать, находились въ Новгородѣ также дворы и для торговцевъ другихъ земель. Для Псковичей и Тверичей пріѣзжавшихъ были свои дворы; но въ Новгородъ пріѣзжали и Полочане и Смоляне, какъ это видно еще въ XII-мъ вѣкѣ изъ грамотъ Всеволода; быть можетъ и они имѣли свои торговыя помѣщенія.

Въ дворахъ были лавки и амбары, какъ показываетъ устройство гостинаго двора въ XVI-мъ вѣкѣ. Хотя при московскомъ владычествѣ измѣнилось устройство торговыхъ мѣстъ, но въ то же время оставалось еще много особенностей, по которымъ можно нѣсколько угадывать старину. Дворы не были новымъ московскимъ учрежденіемъ, потому и устройство ихъ внутри могло оставаться по старинѣ. Это тѣмъ болѣе, вѣроятно что описаніе новгородскаго двора въ XVI-мъ вѣкѣ представляетъ сходныя черты

[1]) Und juwe koplude de en solen nicht stan up unser brugge to beidentsiden vor unseme hove, und en solen nene stocke in de plancken slaen und en solen nene husinge Setten up unse wort. Bunge, III, 3. 271.

[2]) Новг. Л. I, 103. [3]) А. Эксп. I, 361.

съ древнимъ устройствомъ нѣмецкаго. На основаніи этихъ данныхъ можно представить себѣ, чтó такое были гостиные дворы. Это длинныя зданія съ отдѣленіями внутри, называемыми амбарами и лавками. Амбары были отдѣленія просторныя; тамъ помѣщалось нѣсколько пріѣзжихъ торговцевъ съ своими товарами; лавки были маленькія отдѣленія для одного или двухъ: товары лежали въ коробьяхъ, и висѣли на жердяхъ. Другіе анбары, обыкновенно внизу подъ описанными выше, назначались для громоздкихъ товаровъ: тамъ кучами лежали соль, сухая рыба, яблоки, шерсть въ рогозинахъ и пошевахъ, и прочая. Товары городскихъ купцовъ хранились въ церковныхъ подвалахъ, въ пристройкахъ около церквей, и даже въ самыхъ церквахъ; на это указываютъ разныя ниши и закоулки, до сихъ поръ въ новгородскихъ церквахъ. Въ старину, хозяева пріобрѣтали въ домъ необходимое въ большихъ запасахъ на продолжительное время; не было такихъ каждодневныхъ потребностей, какъ теперь; не было нужды устроивать и мелочныхъ лавокъ; торговля не дробилась такъ, какъ теперь. Если кому нужно сдѣлать покупку, онъ отправлялся прямо къ купцу въ домъ; купецъ доставалъ ему товаръ или изъ своей домашней клѣти, или шелъ въ церковь и оттуда бралъ его. Нужды были не сложны, а роскошь обращалась къ немногимъ предметамъ, напримѣръ посудѣ, платью; потребности комфорта неизмѣнялись быстро и часто: то, чтò годилось отцу, годилось и сыну. Поэтому покупки бóльшею частію были оптовыя. Хозяинъ скорѣе могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ потребностей, чѣмъ удовлетворять ихъ мелочными покупками. Оттого-то, быть можетъ, и не видно существованія мелочныхъ лавокъ. Понятно, что гостиные дворы были необходимы въ торговомъ городѣ; пріѣзжій находилъ тамъ и пристанище своимъ товарамъ, и себѣ квартиру; а хозяинъ

жившій своимъ домомъ могъ и торговать, у себя въ домѣ, и лавка была у него скорѣе для храненія товара, чѣмъ для продажи. Съѣстные припасы и разныя мелкія хозяйственныя статьи вседневнаго обихода продавались на торгу обыкновенно съ возовъ и саней, на которыхъ пріѣзжали поселяне въ извѣстные недѣльные дни; городскіе прасолы выставляли свои снадобья на стольцахъ, скамьяхъ и носильцахъ. Хлѣбы продавали хлѣбники и калачники передъ своими пекарнями. Лѣтомъ съ обѣихъ сторонъ Волхова пригоняли въ городъ къ большому мосту плоты съ разными сельскими произведеніями: тутъ были разнаго рода зерновый хлѣбъ, толокно, сухая рыба, хмѣль, орѣхи, воскъ, медъ, соль, ягоды (особенно клюква и брусника), зола, солодъ [1]). Торгъ пропроисходилъ на берегу; богатые купцы и хозяева закупали у поселянъ оптомъ и свозили себѣ по дворамъ; иногда же выгружали товары на берегъ, сваливали ихъ у церквей и тамъ происходила раскупка. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда вводились московскіе обычаи, было запрещено слѣдовать этому старому обыкновенію [2]). Въ ряду пригоняемыхъ по Волхову на продажу предметовъ важное мѣсто занималъ древесный товаръ. Отъ большихъ и частыхъ пожаровъ эта торговля была развита въ Новгородѣ. Приплавляли во множествѣ строевой лѣсъ, доски, брусья, тесъ, дрова, лучину, уголья, мохъ для конопаченья стѣнъ и, наконецъ, готовые срубы для хоромъ, повалушъ, горницъ и клѣтей [3]).

овгородской Землѣ обычнымъ временемъ торговли были ярмарки; ихъ было множество по пригородамъ и погостамъ, какъ это видно изъ актовъ XVI-го вѣка, когда хотѣли ограничить ихъ число, существовавшее изстари. Ярмарки отправлялись по поводу праздниковъ и продолжались по недѣлямъ и больше, смотря по важности торговаго

[1]) А. (Арх. Экс. I, 404. [2]) А. Арх. Экс. 1, 301. [3]) А. Арх. Экс. 326.

пункта, такъ-что купцу можно было цѣлый круглый годъ разъѣзжать по ярмаркамъ изъ одной жилой мѣстности въ другую; и это было въ обычаѣ у купцовъ. Близъ самаго Новгорода были ярмарки въ окрестныхъ посадахъ: въ Липнѣ, въ Понедѣльсѣ, на Взводѣ; въ Новгородской волости значительныя торжища были: въ Русѣ, Ладогѣ, Торжкѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ, Корелѣ, въ Бронницахъ, въ Бѣжицахъ и въ Порховѣ. На всѣхъ этихъ торгахъ толпились купцы не только новгородскіе, и новогородскихъ пригородовъ и волостей, Новоторжцы, Ржевичи, Бѣжичанѐ, Шелонцы, Вожане. Деревцы, но и другихъ земель: Псковичи, Москвичи, Рязанцы, Тверичане, Бѣлозерцы, Торопчане, Смольняне и Литвины, [1]). Торжища собирались близъ разныхъ монастырей на ихъ храмовые праздники; поѣздки туда совершали вмѣстѣ и для торговли, и на богомолье. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній: туда пріѣзжали не только закупщики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія:—тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками и веселыми женщинами; тамъ скоморохи потѣшали народъ зрѣлищами. Поэтому, кромѣ тѣхъ, которые являлись туда наживаться, были и такіе, которые пріѣзжали туда проматывать состояніе:—одни Богу молиться, другіе бѣса тѣшить. Сообщенія происходили по рѣкамъ и потому торжки заводились въ такихъ мѣстахъ, которыя прилегали къ водному пути. Въ этомъ отношеніи Новгородская волость представляла большія удобства, потому-что изъ Новгорода во всѣ стороны развѣтвлялся водяный путь. Переѣзжали съ торжка на торжокъ на учанахъ, ладьяхъ, стругахъ; гребцы стека-

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 132—139.

лись толпами на работу къ пристанямъ: этотъ промыселъ питалъ значительную часть чернаго народа. Другіе держали сухопутныя подводы на волокахъ между рѣками. Такимъ-образомъ, торговля имѣла странствующій характеръ и купецъ велъ подвижную жизнь, какъ воинъ.

XVIII.

МѢРЫ, ВѢСЪ, МОНЕТА.

Мѣры и вѣсы въ Новгородской Землѣ были своеобразны, и даже послѣ паденія независимости долго оставались особенности, отличныя отъ обычаевъ другихъ земель. Старыя новгородскія единицы мѣръ и вѣса приблизительно видны изъ позднѣйшихъ извѣстій по ихъ отличію отъ московскихъ. Сыпучія тѣла измѣрялись коробьями, которые подраздѣлялись на зобни: каждый коробъ имѣлъ три зобня, зобень два ползобня. Другія, болѣе массивныя, мѣры сыпучихъ тѣлъ были пузъ и пошевъ. Это были глазомѣрныя единицы. Болѣе опредѣленная мѣра была окова, дѣлившаяся на четыре четверти, а каждая четверть была болѣе московской и вѣсила до $8\frac{1}{2}$ пудовъ, тогда-какъ московская вѣсила отъ 5 до $6\frac{1}{4}$ п. Впрочемъ, и въ на Сѣверѣ были разныя четверти; такъ, напримѣръ, во Псковѣ была своя, болѣе новгородской; на Двинѣ была иная еще болѣе псковской. Каждая четверть дѣлилась на двѣ осьмины. Соль продавалась пошевами. Для жидкихъ тѣлъ употреблялись бочки и ведра. Ведро дѣлилось на носадки. Для мѣры суконъ и матерій существовали локти, но эти товары чаще продавались кусками, носившими названіе матеріи; величина была разная. Вѣсъ въ

Новгородѣ для тяжелыхъ товаровъ былъ капь—8 пудовъ ливонскихъ, а каждый пудъ ливонскій равнялся нашимъ $1\frac{1}{2}$ пудамъ. Другой болѣе меньшій вѣсъ былъ пудъ. Еще меньшій — гривна, или фунтъ. Гривна новгородская была болѣе гривенъ другихъ земель русскихъ, потому-что и впослѣдствіи новгородская гривна равнялась 92-мъ золотникамъ 92-мъ долямъ московской гривны [1]). Вѣсы назывался скалвы. Для предотвращенія недоразумѣній, въ Новгородѣ существовали скалвы, утвержденныя правительствомъ при церкви Іоанна на-Опокахъ. Была также и правительственная мѣра—локоть и находилась при той же церкви. Въ торговлѣ съ Нѣмцами въ употребленіи былъ нѣмецкій вѣсъ, который принимали Псковичи у себя, но Новгородцы не охотно принимали его, и если случалось имъ продавать на него свои товары въ ливонскихъ городахъ, то оставались въ потери. Такъ въ 1396 году возникли по этому поводу недоразумѣнія и Новгородцы присылали своихъ пословъ [2]); вообще, торгуя съ Нѣмцами, Новгородцы охотнѣе продавали и покупали неопредѣленными единицами, сообразными разнымъ товарамъ, напримѣръ, матеріи штуками (stucke) и терлинками (terlink), на которыя раздѣлялись штуки, питья—бочками, сукна—кусками (laken); но здѣсь уже по самой неопредѣленности нельзя было избѣгнуть недоразумѣній. Новгородцы жаловались иногда [3]), что Нѣмцы привозятъ къ нимъ бочки маленькія или лакены короткіе, и уменьшая массу, или размѣръ товара, брали за него ту же цѣну, какъ прежде.

Мѣры и вѣсы вообще существовали собственно только для предотвращенія споровъ. Обыкновенно торговля въ Новгородѣ рѣдко происходила на вѣсъ и мѣру, а чаще всего на единицы, имѣвшія неопредѣленное значеніе, въ родѣ пуза,

[1]) Кильбургеръ, 205.

[2]) Bunge, IV, 3. 270. [3]) Bunge, IV, 4. 394.

пошева, короба, зобня, вѣника—для сѣна и соломы. Когда одинъ покупалъ у другаго, то размышлялъ, какой объемъ извѣстнаго товара можетъ удовлетворить его потребностямъ на извѣстное время и поэтому дѣлалъ покупку. Такъ, напримѣръ, соль продавалась пошевами. Хозяинъ зналъ, на сколько ему, примѣрно, пойдетъ пошевъ и покупалъ такимъ-образомъ. Вѣсу и мѣры для него не нужно было. Точно также и покупая тягучія тѣла, напримѣръ, сукно,—покупщикъ смотрѣлъ на кусокъ и соображалъ, что изъ него можно сдѣлать.

О монетѣ въ древнія времена нашей исторіи есть достовѣрныя свѣдѣнія. Послѣ открытія нѣжинскаго клада, послѣ разработки этого вопроса нашими учеными, нѣтъ возможности въ настоящее время признавать старую гипотезу о томъ, что у насъ встарину звонкой монеты не было, а замѣняли ее кожанные лоскутки. Въ Новгородѣ приготовленіе звонкой монеты было тѣмъ возможнѣе, что Новгородцы издавна получали слитки закамскаго серебра отъ Перми и Югры. Но несомнѣнно то, что до XV-го вѣка въ общественномъ понятіи представленіе цѣнности соединялось неразрывно не съ выраженіемъ ея посредствомъ монетныхъ знаковъ, а съ предметами, составлявшими дѣйствительно драгоцѣнную потребность жизни. Такими предметами преимущественно передъ другими были мѣха. Поэтому, единица, выражавшая цѣнность, была куна, куница, т. е. понятіе о цѣнности извѣстной вещи слагалось такъ, что за эту вещь можно пріобрѣсть столько-то куньихъ мѣховъ. Почему именно куница, а не другой мѣхъ получилъ это значеніе, указываетъ то, что куній мѣхъ былъ изъ всѣхъ мѣховъ средняго достоинства—не слишкомъ низкій, не слишкомъ высокій. Для означенія болѣе низкихъ цѣнностей, служили бѣлки или векши; то есть, примѣняя это названіе, выражали цѣнность вещи тѣмъ, что за нее можно пріобрѣсть бѣличій

мѣхъ. Но мѣха цѣнились разно, по сорту, и оттого возникли цѣнности болѣе частныя, какъ ногата и мордка, то есть такія единицы, на которыя можно пріобрѣсть мѣхъ изъ ногъ или мордъ животнаго. Мѣха не составляли исключительнаго представленія цѣнности; оно соединялось также со скотомъ; скотъ означалъ вообще казну, сокровищницу, потому что въ древнѣйшія времена скотъ составлялъ домашнее богатство хозяина. Въ скрахъ нѣмецкаго двора есть выраженіе цѣнности *говедо*, вѣроятно штука скота или кусокъ мяса. Еще выраженіемъ цѣнности служили хлѣбъ и медъ. Постановляли, что по такому-то поводу надобно заплатить столько-то хлѣбомъ и медомъ. Потребности были такъ немногосложны, что при покупкахъ сейчасъ же приходило въ голову количество, потребное для обычнаго домашняго обихода, предметовъ, усвоенныхъ въ жизни, такъ-что количество монетъ прежде всего въ воображеніи представляло количество общеупотребительныхъ матеріаловъ. Теперь количество рублей не можетъ живо напомнить намъ всего, что̀ на эти рубли можно пріобрѣсть, ибо наши потребности разнообразны, а въ юношескія времена общества это было возможно и удобно. Впрочемъ, всѣ эти предметы цѣнности уступали мѣхамъ, такъ-что послѣдніе принимались для названій цѣнности. Но названіе мѣховъ для названія денегъ удерживалось даже и въ вѣка большаго разнообразія житейскихъ потребностей, хотя уже утрачивало свое буквальное значеніе; такъ-какъ и у насъ до сихъ поръ существуютъ рубли, хотя это уже нерубленые куски, каковы были тѣ, съ которыми первоначально соединялось значеніе этого слова.

Въ Новгородѣ не видно ни ногатъ, ни рѣзаней, — единицъ употребительныхъ въ другихъ земляхъ. Наибо̀льшая монетная единица была гривна, — слово, первоначально означавшее опредѣленное металлическое шейное украшеніе, коль-

цо, потомъ вѣсъ и, наконецъ, монету по отношенію къ вѣсу. Гривной, въ монетномъ смыслѣ, назывался отрубокъ металла въ гривну вѣсомъ. [1]) Но гривна была двоякая: большая и малая—фунтъ и полфунта, потому и отрубки были двоякаго рода—гривна въ фунтъ (образчикъ найденъ въ Новгородѣ въ Прусской улицѣ) и гривна въ полфунта. Но фунтъ былъ двоякій: византійскій въ 72 золотника и западный въ 96 золотниковъ; поэтому встрѣчаются отрубки, соразмѣрные цѣльному и половинному вѣсу или немного больше и меньше цѣлаго фунта и половины его по византійскому и по западному пріему: одни около 73—96 золотниковъ, другіе около 36—38 золотниковъ. Эти половинные куски разрубались еще на половины и потому находили куски въ 22 и 21 золотникъ, и болѣе. Эти гривны, выражая вѣсъ и повѣрялись вѣсомъ; для этого существовали при церкви св. Іоанна на Опокахъ городскіе денежные вѣсы: *гривенка рублевая*, для взвѣса отрубковъ, называемыхъ, по причинѣ ихъ разсѣченія на части, «рублями». Какъ отрубки были разные, то за отрубками бо́льшей величины удержалось названіе рублей, а половины ихъ называли полтинами. Но такъ-какъ для удобства обращенія нужны были мелкіе кусочки, то эти послѣдніе, находясь въ обращеніи, подводились, по своей цѣнности, подъ цѣнность гривенъ и оттого-то гривна значила не только вѣсъ, но и количество мелкихъ монетъ, удерживая, однако, и прежнее свое значеніе вѣса. Это образовалось тѣмъ удобнѣе, что и въ отношеніи вѣса слово гривна употреблялось въ различныхъ значеніяхъ. Такъ составилось понятіе о гривнѣ кунъ, то есть цѣнности извѣстнаго количества мелкихъ монетныхъ единицъ. Сколько именно кунъ заключала въ себѣ гривна кунъ, трудно прослѣдить; да и въ этомъ отношеніи она была

[1]) У Нѣмцевъ русскія гривны назывались Stukke sulvers, Bunge V, I, 54.

въ разное время неравномѣрна и въ разныхъ русскихъ земляхъ. Такъ необходимо значеніе гривны постепенно переходило отъ значенія вѣса къ значенію количества. Изъ многихъ попытокъ уловить это, ближе къ истинѣ предположеніе Карамзина, полагавшаго, что въ XII-мъ вѣкѣ въ гривнѣ было около двадцати пяти кунъ Дѣйствительно, въ «Вопросахъ Кирика» памятникѣ XII-го вѣка опредѣлено служить панихиды на гривну пятью, а на шесть кунъ единою [1]). По этому разсчету въ гривнѣ должно выходить 30 кунъ; но Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что если бы въ гривнѣ было тридцать кунъ, тогда бы не встрѣчалось выраженіе «шестьдесятъ кунъ», а писали бы вмѣсто того — двѣ гривны. Онъ полагаетъ, что въ разсчетѣ за панихиды сдѣлана уступка для бо́льшаго количества, и такимъ-образомъ выйдетъ, что гривна кунъ содержала около 25-ти приблизительно. Должно-быть, количество кунъ въ гривнѣ вертѣлось около этого числа и, хотя видоизмѣнялось въ разныя времена, но не далеко удалялось отъ этой нормы. Такъ въ XV-мъ вѣкѣ куны были замѣнены шведскими ортугами, а въ Швеціи марка (равнявшаяся нашей гривнѣ по вѣсу) ортуговъ, заключала въ себѣ ихъ двадцать четыре экземпляра. Такъ, впослѣдствіи, денегъ, замѣнившихъ куны, было въ гривнѣ 20, но въ Псковѣ, въ 1407 году, въ рублѣ, замѣнившемъ гривну, было 30 кунъ [2]). Но такъ-какъ количественное значеніе слова «гривна» не изгнало совершенно вѣсоваго значенія и вѣсовой счетъ на гривны серебра оставался при большихъ отрубкахъ, то, при сравненіи гривны кунъ съ гривною серебра, т.-е. количественной гривны съ вѣсовою, происходило разнорѣчіе: надобно было нѣсколько гривенъ кунъ, чтобъ составить гривну серебра. Есть извѣстіе, что въ Новгородѣ семь гривенъ кунъ равнялись одной

[1]) Пам. XII в. 113. [2]) Пск. Лѣтоп. 144., [3]) Карамз. прим. 527.

гривнѣ серебра [3]). Если положить гривну въ 25 кунъ, то, значитъ, въ гривнѣ серебра было приблизительно 175, слѣдовательно въ гривнѣ кунъ отъ $5^1/_7$ до $6^3/_7$ золотниковъ, а въ каждой кунѣ около 13 граммовъ; — такія монеты дѣйствительно и попадаются. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть мелкія монеты новгородскія уже XIV и XV в. Онѣ величиною въ гривенникъ, на одной сторонѣ изображеніе князя, сидящаго съ мечомъ въ рукѣ, а передъ нимъ стоящій человѣкъ подаетъ ему свитокъ; на иныхъ между ними крестъ; на нѣкоторыхъ встрѣчаются еще прибавленія, напримѣръ буква С или три точки надъ головою князя, или два обручика за подающимъ свитокъ. По всей окраинѣ кругомъ точки. На другой сторонѣ надпись: *Великаго Новагорода*. Можно догадываться, что человѣкъ, подающій князю свитокъ, есть символическое изображеніе Новгорода, подающаго князю договорную грамоту.

Что̀ касается до кожаныхъ денегъ, то существованіе ихъ въ Новгородѣ, несмотря на большое сомнѣніе возбуждаемое представленіемъ о трудности обращенія такихъ знаковъ, подтверждается современными свидѣтельствами — извѣстіемъ Рубруквиса изъ XIII вѣка о всей Россіи вообще, извѣстіями Льаннуа въ XV вѣкѣ и Герберштейна XVI вѣка спеціально о Новгородѣ. Въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ указаніе на какіе-то знаки въ торговлѣ, которыхъ не хотѣли принимать нѣмцы въ 1373 году [1]). Дѣйствительно, при существованіи монеты, мѣха не переставали иногда служить представителями платежа даже и въ болѣе позднее время, напримѣръ въ XVI вѣкѣ, когда изъ царской каз-

[1]) Und juwe brodere en solen nicht copslagen in unseme hove mit eren schiin secken und des gelikes op unser bruggen, dar wi dat sulver vore geven. Bunge, III, 3. 271.

ны выдавались на жалованье и деньги, и мѣха. Во многихъ актахъ встрѣчаются случаи уплаты, когда при деньгахъ даются на придачу мѣха, напримѣръ, *«заложилъ полсела въ 10 рубляхъ, да въ трехъ сорокахъ бѣлки»* [1]). Употребленіе же значковъ кожаныхъ, дающихъ право на мѣха, вещь возможная и подтверждается нѣсколькими примѣрами изъ исторіи другихъ краевъ; напримѣръ въ Ливоніи,—по свидѣтельству одной ливонской лѣтописи [2]),—ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками. То же было въ XIII вѣкѣ въ Италіи, гдѣ императоръ Фридрихъ пустилъ въ монетный оборотъ кожаные лоскутки съ серебряными гвоздиками и съ изображеніемъ государя [3]). При рѣдкости и малочисленности звонкой монеты въ то время, сообразно всеобщему обычаю, ходили и въ Новгородѣ такіе лоскутки и давали право на полученіе изъ новгородской казны мѣховъ. Они-то, вѣроятно и назывались мордками.

[1]) Соловьевъ, IV, 281. [2]) Карамзинъ, I, прим. 529. [3]) Солов, IV, 283.

IX.

НАРОДНОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА ЛИЧНОСТЬ КУПЦА. — САДКО БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Купецъ въ народномъ воззрѣніи принималъ образъ эпическаго богатыря. Такимъ является онъ въ поэтическомъ типѣ, созданномъ народною фантазіею, въ пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ. Тоже удалое побужденіе, та же рѣшимость, та же борьба индивидуальной силы, поддерживаемой кружкомъ приверженцевъ противъ массы; тѣ же эпическія преувеличенія этой силы до области невозможнаго, какъ и въ богатырской пѣснѣ но еще болѣе фантастической обстановки. Старинный языческій антропоморфизмъ явленій природы долго и послѣ усиленія христіанства былъ душою поэтическихъ образовъ, слагавшихся у народа въ послѣдующія времена, онъ переплетался въ его творческой фантазіи съ христіанскими вѣрованіями. Не много, однако, осталось народныхъ созданій, гдѣ бы онъ являлся съ такою яркостію и очертанностію, какъ въ пѣсняхъ о Садкѣ. Христіанское начало входитъ сюда слабо и притомъ такъ, что языческая подкладка ясно видна изъ-подъ новой одежды. Миѳъ о Садкѣ вѣроятно одинъ изъ самыхъ общихъ. Его варіанты различны и несогла-

сны между собою не только въ частностяхъ, но и въ существенныхъ пріемахъ; они имѣютъ одно общее настроеніе — представить силу купеческаго богатства, доведенную до чудесности, такъ точно, какъ въ Васькѣ Буслаевѣ изображается, въ гиперболическихъ образахъ, сила боярская. Историческая дѣйствительность проглядываетъ сквозь самую затѣйливую пестроту вымысла.

«Садкó, иначе Садкѐ — былъ бѣдный гусляръ: — играть на почестныхъ пирахъ, тѣшить музыкой и пѣснью веселую бесѣду богатыхъ людей — то его хлѣбъ и его утѣшеніе. Однажды перестаютъ его звать на пиры. Проходитъ три дня. Пошелъ Садкò къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣлъ-горючь камень и заигралъ въ свои гуселки. Вдругъ вода заколебалась въ озерѣ. Садкó изумился, переста́лъ играть, ворочается въ городъ. Идетъ день за днемъ и прошло три дня. Садка̀ не зовутъ на пиръ. Садкò съ тоски пошелъ къ озеру; и опять сталъ наигрывать на своихъ гуселкахъ; и опять видитъ — вода заколебалась въ озерѣ. Садкò опять изумляется, перестаетъ играть и ворочается въ Новгородъ. День прошелъ, другой прошелъ. Садкó въ уныніи идетъ къ озеру и опять играетъ на гусельцахъ. По прежнему вода заколебалась: но либо горе было уже такъ велико у Садка́, что онъ не испугался, либо явленіе послѣдовало сейчасъ за колебаніемъ воды, такъ-что Садкó не успѣлъ отойти отъ озера: только — выходитъ изъ озера молодецъ. Въ одномъ варіантѣ называется онъ царь морской; изъ другаго видно, что это самъ Ильмень-озеро, божество озера. Молодцу Ильменю-озеру пришлась въ утѣху игра Садкова. Онъ хочетъ наградить его: онъ посылаетъ его въ Новгородъ — предложить богатымъ купцамъ новгородскимъ удариться объ закладъ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба съ золотыми перьями. Купцы никогда не видывали такого дива и будутъ утверждать, что нѣтъ такой рыбы. Но на

днѣ озера есть много диковинъ; никто ихъ не видитъ; ихъ откроетъ божество водное тому, кому само пожелаетъ открыть. Садко возвращается въ Новгородъ и вдругъ его зовутъ на почестный пиръ; онъ гостей утѣшаетъ; они его угощаютъ виномъ. Когда Садко̀ подгулялъ, сталъ онъ тогда говорить: «Я знаю чудо-чудное—золотоперую рыбу въ Ильмень-озерѣ». Купцы говорятъ ему: «Нѣтъ, и быть не можетъ такого чуда въ Ильменѣ-озерѣ!». Садко̀ предложилъ закладъ. Самъ онъ бѣдный гусляръ—нечего ему ставить на закладъ, кромѣ буйной головы: онъ ее и ставитъ на закладъ. «Вы, купцы, люди богатые—говоритъ Садко̀—поставьте три лавки краснаго товара.» Купцы такъ увѣрены, что золотоперой рыбки нѣтъ въ озерѣ, что согласились. Тогда Садко̀ поѣхалъ съ ними на озеро; закинули неводъ—золотоперая рыбка; другой разъ закинули—другая золотоперая рыбка; закинули третій разъ—тоже. Купцы отдали ему три лавки съ краснымъ товаромъ. Съ тѣхъ поръ Садко̀ сталъ торговать—расторговываться, получать барыши; и сталъ Садко̀ изъ бѣднаго гусляра богатый гость новгородскій. Въ этомъ фантастическомъ построеніи представляетъ древній типъ гусляровъ. Гусляръ былъ необходимость для пира и веселья. Гусляры не были старцы и слѣпцы, ни на какую положительную работу неспособные, какъ было уже послѣ; встарину то были люди съ молоду себя нарочно и исключительно посвящавшіе этому искусству. Сами бѣдные, они питались отъ своего искусства, но вмѣстѣ пользовались уваженіемъ. Въ общемъ понятіи народа ихъ даръ и умѣнье приближали ихъ къ таинственному міру чудеснаго; древнія божества откликались къ нимъ; гусляры даромъ пѣсни вызывали животворныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ природы и добывали себѣ отъ нихъ значеніе и могущество. Съ другой стороны, богатство вообще часто пріобрѣтается не-спроста. Садко одинъ изъ множества бо-

гачей, которые наживаются чудеснымъ образомъ: такіе типы послѣдняго времени обыкновенно богатѣютъ при помощи чернокнижія или отдаютъ душу чорту. Въ болѣе отдаленныя времена, когда язычество чище отражалось въ преданіяхъ, такимъ богачамъ помогаютъ существа болѣе добрыя и пріобрѣтеніе благъ міра сего не влекло за собою вѣчной погибели. Язычникъ и у насъ, какъ вездѣ, жилъ на землѣ, и только земнымъ образомъ мѣрялъ счастіе.

Другая пѣсня о Садкѣ можетъ считаться продолженіемъ его исторіи, хотя съ другой стороны можетъ-быть она сложена тѣми, которые вовсе не знали и не слышали о похожденіяхъ Садка въ званіи гусляра. Садко́ уже богатый купецъ. Онъ не въ Новгородѣ, а на Волгѣ, гдѣ дѣйствительно новгородскіе купцы находили себѣ поприще и откуда возвращались домой съ нажитыми богатствами. Садко́ гулялъ по Волгѣ уже двѣнадцать лѣтъ и не видалъ надъ собой никакой притки. Ему покровительствуетъ другой водяной духъ, духъ рѣки Волги—изображаемый въ женскомъ образѣ матушки-Волги. Послѣ многолѣтняго плаванія по Волгѣ захотѣлъ Садко́ въ Новгородъ. Вотъ онъ прощается съ Волгою и въ знакъ признательности отрѣзываетъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ его сольѣю и бросаетъ въ волны. Хлѣбъ-соль—символъ радушія, любви: Садко́ понимаетъ, что Волгѣ не надобно хлѣба и соли, да честь и спасибо ей дорого:

А спасибо тебѣ матушка-Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ;
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьѣ отъ тебя отошелъ!
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать!

Матушка-Волга проговариваетъ къ нему:

А и гой еси удалой добрый молодецъ!
Когда придешь ты въ Новгородъ,
А стань ты подъ башнею проѣзжею:
Поклонись отъ меня къ брату моему
А славному озеру Ильменю.

Такимъ-образомъ, водныя божества передаютъ Садка покровительству другъ друга. Когда онъ благополучно прибылъ къ Новгороду, сталъ надъ озеромъ Ильменемъ и передалъ ему челобитье отъ Волги-матушки, Ильменсвой сестры. Изъ озера вышелъ удалъ-добрый молодецъ, — то былъ Ильмень-озеро, знакомый прежнему гусляру. «Почемъ ты знаешь сестру мою?» онъ спросилъ его. «Я—отвѣчалъ Садкó—гулялъ по ней двѣнадцать лѣтъ; знаю ее съ вершины до устья». — Вотъ новый поводъ покровительствовать Садку. Ильмень-озеро сулитъ ему богатства:

Проси башлыковъ въ Новѣгородѣ
Ихъ съ тремя неводами
И съ тѣми людьми со работными;
И заметывай ты неводы въ Ильмень-озеро.
И будетъ тебѣ Божья милость.

Это, между прочимъ, указываетъ, что рыбная торговля считалась вообще промысломъ выгоднымъ, приносившимъ скорое обогащеніе купцу. Какъ приказалъ Садку Ильмень озеро, такъ и сдѣлалъ Садкó. Первый разъ закинули нанятые работники невода, — вытащили много рыбы мелкой; второй разъ закинули — вытащили много рыбы красной; третій разъ закинули — вытащили рыбу бѣлую. Сложилъ Садкó свою рыбку въ погребѣ на гостиномъ дворѣ; черезъ три дня онъ вошелъ въ погребъ. Гдѣ была рыба мелкая — деньги дробныя; гдѣ рыба красная, тамъ червонцы; гдѣ бѣлая рыба, тамъ серебряная монеты. Садкó, и прежде богатый, теперь уже сталъ несмѣтно въ дру-

гой разъ облагодѣтельствовалъ его добрый духъ озера. Но мало быть богатымъ:—однимъ богатствомъ въ Новгородѣ обойтись недостаточно. Нужно еще и умѣнье жить, обращаться съ Новгородцами: народъ своевольный, капризный; богатство ему ни-по-чо́мъ:—только пусть богатый зазнается: и богатство его прахомъ пойдетъ съ нимъ богачь головы не снесетъ. И вотъ Садко̀ идетъ опять къ Ильмень-озеру, проситъ, чтобъ научило его благодѣтельное существо, какъ жить ему въ Новгородѣ съ людьми новгородскими.

А и тутъ ему говоритъ Ильмень-озеро:
А и гой еси удалой-добрый молодецъ!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про нихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови молодцовъ посадскихъ людей,
И станутъ те знать и вѣдати.

Садко̀ сдѣлалъ пиръ.—Этого мало. Надобно еще богатому человѣку побрататься съ простыми небогатыми; иначе подумаютъ, что онъ считаетъ себя выше другихъ, угощаетъ другихъ съ-высока, хочетъ чтобъ они ему были за хлѣбъ-соль благодарны, а самъ въ ровню съ ними себя не ставитъ. Вотъ онъ приходитъ въ братчину-никольщину, покланяется, бьетъ челомъ новгородскимъ мужикамъ, проситъ, чтобъ его приняли въ братчину. Такъ—въ одномъ варіантѣ пѣсни; въ другомъ—дѣло происходитъ не въ братчинѣ, а въ почестномъ пиру, который задалъ Новгородцамъ Садко̀: на пиру этомъ сидѣли и двое начальствующихъ лицъ, называемыхъ въ пѣснѣ *настоятельми новгородскими*; одинъ Ѳома Назарьевичъ, другой Лука Зиновьевъ; должно думать, что въ древнѣйшихъ варіантахъ нашей пѣсни это были посадникъ и тысяцкій. По русскому праву (въ Новгородѣ, вѣроятно, сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь) былъ обычай: какъ на пиру въ голову молодцамъ вой іетъ хмѣль,

такъ молодцы начинаютъ хвалиться, хвастаться, величаться. Вотъ какъ эта похвальба выражается въ пѣснѣ:

Одинъ хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой—удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ;
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой!

Садко̀ велъ себя скромно. Но хмѣль взялъ свое. Когда настоятели новгородскіе стали ему замѣчать, отчего онъ ничѣмъ не похвалится, не похвастаетъ, Садко̀, въ упоеніи высокаго мнѣнія о своемъ богатствѣ, вызывается выкупить всѣ товары въ Новѣгородѣ, и худые, и добрые. Настоятели новгородскіе ударились объ закладъ на 30,000 денегъ. Послѣ пира—Садко̀ собираетъ свою дружину: у богатаго купца, точно такъ же какъ и у боярина-удальца—своя дружина, подобранная изъ охотниковъ: она служитъ ему, онъ содержитъ ее и управляетъ ею. Садко̀ распускаетъ свою дружину по всему городу, по торговымъ улицамъ—скупать товары. Самъ онъ идетъ въ гостиный рядъ. Садко̀ съ дружиною скупаютъ всѣ товары новгородскіе. Каждый день они опустошаютъ такимъ-образомъ новгородскую торговлю; ничего не остается въ Новгородѣ; а на другой день привозятъ новые товары и Садку̀ приходится покупать снова. Въ двухъ варіантахъ этой пѣсни разница и противорѣчіе: по одному, Садко̀ въ три дня выкупилъ всѣ товары въ Новгородѣ и на четвертой день зашелъ въ темный рядъ, гдѣ стоятъ «черепаны, гнилые горшки». Садко̀ покупаетъ этотъ послѣдній товаръ и говоритъ съ насмѣшкою:

Пригодится ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго,

Что не я, Садко̀, богатъ—богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими,
И тѣми черепанами—гнилыми горшки!

Но въ другомъ варіантѣ, записанномъ Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи, побѣда остается за Великимъ-Новгородомъ: событіе представляется естественнѣе. Послѣ каждаго дня скупки товаровъ, привозили ихъ вдвое больше, и вотъ —

Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую славу новгородскую,
Какъ тутъ Садко пораздумался:
Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Още повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ!
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ со тридцать тысячей.

По нашему мнѣнію, оба окончанія пѣсни имѣютъ свой важный историческій смыслъ. Колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола и между строгимъ могуществомъ общины—составляетъ отличительную черту новгородской общественной жизни. Въ первомъ варіантѣ беретъ перевѣсъ первое, во второмъ другое. Немудрено, что поэтическій народный геній новгородскій далъ такіе различные исходы подвигамъ своего героя.

Но вотъ другая пѣсня о томъ же Садкѣ, уже совершенно фантастическая, съ затѣйливыми признаками языческаго міра. Садко̀ отправляется за-море продавать новгородскіе товары.

Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова въ Ладожско,

А съ Ладожска въ Неву-рѣку,
А со Невы-рѣки въ сине море!

Далекій и невѣдомый путь, исполненный опасностей и чудесъ! Садку везетъ счастье; онъ подъ покровительствомъ могучихъ существъ, управляющихъ водами; Садко продавалъ новгородскіе товары въ чужихъ краяхъ, получалъ великіе барыши: при обычномъ въ пѣсняхъ способѣ преувеличеній, доходъ его изображается въ видѣ сороковокъ бочекъ злата и серебра. Но придетъ и ему роковый часъ. Своенравныя подводныя существа потребуютъ съ него непріятнаго разсчета за помощь, какую оказывали. Ему покровительствовали Ильмень-озеро и Волга-матушка; но есть надъ ними въ пучинахъ синяго моря водяной царь: слѣдовало и ему угодить. Садко плавалъ счастливо; а на возвратномъ пути вдругъ вздумалъ пошутить съ нимъ водяной царь. Поднимается непогода; волны бьютъ въ корабль; разрываетъ вѣтеръ паруса; корабль кружится по возмущенной пучинѣ. Садко догадался; говоритъ дружинѣ своей храброй: «Много мы по морю ѣздили, а царю морскому дани не плачивали: видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ». Велѣлъ онъ спустить въ море бочку съ деньгами— не утихаетъ непогода. Велѣлъ спустить другую—не успокоивается море. Знать морской царь требуетъ иной дани:— живой головы! Садко велитъ дѣлать жеребья; всякій долженъ подписать свое имя на жеребьи; чей жеребій на дно пойдетъ, тому идти въ синее море. Сперва сдѣлали жеребьи волженъ (изъ таволги). Садковъ жеребій хмѣлево перо, жеребьи всѣхъ плывутъ; Садковъ идетъ ко дну. Тогда положили, что жеребьи тѣхъ, которымъ нужно оставаться на свѣтѣ, пусть потонутъ, а кого хочетъ взять къ себѣ морской царь, того жеребій пусть плыветъ по водѣ. Сдѣлали жеребьи ветляны; Садковъ жеребій булатный. Ветляные

пошли ко дну; а Садковъ булатный плаваетъ по волнамъ. Садко́ понялъ, что водяной владыка требуетъ не другаго кого (либо,) а именно его, Садко́, себѣ въ жертву. «Знаю я теперь за что́ это—сказалъ Садко́:—много лѣтъ я бѣгалъ кораблемъ по морю, а морскому царю не давалъ дани: не опускалъ хлѣба съ солью на дно морское... За это вотъ на меня и смерть пришла!» Онъ пишетъ духовную: завѣщаетъ одну часть имѣнія Божіимъ церквамъ, другую—нищей братіи, третью—молодой женѣ, четвертую—дружинѣ своей. Это старинный способъ распоряжаться имуществомъ у богатыхъ и вліятельныхъ людей, поддерживавшихъ себя дружиною молодцовъ, привыкнувшихъ къ нимъ—будь это въ военномъ, будь это въ торговомъ и промышленномъ быту. Купецъ богатый, Садко́, все-еще гусляръ; гусли ему богатство дали; гусли ему въ жизни были утѣшеніе; и, теперь, готовясь разстаться съ жизнію, онъ обращается къ своимъ гуслямъ.

Ай же братцы, дружина храбрая!
Давайте мнѣ гусельцы яровчаты,
Поиграть по имъ въ остатнее.
Больше мнѣ въ гусельцы не игрывати!
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине-море?

Садко́ любилъ роскошь, веселость, забавы. Любилъ онъ хорошо одѣваться, любилъ игрывать въ тавлеи (шахматы). Вотъ онъ и умирать собирается съ признаками своего веселаго житья-бытья. Онъ надѣваетъ на себя дорогую соболиную шубу, приказываетъ спустить на воду доску, кладетъ шахматницу съ золотыми тавлеями, самъ садится на нее, беретъ въ руки гусли.... понесли́сь корабли по волнамъ, какъ черные вороны;—Садко́ одинъ остался посреди морской пустыни... нѣтъ ни горы, ни берега.... По одному варіанту, вѣтеръ понесъ Садка́, и принесъ къ какому-то да-

лекому крутому берегу, гдѣ въ избѣ жилъ морской царь; по другому, онъ лишается чувствъ (засыпаетъ) отъ великаго страха, и проваливается въ морскую глубину. Тамъ

Сквозь воду увидалъ пекучись красное солнышко,
Вечерню зорю, зорю утреннюю;
Увидалъ Садко̀ во синемъ морѣ:
Стоитъ палата бѣлокаменная.

Въ эту палату входитъ Садко̀. Тамъ живетъ водяной царь: голова у него что̀ куча сѣнная. «А, Садко̀, богатый гость!—говоритъ онъ ему:—долго ты разгуливалъ по синю-морю, а мнѣ дани не плачивалъ. Теперь самъ пришелъ ко мнѣ въ подарочкахъ. Говорятъ, мастеръ ты играть въ гуселки; поиграй-ка, мнѣ Садко̀, въ гуселки яровчаты!»

Садко̀ какъ заигралъ — такъ не утерпѣлъ царь морской,—сталъ плясать. Отъ этой пляски поднялась ужасная буря на морѣ; вода всколебалась, съ желтымъ пескомъ смутилась.... разбивались корабли; много погибло купеческихъ сокровищъ; много потонуло невинныхъ душъ. А царь морской все пуще-и-пуще веселится, даетъ Садку питья веселаго; Садко̀ пьетъ, и приходитъ въ большой восторгъ; и такъ тѣшилъ онъ царя, пока самъ отъ упоенія не упалъ и не заснулъ. Тутъ является къ нему старецъ сѣдовласый— пѣсня называетъ его Николаю можайскимъ; ему тогда взмолились несчастные пловцы.... Но этотъ старецъ, вѣроятно (судя по общеязыческому колориту) передѣлался народнымъ вымысломъ въ Николая Чудотворца изъ какого-нибудь нашего языческаго древняго благодѣтельнаго существа.« Полно тебѣ играть, Садко̀,—говоритъ онъ:—рви свои струны золотыя, бросай гусли звончатыя: царь у тебя сильно расплясался; море всколебалось; рѣки быстрыя разливаются; бусы и корабли тонутъ; много народа православнаго погибаетъ. «Садко̀ послушался, проснулся, изорвалъ

свои струны. Тогда старецъ говоритъ ему: «Смотри же, Садко̀: царь морской захочетъ тебя женить, и приведетъ тебѣ тридцать (по другому варіанту триста) дѣвицъ. Ты не бери хорошей, бѣлой, румяной; а возьми дѣвушку поваренную, что̀ лицомъ похуже всѣхъ; да какъ положитъ тебя царь морской съ новобрачною,—не обнимай и не цѣлуй ея; а то быть тебѣ въ синемъ морѣ, и не быть тебѣ никогда въ Новѣгородѣ.» Какъ сказалъ старецъ, такъ и сдѣлалось. Царь прежде всего хотѣлъ, чтобы Садко̀ ему опять заигралъ; а Садко̀ отговаривался, что у него струны порвались шпенечки повыломались, а въ запасѣ у него нѣтъ ни того ни другаго. Тогда царь спрашиваетъ: не хочешь ли жениться на душечкѣ, на красной дѣвушкѣ? «У меня воля не своя въ синемъ морѣ», отвѣчалъ Садко̀. Царь ведетъ къ нему дѣвицъ; Садко̀ замѣчаетъ позади всѣхъ дѣвушку чернавушку, дѣвушку поваренную, лицомъ хуже всѣхъ: ту и взялъ онъ. Положилъ его царь на брачное ложе. Садко̀ помнитъ наставленіе благодѣтеля; крѣпится Садко̀, рученьки къ своему сердцу прижалъ.... но послѣ полуночи, въ-просоньѣ, невзначай, накинулъ онъ лѣвую ногу на ногу женѣ своей—и вдругъ—

Очутися подъ Новымъ-городомъ.
А другая нога въ Волхъ-рѣкѣ.

Между-тѣмъ плакала по немъ жена въ Новгородѣ; запоздалъ ея милый другъ: не бывать, видно, ему съ синяго моря! А дружина считаетъ его погибшимъ, поминаетъ Садко̀, плывя на его судахъ къ Новугороду. А стоитъ Садко̀ надъ Волховымъ, на крутомъ берегу, встрѣчаетъ дружину свою, и ведетъ въ свои палаты въ Новгородѣ. Обрадовалась жена, за руки беретъ, цѣлуетъ Садка. Выгружаетъ дружина товары заморскіе, безсчетную казну денежную,

а Садко̀, въ память своего избавленія, строитъ въ Новгородѣ церковь Николы Можайскаго. Съ тѣхъ-поръ уже

Не сталъ больше ѣздить Садко̀ на сине-море,—
Сталъ поживать въ Новѣ-городѣ.

Глава девятая.

ЦЕРКОВЬ.

I.

СТРЕМЛЕНІЕ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ. — БОРЬБА СЪ МИТРОПОЛИТОМЪ.

Христіанство въ Новгородѣ боролось съ упорною стихіею язычества болѣе, чѣмъ въ Южной Руси. Причиною этого была недостаточность древняго предварительнаго сближенія съ новою вѣрою, по отдаленности края; сверхъ-того, быть можетъ, имѣло вліяніе и присутствіе литовской народности, которая вообще держалась упорнѣе, чѣмъ Славяне, стараго язычества, когда его начинало вытѣснять христіанство.

О времени введенія христіанства въ Новгородѣ у потомковъ сохранялось преданіе, что посланные въ Новгородъ Владимиромъ новообращенные проповѣдники христіанскаго ученія должны были съ мечомъ и огнемъ посѣвать его спасительныя сѣмена. Миѳъ о томъ, что низвергнутый въ воду божокъ Перунъ показывалъ признаки жизни, образовался и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ; но въ Новгородѣ онъ выразился въ чертахъ болѣе рѣзкихъ, чѣмъ въ Кіевѣ: въ Кіевѣ Перунъ только выплывалъ изъ воды, а послѣдователи его кричали: «выдыбай, нашъ боже!» въ Новгородѣ, божокъ, плывя по

Волхову, бросилъ на мостъ палку и завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ междоусобія и драки, которыя должны были происходить на томъ самомъ мосту. То было какъ-будто проклятіе отъ древней вѣры народу, который ее оставилъ и промѣнялъ на другую.

Несмотря на оффиціальное принятіе христіанства, Новгородскій край былъ въ XI-мъ вѣкѣ языческимъ. Лѣтописцы называютъ новгородцевъ этого времени людьми вновѣ крестившимися [1]).

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи новгородская Церковь должна была бороться съ языческими вѣрованіями и привычками. Матери приносили своихъ больныхъ дѣтей не къ попамъ, а къ волхвамъ — блюстителямъ языческихъ вѣрованій; религіозное чувство обращалось не къ обрядамъ христіанской Церкви, а къ языческому поклоненію роду и роженицѣ; семейная жизнь была подъ покровительствомъ не византійскихъ святыхъ, а домашнихъ прадѣдовскихъ божковъ, и женщины, чтобъ расположить къ себѣ мужчинъ, дѣйствовали на нихъ талисманами, получавшими силу отъ освященія посредствомъ языческой молитвы знахаря. Даже и впослѣдствіи, втеченіи всей исторіи Новгорода, христіанство иногда казалось стихіею, противодѣйствующею жизненнымъ силамъ, почерпнувшимъ свои первоначальные соки изъ языческаго дѣтства. Еще въ темныя времена язычества возникли въ Новгородѣ начала той свободы, которая составляла господствующую черту его общественнаго быта; отъ язычества сохранился у Новгородцевъ духъ свободы, междоусобицъ, удальства, предпріимчивости личнаго произвола. И здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, Церковь старалась измѣнить эти своенародныя славянскія свойства, дать обществу тяготѣніе къ власти и поставить идеаломъ гражданскаго порядка могущество единодержавія. Естествен-

[1]) Новг. Л. III, 210.

но, такое направленіе въ Церкви не могло идти непоколебимо, неуклонно и несложно; въ свою очередь новгородская Церковь не разъ и не въ одномъ случаѣ мирилась съ народными началами; духовные, прежде чѣмъ стали духовными, были Новгородцы; старый духъ, переходя отъ предковъ къ потомкамъ съ семейными преданіями и понятіями, содѣйствовалъ своеобразному направленію самыхъ религіозныхъ побужденій.

Новгородская Церковь составляла часть общей русской Церкви; новгородскіе архіепископы зависѣли отъ кіевскаго митрополита, носившаго многозначительное названіе первопрестольника русскаго и намѣстника константинопольскаго патріаршества, въ послѣднемъ окончательно сосредоточивались всѣ нити сѣвернаго православія. Но уже съ ранняго времени въ Новгородѣ стало обнаруживаться стремленіе къ церковной самостоятельности, параллельно съ политическою: какъ въ политическомъ строѣ, Новгородъ, наравнѣ съ другими землями, не отлучаясь совершенно отъ федеративной связи съ Русскимъ міромъ, и пребывая неотъемлемымъ членомъ состава обще-русской державы, хотѣлъ однако удержать ненарушимо свою самосущность, такъ и новгородская Церковь далека была отъ того, чтобъ отрѣзаться отъ обще-русской Церкви, но желала, чтобъ центральная церковная власть предоставила сколько возможно широкій кругъ дѣйствіямъ ея мѣстнаго управленія.

Въ XI-мъ вѣкѣ все для насъ темно по краткости дошедшихъ извѣстій; но можно навѣрное сказать, что церковная мѣстная самостоятельность меньше была развита, чѣмъ политическая. Первые владыки назывались епископами до 1168 года; съ этого времени стали именоваться архіепископами. Въ этотъ періодъ (епископскій) встрѣчаются случаи, когда митрополиты, первопрестольники русской церкви,—смѣло показывали свои права на подчиненность и подсудность нов-

городскихъ владыкъ. Одинъ изъ древнихъ новгородскихъ епископовъ Лука Жидята, извѣстный между-прочимъ своимъ поученіемъ, былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ своимъ холопомъ Дудикомъ. Митрополитъ призвалъ его въ Кіевъ и, считая виновнымъ, держалъ его тамъ три года; потомъ нашелъ, что онъ невиненъ и отпустилъ; а доносчику Дудику велѣлъ отрѣзать уши и носъ за клевету. О преемникѣ епископа Луки, Стефанѣ, извѣстно, что онъ былъ удавленъ въ Кіевѣ въ 1068 г. [1]). Подробности этого событія неизвѣстны; но видно, что власть митрополита не ограничивалась тогда благословеніемъ и посвященіемъ владыкъ, какъ послѣ было. Владыка Лука, пробывши долго въ Новгородѣ на своей должности, ѣздилъ въ Кіевъ оправдываться передъ митрополитомъ по сдѣланному прежде доносу: такъ послѣ не дѣлалось до самаго начала XV вѣка, когда былъ подобный поступокъ съ Іоанномъ въ Москвѣ. но считаемъ былъ въ свое время исключительнымъ дѣломъ насилія. Слѣдовательно, новгородская епархія въ эти раннія времена находилась въ болѣе тѣсной зависимости отъ митрополіи, чѣмъ впослѣдствіи. То же видно изъ извѣстій о владыкѣ Германѣ; онъ умеръ въ Кіевѣ въ 1096. Слѣдовательно владыки ѣзжали въ Кіевъ по дѣламъ, какъ къ своему непосредственному начальству. Скудость извѣстій не даетъ намъ возможности сдѣлать точное заключеніе; были ли еще въ XI и въ первой половинѣ XII-го вѣка владыки въ Новгородѣ выбираемы съ участіемъ народа, и потомъ уже ихъ только утверждали и посвящали митрополиты, какъ дѣлалось впослѣдствіи, или же тогда еще митрополиты ихъ прямо назначали. Два случая побуждаютъ склониться къ послѣднему предположенію: Никита и Нифонтъ прибыли въ Новгородъ изъ Кіева; ничто не указываетъ, чтобы эти лица были новгородскіе уроженцы. Въ послѣдующія

[1]) Соф. I, 142.

же времена, владыки, напротивъ, всегда избирались изъ Новгородцевъ, а не изъ чужихъ. Но съ другой стороны уже первый епископъ новгородскій Іоаннъ указалъ по себѣ преемника въ особѣ Ефрема. Примѣръ назначенія себѣ преемника владыкою, оставляющимъ паству, впослѣдствіи часто повторяется въ исторіи новгородской Церкви,—это было однимъ изъ признаковъ ея независимости и самостоятельности: митрополитъ, въ такомъ случаѣ, утверждалъ и посвящалъ не того, кого самъ избиралъ, а того, кого ему представляли изъ Новгорода. Но въ отдаленныя времена могло быть, что въ такихъ случаяхъ уважалась болѣе воля завѣщателя, а не желаніе тѣхъ, кому завѣщалось. Причина: почему новгородскіе владыки въ древній періодъ новгородской исторіи находились въ болѣе тѣсной зависимости отъ митрополита, связуется съ малымъ участіемъ народа въ дѣлахъ Церкви, потому-что масса народа была еще предана идолопоклонству, а тѣ, которые были крещены, большею частію были только по имени христіяне; народъ, такимъ образомъ, не имѣлъ еще побужденій принимать къ сердцу интересы церкви, и не перенесъ еще въ церковную сферу своихъ свободныхъ понятій; во всякомъ случаѣ, новгородская епархія, скоро послѣ ея основанія, получила въ ряду русскихъ епархій свою важность непосредственно послѣ митрополіи; естественно это было неизбѣжно, тогда какъ Новгородъ, въ политическомъ смыслѣ занималъ послѣ Кіева важнѣйшее мѣсто въ ряду русскихъ земель. Построеніе храма св. Софіи—премудрости Божіей, подобно какъ въ Кіевѣ, придавало новгородской Церкви особое значеніе и уподобляло ее кіевской.

Права, которыми пользовались іерархи по уставамъ Владимира и Ярослава, способствовали расширенію ихъ власти. Эти права, если и существовали въ другихъ мѣстахъ Руси, то въ Новгородѣ по своей приложимости должны были

явиться значительнѣе. Грамота Всеволода о церковныхъ судахъ вѣроятно не была первымъ дѣйствующимъ памятникомъ этого рода. Въ отношеніи судовъ, это—сколокъ съ грамоты Владимира. Вѣроятно, грамота Всеволода была подтвержденіемъ того, что существовало прежде какъ старый обычай, можетъ-быть уже неоднократно и до того времени выражаемый грамотами, до насъ не дошедшими. Значительно было вліяніе, пріобрѣтенное владыками посредствомъ суда на множество обстоятельствъ семейной жизни; немалое дѣло былъ надзоръ надъ важнѣйшимъ отправленіемъ экономическаго быта—торговлею, все это давало имъ возможность показывать силу и власть помимо одной чисто-духовной сферы. А все, что̀ имѣло въ Новгородѣ власть, силу и вліяніе, окончательно, по исконному народному понятію, надлежало исходить изъ народной воли. И отсюда необходимость избранія владыки на вѣчѣ.

Объ Аркадіи, преемникѣ Нифонта, положительно говорится, что онъ былъ избранъ на вѣчѣ въ 1156 г., прежде чѣмъ получилъ посвященіе отъ митрополита [1]). Его преемникомъ былъ знаменитый Іоаннъ. Половина XII вѣка Русской Исторіи есть та эпоха, когда ослабѣло начало, связующее политическій составъ Русскаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и укрѣплялась самобытность земель и болѣе всего Новгорода. Іоаннъ былъ духовнымъ защитникомъ мѣстной самобытности. Не даромъ, по этому, и память его облеклась у новгородцевъ такими лучами славы. Личность его сдѣлалась эпическою; въ народномъ преданіи онъ сталъ покровителемъ Новгорода и его свободы. При духовной силѣ его молитвы, совершилось чудо Знаменской Богоматери надъ Суздальцами,—событіе, которое и въ послѣдующіе вѣка̀ оставалось живительнымъ воспоминаніемъ о древней народной славѣ и чести, вѣковѣчнымъ

[1]) Новг. I, 12.

свидѣтельствомъ небеснаго благоволенія къ Великому-Новгороду. Это событіе вмѣстѣ съ тѣмъ возвышало и достоинство владыкъ вообще: потому-что Іоаннъ содѣйствовалъ славному чуду не только какъ лицо богоугодной жизни; молитва его была услышана и потому-что онъ носилъ владычній санъ; и въ послѣдующіе вѣка́ вѣрили, что молитва и благословеніе владыки поддерживаютъ независимость и благополучіе Новгорода. Послѣ Іоанна не было примѣра, чтобы въ Новгородѣ кто-нибудь занималъ мѣсто владыки не по волѣ новгородской. По смерти Іоанна избранъ былъ его братъ, потомъ Мартирій изъ Русы. Послѣ своего избранія они были посвящаемы митрополитомъ. Послѣ Мартирія былъ избранъ въ 1201 г. Митрофанъ. Тотчасъ послѣ избранія онъ былъ введенъ во владычество и правилъ духовными дѣлами, прежде-чѣмъ митрополитъ, пригласивъ его для посвященія, безспорно утвердилъ народный выборъ. Въ 1211 г. Новгородцы изгнали этого владыку и избрали другаго, Антонія. Но потомъ составилось у нихъ двѣ партіи,—одна за стараго, другая за новаго владыку; споръ предоставили разрѣшенію митрополита, и первопрестольникъ русской Церкви рѣшилъ очевидно въ пользу (Митрофана) того, за кого было большинство (1220 г.). Въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи; одна клонилась къ перевѣсу монархическаго принципа въ Церкви: она толковала о подчиненіи митрополиту; другая хотѣла, чтобъ церковное управленіе сообразовалось съ мѣстною гражданскою свободою и независимостію. Когда въ 1229 г. стали выбирать архіепископа, нѣкоторые выразились такъ: «кого дастъ намъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ» [1]). Однако все-таки взяла верхъ партія народная; митрополиту не предоставили назначать архіепископа по своему усмотрѣнію и митрополитомъ посвященъ тотъ, кто былъ избранъ по жре-

[1]) Новг. I, 45.

бію на вѣчѣ. Послѣ татарскаго завоеванія, Новгородъ оставался въ гораздо бо̀льшей независимости отъ завоевателей, чѣмъ другія земли. При такомъ положеніи и достоинство его мѣстной Церкви возвысилось. Когда сами митрополиты и архіереи другихъ земель не разъ ѣздили къ ханамъ въ Орду испрашивать милостей и покровительства сильныхъ нехристей,—новгородскіе владыки ни разу не испытали на себѣ этой необходимости. Ихъ ограждала самостоятельность политическаго тѣла, гдѣ они правили духовной сферою. Достоинство архіепископа такъ поднялось, что вмѣсто того, чтобы владыкамъ по дѣламъ ѣздить къ митрополиту, митрополиты сами пріѣзжали въ Новгородъ. Такъ послѣ смерти владыки Спиридона, для посвященія Далмата, въ 1251 г. митрополитъ Кириллъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Это повторилось въ 1300 г.: митрополитъ Максимъ пріѣзжалъ въ Новгородъ для посвященія архіепископа Өеоктиста [1]). Впрочемъ эти посѣщенія митрополитовъ для новгородцевъ были тягостны и убыточны: надобно было содержать ихъ многочисленную свиту и дарить; а потому Новгородцы не настаивали на эту честь, и, послѣ того, предпочитали отправлять новоизбраннаго владыку для посвященія туда, гдѣ находился митрополитъ. Такъ митрополитъ Өеогностъ, въ 1341 г. посѣтилъ Новгородъ, и лѣтописецъ замѣтилъ, что это посѣщеніе было тягостно для Новгорода [2]). Поѣздки нареченныхъ владыкъ къ митрополиту совершались только ради одного посвященія, а не для полученія права быть владыками: нареченный правилъ епархіею еще до посвященія, со дня своего избранія на вѣчѣ.

Когда въ XIV вѣкѣ стали возвышаться московскіе князья, митрополиты, помогавшіе всѣми силами своего духовнаго призванія этому возвышенію, стали въ то же время покушаться на подчиненіе своей власти новгородскихъ вла-

[1]) Новг. I. 58- 67. [2]) Новг. I. 81.

дыкъ. Въ качествѣ верховныхъ правителей всей русской Церкви, митрополиты домогались имѣть за собою право апелляціоннаго суда въ духовныхъ дѣлахъ надъ новгородскими владыками; съ своей стороны новгородскіе владыки старались удержать свою независимость и выхлопотать себѣ отъ константинопольскаго патріарха огражденіе вообще отъ такихъ покушеній митрополитовъ. Въ православной Церкви внѣшніе знаки всегда были важны для внутренняго значенія по своему символическому смыслу; тутъ являются у новгородскихъ владыкъ два отличія: крестчатыя ризы и бѣлый клобукъ. Къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ отличіяхъ очень сбивчивы и противорѣчивы. По одному лѣтописному извѣстію, владыка Моисей въ 1353 г. посылалъ къ патріарху пожаловаться на митрополита и получилъ отъ него грамоту за златою печатью и крестчатыя ризы. Мы не знаемъ обстоятельно, что заключалось въ патріаршей грамотѣ [1]); лѣтопись говоритъ только что въ ней были постановленія о посвященіи владыкъ, объ издержкахъ по этому поводу и пр. Важно, что крестчатыя ризы и грамота даны были новгородскому владыкѣ именно послѣ того, какъ онъ жаловался на митрополита: повидимому крестчатыя ризы, означая почетное отличіе, имѣли связь съ дѣломъ огражденія свободы новгородской Церкви отъ домогательствъ митрополита вмѣшиваться во внутреннее управленіе и судъ; а золотая печать при грамотѣ означала всегда, что грамота даруетъ какія-нибудь преимущества; и уже одно то, что патріаршая грамота была съ золотою печатью, заставляетъ предполагать, что въ ней заключались благопріятныя для владыкъ правила, при которыхъ они до извѣстной степени выигрывали предъ судомъ патріарха свое спорное дѣло съ митрополитомъ. Но съ дру-

[1]) Никон. Л. III, 206.

гой стороны, о крестчатыхъ ризахъ, которыхъ значеніе соединяется какъ-то тѣсно съ грамотою патріарха и съ свободою новгородской Церкви, представляется въ тѣхъ же лѣтописяхъ противорѣчіе и недоразумѣніе: говорится, что крестчатыя ризы даны въ первый разъ новгородскимъ владыкамъ—не Моисею, отъ патріарха Филофея, а митрополитомъ Θеогностомъ предшественнику Моисея, архіепископу Василію въ 1346 г. [1]). Что касается до бѣлаго клобука, то извѣстіе о немъ еще болѣе исполнено недоразумѣній. Оно сохранилось не въ древнихъ лѣтописяхъ, а въ особой повѣсти, которая дошла до насъ уже по поздней редакціи и самый древнѣйшій извѣстный намъ составъ ея относится къ концу XV вѣка. Сообразно этой повѣсти, бѣлый клобукъ данъ патріархомъ Филоθеемъ владыкѣ Василію и съ тѣхъ поръ сдѣлался почетнымъ отличіемъ одежды новгородскихъ архипастырей [2]). Но ни эти отличія, ни временные успѣхи владыкъ предъ патріархами—не доставили однако полной независимости новгородской Церкви. по духу, господствующему въ православіи, Патріархи держались за старину и не рѣшились нарушать древняго единства русской Церкви. Отдѣлить епархію, прежде зависѣвшую отъ другой старѣйшей, безъ важныхъ причинъ, было бы фактомъ, нарушащимъ принципъ іерархической подчиненности, кото-

[1]) Новг. Лѣтоп. I, 83.

[2]) Карамзинъ полагаетъ, что бѣлый клобукъ былъ ничто иное, какъ отличіе, означавшее, что носившій его архіерей былъ не монахъ, а посвященъ въ свой санъ изъ бѣлаго духовенства. Въ этомъ случаѣ исторіографъ ссылается на императора Кантакузена, извѣщающаго, что въ Константинополѣ патріархи немонашескаго званія носили бѣлые клобуки и приводитъ въ подтвержденіе примѣры, что русскіе епископы ростовскіе— Леонтій и Исаія изображались въ бѣлыхъ клобукахъ, и туровскій епископъ Антоній носилъ бѣлый клобукъ, въ 1405 г. (т. IV, прим. 360). Но Василій, получившій первый изъ новгородскихъ владыкъ бѣлый клобукъ, былъ постриженъ въ монахи и, слѣдовательно, такое отличіе, если оно точно имѣло это значеніе, никакъ не идетъ къ нему.

рая составляла сущность порядка церковнаго строенія Вслѣдъ за Моисеемъ, преемнику его Алексію, патріархъ Филоѳей (который послѣ отсылки крестчатыхъ ризъ успѣлъ потерять, а потомъ снова пріобрѣсть свой санъ) писалъ, что знакъ отличія, данный Моисею, касается только лица этого архіепископа, а не составляетъ вообще преимущества сана новгородскихъ владыкъ.

Причины, побуждавшія владыкъ искать устраненія новгородской Церкви отъ власти московскихъ митрополитовъ зависѣли отъ политическихъ отношеній Великаго-Новгорода къ московскимъ князьямъ. Новгородская Церковь охотно и всегда готова была признать надъ собою первенство митрополита, если только онъ не станетъ вмѣшиваться въ управленіе, такъ-какъ и Великій-Новгородъ охотно и сознательно готовъ былъ признать надъ собою первенство великаго князя—верховнаго главы русскихъ земель,—съ тѣмъ, чтобы великій князь оставилъ ему старую свободу. Но владыки—какъ Новгородцы по происхожденію, постоянно были участниками политическихъ дѣлъ, и поэтому должны были сочувствовать всякому патріотическому движенію своего края, благопріятствовать его самобытности; а между-тѣмъ митрополиты московскіе явно благопріятствовали стремленію великихъ князей подчинить единству верховной власти самостоятельность всѣхъ частей древней удѣльновѣчевой Федераціи. Когда Великій-Новгородъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ великими князьями, и въ церковномъ отношеніи между владыкою и митрополитомъ согласіе не нарушалось. Такъ напримѣръ—когда Великій-Новгородъ былъ въ союзѣ съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ,—и митрополитъ Алексій ладилъ съ Новгородцамъ тогда избранный въ Западной Россіи въ митрполиты Кипріанъ, пріѣхалъ къ нимъ; съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Алексія быть ему единымъ первопрестоль-

никомъ въ Россіи. Новгородцы отвѣчали, что они признаютъ митрополитомъ того, кого признаетъ великій князь московскій [1]).

Такъ-то Епархія новгородская оставалась въ своей фактической независимости, признавая надъ собою старѣйшинство митрополита, но стараясь, чтобъ это старѣйшинство выражалось только тѣмъ, что новгородскій архіепископъ долженъ былъ посвящаться отъ московскаго митрополита и состоять подъ его благословеніемъ. Даже и по смерти митрополита Алексія въ 1371 г. новгородская церковь пребывала въ добрыхъ отношеніяхъ къ Москвѣ [2]). Въ 1380 г. владыка Алексій ѣздилъ въ Москву къ митрополиту Кипріану, хотя Новгородцы вообще не любили Кипріана, такъ-какъ и великій князь не любилъ его. Но тутъ сдѣлалось замѣшательство въ митрополіи:—великій князь московскій въ 1382 г. удалилъ отъ себя Кипріана; у Димитрія былъ другой претендентъ на митрополичій престолъ: Пименъ, который послѣ смерти митрополита Алексія ѣздилъ въ Царьградъ,—съ умершимъ на пути кандидатомъ въ митрополиты протопопомъ Михаиломъ или Митяемъ. Онъ, какъ говорили, воспользовался въ Царьградѣ бумагами покойника и былъ посвященъ патріархомъ Ниломъ. Заточенный великимъ княземъ по своемъ возвращеніи, Пименъ по изгнаніи Кипріана получилъ управленіе, съ честію но вскорѣ великій князь сталъ имъ недоволенъ и просилъ патріарха посвятить въ митрополиты суздальскаго епископа Діонисія. Діонисій въ 1383 году былъ посвященъ, но на возвратномъ пути задержанъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, сторонникомъ Кипріана. Такимъ-образомъ было разомъ три посвященныхъ митрополита всея Русіи, тогда-какъ долженъ быть одинъ. Діонисій скоро умеръ въ заточеніи; оста-

[1]) Новг. Л. I, 91. [2]) Новг. Л. I, 91.

валось послѣ него все-таки двое. Въ это-то смутное время, Новгородцы, поссорившись къ тому же съ великимъ княземъ, увидѣли случай утвердить свою церковную независимость и постановили правило, никогда уже не обращаться къ суду митрополита; чтобы новгородскій владыка имѣлъ право верховнаго суда безо всякой апелляціи и судилъ по номоканону [1]). По удаленіи владыки Алексія въ уединеніе (1388 г.), избраннаго на вѣчѣ въ санъ архіепископа Іоанна посвятилъ не Кипріанъ, а Пименъ въ Москвѣ. Власть послѣдняго была не тверда. Неудивительно, что, не желая потерять признанія своего сана Новгородомъ, онъ не изъявлялъ притязаній своихъ предшественниковъ. Оттого-то, изъ двухъ митрополитовъ, московскаго и западно-русскаго—Новгородцамъ выгодно было признавать московскаго. Но Кипріанъ выигралъ наконецъ свое дѣло противъ всѣхъ претендентовъ, и въ 1389 г. сдѣлался единымъ митрополитомъ. Тогда-то, не забывая, конечно, нерасположенія, какое оказывали ему Новгородцы, Кипріанъ энергически заявилъ права своего сана надъ новгородскою Церковью. Въ 1391 году онъ самъ прибылъ въ Новгородъ и потребовалъ, чтобы Великій-Новгородъ уничтожилъ свою грамоту 1384 года, называлъ ее противозаконною, домогался, чтобъ новгородская Церковь подчинялась митрополичьей власти и признавала ея верховный судъ.—«Нѣтъ,—отвѣчали ему Новгородцы,—мы уже крестъ цѣловали, какъ одинъ человѣкъ; мы написали и попечатали грамоту,—души свои запечатали!».—«Я съ васъ сниму крестное цѣлованіе—говорилъ имъ Кипріанъ:—самъ сорву у грамоты печати; я прощаю и благословляю васъ, а вы мнѣ дайте судъ, какъ было издавна при прежнихъ митрополитахъ». Новгородцы стояли упорно за независимость своей мѣстной Церкви, и Кипріанъ

[1]) Новг. Л. IV, 92.

уѣхалъ съ нелюбьемъ. Собственно на дѣлѣ подсудности митрополиту не было уже давно и до 1384 г. Постановленіемъ этого года хотѣли только освятить то, что̀ существовало прежде какъ обычай. Слѣдствіемъ отказа Новгородцевъ исполнить волю митрополита было то, что поводъ къ возникшей послѣ того войнѣ великаго князя съ Новгородомъ былъ двойной: независимо отъ даней, которыхъ уплаты требовалъ великій князь московскій, война была объявлена и за права митрополита. Новгородцы однако, уступили. Въ 1393 г. они отправили Кипріану свою цѣловальную грамоту и приняли отъ него благословеніе [1]). Они отказались отъ того, что̀ дѣлали самовольно вопреки уставамъ Церкви, но думали-было поправить дѣло и выиграть его путемъ законнымъ: отправили къ патріарху Антонію пословъ просить утвержденія своей духовной независимости. Но патріархъ Антоній, какъ и предшественники его, не захотѣлъ нарушать единства русской Церкви; онъ объявилъ, что, по старинѣ и по церковнымъ правиламъ, Новгородъ долженъ состоять подъ властію общерусскаго первопрестольника [2]). Въ 1395 году вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ пріѣхалъ въ Новгородъ посломъ отъ патріарха виѳлеемскій епископъ и привезъ Новгородцамъ назидательное поученіе о покорности митрополиту. Замѣчательно, что Новгородцы, въ надеждѣ склонить патріарха, угрожали ему чрезъ свое посольство принять западную вѣру, если онъ не освободитъ ихъ Церковь отъ власти митрополита. Неизвѣстно въ какомъ тонѣ дана была эта угроза; вѣроятно только какъ опасеніе за самихъ себя, а не какъ рѣшимость поступить въ самомъ дѣлѣ такимъ-образомъ. Но эта угроза не только не расположила патріарха дѣлать угодное Новгороду, а напротивъ

[1]) Новг. Л. I, 96; Соф. Врем. I, 246.

[2]) Повинуйтесь митрополиту русскому. Новг. Л. IV, 92

должна была побудить самаго патріарха быть настойчивѣе; въ противномъ случаѣ, исполняя волю Новгорода ради угрозы себѣ, онъ показалъ бы свою слабость. Въ 1401 г. Іоаннъ ѣздилъ къ митрополиту совѣтоваться о духовныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало: ни одинъ владыка до того времени не ѣздилъ въ Москву къ митрополиту иначе, какъ только для посвященія.

Такимъ-образомъ не отстоявши своей политической самобытности отъ притязаній московскаго великаго князя, Новгородъ не отстоялъ и церковной отъ московскаго митрополита: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣйствовало убѣжденіе въ необходимости сочетанія своей отдѣльной мѣстной самостоятельности съ единствомъ общаго русскаго отечества. Это убѣжденіе было слишкомъ сильно для того, чтобы дать перевѣсъ мѣстнымъ интересамъ.

Однако въ XV-мъ вѣкѣ раздѣленіе митрополитіи на восточную и западную дало было новгородской церкви временную независимость. Избранный владыка Евфимій II-й около пяти лѣтъ прожилъ безъ посвященія, не хотѣлъ принимать посвященія въ Москвѣ, и въ 1434 г., когда въ Москвѣ нареченный Іоаннъ былъ еще непосвященъ, принялъ посвященіе отъ митрополита западнаго, Герасима, въ Смоленскѣ. Непоставленный отъ московскаго митрополита, Евфимій считалъ себя неподлежащимъ его власти, и въ свое двадцатилѣтнее правленіе пребывалъ въ независимости; по-крайней-мѣрѣ не видно никакихъ отношеній подчиненности къ Москвѣ.

Но признаніе уніи съ римскою Церковью митрополитомъ Исидоромъ въ глазахъ Русскихъ было нарушеніемъ древней святыни; видѣли наклонность къ папизму и въ преемникѣ Исидора—Григоріи. Это не дозволило новгородской Церкви слѣдовать по пути, проложенному Евфиміемъ, и владыкамъ Новгорода казалось невозможнымъ болѣе принимать

посвященія отъ западныхъ митрополитовъ. Самъ Евфимій предъ смертію послалъ просить прощальной грамоты у московскаго митрополита. Преемникъ его Іона принялъ посвященіе въ Москвѣ. Этотъ владыка въ важныхъ дѣлахъ относился къ митрополиту московскому, какъ это показываетъ псковское дѣло: когда Псковитяне хотѣли-было отпасть отъ управленія и суда новгородскаго владыки, то тяжба ихъ съ владыкою была рѣшена митрополитомъ.

II.

СПОСОБЪ ИЗБРАНІЯ ВЛАДЫКЪ. ИХЪ ПРАВА И ЗНАЧЕНІЕ.

Избраніе владыкъ зависѣло отъ вѣча; на этомъ вѣчѣ участвовали не одни духовные, но и всѣ міряне. Въ XIII-мъ столѣтіи на такомъ вѣчѣ участвовалъ и князь [1]); но съ конца этого столѣтія участіе князя совершенно отстраняется. Вѣче по этому поводу собиралось во дворѣ св. Софіи въ Дѣтинцѣ. Обыкновенно собравшись, начинали «гадать», то-есть разсуждать: кто достоинъ заступить мѣсто прежняго владыки. Всегда почти избирали трехъ кандидатовъ; жребій, какъ возглашеніе небесной воли, указывалъ: кто изъ трехъ долженъ получить архипастырскій санъ. Въ 1192 году при избраніи архіепискона Мартирія положили на трапезу три жребія и послали слѣпца взять одинъ изъ нихъ [2]). При избраніи Спиридона въ 1229 г. [3]) посылали брать жребій княжескаго сына.

Но были иногда случаи, когда прежде бывшій владыка предъ смертію или предъ добровольнымъ оставленіемъ

[1]) Новг. I, Л. 21, 25. [2]) Новг. Л. I, 21. [3]) Новг. Л. I, 45.

должности самъ указывалъ себѣ преемниковъ, изъ которыхъ Новгородцамъ оставалось только выбрать. Такъ владыка Далматъ указалъ на двухъ духовныхъ лицъ. Новгородъ при жизни его выбралъ изъ нихъ одного, и владыка благословилъ преемника себѣ своею рукою [1]). Тогда изъ уваженія къ Далмату народный выборъ палъ на то лицо, которое было ближе къ нему, безъ жребія. Такъ точно и въ 1308 г., послѣ удаленія владыки Θеоктиста въ уединеніе, былъ по его указанію признанъ Новгородомъ и благословленъ его рукою его духовный отецъ Давидъ [2]). Въ 1330 г., послѣ перваго удаленія Моисея, не упоминается о жребіяхъ: Новгородцы, оставленные безъ владыки, долго не могли рѣшиться, и восемь мѣсяцевъ епархія оставалась безъ владыки; наконецъ избранъ былъ Григорій Калѣка. Послѣ отшествія Моисея съ архіепископскаго престола въ 1359 года, положили на престолъ три жребія и говорили: «Не хотимъ избранія отъ человѣка, а желаемъ принять извѣщеніе отъ Бога,—кого Богъ захочетъ и св. Софія». Точно также поступили и послѣ удаленія Алексія при избраніи Іоанна въ 1388 г. [3]). Въ то время, когда три жребія лежали на алтарѣ, іереи соборомъ служили обѣдню, а Новгородцы стояли вѣчемъ у св. Софіи; по окончаніи обѣдни, протопопъ выносилъ два жребія по-одиначкѣ одинъ за другимъ къ народу. Тотъ, чей жребій оставался на престолѣ послѣ выноса двухъ первыхъ, дѣлался владыкою. Тотъ же порядокъ выноса двухъ жребіевъ соблюдался и при избраніи Сампсона въ 1415 г. [4]), и Θеодосія въ 1421, и Евфимія въ 1423 и Евфимія втораго въ 1429 г. [5]).

При избраніи владыки не соблюдалась строгость іерархическаго достоинства; необходимо было одно: чтобъ из-

[1]) Новг. Л. I, 63. [2]) Новг. Л. I, 69.
[3]) Новг. Л. I, 94. [4]) Новг. Л. I, 106, [5]) Новг. Л. I, 110.

бираемое лицо было духовнаго званія; на степень его въ этомъ званіи не смотрѣли. О нѣкоторыхъ владыкахъ извѣстно, чѣмъ были они до избранія. Одинъ только Моисей былъ избранъ изъ архимандритовъ; другіе—какъ напр.,—Климентъ, Θеоктистъ, Іоаннъ III-й, Θеодосій, Іона, Евфимій лисьегорскій—изъ игуменовъ; Давидъ, Θеофилъ—изъ іеромонаховъ; Спиридонъ—изъ іеродіаконовъ; Антоній, Арсеній, Алексій, Сампсонъ, Евфимій—первые изъ простыхъ чернецовъ, а Іоаннъ II-й и Василій—изъ бѣлаго духовенства. Званіе брата Іоаннова—Гавріила, неизвѣстно; но достойно замѣчанія, что онъ продолжалъ называться этимъ именемъ, и уже впослѣдствіи принялъ монашество и переименованъ Григоріемъ. Слѣдовательно, онъ былъ изъ бѣлыхъ. Василій былъ свѣтскій священникъ, но по нареченіи владыкою принялъ монашество и изъ Григорія переименованъ въ Василія: потому-что тогда уже составилось понятіе, что владыка долженъ быть монахъ. Избранные владыки были посвящаемы митрополитомъ послѣдовательно въ предшествовавшіе чины до іеромонаха включительно; а если кандидатъ былъ іеромонахъ, то не нуждался въ посвященіи прежде въ санъ игумена или архимандрита, а прямо посвящался въ санъ владыки. Такъ напримѣръ Сампсонъ въ 1416 г. поставленъ былъ отъ митрополита на второй недѣлѣ поста въ іеродіаконы, въ третью субботу поста въ іеромонахи, а въ средокрестопоклонную недѣлю, на другой день по рукоположеніи въ священство, хиротонисанъ въ архіепископа [1]). Владыка Алексій, простой чернецъ и не Новгородецъ по происхожденіи (шестникъ), былъ сначала рукоположенъ отъ тверскаго епископа въ іеродіакона и іеромонаха, а потомъ отъ митрополита во архіепископа [2]).

Большая часть владыкъ, если они были изъ монаховъ,

[1]) Новг. Л. I, 106. [2]) Новг. I, Л. 87.

оставалась съ тѣми же именами, какія они носили до своего поставленія; но нѣкоторые, принимая санъ владыки, перемѣняли ихъ, хотя уже и прежде были монахами и, слѣдовательно, носили до того времени не мірское, а монашеское имя. Такъ чернецъ Емельянъ, послѣ своего поставленія, принялъ имя Евфимія; чернецъ Сампсонъ переименованъ въ Симеона. Это не было правиломъ: предоставлялось поступать такъ и иначе.

Для управленія духовными дѣлами въ Новгородѣ, избраніе казалось важнѣе самаго поставленія, и потому-то новоизбранный, какое бы званіе онъ ни носилъ, управлялъ церковію и судилъ со дня своего избранія, нося имя «нареченнаго» владыки. Немедленно послѣ избранія, его возводили, что означало порученіе ему духовнаго управленія; онъ въ то же время занималъ владычнія палаты. Архимандриты, игумены и все духовенство находились подъ его властію, хотя бы онъ былъ и ниже ихъ саномъ. Не было срока, въ который нареченный владыка непремѣнно долженъ быть посвященъ. Нѣкоторые пребывали въ такомъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напр. Алексій и Іоаннъ — восемь; другіе до года, какъ Ѳеоктистъ, Моисей; иные болѣе года и по нѣскольку лѣтъ, напр. Аркадій, Митрофанъ, Далматъ, Климентъ—болѣе двухъ лѣтъ; а Евфимій второй правилъ Церковью безъ посвященія около пяти лѣтъ. Арсеній и Ѳеодосій остались непосвященными. Промежуточное время между смертью или удаленіемъ одного владыки и избраніемъ новаго иногда обнимало нѣсколько мѣсяцевъ, напр. по смерти Григорія до избранія Мартирія въ 1193 г. [1])—съ 24 мая по 1 сентября; при избраніи Василія (1330) [2]) и Симеона (1415) [3])—восемь мѣсяцевъ, въ другихъ случаяхъ около трехъ мѣсяцевъ, а иногда тотчасъ избирали. Оче-

[1]) Новг. Л. I, 21. [2]) Новг. Л. I, 75. [3]) Новг. Л. I, 106.

видно, что, во время длинныхъ вакансій, должны были происходить запутанности и упущенія въ дѣлахъ церковнаго управленія, особенно когда урпавленіе и судопроизводство владыки въ Новгородѣ касались разныхъ вѣтвей общественнаго порядка.

Почти у каждаго владыки былъ свой любимый монастырь: или тотъ, изъ котораго онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, или тотъ, который имъ самимъ основанъ во время своего владычества. Какъ на характеристическую черту новгородскихъ владыкъ, можно указать на то, что многіе изъ нихъ не умирали въ своихъ должностяхъ, но чувствуя усталость отъ дѣлъ, удалялись добровольно въ любимый монастырь. Таковы были Іоаннъ Попинъ (1130), Θеоктистъ (1308), Моисей (1329—1359), Алексій (1388), Іоаннъ III-й (1415). Изъ нихъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна судьба Моисея. Пробывъ пять лѣтъ (1324—1329) [1]) въ санѣ архіепископа, онъ удалился въ Колмовскій монастырь, имъ сооруженный, а чрезъ двадцать три года опять вызванъ къ управленію Церковью и, правивши ею семь лѣтъ, снова удалился въ другой имъ же основанный монастырь не Сковородкѣ оканчивать въ уединеніи старческія лѣта.

Владыки избираемые въ свой санъ по волѣ народа, тѣмъ самымъ уже, какъ и князья, зависѣли отъ народной воли; но исторія новгородской Церкви представляетъ только два примѣра изгнанія владыкъ. Въ 1211 году [2]) былъ изгнанъ Митрофанъ. Онъ былъ поставленъ съ согласія вѣча, но присланъ или рекомендованъ Всеволодомъ суздальскимъ. Потому выборъ его казался несвободенъ. Безъ сомнѣнія онъ держался суздальской партіи и потому навлекъ на себя нерасположеніе князя Мстислава Удалаго. Его низло-

[1]) Новг. Л. I, 72—86. [2]) Н.в. Л. I, 31.

жили съ владычества и сослали въ Торопецъ, Мстиславовъ наслѣдственный удѣлъ, а на мѣсто его избрали Добрыню Ядрейковича, подъ именемъ Антонія. Это былъ приверженецъ народной партіи, противной суздальскому вліянію; но когда Мстиславъ Удалой ушелъ въ Южную Русь, то суздальская партія подняла голосъ въ пользу Митрофана. Стало двое владыкъ; Новгородцы не знали, какъ разрѣшить путаницу, которую надѣлало вмѣшательство духовныхъ дѣлъ въ дѣла политическія. Отдались на распоряженіе митрополита. Митрополитъ, чтобъ укротить вражду, утвердилъ Митрофана, какъ старѣйшаго и прежде посвященнаго, Антонію же далъ Перемышль; и Митрофанъ на челѣ своихъ сторонниковъ ѣздилъ просить у Юрія суздальскаго сына княземъ Новгороду. По смерти Митрофана, суздальская партія, не желая признавать Антонія, избраннаго своими соперниками, избрала Арсенія, монаха хутынскаго; но когда въ 1225 г. выбрали княземъ черниговскаго князя Михаила Всеволодовича изъ Ольговичей, Антоній за нимъ вслѣдъ явился въ Новгородъ, гдѣ у него были и приверженцы, и свойственники, какъ у новгородскаго уроженца. На его сторонѣ права было болѣе, чѣмъ на сторонѣ его противника, который еще оставался непосвященнымъ. Но какъ только Мстиславъ удалился, а вмѣсто него явился Ярославъ, подручникъ суздальскаго великаго князя въ Новгородѣ, (1226 г.) Антоній долженъ былъ оставить владычество; онъ удалился въ Хутынь (1228) Арсеній снова вступилъ въ управленіе. Вслѣдъ за тѣмъ Ярославъ временно удалился изъ Новгорода: тотчасъ его любимецъ, нареченный владыка Арсеній подвергся неблагорасположенію противной партіи. Осень была продолжительная: это считалось вреднымъ для урожая. «Вотъ отчего такъ долго стоитъ тепло» — говорили Новгородцы: — «Арсеній вы-

проводилъ владыку Антонія на Хутынь, а самъ усѣлся, давши мзду князю». Бросились толпами на владычнія палаты, выгнали Арсенія, какъ злодѣя, пихая заворота; онъ могъ бы поплатиться и жизнію, еслибъ не успѣлъ укрыться въ стѣнахъ св. Софіи отъ народнаго волненія [1]). Другое изгнаніе постигло въ 1423 году игумена Ѳеодосія, избраннаго въ званіе архіепископа. Два года онъ правилъ Церковью, а потомъ спровадили его въ монастырь Клопскій, откуда онъ былъ взятъ. Этотъ человѣкъ былъ иноземецъ (шестникъ); а Новгородцы предпочитали чтобы владыка у нихъ былъ туземецъ [2]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ, съ Арсеніемъ и Ѳеодосіемъ, изгнанные владыки были только нареченные; къ посвященнымъ народъ имѣлъ болѣе уваженія, хотя по правамъ своимъ во власти они не различались.

Владыки новгородскіе были верховными правителями церковнаго порядка и судьями въ духовныхъ дѣлахъ; они имѣли еще важное значеніе не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Опираясь на греческій номоканонъ и еще болѣе на уставы древнихъ русскихъ князей, содержавшіе не только въ сокращенномъ видѣ привилегіи изъ номоканона, но и нѣсколько новыхъ, владыки имѣли свое управленіе, свою сферу суда. Намъ остался, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, такой уставъ собственно для новгородской епархіи: его приписывали князю Всеволоду Гавріилу (XII вѣка) [3]). Подъ вѣдомствомъ архіепископа были всѣ люди церковные, принадлежавшіе непосредственно по своимъ занятіямъ и образу жизни къ церковному кругу; то были: монахи и монахини, попы, ихъ жены и дѣти, церковные служители—свѣщегасы, сторожа, люди, лишен-

[1]) Новг. Л. I, 44.

[2]) Никон. Л. I, 81. [3]) Мак. «Ист. Р. Цер». Т. II, прим. 45.

ные средствъ пропитанія по тѣлеснымъ недостаткамъ и питавшіеся отъ христіанскаго милосердія, слѣпые, нѣмые, хромые, калѣки всякаго рода; къ тому же кругу церковныхъ людей причислялись задушники—отпущенные на волю рабы, монастырскіе работники и работницы съ ихъ семействами, и наконецъ, изгои: во Всеволодовомъ уставѣ это слово объясняется тройственнымъ значеніемъ—изгой можетъ быть или поповъ сынъ, неумѣющій грамотѣ, или задолжавшій безплатно купецъ, или холопъ, выкупившійся изъ холопства; но кромѣ этого рода изгоевъ, по извѣстію того же устава, къ изгоямъ причислялся и князь, если оставался сиротою. Однимъ словомъ, все, что по своему положенію требовало защиты, призрѣнія, попеченія, принадлежало вѣдомству владыки: къ его надзору относились гостинницы и странопріимницы, которыя въ тотъ вѣкъ содержались болѣе съ благочестивою цѣлью. Наконецъ управленіе и духовный судъ владыки простирались на всю массу поселянъ—смердовъ, жившихъ въ софійскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ: тогда былъ повсемѣстный обычай, что умирающіе думали избавиться отъ вѣчныхъ мукъ отдачею села по душѣ въ монастырь; селъ такихъ было много и управленіе владычнее имѣло большой объемъ. Всѣ поселяне, добровольно водворявшіеся на земляхъ монастырскихъ и софійскихъ, оставались подъ управленіемъ владыки по всѣмъ дѣламъ, пока жили на земляхъ церковнаго вѣдомства.

Независимо отъ того, что непосредственно подлежало управленію и суду владыки, ему принадлежалъ судъ вообще надъ всѣми жителями Новгорода и новгородской земли въ нѣкоторыхъ гражданскихъ и домашнихъ дѣлахъ. Случаи эти опредѣляются уставомъ. Когда мужъ заспоритъ съ женою объ имѣніи,—рѣшеніе принадлежало церковному суду; владыка разбиралъ и рѣшалъ случаи развода; къ владыкѣ должны были относиться родственники, получив-

шіе наслѣдство и не умѣвшіе раздѣлить его; суду его подлежали преступленія противъ семейнаго согласія: — оскорбленіе родителей дѣтьми, свекрови снохою, измѣна супружескому союзу, растлѣніе дѣвицъ, — противоестественные пороки, убійство похуленіе святыни, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, чародѣяніе, волхвованіе: въ разрядъ его входило зелейничество—исканіе и употребленіе травъ (оно считалось тогда дѣломъ нечистымъ), — наконецъ языческія молитвы и обряды, наблюдаемые народомъ долго послѣ принятія христіанства, вопреки усиліямъ христіанскихъ пастырей. Изъ этого видно, что судъ владыки простирался вообще на всю семейную жизнь; такъ какъ владыка рѣшалъ дѣла о наслѣдствѣ, то понятно, что вліянію его непосредственно подчинялась важнѣйшая часть гражданскихъ дѣлъ. Всякое народное вѣрованіе и народная забава находили въ немъ судію и обвинителя. Наконецъ, къ довершенію важности и вліятельности владыки на мірскія дѣла, ему отдавалось право надзора надъ торговлею, жизненною стихіею Великаго-Новгорода. Архіепископъ имѣлъ право каждый годъ повѣрять торговые вѣсы, пуды и скалвы, денежные вѣсы (рублевыя гривны); и когда оказывался обманъ, виновный судился какъ преступникъ противъ общества и подвергался потоку—казни всѣмъ Великимъ-Новгородомъ; имущество его дѣлилось на три части, и одна изъ этихъ частей шла въ казну св. Софіи; другая слѣдовала церкви Іоанна-на-Опокахъ; третья—Великому-Новгороду.

Доходы, которые шли владыкѣ, назывались казною св. Софіи. Это были доходы, получаемые съ софійскихъ имѣній, судебныя пошлины и конфискаціи и, наконецъ, добровольныя пожертвованія. Сверхъ-того въ древности отъ княжихъ судовъ отдавалась десятая часть судебныхъ пошлинъ. Но эта десятина была еще въ XII вѣкѣ замѣнена особою суммою, которою положено собирать съ опредѣлен-

ныхъ волостей Новгородской Земли. Такъ показываетъ уставъ Святослава [1]). Неизвѣстно, какъ производился такой платежъ въ то время, когда уже великокняжескіе намѣстники, жившіе на Городищѣ, собирали княжескую часть судныхъ пошлинъ, и платился-ли тогда этотъ замѣнъ древней десятины. Сверхъ всего этого, софійская казна получала плату за антиминсы, раздаваемые по церквамъ новгородской епархіи, пошлину за посвященіе духовныхъ лицъ, называемую «благословенная куница,» и пошлину съ браковъ, называемую «новоженный убрусъ», которую собирали съ мірянъ священники и препровождали чрезъ посредствующее начальство въ софійскую казну. Наконецъ, владыка имѣлъ обычай ѣздить во Псковъ и, кажется, вообще по своей епархіи; обозрѣвалъ управленіе, творилъ судъ въ такихъ дѣлахъ, которыя по чему-нибудь не рѣшались мѣстными духовными властями и требовали приговора главнаго начальника духовнаго суда. За это владыка бралъ сумму, которая называлась «подъѣздъ». Извѣстно, что владыка въ каждый пріѣздъ свой во Псковъ непремѣнно бралъ свой подъѣздъ со Псковичей. Неизвѣстно существовали ли какія нибудь правила и срока, для поѣздки владыкѣ въ другія мѣста по епархіи или же это бывало по случаю, и по произволу владыки. Правда, въ 1331 г., владыка Василій явился въ Торжокъ; но это могло быть и не съ цѣлію непремѣнно посѣтить Торжокъ по дѣламъ; владыка могъ тогда заѣхать туда проѣздомъ изъ Волыни, куда онъ ѣздилъ посвящаться отъ митрополита. Подъ 1369 г. [2]) встрѣчается извѣстіе, что владыка ѣздилъ въ Торжокъ: это было для посвященія церкви. Но въ 1445 году владыка ѣздилъ за Волокъ просто для того, чтобы благословить новгородскую отчину и свою архіепископію и своихъ дѣтей [3]).

[1]) Рус. достопамятности, т. 1, стр. 82. [2]) Новг. 1. 88. [3]) Н. IV. 125.

У владыки былъ свой штатъ — группа служилыхъ людей, называемыхъ софійскими боярами и дѣтьми боярскими, и множество прислуги изъ людей софійскихъ имѣній. Всѣ они носили прозваніе общее, какъ для большихъ, такъ и малыхъ — «софьяне». Бояре и дѣти боярскіе владѣли данными имъ въ кормленіе софійскими волостями. Изъ нихъ одни составляли собственный штатъ владыкъ, и нѣкоторые носили названія, подобныя тѣмъ какія употребительны были при царствующихъ особахъ, напр. «стольники», «ключники» — завѣдывавшіе домашнимъ хозяйствомъ, «казначей» — лицо важное, сохранявшее софійскую казну. Другіе «Софійскіе дьяки» — занимались дѣлопроизводствомъ. Третьи — «дѣтскіе» — были на посылкахъ. Боярамъ и дѣтямъ боярскимъ поручались софійскія имѣнія въ управленіе по волостемъ въ разныхъ сторонахъ Новгородской земли. Изъ нихъ избирались владыкою «десятинники», которые ѣздили безпрестанно по епархіи и творили судъ и управу вмѣсто владыки. Сообразно этимъ должностямъ, и вся епархія раздѣлалась на десятины. Въ городахъ были соборные протопопы, имѣвшіе начальство надъ духовенствомъ. Иногда посылались такіе протопопы подѣламъ отъ архіепископа, вмѣсто мірскихъ должностныхъ лицъ, особенно когда дѣло было такого рода, что требовало богослуженія. Въ Новгородѣ было семь соборовъ. Во Псковѣ было четыре; въ 1461 г. основанъ былъ пятый.

Наконецъ, вліяніе владыки, независимо отъ суда, простиралось вообще на политическія дѣла Великаго-Новгорода. Великій-Новгородъ со всею землею состоялъ подъ покровительствомъ св. Софіи; былъ такъ-сказать, въ нѣкоторомъ смыслѣ ея волостью, и Новгородцы, вмѣсто того чтобъ выразиться — «умремъ за отечество, за свою землю», говорили: «умремъ за св. Софію». Успѣхъ на войнѣ припи-

сывался силѣ св. Софіи [1]); военныя дѣйствія предпринимаемы были по благословенію владыки [2]). Владыка былъ, такъ-сказать, живымъ выраженіемъ этого отвлеченнаго понятія. Договоры и важныя постановленія заключались съ благословенія владыки и съ его совѣта. Вособенности Владыка могъ повертывать дѣла Великаго-Новгорода по своему желанію, если самъ былъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ. Владыки исполняли нерѣдко политическія дѣла за цѣлый Новгородъ, напр.— ѣздили на челѣ посольства приглашать князей [3]) и по случаю разрыва условливались о мирѣ съ сосѣдями. Такъ въ 1281 г., по поводу ссоры Новгорода съ княземъ Димитріемъ Александровичемъ, Новгородъ посылалъ къ нему на переговоры съ мольбою своего владыку, какъ представителя Новгородской Земли [4]). Въ 1333 г. владыка Василій отвозилъ великому князю Ивану Даниловичу выходъ и домогался отступленія присвоиваемыхъ московскимъ княземъ слободъ [5]). Въ 1386 г. владыка Алексій заключилъ миръ съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ и отвозилъ ему 8,000 р. [6]). Въ 1397 г. по благословенію владыки Іоанна III-го заключено перемиріе со Псковомъ [7]). Тотъ же архіепископъ устроивалъ примиреніе съ великимъ княземъ: Великій-Новгородъ уполномочилъ на это дѣло владыку отъ своего лица. На слѣдующій годъ, когда великій князь Василій Димитріевичъ стоялъ упорно за присвоеніе себѣ Двинской области, Новгородцы, рѣшившись идти противъ него, испрашивали благословенія владыки. Предъ послѣдней катастрофой Новгородскій владыка Ѳеофилъ велъ сношенія съ великимъ княземъ отъ лица Великаго-Новгорода.

Не только въ отношеніи великихъ князей, но и въ сно-

[1]) Новг. I. 53. [2]) Новг. I. 99. [3]) Н. I. 9. 38, 53, 55. [4]) Новг. I. 64. [5]) Новг. I. 77. [6]) Новг. Л. 1, 94. [7]) Новг. Л. 1, 97.

шеніяхъ съ чужеземцами, голосъ владыки имѣлъ важность. Въ 1339 г., при заключеніи мира съ Шведами, вмѣстѣ съ новгородскими послами отправленъ былъ посолъ и отъ владыки [1]).

Владыки нерѣдко были укротителями внутреннихъ междоусобій и примиряли враждебныя партіи. Примѣръ этого является въ 1218 г. [2]), когда владыка умирилъ вражду князя Всеволода съ Твердиславомъ. Въ 1418 г., [3]) владыка Симеонъ остановилъ волненіе простого народа противъ бояръ.

Не одни владыки, но и другіе духовные сановники были призываемы на совѣтъ. Духовенству вообще поручали дѣла политическія, напр. въ 1134 г., игуменъ Исаія ходилъ посломъ въ Кіевъ [4]). Въ 1333 г., на челѣ посольства ко князю Ивану отправленъ былъ архимандритъ [5]). Архимандритъ юрьевскій, одинъ изъ всѣхъ монастырскихъ настоятелей носившій титулъ архимандрита, былъ первымъ лицомъ послѣ владыки, его помощникомъ.

Нравственное вліяніе владыкъ и вообще духовенства на общественныя дѣла увеличивалось еще и отъ того, что всѣ дѣла совершались по его благословенію и подъ присягами. Когда обстоятельства требовали измѣненія, тогда то, что прежде утверждено было присягою, только владыка могъ разрѣшить и успокоить совѣсть [6]).

[1]) Новг. Л. I, 79. [2]) Новг. Л. I, 38. [3]) Новг. Л. I. 108. [4]) Новг. Л. I 6. [5]) Новг. Л. I, 76. [6]) А. И. I, 49.

III.

СПОРЫ НОВГОРОДСКИХЪ ВЛАДЫКЪ СО ПСКОВОМЪ.

Если въ Новгородѣ достоинство владыки имѣло значеніе самаго почетнаго и нерѣдко какъ-бы верховнаго лица всей земли, во Псковѣ видно постоянное стремленіе оторваться отъ власти новгородскаго владыки и безпрестанныя столкновенія какъ съ личностями владыкъ, такъ и съ механизмомъ ихъ управленія. Съ XIV-го вѣка является непрерывный рядъ недоумѣній и неудовольствій между Псковомъ и владыками. Въ 1307 году происходило немирье у Псковичей со Ѳеогностомъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Во время распри съ Новгородцами за князя Александра Михайловича, владыка Моисей держалъ сторону своего города и не давалъ Псковичамъ благословенія. Когда владыка Моисей удалился отъ дѣлъ, Псковичи хотѣли воспользоваться временемъ: пока еще не было новаго владыки, они выбрали себѣ особаго кандидата въ мѣстные епископы, Арсенія. Въ то время Псковичи имѣли особаго князя и склонялись признавать покровительство Гедимина. Тогда новый новгородскій владыка отправился на Волынь къ митрополиту Ѳеогносту для посвященія. Явились и псковскіе послы съ своимъ Арсеніемъ, и просили митрополита посвятить

его особо епископомъ въ одинъ Псковъ; но митрополитъ отказалъ. Открывается, что Псковичи были недовольны тѣмъ, что владыка управлялъ во Псковѣ чрезъ своихъ подручниковъ; а когда пріѣзжалъ самъ во Псковъ, то бралъ подъѣздъ, и такіе поборы казались Псковичамъ обременительными. Не такъ владыка, какъ окружавшіе его лица, надоѣдали Псковичамъ своими вымогательствами. Съ владыкою Василіемъ Псковичи были долго въ очень дурныхъ отношеніяхъ: неудача посвятить себѣ особаго епископа раздражила обѣ стороны—и Псковичей, и Новгородцевъ съ владыкою. Василій по своемъ избраніи посѣтилъ Псковъ въ 1330 г. [1]; но потомъ семь лѣтъ не пріѣзжалъ владыка во Псковъ. Когда онъ прибылъ въ этотъ городъ въ 1337 и по старымъ обычаямъ потребовалъ суда, то Псковичи отказали ему, и Василій проклялъ Псковъ [2]. Взаимное нерасположеніе продолжалось до 1352 года. Тогда сдѣлался моръ во Псковѣ, и Псковичи отправили посольство звать Василія и просить его благословенія. Василій пріѣхалъ и благословилъ Псковъ. Пребывая долгое время безъ владыки, Псковская Земля въ это время должна была неизбѣжно терпѣть запутанность и остановки въ теченіи церковныхъ дѣлъ: въ поставленіи священниковъ, въ церковномъ управленіи и судопроизводствѣ.

Владыка былъ необходимъ для Псковичей; и потому какъ ни упрямились Псковичи, а всегда дѣло кончалось тѣмъ, что сдавались и просили благословенія. Такимъ-образомъ Псковъ въ церковномъ вопросѣ занималъ такую же роль въ отношеніи новгородскихъ владыкъ, какъ новгородскіе владыки въ отношеніи митрополитовъ. Какъ новгородскіе владыки напрасно хлопотали у патріарха о независимости новгородской архіепископіи отъ митрополита, такъ Псковичи на-

[1]) Пск. I. [2]) 186. Новг. Л. I, 78.

прасно хлопотали у митрополита объ освобожденіи отъ новгородскаго владыки. Во время спора Новгорода съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ концѣ XIV-го вѣка, Псковичи склонялись къ митрополиту; и когда въ 1395 году, вмѣстѣ съ патріаршимъ посломъ, Кипріанъ во второй разъ посѣщалъ Новгородъ и оказывалъ неудовольствіе на владыку Іоанна и на всѣхъ Новгородцевъ, обошелся ласково съ послами ото Пскова, которые привезли ему поминки, и благословилъ весь Псковъ. Тогда Псковичи отправили своихъ священниковъ ставиться не къ новгородскому владыкѣ, а къ митрополиту, и митрополитъ исполнялъ ихъ желаніе [1]). Какъ Новгородцы должны были покориться митрополиту, такъ и Псковичи—новгородскому владыкѣ. Владыка продолжалъ управлять церковными дѣлами Пскова, но назначалъ своихъ намѣстниковъ и печатниковъ изъ природныхъ Псковичей, а отнюдь не изъ Новгородцевъ. При Евфиміѣ въ 1434 году произошла большая ссора у Псковичей съ владыкою. Духовенство псковское на самомъ дѣлѣ присвоило себѣ право управляться независимо и дѣлать свои постановленія. Теперь владыка держалъ во Псковѣ своего намѣстника, Новгородца, а не Псковича,—который началъ придираться и находить незаконными разныя письменныя постановленія, составленныя во Псковѣ, и рядницы (договоры). Владыка прибылъ во Псковъ и потребовалъ подъѣзда; но Псковичи жаловались, что онъ пріѣхалъ не въ свое обычное время, и нехотѣли давать ни суда, ни подъѣзда. Псковичи жаловались на намѣстника, а владыка находилъ его правымъ, и требовалъ подъѣзда съ поповъ. Дѣло дошло до драки: Псковичи побились съ «софьянами» и Евфимій уѣхалъ изо Пскова, съ гнѣвомъ, не принявши даже поминка, который по обычаю подавался владыкѣ отъ

[1]) Акт. Ист. Т. I, 17.

города, во время его посѣщенія. Впослѣдствіи, когда Псковъ и Новгородъ сблизились, владыка Евфимій былъ во Псковѣ принятъ съ честію (1449), и получилъ свой подъѣздъ безпрекословно. Въ 1458 году онъ тоже былъ принятъ радушно.

При его преемникѣ Іонѣ, Псковъ былъ чрезвычайно вооруженъ противъ своего владыки, и явились снова покушенія отторгнуться отъ новгородской епархіи. Въ 1464 году Псковъ отправилъ къ великому князю посольство, просить чтобъ онъ велѣлъ митрополиту поставить во Псковъ особаго владыку. «Это дѣло великое—отвѣчалъ Иванъ—мы будемъ мыслить о томъ съ нашимъ отцомъ митрополитомъ, а отецъ нашъ пошлетъ созвать нашихъ богомольцевъ, своихъ дѣтей—архіепископовъ и епископовъ; и если то дѣло будетъ подобно, а ваши послы у насъ честные люди будутъ, то мы и сдѣлаемъ вамъ, какъ пригоже будетъ». Однако, въ 1466 году, Псковичи помирились со своимъ владыкою и постановили, чтобъ ему ѣздить по старинѣ во Псковъ и брать свою пошлину, т. е. обычный поборъ. Владыка Іона прибылъ во Псковъ, взялъ свой подъѣздъ со священниковъ, пробылъ тамъ съ недѣлю и уѣхалъ честно. Но чрезъ три года неудовольствіе опять возобновилось. Уже давно Псковъ былъ городъ съ свободнымъ управленіемъ, но жалѣлъ о томъ, что остается безъ собственнаго епархіальнаго начальства: духовенство тамъ позволяло себѣ дѣлать самовольныя распоряженія, а мірская власть вмѣшивалась въ церковныя дѣла. Еще въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ обличалъ Псковичей, что міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещахъ. Судъ святителя былъ непостояненъ—случались отступленія отъ порядка, требующія немедленнаго распоряженія: тогда вѣче присвоивало себѣ право суда;—напримѣръ, нѣкоторые духовные, овдовѣвши, женились въ другой разъ и оставались на священствѣ: нельзя было признавать такихъ священниками, дожидаясь пріѣзда или

рѣшенія владыки [1]). Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ вѣче присвоивало себѣ право отставлять ихъ отъ должности. Митрополиты запрещали такое вмѣшательство. Духовенство, оставаясь безъ собственнаго владыки, съ одной стороны роптало на его намѣстниковъ, на поборы и налоги, на недостатокъ правосудія; съ другой—на міряпъ, на вѣче, которое нарушало неприкосновенность правъ сословія. Когда въ 1469 году случился неурожай и недостатокъ хлѣба, псковское духовенство рѣшилось устроить собственное самоуправленіе, и, собравшись со всѣхъ пяти соборовъ Пскова на вѣче, объявило такъ: — «Видите, сыны наши, что́, по нашимъ грѣхамъ, Богъ посылаетъ намъ съ небеси, ожидая нашего обращенія! Мы теперь промежь себя хотимъ, по правиламъ св. отецъ и апостолъ, поддержать крѣпость во всемъ служеніи священниковъ и устроить свое управленіе,—какъ намъ священникамъ жить по номоканону; а вы, сыны, будьте намъ поборниками. Правителя въ нашей землѣ нѣтъ: намъ трудно держать промежь себя крѣпость; вы же, дѣти, вступаетесь въ церковныя дѣла міромъ—не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; и теперь мы, сыны, хотимъ и противъ васъ поддержать духовную крѣпость». Вѣче имъ дало такой отвѣтъ: —«Вы про то вѣдаете, Божіе священство, а мы вамъ поборники». Тогда они составили грамоту о самоуправленіи, выписавши правила изъ номоканона: какъ слѣдуетъ управляться въ церковныхъ дѣлахъ, примѣняясь къ церковному законоположенію вообще. Грамота эта была положена въ ларь въ церкви. Выбрали двухъ правителей церковныхъ изъ священниковъ (одного изъ города, другаго изъ Завеличья), какъ-бы сообразно двумъ посадникамъ, управлявшимъ гражданскими дѣлами. Но не было ни согласія, ни

[1]) Акт. Ист. т. I, 18.

порядка. На одного изъ этихъ поставленныхъ церковныхъ правителей—священника Андрея Козу, поднялись клеветники, обвиняли его предъ вѣчемъ. Андрей Коза убѣжалъ ко владыкѣ въ Новгородъ и такимъ-образомъ измѣнилъ затѣянному дѣлу при самомъ его началѣ. Владыка Іона прибылъ во Псковъ. Городъ долженъ былъ принять его съ честію. Сначала Іона былъ ласковъ, служилъ обѣдни у Троицы, читалъ синодикъ на поминовеніе усопшихъ; а потомъ сталъ призывать къ себѣ священниковъ, составлявшихъ грамоту, спрашивалъ также и посадниковъ. «Кто смѣлъ,— говорилъ онъ,—учинить это безъ моего вѣдома? Я самъ хочу судить здѣсь, а вы что́ выдумали? Раздерите эту грамоту».—«Ты самъ,—отвѣчали ему Псковичи, — отче-владыко, вѣдаешь, что тебѣ здѣсь нельзя часто быть, а случаются дѣла, что тебѣ нельзя управить скоро; въ послѣднее время отъ того дѣлалось бо́льшое смущеніе церквамъ божіимъ и церковнымъ дѣламъ, и священникамъ, такъ-что и сказать тебѣ нельзя всего;—тѣ, которые творили безстудства, сами то вѣдаютъ: потому-то мы выписали изъ номоканона грамоту и положили въ ларь, по вашему же примѣру, какъ ты, господинъ, и прежняя братія твоя, когда были въ дому св. Троицы, судили, повелѣвали и благословляли священниковъ всѣхъ пяти соборовъ, съ вашимъ намѣстникомъ править всякія священническія дѣла по номоканону».—«Я,—сказалъ владыка—долженъ буду спросить объ этомъ митрополита Филиппа всея Русіи и тогда вамъ дамъ отвѣтъ,—какъ онъ повелитъ управить то дѣло. И самъ я слышу отъ васъ, дѣти, что это христіанству сильно и развратно, и Божіимъ церквамъ мятежно, а иновѣрнымъ радостно, и видя христіанъ живущихъ въ такой слабости, будутъ они чинить намъ укоры за наше небреженіе». Псковское духовенство, въ ожиданіи митрополичьяго рѣшенія, мирно разсталось со своимъ владыкою. Іона бла-

гословилъ Псковъ, и священники отдали ему требуемый подъѣздъ безъ отговорокъ.

Въ февралѣ 1469 года выѣхалъ владыка, а въ октябрѣ прислалъ во Псковъ грамоту отъ митрополита. Изъ нея видно было, что Іона жаловался на Псковичей, какъ на непокорную свою паству. Вмѣстѣ съ грамотою первопрестольника русской Церкви пришло повелѣніе и отъ великаго князя. «Дѣти мои, священники и міряне-Псковичи,— писалъ митрополитъ,—положите управленіе священническое на своего богомольца архіепископа; вашъ государь, великій князь это вамъ повѣствуетъ, и Филиппъ, митрополитъ всея Русіи, васъ, сыновей своихъ, весь Псковъ благословляетъ. Искони дѣло то предано управлять святителю, и вамъ архіепископъ шлетъ вмѣстѣ съ нашимъ человѣкомъ и своего, по имени Автонома, приказываетъ ему сказать вамъ тако: благословляю васъ—священство и весь Псковъ, своихъ сыновей! Если святительскія дѣла положите вы на мнѣ, то сами увидите, какъ я поддержу, лучше васъ, крѣпость церковнаго управленія и священниковъ!». Псковъ принялъ благословеніе митрополита вмѣстѣ съ благословеніемъ своего владыки, принялъ и слово своего господина великаго князя. Собралось вѣче; на немъ были всѣ священнослужители; они отложили все церковное и священническое управленіе по номоканону, 5-го января вынули изъ ларя положенную грамоту, составленную самовольно на основаніи номоканона, и разодрали ее. Одинъ годъ и два съ половиною мѣсяца лежала она въ ларѣ. И должны были Псковичи отказаться отъ попытокъ управлять самобытно своею мѣстною церковью, такъ-какъ за семьдесять пять лѣтъ передъ тѣмъ Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ такихъ же попытокъ утвердить самобытность новгородской епархіи и независимость ея отъ первенства митрополита всероссійскаго. Послѣ торжества своего, новго-

родскій владыка Іона такъ круто повернулъ свое управленіе надо Псковомъ, что возбудилъ ропотъ, который отразился въ тонѣ Псковской Лѣтописи. Лѣтопись упрекаетъ его, что онъ, вопреки правиламъ номоканона, призывалъ къ себѣ изо Пскова вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, и, даромъ что прежде самъ вооружался противъ священнодѣйствія вдовцевъ, теперь сталъ давать имъ позволеніе священнодѣйствовать, а за то бралъ у нихъ по рублю отъ печати (которою укрѣплялась позволительная грамота). Вѣроятно, здѣсь лично былъ виноватъ не самъ владыка, а его должностныя лица—дьяки;потому-что владыка былъ дряхлъ и уже приближался ко гробу. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство послужило поводомъ, что личность Іоны совершенно иначе отпечатлѣлась въ воспоминаніяхъ Новгородцевъ, чѣмъ у Псковичей: у Новгородцевъ онъ былъ святой мужъ, у Псковичей сребролюбецъ и мздоимецъ. Послѣ паденія независимости Новгорода, у Псковичей встрѣчаются прежнія черты посягательства мірскаго вѣча на неприкосновенность духовенства. Такъ въ 1495-1496 г. получено требованіе отъ великаго князя, чтобы Псковъ помогалъ ему въ войнѣ съ Нѣмцами. Псковское вѣче, приговоривъ съ десяти сохъ по одному конному человѣку въ рать, требовало того же съ земель, находившихся во владѣніи духовныхъ особъ; когда духовные стали сопротивляться, указывая, что по номоканону съ церковной земли не слѣдуетъ «рубить», тогда степенные посадники, Яковъ Афанасьевичъ Брюхатый да Василій Онимаховичъ, держали нѣкоторыхъ поповъ и дьяконовъ въ однихъ рубахахъ на вѣчѣ и даже грозили безчествовать ихъ кнутомъ, который тогда уже и во Псковѣ входилъ въ употребленіе [1]).

[1]) Пск. Л. I, 269.

IV.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЛИЧНОСТИ ИЗЪ НОВГОРОДСКИХЪ ВЛАДЫКЪ.

Нѣкоторыя изъ личностей владыкъ выказываются болѣе другихъ характерными чертами; они унесли съ собою въ потомство память объ особенномъ уваженіи къ нимъ народа. Таковы были изъ древнихъ епископовъ извѣстный своимъ поученіемъ, Лука, Никита и Нифоитъ. Никита былъ вначалѣ инокъ печерскій. Откуда онъ былъ родомъ — неизвѣстно. Въ Печерскомъ монастырѣ онъ выдержалъ искушеніе отъ бѣсовъ, одно изъ самыхъ характеристическихъ. Сдѣлавшись новгородскимъ владыкою, кромѣ благочестиваго и строгаго житія, Никита прославился двумя чудесами. Было знойное лѣто; дождя ни капли не было. Земля была суха, какъ камень; былинки не выростало. Собрались Новгородцы къ владыкѣ и стали просить его, чтобъ онъ помолился. Никита изрекъ имъ учительныя словеса о исправленіи житія, а потомъ воздвигъ руки горѣ, — и вдругъ дождь полился на землю. Въ другой разъ было такое чудо. Сдѣлался пожаръ. Сбѣжались люди гасить, но поднялся сильный вѣтеръ. Пламя разливалось во всѣ стороны. Люди были въ смятеніи, сами незная куда дѣваться отъ угро-

жающаго огня. Слышался плачъ и рыданіе. Сказали объ этомъ Никитѣ. Никита помолился; и пламя внезапно угасло; и люди остались безъ вреда и прославили Бога. Никита ознаменовалъ себя и духовною бранiею противъ враговъ Церкви, которые въ тотъ вѣкъ должны были быть никто другіе, какъ сторонники язычества, еще не искорененнаго на сѣверѣ [1]).

Владыка Нифонтъ отличался своимъ энергическимъ характеромъ, показаннымъ тогда, когда, при избраніи въ санъ русскаго митрополита Клима Смолятича, безъ патріаршаго посвященія, защищалъ власть константинопольскаго іерарха надо всею русскою Церковью, противъ возникшаго стремленія утвердить независимость русской Церкви самобытно и отдѣльно.

Память Іоанна тѣсно соединилась съ эпохою славы Новгорода, съ чудомъ знаменія Пресвятыя Богородицы и защитою свободы отъ покушенія раждающагося самовластія въ Восточной Руси. Какъ памятникъ его духовныхъ подвиговъ, переходила въ Новѣгородѣ изъ рода въ родъ легенда о борьбѣ его съ искусителемъ. Подражая древнимъ аскетамъ, Іоаннъ изнурялъ себя молитвою и постомъ, запирался въ узкую впадину или чуланчикъ, гдѣ едва могъ поворотиться и тамъ предавался богомыслію, презирая неудобства и томленія, которыя претерпѣвала его плоть. Бѣсъ, который, какъ извѣстно, всегда старается развлечь и отвлечь отъ молитвы благочестивыхъ тружениковъ, дѣлалъ ему разныя *споны* (помѣхи). Былъ у владыки круглый мѣдный сосудъ, съ двумя носками, висѣвшій на цѣпи въ маленькой впадинѣ съ внѣшнею щелью для стока воды. Этотъ сосудъ служилъ для владыки умывальникомъ. Впадина затворялась дверцами отъ холода, проникавшаго въ щель.

[1]) Рум. Муз. Сборн. № 184.

Все это и теперь показывается въ Новгородѣ. Однажды, когда святой мужъ ночью стоялъ на молитвѣ, бѣсъ вошелъ въ сосудъ и началъ плескаться водою, чтобы перервать молитву старца праведнаго. Іоаннъ уразумѣлъ бѣсовскія козни, подошелъ ко впадинѣ и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ сосудъ; бѣсу некуда было выскочить; онъ пробилъ диру въ сосудѣ, но крестное знаменіе крѣпче мѣди: все-таки не выскочилъ бѣсъ и сталъ проситься; тяжело было отверженному духу подъ крестнымъ знаменіемъ. Іоаннъ потребовалъ, чтобъ онъ превратился въ коня и свозилъ его въ Іерусалимъ такъ скоро, чтобы въ одну и ту же ночь можно было воротиться въ Новгородъ. Велика была сила крестнаго знаменія у праведника. Бѣсъ повиновался. Онъ явился въ образѣ чернаго коня предъ келіею Іоанна. Владыка сѣлъ на него и помчался быстрѣе вѣтра по воздушному пространству. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ къ церкви Воскресенія. Церковныя двери сами собою отворились; лампады сами собою зажглись во храмѣ; святой поклонился гробу Христову и прочей святынѣ, и опять сѣлъ на своего волшебнаго коня и на разсвѣтѣ конь принесъ его въ Новгородъ. Святой отпустилъ бѣса. «Смотри же, отче,—сказалъ бѣсъ—никому объ этомъ не разсказывай! А то я тебѣ великую пакость сочиню»! Вѣрно, бѣсовское самолюбіе не могло выносить, какъ надъ нимъ, духомъ гордыни, будутъ смѣяться и радоваться тому, что онъ попался въ просакъ. Однажды владыка былъ съ честными игуменами и священниками на бесѣдѣ и сказалъ: «Я зналъ единаго человѣка въ Великомъ-Новѣградѣ, который въ одну ночь былъ во Іерусалимѣ, поклонился гробу Христову и воротился назадъ». Хотя онъ и не сказалъ что это былъ онъ самъ, и ничего не упомянулъ о бѣсѣ, но лукавый и къ этому придрался, и сталъ творить великія пакости Іоанну. Стало Новгородцамъ представляться, будто изъ келіи честнаго архіепископа выбѣгаетъ блуд-

ница; а нѣкоторымъ, когда приходили они въ келію владыки, воображалось то дѣвичье монисто, то башмаки и женскія одежды. Все это бѣсъ имъ въ мечтѣ показывалъ. Когда многіе видѣли подобное и во всемъ Новгородѣ стали думать дурно о поведеніи владыки, новгородское вѣче рѣшилось наконецъ прогнать его. «Какъ можно—вопили Новгородцы—на апостольскомъ престолѣ терпѣть блудника! Изгонимъ его!». Толпа съ такимъ намѣреніемъ бросилась ко владычному дому, а бѣсъ въ это самое время въ образѣ дѣвицы выбѣжалъ изъ дома. Народъ бросился въ погоню, но не догналъ; однако всѣ видѣли дѣвицу и этого казалось достаточно. Вытащили святаго мужа изъ келіи. Напрасно онъ въ недоумѣніи вопилъ: «Что это значитъ, дѣти мои?» Новгородцы поругались надъ владыкою и потомъ произнесли надъ нимъ такой приговоръ: «посадимъ его на плотъ и пустимъ по Волхову; пусть выплыветъ изъ города нашего внизъ по рѣкѣ, куда волна занесетъ его!». И вотъ владыку привели на большой (Великій) Волховскій мостъ, подогнали къ мосту плотъ и низпустили его на плотъ. Бѣсъ былъ очень доволенъ. Владыка, ставши на плоту, поднялъ очи къ верху и произнесъ: «Господи, не поставь Новгородцамъ этого въ грѣхъ: они сами не вѣдятъ, что творятъ»! Вдругъ плотъ понесло противъ теченія вверхъ по Волхову. Какъ-только увидали Новгородцы такое чудо, тотчасъ и догадались, что Іоаннъ невиненъ, что все видѣнное ими есть одно бѣсовское мечтаніе. Толпа пошла къ св. Софіи и поручила всему освященному собору идти со крестами и образами по берегу Волхова за владыкою и просить его возвратиться на свой святительскій престолъ. Духовенство немедленно пошло со крестами и образами; несли икону Пресвятой Богородицы. Весь Новгородъ—старые и малые—выбѣжалъ на берегъ съ обѣихъ сторонъ. Новгородцы кричали: «Возвратись, честный отче, великій святителю, Иване!

Возвратись на престолъ свой, не оставь сиротами чадъ своихъ, не поминай нашего согрѣшенія предъ тобою»! Плотъ, на которомъ стоялъ владыка, плылъ по водѣ тихо и торжественно въ уровень съ крестнымъ ходомъ. Напротивъ выходилъ другой крестный ходъ изъ Юрьева монастыря, гдѣ увидали грядущаго къ нимъ владыку и спѣшили съ честію встрѣчать его. Какой-то юродивый извѣстилъ о томъ архимандрита: прибѣжалъ къ нему и сказалъ: «Скорѣй ступай встрѣчать; святитель Божій Іоаннъ архіепископъ Великаго—Новагорода и Пскова къ намъ плыветъ!» Плотъ остановился не доходя до Юрьева у лѣваго берега. Духовенство и всѣ Новгородцы стали просить усерднѣе, слезами омывали ноги его, брали въ руки концы одежды его и творили ими на себѣ крестное знаменіе. Святой былъ незлобивъ душею, простилъ всѣхъ и благословилъ всѣхъ. Послѣ того владыка отправился въ Юрьевъ монастырь со всѣмъ духовенствомъ, и весь народъ послѣдовалъ за нимъ. Тамъ совершилъ онъ молебствіе и воротился въ Новгородъ съ великою честію и славою. Тогда онъ разсказалъ передъ всѣмъ новгородскимъ народомъ отъ начала до конца свою дивную исторію съ бѣсомъ и кончилъ разсказъ такимъ мудрымъ нравоученіемъ: «Чада! творите всякое дѣло съ испытаніемъ; да не будете прельщены діаволомъ, чтобы не судить добродѣтели по зависти злобы. Тогда и сами будете повинны суду Божію; а впасть въ руки Бога живаго страшно! «Всѣ Новгородцы приговорили на томъ мѣстѣ, гдѣ владыка на плоту присталъ къ берегу, поставить каменный крестъ на память грядущимъ поколѣніямъ. Радость была всеобщая, а бѣсу скорбь и безмѣрное посрамленіе.

Въ XIV-мъ вѣкѣ владыка Моисей пріобрѣлъ уваженіе современниковъ строгою жизнію, благочестіемъ, смиреніемъ, и дѣятельностію. Родомъ онъ былъ Новгородецъ. Получивъ въ дѣтствѣ книжное воспитаніе, которое располагало со-

зерцательныя натуры къ монашеству—тогдашнему идеалу совершенства, онъ ушелъ изъ Новгорода въ Тверскую землю и постригся въ Отрочѣ монастырѣ въ Твери. Его родители и родные, узнавши гдѣ онъ, убѣдили его перейти, по крайней мѣрѣ, хоть на родину. Моисей поселился въ Богородицкомъ монастырѣ на Коломцѣ, а потомъ перешелъ въ Колмово, гдѣ уже спасался его родной дядя Макарій. Здѣсь Моисей положилъ начало Колмовской обители. Отсюда, за постническія добродѣтели, взяли его архимандритомъ въ Юрьевъ монастырь. Будучи архимандритомъ, Моисей былъ нелюбоначаленъ и склонялся къ уединенію и молитвѣ. По смерти архіепископа Давида его избрали владыкою. Его посвящалъ святой митрополитъ Петръ. По извѣстію жизнеописателя Моисеева, во время своего владычества, онъ нанималъ книжныхъ писцовъ, переписывать священныя книги и распространялъ по церквамъ, созидалъ монастыри и церкви, надѣлялъ ихъ иконами и утварью, и въ то же время былъ помощникъ и заступникъ нуждающимся, не боялся говорить правду сильнымъ и богатымъ, и всѣхъ училъ пребывать въ мирѣ и единеніи. Въ 1329 г. Моисей отдался своей склонности къ созерцательной жизни, оставилъ престолъ св. Софіи и удалился въ Колмовскій монастырь. Мѣсто его заступилъ Василій Калѣка изъ бѣлыхъ священниковъ, принявшій монашество уже послѣ своего избранія въ санъ владыки, человѣкъ дѣятельный, извѣстный тѣмъ, что построилъ каменный городъ около Дѣтинца. Чрезъ двадцать-три года послѣ смерти Василія, Моисей снова призванъ былъ на престолъ св. Софіи. Маститый старецъ съ энергіею защищалъ свободу новгородской Церкви отъ притязаній московскаго митрополита. Ему не суждено было и онъ самъ не хотѣлъ окончить жизнь въ званіи владыки. Въ 1359 г. онъ снова удалился въ монастырѣ Михаила Архангела на Сковородкѣ и умеръ въ 1362 г. По смерти

признали его святымъ. Оба раза, когда онъ покидалъ управленіе, Новгородцы убѣдительно просили его остаться, и такъ дорожили имъ, что въ первый разъ послѣ его удаленія восемь мѣсяцевъ не рѣшались выбирать другаго архіепископа.

Въ концѣ XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выдается рѣзко личность Іоанна II-го. Онъ былъ пастырь энергическій, имѣлъ вліяніе на политическія дѣла, защищалъ независимость новгородской Церкви и Великаго-Новгорода и претерпѣлъ за то временное заточеніе въ Москвѣ. Великій князь злобился на него за благословеніе, дарованное Новгородцамъ на войну противъ него.

Въ XV-мъ вѣкѣ свѣтлѣются одна за другою личности Евфимія II-го и Іоны. Эти личности замѣчательны для насъ и потому, что о нихъ сохранились довольно подробныя жизнеописанія, составленныя современникомъ Пахоміемъ Сербомъ, представляющія много интересныхъ подробностей о тогдашней жизни вообще.

Евфимій былъ сынъ новгородскаго служителя у церкви св. Өеодора—по имени Михея и жены его Анны. Рожденіе Евфимія описано въ его жизнеописаніи на подобіе многихъ древнихъ разсказовъ, гдѣ представляется, что богоугодившіе мужи раждаются отъ престарѣлыхъ родителей, и посылаются имъ, по силѣ ихъ моленій, отъ Бога, какъ милость. Михей и Анна дожили до старости и грустили, что у нихъ нѣтъ дѣтей; они безпрестанно ходили просить о чадородіи Пресвятую Богородицу къ одному изъ образовъ ея въ своей церкви. По такимъ молитвамъ, Анна родила сына, окрещеннаго подъ именемъ Ивана. Родители принесли младенца въ ту церковь, гдѣ, до его рожденія, долго молились о его существованіи. Положили его предъ образомъ, отдавали его въ даръ Пресвятой Богородицѣ и такъ говорили: «Вотъ тебѣ, царица Владычица, то̀, что ты намъ да-

ровала, приносимъ тебѣ; какъ прежде мы изрекали устами нашими печаль свою предъ тобою, такъ теперь приносимъ тебѣ и радость нашу! Соблюди его.» Черта эта, вѣроятно, указываетъ на существовавшій у благочестивыхъ людей обычай отдавать дѣтей Богу въ самомъ ихъ младенчествѣ. Бывало же, что родители продавали дѣтей въ рабство: послѣ того, они уже теряли надъ ними свои родительскія права. Подобное было и здѣсь: ребенокъ, положенный такимъ образомъ передъ иконою, не принадлежалъ болѣе своимъ родителямъ, а дѣлался собственностью того, кому власть родительская передавала свое естественное право надъ нимъ. Собственно родители, отдавши дитя свое Богу подобнымъ образомъ, не должны были уже и брать его назадъ; и потому жизнеописатель Евфимія счелъ нужнымъ пояснить, что младенецъ не могъ существовать безъ матери, и, слѣдовательно, только необходимость заставила родителей взять къ себѣ то, что́ уже было имъ болѣе не свое. Когда ребенокъ подросъ, родители отдали его въ наученіе. Чтеніе божественныхъ и церковныхъ книгъ было его исключительное духовное воспитаніе, такъ-что онъ не читалъ ничего, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, и ни въ чемъ болѣе не упражнялся, кромѣ такого чтенія, и вообще занятій, ведущихъ къ богомыслію (обыче же во инѣхъ не упражнятися, развѣ еже въ божественная ведущихъ). Настроенный такимъ чтеніемъ, молодой Иванъ въ пятнадцать лѣтъ возраста пожелалъ удалиться въ монастырь. Это было естественно, когда онъ съ нѣжнаго возраста долженъ былъ сродниться съ тою мыслію, что родители, тотчасъ послѣ рожденія, уступили его Богу, и онъ не могъ избрать никакого другаго жизненнаго пути, кромѣ монашескаго, считавшагося наиболѣе богоугоднымъ. Жизнеописатель, для придачи своему святому большей степени небеснаго вліянія на его жизнь, говоритъ, будто онъ не зналъ о призва-

ніи, приготовленномъ для него родителями въ младенчествѣ.

Предъ тѣмъ не задолго какъ-то иноки Евфросинъ Игнатій и Галактіонъ, по частому обычаю того времени, вышли изъ монастыря, гдѣ были, и основали пустыню или киновію въ Вяжищахъ посреди лѣсовъ и болотъ. Высшая сила руководила ими. Когда они пошли искать удобнаго мѣста для пустынно-жительства, то дали себѣ зарокъ, что будутъ странствовать, пока имъ не будетъ указано свыше, гдѣ имъ оставаться. И вотъ, проходя по лѣсу, ощутили они пріятный запахъ; то было имъ знаменіе, что въ этомъ самомъ мѣстѣ Богу угодно указать имъ пріютъ; тутъ скитальцы построили себѣ келью и часовню. Къ нимъ пришелъ священникъ, по имени Пименъ. Такъ-какъ, послѣ этого, было кому у нихъ совершать богослуженіе, то деревянная часовня перестроена была въ церковь и посвящена во имя святителя Николая. Обыкновенно, вновь заводимыя уединенныя пустыни никакъ не укрывались отъ взоровъ человѣческихъ, какъ того хотѣли основатели. Напротивъ, туда-то народъ и приливалъ подъ впечатлѣніемъ тогдашней набожности, любившей новыя пустыни. Это было тѣмъ естественнѣе, что мѣсто, гдѣ они поселились, находилось въ двѣнадцати верстахъ отъ Новгорода. Этимъ четыремъ подвижникамъ жизнеописатель Евфимія приписываетъ основаніе Вяжищенской обители, но изъ межевой границы юрьевскаго монастыря 1321 г. существованіи Вяжищенскаго монастыря видно еще въ XIV вѣкѣ и слѣдовательно, если эти иноки дѣйствительно были основателями обители въ Вяжищахъ, то развѣ обители нѣкогда уже существовавшей, но разоренной или оставленной въ запустѣніи. Кругомъ были малыя поселенія и имѣнія новгородскихъ

ѣстн. Геогр. Общ. 1852, V, см. стр. 19—22.

бояръ. Одинъ изъ такихъ бояръ, жившій въ своемъ селѣ, сталъ посылать братіи пищу; потомъ случился у него на тѣлѣ вередъ; онъ помолился Николаю чудотворцу;—вередъ прошелъ. Бояринъ пришелъ въ Вяжищенскую киновію,—а церковь въ ней посвящена св. Николаю. Бояринъ заключилъ, что онъ исцѣленіемъ своимъ обязанъ чудодѣйственному покровительству святаго надъ этимъ храмомъ и записалъ въ монастырь свои села, прилегавшія къ мѣсту, гдѣ стояла обитель. Когда монастырь, такимъ образомъ, получилъ обезпеченіе, стали приходить въ него подвижники. Братія множилась. Туда-то пришелъ и молодой Евфимій. Пименъ, бывшій въ монастырѣ уже игуменомъ, постризъ его. Евфимій, живучи тамъ, скоро пріобрѣлъ извѣстность по своему уму и познаніямъ. Въ томъ вѣкѣ умственное дарованіе подъ монашескою рясою легче всего привлекало къ себѣ уваженіе, потому что всѣ интересовались тѣмъ, что̀ происходило въ монашескомъ кругу необыкновеннаго. Достигла вѣсть о Евфиміи до владыки Симеона. Симеонъ потребовалъ его къ себѣ, полюбилъ молодо̀го человѣка и сдѣлалъ его своимъ казначеемъ, званіе очень важное. До того времени,—говоритъ жизнеописатель,—званіе это давалось мірянамъ; а надъ Евфиміемъ былъ первый примѣръ, когда оно дано монаху. Послѣ смерти Симеона возведенъ былъ на архіепископство Евфимій Первый. Инокъ Евфимій, видно, не сошелся съ новымъ владыкою: онъ оставилъ должность и удалился въ Хутынской монастырь; но чрезъ нѣсколько времени старцы монастыря на Лисьей Горкѣ пригласили его къ себѣ въ настоятели. Такіе примѣры призванія на игуменство изъ чужаго монастыря были исключеніемъ изъ обычая, по которому игуменъ монастыря выбирался братіею изъ среды себя. Вѣроятно, Евфимій былъ приглашенъ или потому что личность его стала вездѣ извѣстною, или же оттого, что быть-можетъ мо-

настырь на Лисьей Горкѣ зависѣлъ отъ Хутынскаго. Пріобрѣвши уваженіе между Новгородцами, какъ умный и ученый, по тогдашнимъ понятіямъ, духовный, по кончинѣ Евфимія I-го, игуменъ лисьегорскій поставленъ былъ въ число трехъ кандидатовъ, на достоинство преемника умершему. По обыкновенному порядку, стали выносить изъ св. Софіи запечатанные жребіи; Евфиміевъ остался на престолѣ. Толпа народа съ духовенствомъ отправилась на Лисью Горку и съ торжествомъ привезла его во владычныя палаты. Евфимій отрицался, говорилъ, что недостоинъ такого высокаго сана. Это нравилось народу, считалось добродѣтелью; очевидно, каждый владыка долженъ былъ говорить такимъ тономъ.

Евфимій былъ единственный владыка, избѣгнувшій посвященія отъ московскаго митрополита, съ-тѣхъ-поръ какъ московскіе митрополиты стали русскими первопрестольниками. Евфимій, какъ уже было сказано, посвящался въ Смоленскѣ отъ Герасима, кіевскаго митрополита. Во все время своего управленія, этотъ архіепископъ показывалъ умъ въ дѣлахъ и располагалъ народъ къ себѣ привѣтливостью и щедростью. Въ дѣлахъ политическихъ ничто безъ него не дѣлалось. Но ничѣмъ такъ не отличался Евфимій, какъ построеніемъ множества церквей въ городѣ. Жизнеописатель, восхищаясь этимъ, говоритъ: «Если ты хочешь видѣть нѣчто малое отъ великихъ, пріиди къ великой Софіи Премудрости Божіей и возведи окрестъ очи твои, и узришь пресвѣтлые храмы святыхъ, какъ звѣзды или какъ горы, имъ созданные; не голосомъ, но вещію вопіютъ они о Евфиміи; одинъ храмъ показываетъ красоту своей утвари и вѣщаетъ: это достояніе архіепископъ Евфимій даровалъ мнѣ! Другой показываетъ благолѣпіе своего построенія и говоритъ: вотъ какъ онъ меня украсилъ! Третій же говоритъ: а меня отъ основанія воздвигъ! Св. Іоаннъ Златоустъ вѣщаетъ въ горнемъ мѣстѣ: онъ мнѣ храмъ создалъ на зем-

ли; а я умолю Творца даровать ему храмину на небеси! А великій храмъ Софіи Премудрости Божія стоитъ посреди храмовъ новгородскихъ, какъ градъ царя великаго; онъ обветшалъ отъ времени многовѣчный, а владыка Евфимій обновилъ его въ прежнее благолѣпіе и украсилъ многою добротою и иконами. Сей храмъ красотою своего созданія какъ-бы перстомъ указываетъ на него и говоритъ: се красота моя и похвала церкви—Евфимій великій! И похваляясь Богу о немъ, вѣщаетъ о себѣ и о церквахъ Великаго-Новагорода къ Богу: се азъ и дѣти, яже ми далъ еси!— Кромѣ церквей, Евфимій состроилъ владычнія каменныя палаты, вмѣсто деревянныхъ, и при нихъ разныя каменныя службы, поварни, хлѣбныя сушильни, кельи для монаховъ и рукодѣльниковъ, а въ своемъ саду построилъ высокую башню съ часами, возбуждавшими удивленіе. Во всѣхъ этихъ постройкахъ дѣйствовалъ его казначей Θеодоръ, большой художникъ. Вспомнилъ онъ и свою Вяжищенскую пустынь, гдѣ протекла его юность; тамъ построилъ онъ каменную церковь и приказалъ расписать. Новгородцы, зная, что ихъ любимый владыка особенно расположенъ къ этой обители, содѣйствовали своими приношеніями ея благолѣпію. Уже въ старости въ Вяжищенскомъ монастырѣ владыка построилъ каменную трапезу, расписалъ ее и учредилъ, по случаю ея освященія, пресвѣтлый и многорадостный праздникъ; и никогда не видали его такъ веселымъ, какъ въ этотъ день.

Въ числѣ заслугъ его, жизнеописатель ставитъ ему то, что онъ громилъ своимъ пастырскимъ словомъ гордость богатыхъ и сильныхъ, обличалъ ихъ неправду, останавливалъ ихъ несправедливыя дѣйствія, надзиралъ за святостію браковъ, преслѣдовалъ незаконныя совокупленія, и ни для какихъ просьбъ не измѣнялъ своихъ рѣшеній. Составилось о немъ такое вѣрованіе, что если кто его не послу-

шаетъ, а онъ возложитъ судъ на Бога, то Богъ исполнитъ волю святителя,—непокорный понесетъ наказанiе.

Чрезъ годъ послѣ освященiя трапезы въ Вяжищахъ Евфимiй сталъ ослабѣвать. Было послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Въ вечерни собрался народъ: приходили по обычаю прощаться съ владыкою у св. Софiи. Попрощавшись съ нимъ, мiряне, въ его присутствiи, цѣловались другъ съ другомъ: такъ наблюдалось тогда въ Новѣгородѣ. Послѣднiй разъ прочиталъ имъ владыка обычное постовое поученiе о томъ, чтобы они во святые дни четыредесятницы соблюдали чистоту и удалялись пiянства, отъ него же все зло начинается. Покончивъ такое поученiе, благословилъ владыка паству, и поѣхалъ на Лисью горку; народъ толпами провожалъ его. На Лисьей горкѣ Евфимiй въ тотъ же вечеръ учредилъ братiи трапезу, просилъ у всѣхъ прощенiя, а потомъ удалился въ келью: тамъ онъ послѣ того пробылъ безвыходно недѣлю въ постѣ и бдѣнiи. Отъ такихъ усиленныхъ трудовъ, старикъ, уже слабый здоровьемъ, впалъ въ недугъ и скончался 11-го марта въ 9 часовъ ночи, правивши паствою своею 29 лѣтъ и 4 мѣсяца. Онъ отошелъ отъ мiра въ совершенной памяти, торжественно простился со всѣми и всему Великому-Новгороду даровалъ свое предсмертное благословенiе. Уже тогда началась распутица; разлилась вода. Тѣло его привезли въ св. Софiю на лодкѣ, а послѣ отпѣтiя, отвезли, по его завѣщанiю, въ Вяжищенскiй монастырь. Къ большему уваженiю его памяти послужило то, что когда стали обмывать его тѣло, то нашли на немъ желѣзныя вериги. Онѣ были положены на его гробѣ.

Не задолго до смерти, Евфимiй отправилъ священника Евмена къ митрополиту просить отъ него прощальной грамоты. Можетъ-быть тутъ дѣйствовало желанiе вполнѣ примириться для своихъ преемниковъ съ митрополитомъ

московскимъ, отъ котораго онъ не получилъ посвященія, и отъ котораго, какъ кажется, во все время своего архіепископства, онъ почиталъ себя независимымъ. Евменъ привезъ желаемую грамоту уже шестнадцать дней спустя послѣ его погребенія. А между-тѣмъ прощальныя грамоты давались въ руки умершимъ, при положеніи во гробъ. Рѣшились вскрыть гробъ владыки. Тѣло оказалось нетлѣннымъ, когда подняли крышку. Руки находились въ благословляющемъ положеніи. «Еще хранитъ Господь Великій-Новгородъ!» — сказали тогда Новгородцы. Прочитавши надъ мертвымъ прощальную грамоту, положили ее въ руку усопшему, опять закрыли гробъ и опустили снова въ землю. Съ-тѣхъ-поръ надъ этимъ гробомъ творились чудеса; а желѣзныя вериги, висѣвшія надъ гробомъ, исцѣляли отъ лихорадки тѣхъ, которые къ нимъ прикасались и возлагали ихъ на себя.

Преемникъ Евфимія, Іона, былъ родомъ изъ Новгорода. Біографъ его, подобно бо́льшей части изъ своей собратьи, старается указать, что въ дѣтствѣ своемъ Іона былъ предъизбранъ къ своему поприщу. Еще дитятею онъ осиротѣлъ: какая-то вдовица взяла его на воспитаніе, обходилась съ нимъ какъ мать родная, и отдала дьякону для наученія священнымъ книгамъ. Іона былъ сирота, терпѣлъ бѣдность, былъ слабаго сложенія и часто хворалъ. Мальчикъ всегда кроткій и грустный, онъ не рѣзвился съ школьными товарищами: послѣ ученья ребятишки выходили тотчасъ играть на улицѣ, а онъ стоялъ-себѣ вдали отъ нихъ.

Однажды вечеромъ, когда дѣти играли на улицѣ, а сирота стоялъ вдали, и не принималъ участія въ играхъ сверстниковъ, проходилъ по улицѣ юродивый Михаилъ Клопскій. Онъ творилъ свое первое шествіе по Новугороду. Ребятишки какъ только завидѣли, что идетъ по улицѣ какой-то чудакъ, стали надъ нимъ дурачиться, кидали ему

соръ въ лицо, и катали камешки подъ ноги. Михаилъ, не обращая вниманія на шалуновъ, побѣжалъ къ углу улицы, гдѣ стоялъ сирота. «Дневной свѣтъ»—говоритъ жизнеописатель—«уже оскудѣвалъ; а внутреннія очеса Михаиловы были пресвѣтлы». Подошедши къ сиротѣ, юродивый взялъ его за волосы, поднялъ выше себя и закричалъ: «Иване! учи книги прилежно! Будешь архіепископомъ въ Великомъ-Новѣгородѣ!» Потомъ онъ обнялъ его и ушелъ.

Грустная сиротская судьба, меланхолическое настроеніе нрава, наконецъ, быть-можетъ, и пророчество юродиваго—все это расположило юношу сдѣлаться инокомъ. Онъ поступилъ въ Отенскій монастырь, верстахъ въ сорока пяти отъ Новгорода, неизвѣстно когда и какъ. Тамъ онъ былъ современемъ избранъ въ игумены, а послѣ смерти Евфимія нареченъ владыкою Великаго-Новагорода и Пскова. Много лѣтъ прошло: Михаила юродиваго не было уже на свѣтѣ; мальчикъ-сирота сталъ старикъ; а пророчество юродиваго сбылось.

Такъ-какъ предшественникъ его Евфимій заботился о Вяжищенской обители, откуда былъ возведенъ въ архіепископскій санъ, такъ Іона любилъ и украшалъ Отенскую обитель: построилъ въ ней церковь, расписалъ ее, снабдилъ сосудами и книгами, купилъ ей рыбныя ловли и села. Онъ приказалъ себѣ заранѣе приготовить гробъ въ созданной церкви трехъ святителей. Жизнеописатель замѣтилъ, что онъ тратилъ на это не церковное имущество, необходимое для содержанія священниковъ и нищей братіи, а свое особное. При немъ-то и по его побужденію стали сочинять житія и службы разнымъ русскимъ святымъ. Такъ захожій Сербъ Пахомій написалъ житія св. Ольги, Варлаама, архіепископа Моисея, митрополита Алексія, преподобнаго Саввы Вишерскаго и архіепископа Евфимія.

Чрезвычайно замѣчателенъ разсказъ о поѣздкѣ Іоны въ

Москву. Князья Василій и Иванъ и митрополитъ потребовали къ себѣ архипастыря. Уже старъ и дряхлъ былъ Іона, тяжко было ему поднять долготу путную; но жалость надъ людьми своими побудила его все преодолѣть (видяше бо ковъ на люди своя, зависти ради). За три версты отъ Москвы его встрѣчали высланные великимъ княземъ бояре, а митрополитомъ—архимандриты и игумены. Въ Кремлѣ ему устроено было нѣсколько почетныхъ встрѣчъ, одна за другою—передъ великокняжескимъ дворомъ и потомъ внутри двора; на ступеняхъ великокняжескихъ хоромъ встрѣчали его княжескіе сыновья, а въ преддверіи самъ великій князь ввелъ его въ домъ свой. За архіепископомъ несли дары великому князю отъ Великаго-Новагорода; митрополиту также привезены были дары. Несмотря на такія почести, архіепископъ скоро увидѣлъ, что великій князь не расположенъ къ Великому-Новгороду. Его самого какъ-будто зедерживали въ Москвѣ. Московскіе бояре, приходя къ нему, жаловались, что Великій-Новгородъ держитъ великокняжеское имя не по лѣпотѣ, и намекали, что великій князь хочетъ воздвигнуть руку свою на строптивый городъ. Однажды были всѣ вмѣстѣ:—и великій князь, и сынъ его, и митрополитъ Іона, и нашъ архіепископъ. «Я презираемъ отъ Новгорода!—сказалъ великій князь:—«а мнѣ Богъ даровалъ власть великаго княженія надъ всѣми князьями русскими,—хочу поднять руки на Великій-Новгородъ». Іона сталъ защищать Новгородцевъ, но князь приходилъ отъ того въ пущую досаду и говорилъ съ сердцемъ. Тогда владыка, обратясь къ митрополиту, сказалъ: «Если ты не отведешь зависти отъ моего града, не преложишь вражды на любовь, презришь моленіе наше о градѣ нашемъ; если великій князь занесетъ руку на кроткихъ людей, ничѣмъ его не обидѣвшихъ, то знай—зависть и раздѣленіе узрятся въ чадахъ его!» Обратясь къ

великому князю, Іоиа сказалъ: «Нынѣ услыши молитву мою и избери благое; ты, князь, благочестивъ, силенъ, надъ князьями меньшими поставленъ, ты можешь добро творить; не воздвигай же неправды на праведныхъ, не довѣряй клеветѣ нечестивыхъ языковъ, взирай тихими очами на повинующихся тебѣ, и не покушайся порабощать свободныхъ! Тебѣ самому приближаются дни! Сыну твоему Ивану придется держать хоругви русскія; да не нарушитъ онъ свободы Великаго-Новгорода, а я со всѣми своими буду молить за него всесильнаго Бога; я испрошу ему свободу отъ ордынскихъ царей за свободу града моего. Я буду молить Господа, да возвыситъ десницу сына твоего надъ всѣми, и покоритъ ему всѣхъ сопостатовъ его; да прославится онъ властію паче своихъ прародителей; да укрѣпится княженіе его въ рукахъ его, и да прострется сила его надъ многими и приметъ онъ подъ власть свою великія страны; пусть только живетъ благочестно и смотритъ тихими очами на подвластныхъ». Великому князю очень понравилось обѣщаніе свободы сыну своему отъ ордынскихъ царей. Іона говорилъ такъ, что великій князь вѣрилъ его словамъ, или по-крайней-мѣрѣ боялся не повѣрить рѣчамъ старика святой жизни. И великій князь обѣщалъ архіепископу хранить свободу Великаго-Новгорода, отложилъ гнѣвъ и даровалъ миръ, утвердилъ свое слово предъ митрополитомъ, и просилъ святителя помнить свое обѣщаніе. А Іона повторилъ свое обѣщаніе: «за храненіе свободы Великаго-Новагорода выпросить ему у Бога обѣщанную сыну его свободу отъ ордынскихъ царей и начальство надъ русскими хоругвями». Старецъ заплакалъ. Князь и митрополитъ удивились этому внезапному плачу. «Кто въ силахъ озлобить людей моихъ толикое множество? Кто можетъ смирить величество града моего?»—сказалъ владыка:—«усобицы смятутъ ихъ; раздѣленіе между ними низло-

житъ ихъ; лесть неправды расточитъ ихъ, и неправда зависти развѣетъ ихъ! Но по-крайней-мѣрѣ я не увижу этого; во дни мои дастъ Богъ миръ и тишину, и благословеніе моимъ людямъ!» Онъ выпросилъ у князя судебную свободу своему монастырю отъ всякаго насилія. Такъ Іона, защищая свободу своего града, въ то же время заискивалъ покровительство великаго князя надъ своимъ любимымъ монастыремъ. «Онъ духомъ прозрѣвалъ — говоритъ біографъ,—что недолго будетъ держаться свобода его града, ради множества неправды и насилій въ немъ, и потому-то выпросилъ на вѣки свободу своей Отенской пустыни». Василій съ радостію далъ ему грамоту; съ честію возвратился Іона, и исполнилъ обѣщаніе, данное имъ на пути въ Москву, — построилъ храмъ препод. Сергію. Чрезъ нѣсколько времени пришло ему письмо отъ митрополита; послѣдній просилъ архіепископа прибыть къ нему,—ибо самъ чувствовалъ себя нездоровымъ и хотѣлъ посовѣтоваться съ новгородскимъ владыкою о преемничествѣ по себѣ. Но архіепископъ отговорился болѣзнію и вскорѣ услышалъ, что митрополитъ скончался. Тогда онъ повелѣлъ своему монаху Пахомію, составителю житій, написать житіе и службу Іонѣ митрополиту.

Житіе говоритъ объ Іонѣ, что его уважали не только князья московскіе, но и всѣ сосѣдніе—тверскіе, смоленскіе, полоцкіе, литовскіе, владѣтели нѣмецкіе. Всѣ сосѣди хранили союзъ съ Новгородомъ; глубокій миръ почивалъ на предѣлахъ его. Новгородскіе граждане, внимая поученіямъ своего архипастыря, воздерживались отъ междоусобій; плодороднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, стали поля въ Новгородской и Псковской Земляхъ; изобиловала страна овощами; благодать почивала надъ нею молитвами архипастыря Іоны; радость, веселіе, тишина, миръ, любовь царствовали повсюду; не слышно было голоса вражды и мя-

тежа: таковы были лѣта его владычества. Однажды только постигла при немъ Новгородъ смертоносная болѣзнь. Тогда онъ утѣшалъ скорбящихъ людей своихъ златоустовскими словесами и такъ поучалъ ихъ: «язва сія постигла насъ за то, что мы упитались какъ тельцы и, живучи въ довольствѣ, забыли страхъ Божій. А все же и тутъ видна милость къ намъ Божія: не подвигъ на насъ Господь иноплеменниковъ, не отдалъ страны нашей на расхищеніе и плѣненіе; кого постигнетъ язва, все-таки тотъ умретъ въ дому своемъ на рукахъ ближнихъ своихъ и погребенъ будетъ руками священниковъ, и поминовеніе по немъ совершится священными службами. Прибѣгните къ покаянію, молитесь Богу и поступайте лучше. И Богъ вамъ дастъ здоровье». И люди, слушая своего владыку, крѣпились и съ твердостію переносили бѣдствіе.

Ослабѣвъ отъ старости и не владѣя уже ногами, Іона написалъ собственноручно завѣщаніе, просилъ Новгородцевъ не оставлять Отенской пустыни, поручалъ ее въ защиту своимъ преемникамъ. Онъ скончался какъ праведникъ; его похоронили въ дубовомъ гробѣ—въ церкви Іоанна Предтечи, созданной имъ, и не посыпали его землею, до сорока дней, пока совершались по немъ обычныя панихиды. Во все это время его тѣло не издавало смрада. Замѣтивъ это и послѣ сорока дней, не стали засыпать гроба Іоны, а сдѣлали надъ нимъ деревянный досчатый склепъ. Годы проходили. Люди, приходившіе на молитву, стояли около его гроба. Случались лѣтомъ сильные жары. Никто не ощутилъ отъ гроба дурнаго запаха, и люди стали признавать его святымъ; толковали, что надъ гробомъ добродѣтельнаго новгородскаго архипастыря совершаются чудеса.

Открытіе мощей святителя Іоны, однако, относится къ XVI вѣку, времени, когда въ Новгородской области свирѣп-

ствовали голодъ, опустошительные пожары и сильный моръ: погибло до семи тысячъ народа—по увѣренію «Извѣстія о явленіи Іонинымъ мощей». Въ то же время, когда церковное единство разорвалось ересью и тайнымъ вліяніемъ реформатскихъ ученій, происходили, какъ разсказывали, странныя знаменія: въ церковь, во время пѣнія, врывались собаки и никакъ нельзя было ихъ выгнать. Эти таинственныя собаки знаменовали еретическія ученія, заражавшія не только міряпъ, но и самыхъ духовныхъ. Тогда въ Отенскомъ монастырѣ случился пожаръ въ дымницѣ хлѣботворника подъ трапезою. Сталось это во время заутрени. Двое мужчинъ, вспомнивъ, что тѣло Іоны осталось непогребеннымъ, а только заложено досками, бросились спасать гробъ, выхватили его и поставили посреди церкви. Пламя охватило церковь; стѣны ея сгорѣли; а рака съ тѣломъ осталась невредима. То было для многихъ явнымъ свидѣтельствомъ неба о святости архіепископа Іоны. По возобновленіи монастыря, совершено было открытіе мощей и архіепископъ причисленъ къ лику святыхъ. Возставалъ только одинъ архимандритъ и доказывалъ, что нетлѣнность не есть еще доказательство святости, и что, сверхъ того, тѣло Іоны оставалось незарытымъ въ землю совершенно неправильно. Но тотъ архимандритъ былъ преемникъ епископа Кассіяна-еретика и самъ такой же тайный еретикъ.

V.

МОНАСТЫРИ.

Первые ростки восточнаго аскетизма, посаженные на дѣвственной почвѣ береговъ Днѣпра, поднялись-было роскошно въ образѣ Печерскаго монастыря; но не дали ему ходу бурные перевороты южно-русской исторіи. Безопаснѣе стали возрастать его отпрыски, одни за другими, на суровой почвѣ сѣвера. Это строгое, грустное учрежденіе какъ-то пришлось къ угрюмому климату. Едвали, въ какомъ нибудь углу Россіи возникало такое множество монастырей, какъ въ Новгородѣ и во всей Новгородской Землѣ. Они разростались до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Ледовитаго моря.

Монастыри Новгородской и Псковской Земли, какъ и вездѣ въ Россіи, возникали тремя способами: ихъ основывали или князья, или частныя лица по душѣ своей или, наконецъ, отшельники, побуждаемые желаніемъ созерцательной жизни: въ послѣднемъ случаѣ они возникали гдѣ-нибудь въ захолустьѣ; мало-по-малу, узнавши о ихъ существованіи, приходили туда любители молчанія и уединенія и водворялись тамъ. Такъ возникали новыя обители. Осно-

ванные такимъ способомъ монастыри особенно чествовались и уважались народнымъ благочестіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, монастыри въ Новгородѣ явились вмѣстѣ съ христіанствомъ, но, по недостатку точныхъ свѣдѣній, нельзя указать послѣдовательности ихъ устроенія и утвердить за какимъ-нибудь монастыремъ право первенства по времени. Къ самымъ древнѣйшимъ монастырямъ Великаго-Новгорода преданіе относитъ Перынскій и Юрьевъ. Перынскій находился на лѣвой сторонѣ Волхова у его истока, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ истуканъ Перуна. Письменныхъ указаній о его построеніи нѣтъ, но преданіе о его древности достовѣрно; потому-что вездѣ въ православномъ мірѣ былъ обычай, послѣ обращенія въ христіанство языческой страны, воздвигать церковь на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находилась языческая святыня. Объ Юрьевѣ монастырѣ въ первой разъ письменное извѣстіе является подъ 1119 г. по случаю заложенія въ немъ каменной церкви [1]. Вѣроятно, монастырь существовалъ и прежде съ деревянною церковію. Онъ посвященъ во имя Юрія (св. Георгія); это уже наводитъ на догадку, что его основалъ первоначально Ярославъ; имя это онъ носилъ при крещеніи, а въ то время обыкновенно монастырь посвящался во имя того святаго, который былъ ангеломъ основателя; и въ Кіевѣ построилъ Ярославъ церковь Юрія, и городъ въ Ливоніи назвалъ своимъ именемъ [2]. Татищевъ [3] не извѣстно по какимъ источникамъ, указываетъ, что Ярославъ основалъ его въ 1030 году, тогда же какъ былъ заложенъ и городъ Юрьевъ.

Если Юрьевской монастырь существовалъ и ранѣе, то

[1] Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь каменный монастырь Св. Георгія..... отъ града за три поприща во имя Св. Георгія сотвориша монастырь велій.

[2] Нынѣ Дерптъ. [3] Кн. II, пр. 371.

въ XII вѣкѣ онъ получилъ новый видъ: построена была каменная церковь, а великій князь Мстиславъ даровалъ ему село Буицы съ данью, вирами и продажами, вѣно водское и 25 гривенъ осенняго полюдія, а сынъ, Всеволодъ, подарилъ на память блюдо, въ которое велѣлъ бить, когда братія обѣдаетъ. Юрьевъ монастырь имѣлъ значеніе княжескаго монастыря, и въ немъ одномъ изъ всѣхъ новгородскихъ монастырей, вмѣсто игумена, былъ архимандритъ.

Супрасльская Лѣтопись говоритъ о монастырѣ Десятинномъ, будто его построилъ епископъ Іоакимъ; но кто знаетъ, что разумѣть подъ этимъ Десятиннымъ: можетъ-быть тутъ говорится о Софійскомъ соборѣ, при которомъ жили чернецы, а Десятиннымъ онъ могъ быть названъ потому что князь назначилъ въ пользу его десятую часть доходовъ.

Вообще о монастыряхъ въ XI вѣкѣ нѣтъ положительныхъ извѣстій; зато съ XII-го вѣка они растутъ одинъ за другимъ въ городѣ и въ околодкѣ. О нѣкоторыхъ указано, когда они построены. На первомъ планѣ стоитъ Антоніевъ монастырь съ повѣстью о его основателѣ. Житіе Антонія указываетъ, въ 1106 г., появленіе этого святаго въ Новгородѣ. По лѣтописи, церковь въ Антоніевой обители была заложена въ 1117 г., а окончена 1119 г. [1]), во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а въ 1125 г. была расписана. Сказаніе приписываетъ основателю этой обители иноземное происхожденіе. Онъ былъ Римляниномъ. Его дѣлаютъ поборникомъ старины, противникомъ измѣненій, допущенныхъ западной Церковью: онъ приверженецъ греческой стороны въ спорѣ, окончательно раздѣлявшемъ церкви. Русскіе думали въ старину, что отложеніе западной Церкви было произвольное еретическое нововведеніе, и возбудило противъ себя недовольство приверженъ-

[1]) Святыя Богородицы монастырь.

цевъ благочестивой и правдивой старины: за свою твердость въ истинѣ они потерпѣли гоненіе. Еретики принудили ихъ скрываться въ пещерахъ и разсѣлинахъ. Къ нимъ пришелъ Антоній, богатый юноша, восемнадцати лѣтъ отъ роду. Изучивъ писаніе греческаго языка, прочитавъ со вниманіемъ священныя книги, юноша, получившій отъ родителей состояніе, проникся мыслію о ничтожествѣ земныхъ богатствъ онъ сложилъ отцовскіе драгоцѣнные сосуды, много злата и сребра въ бочку и пустилъ ее по морю на волю Божію, а самъ обрекъ себя на отшельническое житіе. Двадцать лѣтъ пробылъ онъ въ пустыни, въ уединеніи. Старцы жили каждый самъ по себѣ и сходились только для богослуженія въ церковь по праздникамъ. Но папа и сильные Рима провѣдали о благочестивыхъ мужахъ и послали искать ихъ и приводить къ себѣ на истязанія. Здѣсь слагатель житія подражаетъ разсказамъ о мученикахъ и воображаетъ папу въ родѣ языческаго императора, какимъ послѣдніе изображаются въ житіяхъ. Старцы, убѣгая отъ преслѣдованій папы, скрывались въ непроходимыхъ мѣстахъ. Антоній нашелъ себѣ пріютъ на скалѣ у моря и стоялъ тамъ день и ночь, углубясь въ молитву, вкушая пищу только однажды въ недѣлю. Такъ пробылъ онъ годъ и два мѣсяца.

Но Божія воля назначала ему иной жребій. 5-го сентября 6614 г. всталъ сильный вѣтеръ, всколыхались морскія волны, вырвали камень, на которомъ стоялъ подвижникъ и понесли съ неизреченною быстротою. Камень пролетѣлъ Гибралтаръ, понесся по Атлантическому океану прямо на сѣверъ: святой мужъ углубясь въ молитву ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ; камень проплылъ Балтику, вошелъ въ Неву, въ Ладожское озеро, понесся по Волхову противъ теченія и остановился у подгородняго села Волховскаго въ ту самую минуту, когда въ новгородскихъ церквахъ разнесся первый ударъ колокола, призывающій

христолюбцевъ къ заутрени. Святой былъ до сихъ поръ въ божественномъ восторгѣ, объятый духовнымъ свѣтомъ, и только ударъ колокола вывелъ его изъ блаженнаго состоянія. Первая мысль, блеснувшая ему, была та, что вѣрно камень принесло къ Риму. Съ разсвѣтомъ собрались люди, смотрятъ на непонятное явленіе, начинаютъ разспрашивать незнакомца: онъ имъ не отвѣчаетъ, потому что не понимаетъ чужаго языка. Наконецъ, онъ сходитъ съ камня и идетъ по городу. Какой-то купецъ, Грекъ, зналъ по италіянски. Антоній зналъ по-гречески. Тогда они объяснились; чудный пришелецъ узналъ гдѣ онъ, и опять удалился на свой камень. Народъ безпрестанно приходилъ къ нему. Онъ, по молитвѣ своей, Божіимъ промысломъ, чудодѣйственно постигъ русскій языкъ и сталъ говорить на немъ. Донесли епископу Никитѣ. Владыка позвалъ его и сталъ разспрашивать. Антоній долго нехотѣлъ ни за что говорить ему своей тайны, называя себя только просто грѣшникомъ. Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, сознался; святитель отъ изумленія благоговѣлъ предъ святымъ, сподобившимся такого чуда, и бросился къ его ногамъ; Антоній палъ на землю предъ Никитою, отъ уваженія къ его сану; оба лежали другъ съ другомъ на землѣ и въ умиленіи плакали. Наконецъ, Никита объявилъ, что, въ ознаменованіе такого великаго чуда, на томъ мѣстѣ, куда присталъ камень, доставившій Антонія, долженъ быть построенъ монастырь Рождества Пресвятой Богородицы; ибо на предпразднество этого торжественнаго дня случилось прибытіе Антонія. По просьбѣ владыки посадничьи дѣти, которымъ принадлежало село Волховское, отвели на монастырь пятьдесятъ саженей.

Такъ заложенъ былъ монастырь; построена была деревянная церковь и близъ нея келья. Черезъ годъ близъ камня, на которомъ продолжалъ стоять чудотворецъ, рыбаки ловили рыбу и, протрудившись цѣлую ночь, ничего не пой-

мали. «Дѣти!—сказалъ имъ преподобный—вотъ вамъ гривна серебра: закиньте сѣть; а что̀ найдете,—то въ домъ Пресвятыя Богородицы.» Рыболовы послушались и вытянули множество рыбъ, да деревянную бочку, окованную желѣзными обручами. «Благословляю вамъ—сказалъ Антоній—всю рыбу, а дому Пресвятой Богородицы бочка! «Но рыболовы хотѣли взять бочку себѣ и преподобный отправился съ ними къ судьѣ. Выиграть споръ было не трудно: потому-что Антоній зналъ что̀ въ бочкѣ, и сказалъ судьѣ прежде, чѣмъ ее разбили. Слова его оправдались; было ясно, что бочка ему принадлежитъ. Сокровища, находившіяся въ бочкѣ, были употреблены на устройство монастыря и на покупку земли около него, а сосуды и иконы, взятыя оттуда, пошли на церковную утварь и на украшенія. По смерти Никиты, преподобный Антоній шестнадцать лѣтъ до своей кончины былъ игуменомъ созданной имъ обители. Во всю жизнь, онъ, кромѣ Никиты, никому не говорилъ о чудесномъ способѣ своего прибытія въ Новгородъ и сообщилъ уже предъ смертію священноиноку своего монастыря, Андрею, которому и приписываютъ составленіе житія, написаннаго будто бы по повелѣнію Нифонта. Камень, на которомъ святой приплылъ изъ Рима, тростниковая вѣтвь, которую онъ держалъ въ рукахъ, остались въ монастырѣ до-сихъ-поръ памятниками чуда, приводящаго въ умиленіе вѣрующихъ. Сосуды Иванъ Васильевичъ взялъ въ Москву; удержалось въ монастырѣ только паникадило, нѣсколько иконъ и колоколъ, висящій предъ камнемъ, на которомъ приплылъ Антоній.

За этими монастырями появляется рядъ монастырей, но основаніе многихъ изъ нихъ представляется намъ также темнымъ, какъ и исторія Юрьевскаго; въ лѣтописи упоминается подъ многими годами о построеніи каменныхъ церквей въ монастыряхъ, но когда начали существовать эти монастыри, неизвѣстно. Въ первой половинѣ XII вѣка

существовали монастыри: женскіе—Воскресенскій близъ озера Мячина [1]), Варваринъ въ Людиномъ концѣ [2]) и Звѣринъ за Неревскимъ концомъ въ урочищѣ Звѣринцахъ [3]); тогда уже существовалъ Пантелеймоновъ монастырь за городомъ на южной сторонѣ въ полѣ близъ озера Мячина на урочищѣ Горкахъ. Этотъ монастырь надѣленъ былъ имѣніями отъ князя Изяслава Мстиславича. Князь этотъ носилъ христіанское имя Пантелеймона и можетъ-быть онъ-то и построилъ самый монастырь [4]). Владыка Аркадій построилъ также на лѣвой сторонѣ въ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, монастырь, который до послѣднихъ дней своего существованія носилъ его имя: *Аркажъ* [5]); каменная церковь (соборъ св. Михаила) построена въ 1395 году. Къ тому же періоду лѣтопись относитъ начало Благовѣщенскаго монастыря близъ озера Мячина. О немъ разсказывается, что его строили два брата, Илья и Гаврило, которые были потомъ архіепископами Новгорода. У нихъ недостало состоянія докончить начатую постройку. Но во снѣ явилась имъ Богородица и ободрила ихъ. Послѣ обѣдни, у воротъ монастыря, увидѣли они коня съ двумя висѣвшими на немъ чемоданами; въ чемоданахъ были деньги. Конь внезапно исчезъ, а деньги остались въ ихъ рукахъ и на нихъ-то былъ достроенъ монастырь. Но лѣтопись относитъ къ 1170 году его построеніе, когда Іоаннъ былъ уже архіепископомъ.

Во второй половинѣ XII вѣка упоминаются монастыри: въ Неревскомъ концѣ Бѣлониколаевскій или Николы Бѣла-

[1]) 1136 г. упом. по поводу пожара. Каменная церковь построена въ 1195 г. (Н. I, 7). [2]) 1135 г.; (Н. I, 8). Каменная церковь построена въ XIII вѣкѣ, въ 1212 г.; въ другой разъ въ 1402 г. [3]) 1148 г. (Н. I, 10). Каменная церковь построена Моисеемъ въ 1335 г. [4]) Истор. Рос. Іерарх. V, 454. VI, 774.—Каменная церковь построена въ 1207 г. (Н. I, 30; II, 128). См. Макарія «Опис. новг. др.» т. I, стр. 664. [5]) Нов. I, 11. 12; Нов. Л. III, 215.

го, за валомъ, основанный архіепископомъ Іоанномъ въ 1165 году, устроившимъ въ немъ общинное житіе [1]); женскій Іоанна Предтечи, именуемый Ростхинъ, также въ Неревскомъ концѣ [2]); св. Духа, тамъ же за валомъ [3]); женскій Евфиміевъ въ Плотницкомъ концѣ [4]), Михалицкій на урочищѣ Молотковѣ, основанный вслѣдствіе такого легендарнаго событія: Одинъ благочестивый мужъ, прослушавъ обѣдню, получилъ отъ священника просфору; по окончаніи богослуженія, онъ зашелъ въ гости и тамъ упился. Когда онъ возвращался во своясн розниялъ его хмѣль и сонъ — говоритъ лѣтописецъ — и онъ упалъ на пустыри. Тогда бѣсъ, думая поругаться надъ нимъ, послалъ на него собакъ: онѣ покушались вытащить у спящаго просфору изъ кармана; но какъ-только хотѣли дотронуться, отъ просфоры, завязанной въ узелъ, всякой разъ исходилъ огонь, не допустившій собачьему рылу прикоснуться къ такой святынѣ. Люди, увидя собакъ около лежащаго человѣка, отогнали ихъ и разбудили спящаго. Проснувшись, благочестивый мужъ разсказалъ бывшее съ нимъ знаменіи, и для увѣковѣченія такого чуда положили создать монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно совершилось. Жена князя Ярослава Владимировича построила тамъ каменную церковь въ 1199 году; монастырь былъ женскій [5]).

За городомъ, въ этотъ періодъ времени, упоминаются монастыри: Кириловъ, на правой сторонѣ Волхова, на юго-востокъ отъ города въ четырехъ верстахъ, на островѣ Нѣлезинѣ, образуемомъ двумя протоками съ одной стороны— къ Новгороду—Левошнею, а съ другой—Волховцемъ;

[1]) Нов. Л. III, 215. [2]) Упоминается существующая въ 1179 г. (Н. I, 17), каменная церковь поставлена уже въ 1407 г. [3]) Упоминается подъ 1162 (Н. I, 13), каменная церковь поставлена въ 1357 г. (Н. I, 86). [4]) Нов. Л. I, 24; каменная церковь поставлена въ 1197 г. [5]) Нов. Л. I, 25; III, 218; въ другой разъ каменная церковь поставлена въ 1385 г.

въ немъ основана двумя братенниками каменная церковь въ 1196 г.[1]) Петропавловской дѣвичій [2]); на Синячей Горкѣ, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Новгорода. Въ этомъ монастырѣ, во второй половинѣ XV вѣка, была игуменьею какая-то Харитина, на гробѣ которой сохранилась очень странная надпись, указывающая, что она была чехиня, дочь королей литовскихъ. На лѣвой сторонѣ, къ юго-западу, Спасо-Нередицкій, построенный въ 1198 году, княземъ Ярославомъ Владимировичемъ на правой сторонѣ Волхова близъ Городища [3]). Монастырь давно не существуетъ, но каменная церковь сохранилась съ фресками въ свѣжемъ видѣ, какъ драгоцѣнный памятникъ стариннаго искусства и вкуса. Быть можетъ, существовалъ уже въ то время монастырь на Лисичьей горкѣ; потому-что въ немъ, по преданію, погребены были родители Варлаама: онъ находился въ трехъ верстахъ отъ Хутыня, на сѣверъ отъ Новгорода. Каменная церковь въ немъ поставлена въ 1393 году, а можетъ-быть, до основанія каменной церкви была тамъ одна деревянная церковь, безъ монастыря.

Ни одинъ монастырь не имѣлъ такой громкой славы и значенія, какъ Хутынскій, на сѣверъ отъ Новгорода, въ десяти верстахъ, на правой сторонѣ Волхова. Его основателемъ былъ богатый Новгородецъ, по имени Алексѣй Михайловичъ. Въ тотъ вѣкъ ходили изъ города въ городъ паломники и странники; они заходили въ дома, гдѣ ихъ принимали съ благоговѣніемъ; тамъ толковали они о предметахъ религіозныхъ, наставляли на путь спасенія и побуждали къ монашеству и аскетиче-

[1]) Нов. Л. I, 24. [2]) Нов. Л. I, 20. Каменная церковь, начатая въ 1185 г., поставлена въ 1192 г. [3]) Нов. Л. I, 24. Заложи церковь камену князь великый Ярославъ сынъ Володимеръ, внукъ Мстиславъ, во имя св. Спаса Преображенія, Новѣгородѣ на горѣ, а прозвище Нередицѣи начаша дѣлати мѣсяца іюня въ 8 день, на святаго Ѳеодора и концаша мѣсяца сентября

скому житію тѣхъ, въ комъ была природная или заранѣе развитая наклонность. Такіе странники зашли въ домъ родителей Алексія; отрокъ Алексій былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ: одинъ изъ такихъ странниковъ, Порфирій, своими восторженными разсказами настроилъ его къ созерцательной жизни. Думая угодить Богу воздержаніемъ, постомъ и угнетеніемъ плотскихъ пожеланій, Алексій началъ воздерживаться отъ сладкихъ яствъ, предпочитая грубую и скудную пищу; родители, несмотря на безпрестанныя проповѣди о постѣ и скудояденіи, не теряли старыхъ славянскихъ обычаевъ язычества—выказывать любовь свою тѣмъ, чтобъ накормить какъ можно лучше любимый предметъ,—печалились, боялись, чтобъ юноша не заболѣлъ; но Алексій болѣе-и-болѣе входилъ въ религіозное созерцаніе, и наконецъ оставилъ домъ и ушелъ въ монастырь. Тамъ онъ принялъ имя Варлаама. По одному преданію, первое его монашеское пристанище было въ Антоніевомъ, по другому—въ Лисьегорскомъ монастырѣ. Макарій, авторъ церковныхъ новгородскихъ древностей, справедливо думаетъ, что онъ посвященъ въ послѣднемъ, потому-что тамъ погребены были его родители, и тамъ была издавна церковь св. Варлаама. Но, по обычаю многихъ аскетовъ, Варлаамъ не удовольствовался монастырскою жизнію, хотѣлъ подвергнуть себя большимъ лишеніямъ и трудамъ, и ушелъ въ пустынное, дикое мѣсто надъ Волховомъ. Мѣсто это, по преданію, было страшное: тамъ гнѣздилась нечистая сила и пугала мимоходящихъ привидѣніями, такъ-что его называли Худынь, т. е., худое мѣсто. Варлаамъ тамъ поселился, чтобъ выдержать искушенія отъ враговъ. Нѣсколько лѣтъ въ уединеніи, въ тѣсной кельѣ, сражался онъ съ бѣсами: надъ нимъ выкидывали всевозможнѣйшія проказы, являлись передъ нимъ въ образѣ чудовищъ, звѣрей.... все вытерпѣлъ

Варлаамъ при помощи молитвы и крестной силы. Такая борьба съ мечтательными видѣніями сходилась съ древними народными повѣрьями о добываніи сокровищъ, которыя можетъ достать только смѣльчакъ, способный выдержать различныя проказы враждебной силы. Такъ и Варлаамъ побѣдилъ терпѣніемъ бѣсовъ, недопускавшихъ его пріобрѣсть величайшее сокровище—духовное блаженство. Бѣсы увидѣли, что ничего съ нимъ не сдѣлають, ничѣмъ не отвлекутъ его отъ богомыслія; энергія у нихъ упала. Побѣдитель заклялъ ихъ въ сосѣднемъ болотѣ; и съ-тѣхъ-поръ холмъ, на которомъ жилъ св. мужъ, измѣнилъ свое зловѣщее названіе: его стали звать Хутынь, а не Худынь; но болото, гдѣ затоплены, были бѣсы, заклятые Варлаамомъ, до позднѣйшаго времени называлось «видѣнь»; потому-что побѣжденные чудотворцемъ водяные бѣсы продолжали отсюда пугать мечтательными привидѣніями людей, въ безсильной злобѣ противъ тѣхъ, которые отражали ихъ козни крестнымъ знаменіемъ [1]). Скоро воздвигнута была церковь; одинъ за другимъ стали приходить къ Варлааму сподвижники; князья и бояре стали уважать отшельника и спрашивали у него совѣтовъ. Уже при жизни онъ творилъ чудеса. Варлаамъ предрекъ одному князю рожденіе сына, и князь записалъ, въ монастырь, села. Въ тотъ вѣкъ нерѣдко событія естественныя и простыя обращались въ чудо. Отрокъ, котораго везли къ Варлааму на исцѣленіе, лишился чувствъ на дорогѣ отъ сильнаго холода; принесли его въ теплую келью, отрокъ очнулся,—Варлаамъ запрещалъ отцу говорить, будто бы онъ воскресилъ его сына; даже угрожалъ ему, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ лишится сына, если станетъ разсказывать [2]). Другой разъ плыли люди по Волхову;

[1]) Церк. древн. 431.

[2]) Всяко себѣ отщетиши и сына конечно лишишися.

одинъ упалъ съ лодки въ воду: его вытащили; онъ былъ безъ чувствъ. Принесли утопленника къ чудотворцу; Варлаамъ помолился, и человѣкъ пришелъ въ себя: это прославило Варлаама. Рыболовы ловили для монастыря рыбу; утаили большую и отдали дробную. Варлаамъ обличилъ ихъ; и разнеслась молва о его прозорливости. Но самое величайшее его чудо было пророчество о снѣгѣ и морозѣ, даровавшее ему впослѣдствіи значеніе покровителя урожаевъ.

Вотъ какъ разсказывается это чудное событіе. Архіепископъ Антоній уважалъ святаго отшельника и водилъ съ нимъ бесѣды о духовныхъ дѣлахъ. Однажды, при свиданіи съ нимъ, владыка пригласилъ его снова къ себѣ черезъ недѣлю. «Если Господь благословитъ,—сказалъ ему Варлаамъ: — буду у тебя на первой недѣлѣ Петрова поста и пріѣду на саняхъ. Архіепископъ пришелъ въ недоумѣніе отъ такого обѣщанія, но совѣстился спросить, что̀ это значитъ. На первой недѣлѣ Петрова поста въ ночь съ четверга на пятницу выпалъ снѣгъ и сдѣлался морозъ. Утромъ въ пятницу Варлаамъ изъ своего Хутынскаго монастыря пріѣхалъ ко владыкѣ въ Новгородъ въ саняхъ. «Бѣда намъ,— сказалъ владыка —» снѣгомъ и морозомъ рожь въ цвѣту прибило! — «Не скорби, честный владыко —сказалъ Варлаамъ,—благодари Бога и Пречистую Богородицу! Еслибъ Господь Богъ не послалъ этого мороза, люди погибли бы отъ голода. За умноженіе нашихъ грѣховъ хотѣлъ Господь попустить на насъ голодъ, и завелись во ржи и во всякомъ произрастеніи черви; но молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ Господь даровалъ снѣгъ и морозъ: всѣ черви вымерзли и Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ настанетъ теплота; снѣгъ этотъ вмѣсто дождя упоитъ землю и произраститъ земные плоды». Такъ и случилось, какъ прорекалъ Варлаамъ. Въ субботу снѣгъ растаялъ. Цвѣтъ на ржи остался невредимъ; и владыка съ удивленіемъ смотрѣлъ

на сорванные колосья, гдѣ увидалъ множество погибшихъ отъ мороза червей. Въ память этого дивнаго событія архіепископъ Антоній установилъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Хутынскій монастырь въ пятокъ на первой недѣлѣ Петрова поста. Этотъ обрядъ остался мѣстнымъ религіознымъ обычаемъ въ Новгородѣ до позднѣйшихъ временъ. Изобильны были нивы у тѣхъ, которые прибѣгали къ Варлааму, и напротивъ, по его гнѣву, неурожай постигалъ нивы тѣхъ, которые заслуживали казни своими прегрѣшеніями.

Въ 1192 г. сооружена была въ монастырѣ каменная церковь, признакъ обогащенія и процвѣтанія обители. Но Варлаамъ не долго жилъ на землѣ послѣ обновленія своего созданія. Онъ скончался въ слѣдующемъ году. Память его засіяла лучезарнымъ сіяніемъ. Гробъ его былъ мѣстомъ чудесъ и исцѣленій. Въ вѣрованіяхъ Новгородцевъ Варлаамъ остался покровителемъ урожая. Во время засухъ или, наоборотъ, сильныхъ дождей, мѣшающихъ правильному произрастенію травъ и хлѣба, къ нему обращались съ молитвами и совершали крестные ходы къ его гробу. Монастырь его пользовался особеннымъ уваженіемъ, и нѣсколько владыкъ новгородскихъ были избраны изъ тамошнихъ чернецовъ.

Когда Великій князь Василій Васильевичъ посѣщалъ Новгородъ съ своими братьями, Андреемъ и Юріемъ, съ нимъ былъ одинъ изъ отроковъ, по имени Григорій; онъ страдалъ тяжкою болѣзнію. Много разъ бросался онъ съ постели, метаясь отъ боли, бился о деревянный навѣсъ надъ своимъ ложемъ; онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, и въ такомъ недугѣ прострадалъ восемь дней; но потомъ вдругъ пересталъ метаться и притихъ.... Сидѣвшіе около него думали, что онъ заснулъ; но вдругъ слышатъ — онъ съ кѣмъ-то говоритъ! Не видѣли, чтобы кто входилъ. «Съ кѣмъ ты это го-

воришь, Григорій?»—спрашиваютъ: Григорій молчитъ;—и нѣсколько разъ повторили ему вопросъ, — и не отвѣчалъ онъ. Потомъ, вдругъ, какъ-будто встрепенувшись отъ сна сказалъ: «Я лежалъ и думалъ, какъ бы мнѣ идти ко гробу св. Варлаама къ Спасу, и вдругъ услышалъ голосъ: «чудотворецъ идетъ къ тебѣ». — Кто чудотворецъ? — спросилъ я?—«Варлаамъ преподобный»,—былъ мнѣ голосъ. Я взглянулъ, и увидѣлъ идущаго ко мнѣ Варлаама съ крестомъ въ рукѣ. Приступивъ ко мнѣ, онъ сказалъ: «Григорій! Вижу, что ты немощенъ. Ты молишься св. Николѣ чудотворцу, а меня призываешь на помощь, и канонъ мой и житіе у себя держишь, и положилъ обѣтъ постричься въ моемъ монастырѣ. Теперь видишь меня—будь же мнѣ вѣренъ, а я тебя избавлю отъ твоего недуга». И онъ благословилъ меня снова крестомъ, который держалъ въ рукѣ, и отошелъ. Болящій просилъ везти его къ Спасу на Хутынь: «если меня постигнетъ смерть, то утѣшеніемъ будетъ то, что положатъ меня въ монастырѣ». По его желанію, священники и діаконы помазали его масломъ, причастили св. таинъ; потомъ приказницы положили его въ сани и повезли. За три версты до монастыря онъ испустилъ духъ. Везущіе его плакали; задумчиво останавливались надъ нимъ проходившіе мимо. Слуги думали-было везти его назадъ, но потомъ вспомнили его обѣщаніе и желаніе быть погребеннымъ въ монастырѣ и повезли далѣе. Когда они приблизились къ монастырю, вдругъ умершій оживаетъ. «Гдѣ я»?—спросилъ онъ.—Послѣ перваго испуга, везущіе сказали ему гдѣ онъ. «Я не вашъ»! — закричалъ кому-то отрокъ, и не могъ дать никакого отвѣта болѣе. Его привезли въ монастырь. Тамъ случились на то время юрьевскій архимандритъ Григорій и игумены Аркажа и Коневскаго монастырей, вмѣстѣ съ Хутынскимъ, Леонтіемъ. Имъ разсказали событіе; и они уразумѣли, что содѣялось чудо

Понесли ожившаго приложиться къ гробу чудотворца; отпѣли молебенъ; потомъ знаменали отрока воздвизальнымъ крестомъ св. Варлаама. Отрокъ не могъ ничего говорить. Игуменъ велѣлъ его вести въ келью. Болящій сталъ смотрѣть по иконамъ, желая видѣть образъ св. Варлаама, но не находилъ его; предстоящіе тогда догадались, чего онъ хочетъ, и принесли образъ св. Варлаама изъ храма. Еще съ образомъ не вошли они въ келью, а болящій приказалъ приподнять себя и самъ пошелъ къ двери. Когда образъ внесли въ храмину, больной приложился къ нему и закричалъ: «О господине святый, Варлааме чудотворче! нѣтъ другаго мнѣ помощника, кромѣ тебя; ты милосердствуешь о мнѣ грѣшномъ»! И прослезился онъ; и всѣ плакали долгое время; а потомъ, повелѣли принести пищу: отрокъ сталъ ѣсть при всѣхъ, какъ здоровый. Игуменъ Леонтій и священники и старцы монастырскіе начали спрашивать его: «Какъ у тебя душа исходила изъ тѣла, и какъ опять вошла? И что ты видѣлъ?»

«Я—отвѣчалъ онъ—самъ не знаю въ болѣзни своей, какъ у меня душа выходила, и какъ воротилась; а видѣлъ при ногахъ множество темныхъ. Одинъ изъ нихъ держалъ свитокъ огромный и говорилъ: «здѣсь написаны его злыя дѣла и помышленія». Я ничего не могъ сказать противъ нихъ; они прочитали и изгладили изъ написаннаго то, за что я приносилъ уже покаяніе; а иное было на свиткѣ. Тогда я увидалъ Николу чудотворца въ святительской одеждѣ: онъ держалъ свой посохъ прямо противъ нихъ концомъ (остномъ) и говорилъ: «вы, злые, темные, зачѣмъ пришли»? «Это нашъ!—говорили ему темные. Мы пришли за нимъ; здѣсь свитокъ его дѣлъ»! Святой сказалъ имъ: «Видите-ли, ангелъ хранитель его идетъ!» И вотъ: является ангелъ, хранитель съ малымъ свиткомъ въ рукѣ: на немъ были написаны добрыя дѣла, какія я содѣлалъ въ своей жизни. Никола ска-

залъ: «Хоть и мало добрыхъ дѣлъ, да въ мѣрилахъ превозмогутъ васъ, и еще есть у него отецъ духовный». Темнообразные, услышавъ это, исчезли. И тогда я узрѣлъ вокругъ себя множество мужей свѣтлыхъ въ бѣлыхъ одеждахъ; и сказали свѣтлые: «Вотъ ангелъ идетъ!» И разступились; и приходитъ ангелъ, и смотритъ на меня, и улыскается, и беретъ меня за плечо, и ведетъ на мѣсто веселое, гдѣ растутъ цвѣтущія деревья, и по землѣ множество цвѣтовъ; сажаетъ меня подъ деревомъ, ничего не говоритъ мнѣ, а самъ озирается; и я посмотрѣлъ туда, куда онъ озирался, и увидѣлъ св. Варлаама, идущаго съ посохомъ и въ одеждѣ, какъ онъ написанъ на иконѣ. И онъ сказалъ мнѣ: — «Григорій! ты здѣсь! Я не успѣлъ придти къ тебѣ къ исходу души». И я сказалъ: — «Нынѣ хочу пребывать здѣсь». И сказалъ мнѣ Варлаамъ: — «Добро было бы тебѣ у насъ; но не хочу оскорбить родителей твоихъ; поиди къ родителямъ своимъ; не слези, но утѣшь ихъ плачь и рыданіе. Я же тебѣ помощникъ и заступникъ, и никто на тебя!» Варлаамъ взялъ меня за руку и повелъ; ангелъ шелъ впереди въ бѣлой одеждѣ. И мы прошли мимо множества деревъ красныхъ и цвѣтущихъ, и стали на одномъ мѣстѣ. И невидимъ сталъ ангелъ. Св. Варлаамъ знаменовалъ меня крестомъ нерукотворнымъ и образомъ св. Николы, и сказалъ: — «Молись, Григорій, св. Николѣ, а меня призывай на помощь; и я буду тебѣ помощникъ!» Онъ отошелъ мало отъ меня, и сказалъ: «По седми лѣтахъ будешь у меня...» И потомъ сталъ невидимъ. Когда же я былъ у чудотворца, и знаменовался честнымъ крестомъ, тогда увидѣлъ и узналъ тотъ самый крестъ, которымъ меня благословилъ св. Варлаамъ, когда я прежде видѣлъ его въ моей болѣзни.» Между-тѣмъ князь поѣхалъ въ монастырь, и увидѣлъ съ изумленіемъ, что отрокъ Григорій совсѣмъ здравъ; отрокъ встрѣчалъ князя у воротъ монастырскихъ. Узналъ о случившемся чудѣ и архіепи-

скопъ Іоаннъ, и повелѣлъ отроку Григорію разсказывать всѣмъ и каждому о своемъ чудномъ исцѣленіи. И отрокъ Григорій разсказывалъ о немъ при большомъ стеченіи народа [1]).

Св. Варлаамъ остался молитвенникомъ Великаго-Новгорода и хранителемъ его цѣлости. Молитвы его не могли, однако, измѣнить небеснаго приговора, постигшаго Великій-Новгородъ; но онъ устрашилъ чудеснымъ знаменіемъ убійцу Новгородской вольности, Ивана Васильевича. Пришедши въ церковь, гдѣ стоялъ гробъ чудотворца, побѣдитель спросилъ игумена Наѳанаила: «Зачѣмъ не открываютъ раки чудотворца и не прикладываются къ мощамъ его? У насъ въ Москвѣ таковъ обычай, что ко всѣмъ мощамъ прикладываются и цѣлуютъ ихъ.» — «Намъ невѣдомы мощи чудотворца Варлаама», — отвѣчалъ игуменъ: — мы не знаемъ, гдѣ положены онѣ — на верху ли земли, или подъ землею; искони никто не смѣлъ видѣть чудотворцевыхъ мощей: ни князья, ни архіепископы, ни боляре; и такъ ведется до нашего времени, пока самъ Богъ не благословитъ, и чудотворецъ Варлаамъ самъ не явится и не повелитъ.» Иванъ Васильевичъ хотѣлъ показать свою царственную власть и надъ покровителемъ Новгорода, какъ надъ самимъ Новгородомъ. Намекая на вѣрованіе, что Варлаамъ считается покровителемъ урожая и изобилія, Московскій государь напомнилъ, что въ Царьградѣ, на праздникъ Рождества Іоанна Предтечи показывается всѣмъ рука Крестителя съ амвона. Если рука прострется, тогда Богъ даруетъ изобиліе; если же рука Предтечи согнетъ персты свои, тогда бываетъ скудость плодовъ и земное нестроеніе. Возраженія новгородскаго монаха привели его въ гнѣвъ. Онъ съ яростію — по выраженію легенды — приказалъ при себѣ

[1]) Новг. Соф. Библ. рук. № 1389.

раскопать могилу чудотворца. Но изъ могилы сталъ исходить дымъ; чѣмъ далѣе копали, тѣмъ дымъ выходилъ сильнѣе; наконецъ вырвался пламень... Испуганный князь закричалъ, чтобъ перестали копать, и, уходя изъ церкви, въ досадѣ и смятеніи ударилъ жезломъ своимъ въ помостъ, и на томъ мѣстѣ вырвался пламень; Иванъ въ другой разъ ударилъ на иномъ мѣстѣ въ землю—и тамъ явился и исчезъ пламень. Иванъ выбѣжалъ изъ церкви, ударилъ жезломъ въ землю на дворѣ. Пламень и здѣсь выскочилъ и исчезъ. Тогда великій князь бросилъ свой жезлъ и убѣжалъ изъ монастыря, понявши, что, за предѣлами земнаго строя Новгорода, который онъ сломилъ, есть еще древняя святыня, духовной жизни вольнаго града, неподлежащая его скоропреходящей гордынѣ [1]).

Число монастырей, о которыхъ первыя извѣстія являются въ XIII вѣкѣ, невелико. Къ нимъ принадлежитъ Павловъ Варецкій женскій въ Славенскомъ концѣ, основаный въ 1232. Въ 1266 г. ученикъ Варлаама, престарѣлый Ксенофонтъ, основалъ пустынную обитель въ 25-ти верстахъ отъ Новгорода, при рѣкѣ Робейлѣ, называемую Троицкимъ Ксенофонтовымъ монастыремъ. Каменная церковь основана была въ 1418 г. [2]). За городомъ былъ основанъ монастырь Николы Липенскаго: о немъ въ лѣтописи упоминается по поводу построенія каменной церкви въ 1292 г; но монастырь могъ быть основанъ и прежде, и вѣроятно существовалъ еще сначала XII-го вѣка, потому-что преданіе объ его основаніи отнесено къ послѣднему времени. Князь Мстиславъ, сынъ Мономаха, —гласитъ это преданіе,—сдѣлался боленъ. Во снѣ, явился ему Николай чудотворецъ и велѣлъ ему отправить людей своихъ въ Кіевъ за своею иконою: святой указалъ

[1]) Новг. Л. III. 242.

[2]) Новг. Л. III. 237.

ему гдѣ найти ее, и какой она мѣры и какого вида. Князь отправилъ своего болярина со священникомъ и со слугами въ Кіевъ. Они поплыли въ ладьѣ по Ильменю. Но чудотворецъ, довольный вѣрою князя, сократилъ его людямъ путь и трудъ. На Ильменѣ поднялась противная буря, и загнала ихъ къ острову Липно, на восточномъ берегу озера, у истока Мсты, въ семи верстахъ отъ Новгорода. Тамъ стояли они трое сутокъ, ожидая погоды, какъ-вдругъ по водѣ плыветъ образъ, точно такой, какой указано было имъ привезти. Съ этой иконой люди прибыли въ Новгородъ. Князь отправилъ весь священный соборъ встрѣтить съ торжествомъ чудотворную икону и привезти ее къ себѣ во дворъ. Когда совершено было водоосвященіе и священство окропило князя св. водою, омывшею образъ, болящій получилъ исцѣленіе и далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ во имя св. Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ образъ присталъ къ берегу и былъ поднятъ княжескими людьми [1]). Но извѣстно, что храмъ Николая, построенный этимъ княземъ, находился на княжемъ дворѣ въ Новгородѣ: имъ ли былъ построенъ Липенскій монастырь, или кѣмъ другимъ,—объ этомъ не говорится въ современныхъ источникахъ. Въ настоящее время отъ него осталась церковь, сохранившая яркіе древніе памятники архитектуры и иконописи,—одни изъ немногихъ, такъ много говорящихъ о старинѣ нашей. Къ 1310 году (по соображеніямъ [2]) относится преданіе о построеніи Щилова монастыря. Основаніе его соединено съ такою легендою. Богатый посадникъ Щилъ нажилъ себѣ большое состояніе, между-прочимъ, отдавая деньги въ ростъ, и хотя бралъ умѣренные проценты, все-таки и тѣмъ согрѣшилъ предъ Богомъ: всякій ростъ считался по

[1]) Церк. древн., I, 249.
[2]) Новг. Л. I, 69.

нравственно-религіозному взгляду предосудительнымъ дѣломъ. Думая умолить Бога, Щилъ построилъ монастырь. Но когда пришелъ онъ къ владыкѣ просить объ освященіи построенной имъ церкви, и сказалъ какими средствами онъ нажилъ деньги, на которыя построилъ ее, владыка приказалъ ему лечь во гробъ въ непосвященной церкви, а священство должно было отслужить надъ нимъ обрядъ погребенія. Щилъ легъ во гробъ въ погребальныхъ одеждахъ. Священники стали отправлять погребеніе, и вдругъ Щилъ съ своимъ гробомъ провалился подъ землю, и на томъ самомъ мѣстѣ открылась бездонная пропасть. Владыка, пришедши на мѣсто, приказалъ иконописцамъ изобразить на стѣнѣ видѣніе, повѣдающее о печальной судьбѣ Щила, и запечатать церковь. Сынъ Щила явился ко владыкѣ просить совѣта, какъ пособить душѣ отца; тогда владыка приказалъ ему впродолженіи сорока дней держать строгій постъ, поручить попамъ служить у сорока церквей сорокоусты по душѣ отца, и въ то же время раздавать убогимъ милостыню. По окончаніи сорокоуста архидіаконъ, по приказанію владыки, пришелъ посмотрѣть гробъ и увидѣлъ изъ бездны голову мертвеца; а остальное тѣло было еще не видно. Владыка велѣлъ совершать другой сорокоустъ. По окончаніи его, архидіаконъ, вошедъ въ церковь, увидалъ все тѣло, но оно недошло еще до земли. Владыка велѣлъ совершать третій сорокоустъ. По окончаніи его архидіаконъ увидѣлъ гробъ на землѣ; пропасть закрылась. Съ каждымъ сорокоустомъ, на картинѣ дѣлались такія измѣненія съ изображеніемъ Щилова тѣла, какимъ подвергалось самое тѣло въ пропасти. Тогда Щила похоронили по христіанскому обряду; и владыка освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы и устроилъ при ней монастырь [1]). Въ 1310 году юрьевскій архимандритъ Кирилъ

[1]) Памятник. Стар. Русск. Литер Т. I.

построилъ каменную церковь Успенія въ Колмовѣ и основалъ при ней монастырь [1]). Набожный владыка Моисей полюбилъ это мѣсто и пробылъ здѣсь въ уединеніи двадцать два года. Въ 1327 году, Моисей устроилъ женскій Десятинскій (на урочищѣ Десятинѣ) монастырь [2]) близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда молитва владыки Іоанна и заступничество Знаменской иконы Богородицы спасли Новгородъ отъ Суздальцевъ. Въ 1335 году Моисей основалъ Воскресенскій монастырь на урочищѣ Деревяницѣ и построилъ тамъ каменную церковь [3]). Современникъ Моисея, Акинѳъ Жабинъ, въ 1345 году, построилъ каменную церковь въ Ковалевѣ и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ этотъ монастырь; но тогда ли основанъ или прежде существовалъ— неизвѣстно [4]). Также неизвѣстно, былъ ли первымъ основателемъ монастыря Волотовскаго, во имя Успенія Богородицы Моисей, построившій тамъ каменную церковь въ 1352 году [5]) или, можетъ-быть, монастырь существовалъ и прежде. Названіе Волотово поле—поле великановъ даетъ намекъ на древнее религіозное значеніе этой мѣстности въ языческія времена; притомъ же преданіе указываетъ здѣсь мѣсто погребенія Гостомысла; такъ-какъ было въ обычаѣ строить храмы и монастыри на мѣстахъ древняго языческаго поклоненія, то очень можетъ быть, что Волотовскій монастырь существовалъ гораздо ранѣе Моисея Въ 1355 году Моисей основалъ монастырь во имя архи-

[1]) Новг. Л. I. 61. Въ двухъ верстахъ отъ Новгорода на сѣверъ на Софійской сторонѣ надъ Волховомъ.

[2]) Новг. Л. I. 74.

[3]) Новг. Л. I. 77. Въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода на Торговой сторонѣ на сѣверъ надъ Волховомъ.

[4]) Новг. III. 235. Надъ р. Волховцемъ на Торговой сторонѣ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

[5]) На востокъ отъ Новгорода влѣво отъ Ковалева Новг. Л. I. 86.

стратига Михаила на урочищѣ Сковородкѣ [1]), и построилъ тамъ каменую церковь. Сюда онъ удалился на покой. Тамъ скончался замѣчательный старецъ. Тамъ покоится онъ, уважаемый равно и по смерти, какъ былъ уважаемъ при жизни.

Въ XIV-мъ вѣкѣ упоминается въ первый разъ о нѣкоторыхъ монастыряхъ, о времени основанія которыхъ нельзя найти вѣрныхъ и точныхъ указаній. Такъ подъ 1386-мъ годомъ, въ числѣ сожженныхъ, по случаю нашествія Димитрія Донскаго, монастырей, упоминается Лазаревъ [2]). Онъ былъ женскій монастырь. О церкви на этомъ мѣстѣ упоминается прежде, именно подъ 1300-мъ годомъ [3]), по случаю построенія, и подъ 1339-мъ г. по случаю чуда отъ иконы Богородицы въ этой церкви: эта икона плакала [4]). Разомъ ли съ церковью возникъ монастырь, или церковь существовала прежде монастыря—неизвѣстно. Неизвѣстно также, когда основанъ Боголюбскій женскій монастырь въ Плотницкомъ концѣ, потому-что мы узнаемъ только о построеніи ея каменной церкви въ 1384-мъ году [5]). На югъ отъ Новгорода существовалъ въ XIV-мъ вѣкѣ монастырь св. Николы на-Ляткѣ; объ немъ узнаемъ мы изъ извѣстія, что въ 1357-мъ году въ немъ ушибло громомъ игумена [6]), но нѣтъ свѣдѣнія, когда и кѣмъ онъ основанъ. О Ситицкомъ монастырѣ мы узнаемъ въ первый разъ по извѣстію о построеніи въ немъ каменной церкви какою-то Натальею, въ 1371-мъ году [7]), но тогда монастырь уже

[1]) Новг. Л. I. 86. На югъ отъ Новгорода въ 4 верстахъ на торговой сторонѣ въ небольшомъ отдаленіи отъ Волхова. Новг. Л. 3. 228.

[2]) Н. IV, 94. На Софійской сторонѣ, на сѣверъ отъ Новгорода, близъ Звѣринскаго, на берегу Волхова.

[3]) Новг. Л. I. 67.

[4]) Новг. I, 79.

[5]) Н. 93. На устьи рѣчки Витки, за валомъ, на урочищѣ Радоковицахъ Н. III, 232.

[6]) Новг. I, 86.

[7]) Н. IV, 66.—Н. II, 133.—Н. III, 230 Церковь во имя Андрея Перво-

*

существовалъ. Въ 1386-мъ году, по поводу нападенія на Новгородъ великаго князя московскаго Димитрія, упоминается о двадцати четырехъ монастыряхъ сожженныхъ: изъ нихъ есть такіе, которые въ это время въ первый разъ появляются въ лѣтописяхъ, а именно: Николы-въ-Понедѣльѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода, близъ озера; Козмодемьянскій на Городищѣ, Николы Мостищенскаго на Софійской сторонѣ, верстахъ въ пяти отъ города, Борисоглѣбскій, бывшій при церкви, построенной въ 1300-мъ году, на ручьѣ Гзени — на Софійской сторонѣ, за валомъ въ Неревскомъ концѣ [1]). Тогда же первый разъ встрѣчается упоминовеніе о Рождественскомъ монастырѣ, о которомъ яснѣе говорится подъ 1388-мъ годомъ, по поводу избранія владыки [2]), хотя церковь существовала еще въ 1226-мъ году, а въ 1230-мъ устроена была при ней скудельница [3]) Въ 1389-мъ году основанъ былъ женскій Николаевскій монастырь на урочищѣ Соколья-Гора [4]): церковь, вѣроятно, существовала и прежде, потому-что тамъ преданіе полагаетъ мѣсто погребенія братьевъ Анѳаловыхъ, дѣтей посадниковъ, жившихъ, по преданію, въ XII-мъ вѣкѣ, мѣстно чтимыхъ святыми; впослѣдствіи, уже въ XVIII-мъ вѣкѣ, перенесены останки ихъ въ Антоніевъ монастырь. Въ 1390-мъ году построенъ былъ монастырь св. Николы на Софійской сторонѣ, между Легощей и Чюдинцовой улицами на Скудельницѣ [5]). Въ 1392-мъ году устроенъ въ Радоковицахъ, въ Плотницкомъ концѣ за валомъ, мона-

званнаго на югъ отъ Новгорода, на Торговой сторонѣ, въ полуверстѣ отъ Кирилова монастыря.

[1]) Н. IV, 66. Соф. лѣт. 124. [2]) Н. I, 94. [3]) Н. I, 42. 47. На Торговой сторонѣ въ Никитскомъ Занольѣ, на востокъ отъ, города, на урочищѣ Колѣно, нынѣ Кл адбищенская. [4]) Н. III, 233, На юговостокъ отъ Новгорона Торговой сторонѣ. [5]) Н. I, 95.

стырь, близъ церкви, построенной Моисеемъ въ 1357-мъ году [1]). Въ 1393-мъ году, первый разъ упоминается о монастырѣ на Лисьей Горкѣ, какъ о новопостроенномъ [2]), но преданіе указываетъ тамъ мѣсто погребенія родителей Варлаама, слѣдовательно признаетъ этотъ монастырь существовавшимъ еще въ XII-мъ вѣкѣ. Можетъ-быть онъ уничтожился и былъ возобновленъ въ XIV-мъ вѣкѣ. Въ 1394 году основанъ Спасскій монастырь въ Козмодемьянской улицѣ въ Неревскомъ концѣ [3]). Вяжицкій монастырь существовалъ уже въ XIV-мъ вѣкѣ [4]); но знаменитость свою пріобрѣлъ со времени архіепископа Евфимія. Почти то же можно сказать и о монастырѣ Клопскомъ, который сталъ извѣстенъ съ Михаила-юродиваго, но существовалъ и прежде въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода и въ 3-хъ верстахъ отъ Ильменя, на берегу р. Веряжи [5]). Въ XV-мъ вѣкѣ при архіепископѣ Іоаннѣ явились монастыри: Никольскій, Порфиріевскій на Папоротнѣ, основанный въ 1464-мъ году Порфиріемъ Инамскимъ [6]), Спасскій Видогощенскій [7]) и Никольскій Верендскій или Перекомскій [8]) въ 1401-мъ году, Въ 1415-мъ году основанъ монастырь Воскресенія Христа на Красномъ Полѣ за Плотницкимъ концомъ [9]); Въ 1417-мъ году построена была обыденная деревянная церковь св. Иліи; въ 1418-мъ году, на мѣстѣ томъ воздвигнута каменная, и тогда же основанъ былъ монастырь дѣвичій. Онъ находился въ Прусской улицѣ на Софійской сторонѣ [10]). Въ 1418 году основанъ былъ преподобнымъ Саввою Вишерскій

[1]) Н. I, 96. [2]) Н. III, 233, На Торговой сторонѣ, на сѣверъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Новгорода. [3]) Новг. 1, 97. [4]) Вѣстникъ Геогр. Общ. 1852 г. Смѣсь, 19—20. [5]) Пов. о Мих. Клопск. Пам. Старин. Русск. Лит. IV, 38. [6]) Н. III, 234. — [7]) Н. III, 234. — [8]) Н. I, 103. Н. III, 234 Въ 25-ти верстахъ отъ Новгорода, близъ озера, на Софійской сторонѣ. [9]) Новг. Л. I, 106. Н. III, 236. На востокъ отъ Новгорода въ полуверстѣ. Каменная церковь построена въ 1418-мъ году. [10]) Н. I, 107. Н. III, 237.

монастырь, во имя Вознесенія Господня [1]). Въ 1420-мъ году въ первый разъ упоминается объ Отенской пустынѣ [2]), впослѣдствіи любимой святителемъ Іоною. Неизвѣстно время ея основанія.

Монастырь Клопскій получилъ свою извѣстность и значеніе въ ряду множества другихъ, съ прихода Михаила Клопскаго, котораго жизнь представляетъ любопытную картину религіозныхъ понятій и нравовъ вѣка. Но житіе его, по доставшейся намъ редакціи, никакъ не можетъ считаться произведеніемъ стараго Новгорода,—напротивъ, написано уже послѣ его паденія и, конечно, Москвичемъ или приверженцемъ московскаго самовластія.

Троицкій Клопскій монастырь много лѣтъ уже существовалъ за пятнадцать верстъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Веряжѣ, — почти въ неизвѣстности (не многими знаемъ бѣ), незначительная, бѣдная обитель. Въ началѣ XV-го вѣка игуменомъ въ немъ былъ Ѳеодосій, — тотъ самый, который впослѣдствіи былъ нареченъ владыкою, для того, чтобъ сдѣлаться игрушкою партій и безъ посвященія удалиться въ прежнее уединеніе. Былъ между братіею одинъ священноинокъ, по имени Макарій. Его келья стояла близь самой церкви въ монастырскомъ дворѣ. Однажды, 1408 года, іюня 23-го, этотъ Макарій служилъ заутреню. Когда пѣли девятую пѣснь канона, Макарій началъ кадить по церкви; и вздумалось ему выйти и покадить въ своей кельѣ;—это было удобно по близости. Подошелъ онъ съ кадиломъ къ двери, и изумился. Онъ затворилъ двери, когда уходилъ; а теперь двери стояли отворенныя. Макарій входитъ, и видитъ: сидитъ неизвѣстный человѣкъ и

[1]) Н. III, 237, въ 10-ти верстахъ отъ Новгорода, на сѣверовостокъ при рѣкѣ Вишерѣ.

[2]) Н. IV, 119,—въ 50-ти верстахъ отъ Новгорода на югъ.

пишетъ; передъ нимъ свѣча горитъ. Глянулъ Макарій: онъ пишетъ Дѣянія св. Апостолъ. Ужасъ объялъ Макарія. Вѣроятно, первая мысль, какая ему пришла, была та, что ужъ не пришлецъ ли это съ того свѣта. Макарій воротился въ церковь и сказалъ игумену. Заутреню кончили. Игуменъ, также въ недоумѣніи, беретъ крестъ и кадило; вся братія съ трепетомъ и надеждою увидѣть какое-нибудь знаменіе, идетъ за нимъ; вышли изъ церкви. Келья теперь была затворена, когда на этотъ разъ хозяинъ оставилъ ее ее отворенною. Попробовали отворить: оказалось, что она заперта изнутри. Стали стучаться: не отворяютъ и отвѣта не даютъ. Игуменъ приказалъ разобрать пристроенный предсѣнокъ; но оказалось, что и двери въ келію также заперты. Стучатся; но двери не отворяются, нѣтъ отвѣта. Игуменъ приказалъ выломать дверь. Незнакомецъ сидѣлъ, писалъ, и не обращалъ ровно никакого вниманія на то, что около него происходило. Игуменъ въ ужасѣ вскрикнулъ: «Говори, кто ты: человѣкъ или духъ?» — Незнакомецъ точно такимъ же голосомъ, какимъ спрашивалъ игуменъ, вскрикнулъ: говори, кто ты, — человѣкъ или духъ! — Игуменъ началъ творить молитву, думая, вѣроятно, что видѣніе исчезнетъ, если это быть можетъ недоброе навожденіе; незнакомецъ началъ читать ту же самую молитву, тѣмъ же тономъ. Игуменъ началъ его знаменовать крестомъ и махать передъ нимъ кадиломъ; незнакомецъ также сталъ знаменовать крестомъ, а отъ кадила уклонялся. Тогда игуменъ и вся братія оставили его, увѣрившись, что кто-бы это ни былъ, но во всякомъ случаѣ не бѣсъ, когда самъ молитвы читаетъ и крестное знаменіе творитъ. Началась обѣдня. Когда клиръ готовился пѣть «Единородный Сыне» незнакомецъ взошелъ на клиросъ и вмѣстѣ съ прочими сталъ пѣть; потомъ, когда пришла пора читать Апостолъ, онъ взялъ книгу и исполнилъ чтеніе такъ хорошо, что

игуменъ сказалъ, что изъ устъ его исходятъ рѣки воды живой. Ужасъ премѣнился въ радость. Всѣ были увѣрены, что къ нимъ пришелъ святой мужъ. Послѣ обѣдни, по обычаю, братія отправилась въ трапезу, — и незнакомецъ за ними. Игуменъ велѣлъ ему читать, какъ слѣдовало, во время трапезы, житіе того святаго, котораго память праздновалась въ тотъ день. Незнакомецъ съ такимъ выраженіемъ читалъ, что вся братія заслушалась и ѣсть не захотѣла; и всѣ говорили: «Какая благостыня исходитъ изъ устъ его!» По окончаніи трапезы игуменъ взялъ его за руку, ввелъ въ келью и тамъ назначилъ пребываніе новому товарищу. И сталъ онъ жить въ монастырѣ. Онъ ѣлъ только однажды въ недѣлю, и то одинъ хлѣбъ; а запивалъ его водою. Не было у него въ кельѣ постели; спалъ онъ на голой землѣ, а укрывался рогожею, и отъ поста и трудовъ нежели былъ болѣе похожъ на тѣнь, чѣмъ на живаго человѣка. Напрасно хотѣли узнать, кто онъ: онъ молчалъ или дурачился [1])

Поссорившись съ своимъ братомъ, вел. кн. Василіемъ Димитр. князь Константинъ Димитріевичъ искалъ убѣжища въ гостепріимномъ для изгнанниковъ Новгородѣ. Въ храмовой праздникъ Троицы, этотъ князь пріѣхалъ въ Клопскій монастырь; это было сдѣлано отъ того, что игуменъ Ѳеодосій, родомъ не Новгородецъ, былъ нѣкогда духовнымъ отцомъ этого князя. Князь съ своею женою выслушалъ литургію, причастился св. Таинъ; а между-тѣмъ его люди устроивали въ трапезѣ обѣдъ для братіи. Обѣдня кончилась. Всѣ пошли въ трапезу. Игуменъ велѣлъ неизвѣстному пришельцу читать книгу многострадальнаго Іова. Но олько-что неизвѣстный произнесъ нѣсколько словъ, какъ князь смотритъ на него во всѣ глаза съ изумленіемъ,

[1]) Яко похабъ творяшеся.

подходитъ къ нему и говоритъ: «Это Михаилъ, сынъ Максимовъ!»—«Одинъ создавшій меня,—отвѣчалъ тотъ,—знаетъ, кто я!» Игуменъ, обратясь къ нему, сказалъ: «Зачѣмъ, чадо, не повѣдалъ намъ своего имени?» — Теперь знайте —отвѣчалъ Михаилъ,—что я точно Михаиломъ зовусь!—«Знайте же и то,—сказалъ князь,—что этотъ старецъ въ союзѣ родства съ нами!» Всѣ изумились. Открылось, что юродивый былъ княжескаго рода. И всѣ братія стали съ тѣхъ поръ пуще уважать его; а онъ не принималъ никакой чести, и еще болѣе сталъ прикидываться дуракомъ!.

Прибытіе князя Константина Михаилъ обратилъ на пользу обители, гдѣ тотъ нашелъ пріютъ. Изгнаніе и лишеніе волости тяготило Константина. Михаилъ увѣрилъ его, что Богъ возвратитъ ему все утраченное, если онъ построитъ каменную церковь въ монастырѣ. Въ Клопскомъ монастырѣ, по его бѣдности и незначительности, не было еще и каменной церкви. «Не скорби,—говорилъ изгнаннику юродивый его родственникъ:—«вѣруй во св. Троицу, воздвигни каменный храмъ Живоначальной Троицѣ, — и нетокмо на своемъ отечествѣ будешь, но и небесные кровы наслѣдиши!» Князь, какъ видно, успѣлъ захватить денегъ съ собою. Онъ увѣровалъ обѣщанію человѣка, котораго считалъ угодникомъ, и поручилъ ему призвать мастеровъ Ихъ было много въ Новгородѣ, гдѣ безпрестанно строились каменныя церкви. Разомъ договорили мастеровъ [1]), и начали возить камень изъ-за озера на судахъ и стѣны возводить. Тутъ лукавый бѣсъ, которому, какъ извѣстно, бываетъ не по вкусу, когда строятся церкви, поднялъ такую бурю на озерѣ (вопреки ученію нѣкоторыхъ мудрецовъ, что бѣсъ не можетъ ничего творить, а только мечтами искушаетъ и прельщаетъ людей), что не только лод-

[1]) Призваны были три, по имени Иванъ, Климентъ и Алексѣй.

ки съ каменьемъ не могли поспѣвать, но и рабочіе не въ силахъ были держаться на стѣнахъ, уже начатыхъ. «Дѣло наше станетъ;»—сказали мастера юродивому.—«Не скорбите, братія,—отвѣчалъ Михаилъ:—Богъ невидимо споспѣшествовать можетъ совершенію дѣла.» Помолился блаженный; козни діавольскія стали безсильны: воздухъ повиновался благодатной силѣ Михаиловой молитвы. Съ тѣхъ поръ —.поплывутъ лодки за камнемъ, дуетъ имъ попутный, тихій вѣтеръ; а ворочаются съ тяжелымъ грузомъ,— и вѣтеръ перемѣнится и дуетъ сильно съ другой стороны, помогая скорому плаванію. Итакъ, при содѣйствіи молитвы святаго мужа, дѣло постройки скоро подвигалось, и въ 6927-е лѣто 24-го сентября, князь-строитель прибылъ въ монастырь на освященіе оконченнаго храма. И первая рѣчь его къ игумену и Михаилу была такая:—«Вашими молитвами, братья прислали ко мнѣ: — зовутъ меня на свою отчину.» — «Иди, княже, съ миромъ», сказалъ ему святый;—«но не забывай домъ святой Троицы!»

Уже при жизни Михаилъ творилъ чудеса. Въ Новгородской Землѣ сдѣлалась страшная засуха — такая, что даже рѣки и источники высыхали. Рѣка Веряжа, протекавшая близъ монастыря, почти высохла; голый песокъ покрывалъ ея русло. Пошелъ пономарь собирать капли оставшейся воды; и видитъ пономарь: Михаилъ сидитъ и пишетъ перстомъ на пескѣ. По окончаніи литургіи, самъ игуменъ пошелъ посмотрѣть туда же, и читаетъ слова, написанныя на пескѣ: «Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову.» Игуменъ Ѳеодосій призвалъ блаженнаго и указывая на письмена, спрашивалъ его: «Чтó значатъ, чадо, словеса, которыя ты написалъ? Какую силу имѣютъ онѣ?»—На семъ мѣстѣ, — отвѣчалъ блаженный, — изыдетъ источникъ непресыхающей воды.»—«Помолись, блаженный,—сказалъ игуменъ: — да будетъ по молитвѣ твоей!» Михаилъ сталъ

на колѣни; игуменъ вмѣстѣ съ нимъ молился; и вдругъ содрогнулось мѣсто, гдѣ были письмена, и вода трубою вырвалась изъ-подъ земли.

Вслѣдъ затѣмъ другое чудо ознаменовало благоволеніе Божіе къ угоднику. Если богатые люди, ради спасенія душъ своихъ, надѣляли монастыри сокровищами и имѣніями,—зато, во времена народныхъ бѣдствій, страдальцы толпами искали въ нихъ помощи и облегченія. Такъ, когда послѣ бездождія и засухи народную массу постигъ голодъ, толпы бѣдняковъ приходили въ монастыри просить хлѣба. Но въ Клопскомъ было такъ мало запасовъ, что самой братіи едва доставало. Михаилъ припомнилъ игумену о чудѣ Христа-Спасителя съ пятью хлѣбами.» Велите невозбранно,—говорилъ онъ,—давать всѣмъ приходящимъ вареное жито.» Игуменъ, по опыту уже вѣровавшій въ силу святого, исполнялъ его приказаніе, и вскорѣ запасъ истощился. Братія роптала и на игумена и на Михаила Блаженный мужъ зоветъ игумена и братію съ собой въ житницу. Пришли,—и увидали, что жита такое количество, какое было прежде до раздачи бѣднымъ: какъ-будто бы ни одно зерно не было взято оттуда!

Хранитель монастыря отъ естественныхъ невзгодъ, Михаилъ охранялъ его и отъ людской злобы. Сосѣдній бояринъ не давалъ монастырскимъ рыбакамъ ловить рыбу въ водахъ, которыя считалъ своими; и пастухамъ не дозволялъ пасти стадъ на своихъ поляхъ. Святой мужъ предрекъ ему, что если онъ будетъ творить пакости честной обители, то за это пострадаетъ: ни руками, ни ногами не двинется, и въ рѣкѣ чуть-чуть не утонетъ. Послѣ того Михаилъ самъ послалъ ловить рыбу туда, гдѣ не велѣлъ бояринъ. Бояринъ разсердился, что монастырь ставитъ ни во что его приказаніе, наскочилъ на монастырскихъ рыболововъ, и одного изъ нихъ началъ бить, — но въ то

же время упалъ въ воду и съ тѣхъ поръ не могъ пошевелить ни однимъ составомъ тѣла. По силѣ раскаянія виновнаго, блаженный упросилъ Бога снова возвратить ему здравіе. Но когда боляринъ, въ благодарность, учредилъ трапезу всей братіи Клопской обители, то Михаилъ отказался вкусить его хлѣба-соли и сказалъ ему: «Лучше ѣсть нетлѣнную пищу, уготованную Богомъ любящимъ его.»

Одаренный заживо даромъ чудотвореній, Михаилъ сподобился и духа пророчества: онъ предрекъ своему игумену Ѳеодосію, что его изберутъ владыкою, но онъ посвященъ не будетъ, и когда такъ случилось, утѣшалъ благочестиваго своего начальника. Многознаменательнѣе было приписываемое ему пророчество о паденіи Новгорода.

Біографъ показываетъ, какъ-будто бы при своемъ характерѣ аскета, чуждаго міру, и подъ рубищами юродиваго, у Михаила остались княжескія понятія; долгое пребываніе въ Новгородской Землѣ не сдѣлало Новгорода его отечествомъ и не изгладило въ немъ понятій Москвича. Михаилъ, какъ юродивый, не сидѣлъ постоянно въ обители, а ходилъ по городу и по монастырямъ. Однажды пришелъ онъ въ Вяжищенскій монастырь; на ту пору случился архіепископъ Евфимій въ своей любимой обители. Михаилъ встрѣтилъ идущаго владыку. «Нынѣ въ городѣ Москвѣ радость!» — закричалъ онъ. — «Какая?» спросилъ владыка. — «Родился у великаго князя Василія сынъ, и дано ему имя Тимоѳей; и назовется онъ Иванъ: страшенъ будетъ всѣмъ странамъ, и Великій-Новгородъ возьметъ, и всѣ ваши обычаи измѣнитъ, и злато и сребро отъ васъ отыметъ и васъ въ свои земли *загонитъ*!» Много лѣтъ протекло послѣ того; Иванъ уже страшнымъ пугаломъ сталъ для Новгорода; патріоты собирались отдаться королю Казимиру, и ждали къ себѣ Михаила олельковича. Тогда блаженный встрѣтилъ одного изъ патріотовъ — боярина

Григорія Немиру. «Благослови,—сказалъ Немира,—и помолись о насъ. Князь великій хочетъ идти войною на Великій Новгородъ, а у насъ теперь есть князь Михайло Александровичъ.—Вы, безумные, какъ пьяные, мятетесь,—отвѣчалъ юродивый:—если не утолите гнѣва доброчестиваго царя великаго князя Ивана Васильевича, то многія бѣды приметс; придетъ онъ на васъ за неисправленіе ваше, станетъ на берегахъ вашихъ и покажетъ великую побѣду надъ вами; плѣнитъ страну вашу; многихъ боляръ предастъ посѣченію, другихъ въ плѣнъ отведетъ, и много злата у плѣнныхъ отниметъ. Князь, на котораго вы надѣетесь, не только вамъ— и самъ себѣ не поможетъ, и убѣжитъ отъ васъ; а Иванъ Васильевичъ въ другой разъ придетъ, и тогда всю волю свою сотворитъ надъ вами. Какъ можете противиться безумцы, когда еще прежде рожденія сказано о немъ: перемѣнитъ онъ обычаи ваши!»

Юродивый прожилъ въ обители, куда такъ странно вошелъ, сорокъ четыре года, и преставился, самъ себѣ указавши могилу тѣмъ, что незадолго до смерти не входилъ въ церковь, а стоялъ подлѣ ея стѣны: когда онъ умеръ, тогда была зима и морозъ; стали копать могилу—вездѣ земля была тверда, а на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ стаивалъ,—земля оказалась рыхла, какъ середи лѣта. По смерти онъ облекся святостію; разсказывали о многихъ чудесахъ, совершавшихся надъ тѣми, кто съ вѣрою призывалъ въ помощь почившаго святаго.

Другой подвигоположникъ, прославившійся въ XV-мъ вѣкѣ, основатель Вишерскаго монастыря, былъ Тверитянинъ боярскаго званія, по фамиліи Борозда. Настроенный съ дѣтства къ набожности, онъ началъ молиться и—что̀ называется—монашить. Родственники не благоволили къ нему; знакомые смѣялись надъ нимъ. Вѣроятно, въ его благочестіи было что-то такое, что̀ возбуждало насмѣш-

ки. Онъ ушелъ въ чужую землю, въ видѣ нищаго пришелъ въ Новгородъ и, скитаясь по окрестностямъ, выбралъ себѣ мѣсто для отшельническаго поселенія, и сострoилъ хижину на берегу рѣки Вишеры. Но какъ-только гдѣ проявится пустынникъ, народъ сейчасъ начинаетъ ходить къ нему,— кто изъ любопытства, а ктоизъ набожности. То же случилось съ Саввою—такъ звали его. Онъ ушелъ на рѣку Сосницу, и тамъ поселился; но и тамъ его узнали и донесли владыкѣ. Владыка считалъ себя блюстителемъ нетолько монаховъ, но и всякаго проявленія благочестія, и послалъ къ нему сказать: какъ онъ смѣлъ поселиться безъ благословенія владыки. Вѣроятно, тогда были пустынники, которые подъ видомъ благочестія скрывали дурныя намѣренія, и вообще обманывали народъ своимъ пустосвятствомъ. Пустынникъ въ отвѣтъ велѣлъ сказать владыкѣ притчу о двухъ дѣвицахъ: «одна изъ нихъ сидѣла у окна и смотрѣла на позорище, а другая берегла съ благоговѣніемъ и въ тишинѣ свое дѣвство и чистоту, и заключилъ , что первая не сохранитъ, а другая сохранитъ свою чистоту. Подобно послѣдней дѣвицѣ, и я удаляюсь отъ міра,» прибавилъ онъ. Разсказъ о пустынникѣ и его отвѣтъ возбудилъ во владыкѣ любопытство; онъ самъ поѣхалъ къ нему; Савва, услышавъ, что къ нему ѣдетъ такой сановникъ, предупредилъ его, — пошелъ къ нему на встрѣчу и кланялся ему до земли. Владыка благословилъ его, поговорилъ съ нимъ и, увѣрившись въ его непорочности, позволилъ ему принимать къ себѣ товарищей и заводить монастырь. Какъ только услыхали, что будетъ основана новая пустынь, сейчасъ нашлись благочестивые, пожелавшіе спасать свои души вмѣстѣ съ новоявленнымъ отшельникомъ; но земля, на которой они поселились, принадлежала монастырю на Лисьей-Горкѣ. Монастырь сталъ сгонять его, монахи предвидѣли, что если Савва утвердится и заведетъ

новый монастырь, то можетъ этимъ присвоить себѣ землю, которою пользовался Лисьегорскій монастырь. Савва отправилъ ученика своего и сподвижника Ефрема въ Новгородъ и выпросилъ отъ вѣча грамоту на мѣсто надъ Вишерою. Тамъ труженики построили церковь Вознесенія и кельи. Самъ Савва соорудилъ себѣ столпъ, и сидѣлъ на немъ съ понедѣльника до субботняго вечера, каждую недѣлю: въ воскресенье сходилъ оттуда, обѣдалъ съ братіею, поучалъ ее всему полезному, а потомъ опять отправлялся на столпъ. Земныя плотскія связи для него уже не существовали. Его родной братъ, услышавъ о его судьбѣ, пришелъ нарочно изъ Твери повидаться и побесѣдовать съ нимъ. Савва ни за что не хотѣлъ ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, и только послѣ усильныхъ просьбъ, сошелъ со столпа, благословилъ его не какъ роднаго брата, а какъ пришельца, какихъ много къ нему приходило, и возвратился на свой столпъ не сказавши ему ни слова. Уже при жизни онъ творилъ чудеса. Разбойники боялись его. Однажды, когда онъ строилъ церковь, явились къ нему удалые; не по своему побужденію пришли они, а бѣсъ привелъ ихъ, чтобъ святому сочинить пакость. «Дѣтки,—сказалъ Савва:—помогите мнѣ поднять дерево на стѣну. Возьмите бревно за тонкій конецъ». Разбойники пораженные такимъ безстрашнымъ обращеніемъ, всѣ схватились за дерево и не могли поднять его; а Савва, при Божіей помощи, ощутилъ въ себѣ такую силу что самъ одинъ поднялъ дерево и положилъ его на стѣну. Какъ увидали это разбойники, то переглянулись между собою, убѣжали, разсудивъ, что съ такимъ силачомъ плохія шутки. Другой разъ, когда уже монастырь имѣлъ достояніе, принесенное разными христолюбцами, удалые собрались его ограбить, но только-что подошли къ монастырю, какъ Савва, сидя на своемъ столпѣ, ударилъ жезломъ: разбойникамъ почудился громовой ударъ и они

побѣжали назадъ безъ оглядки. Ему повиновались дикія животныя. Однажды выпустилъ онъ лошадь свою за монастырскую ограду: медвѣдь съѣлъ ее. Савва пріобрѣлъ другую лошадь. Но медвѣдь и ту съѣлъ. Тогда Савва связалъ молитвою звѣря, то есть заставилъ себѣ повиноваться и повелъ его за собою въ Новгородъ къ судьямъ. «Вотъ—говорилъ онъ—этотъ медвѣдь два раза меня обидѣлъ; первый разъ я ему простилъ; а онъ не чувствуетъ этого, да и другую лошадь мою съѣлъ. Я пришелъ требовать съ нимъ суда». Судьи отвѣчали: «Отче, поступай съ нимъ какъ знаешь!» «Пусть же,—сказалъ Савва—онъ поработаетъ на монастырь за ту лошадь, что̀ съѣлъ». И нѣсколько времени, медвѣдь, запряженный Саввою вмѣсто лошади, возилъ деревья, работалъ на монастырь, отбывая достойное наказаніе за свое преступленіе. Огонь не трогалъ отшельника: сдѣлался въ обители пожаръ, кельи сгорѣли, а церковь и столпъ, гдѣ святой спасался, остались цѣлы. При жизни онъ имѣлъ даръ исцѣленій: у одного купца сынъ упалъ съ высоты и не убился по молитвамъ Саввы. Послѣ блаженной его кончины къ его гробу приходили страждущіе лихорадкою и по вѣрѣ избавлялись отъ болѣзни.

Обитель Саввы Вишерскаго дала начало другой обители—Перетомской, или Перекомской. Ученикъ Саввы, Ефремъ, подобно Саввѣ, былъ чужеземецъ, родомъ изъ Кашина, родителей торговаго званія; сначала постригся въ Калязинѣ; потомъ внимая голосу свыше, отправился къ Новугороду и спасался въ Вишерскомъ монастырѣ Саввы. Но желая предать себя безмолвію и бо̀льшему истязанію, Ефремъ удалился въ пустыню на берегъ Веренды, и тамъ нѣсколько лѣтъ питался, какъ звѣрь, быліемъ. Какъ онъ послѣ сознавался, ужасный гладъ мучилъ его, и онъ отъ мученія метался по землѣ. Но какой-то свѣтлый мужъ, явившись предъ нимъ, избавилъ его отъ этого страданія

своимъ прикосновеніемъ. Скоро разнеслась вѣсть о новомъ отшельникѣ и къ нему стали собираться сподвижники. Явился какой-то Ѳома, обложенный веригами; явилось много другихъ. Составилась благочестивая община. Ефремъ былъ посвященъ во іереи. Ефремъ съ братіею прокопалъ каналъ мимо обители своей изъ Веренды въ Ильмень; и оттого обитель названа Перекомскою, или Перекопомъ. Ефремъ пережилъ паденіе Великаго-Новгорода и умеръ въ 1487 г.

Во всей Новгородской Землѣ разсѣяно было множество монастырей; изъ нихъ многіе пріобрѣли значеніе и вліяніе на религіозное чувство, и потому имѣютъ историческій смыслъ въ народной жизни. На Ладожскомъ озерѣ, на пустынной скалѣ, стоялъ Валаамскій монастырь. Основаніе его кроется въ неизвѣстности. Преданіе приписываетъ ему сѣдую древность. Въ житіи Авраамія Ростовскаго, существованіе его отнесено еще къ эпохѣ св. Владиміра. Но это извѣстіе не выдерживаетъ критики уже и потому, что Авраамієво житіе носитъ несомнѣнные признаки позднято составленія. Въ одномъ изъ позднихъ списковъ Софійскаго Временника указывается на 1163-й г. какъ на время обрѣтенія мощей Сергія и Германа и перенесенія ихъ въ Новгородъ. Существуетъ рукописное сказаніе о перенесеніи ихъ обратно изъ Новгорода на Валаамъ [1]. Всему этому противорѣчитъ извѣстіе, записанное въ древней новгородской Кормчей, гдѣ сказано, что въ 1329 г. нача жити на Валаамскомъ озерѣ Ладожскомъ старецъ Сергій; слѣдовательно начало этой обители, которая—по всеобщему признанію—создана была Сергіемъ и Германомъ, относится къ XIV-му вѣку.

Съ Валаамскимъ монастыремъ тѣсно соединена легенда о Магнусѣ, королѣ шведскомъ. Она не имѣетъ никакого

[1]) Ист. Р. Ц. I, 154.

фактическаго основанія, кромѣ того, что Магпусъ, когда воевалъ противъ Новгородцевъ, былъ разбитъ. Легенда эта говоритъ, будто шведскій король Магнусъ, преслѣдуемый Богомъ за свою гордыню, навлекъ небесный гнѣвъ на свое государство, и подданные засадили его въ тюрьму. Тутъ, дѣйствительно, есть историческое основаніе; потому-что Магнусъ точно былъ лишенъ престола, и дѣло новгородской войны было, между прочимъ, поводомъ къ неудовольствію противъ него. Магнусъ — говоритъ легенда — былъ освобожденъ изъ темницы своимъ сыномъ, прибывшимъ изъ Мурманской Земли. Сынъ хотѣлъ его перевезти изъ Швеціи въ Мурманскую Землю на кораблѣ; на морѣ постигла ихъ буря; три дня качались они по волнамъ. Наконецъ, буря занесла ихъ въ Полную рѣку—къ монастырю св. Спаса, и Магнусъ далъ рукописаніе, въ которомъ изложилъ свою печальную судьбу, признавалъ свои бѣдствія Божіимъ наказаніемъ за то, что покушался на Новгородъ, и завѣщалъ своимъ потомкамъ и преемникамъ никогда не трогать войною Русскихъ. Легенда эта есть плодъ національнаго чувства Новгородцевъ, одержавшихъ побѣду надъ Шведами. Понятно, какъ она составилась. Магнусъ, въ порывѣ своего рыцарскаго благочестія, вызвалъ Новгородцевъ на войну за вѣру: чья вѣра одержитъ побѣду, на сторонѣ того и справедливость. Очень логически было заставить Магнуса исполнить договоръ, принять православіе и осудить себя на монашеское покаяніе за прежнюю дерзость. Въ концѣ XIV-го вѣка, Сергіева Валаамская обитель дала происхожденіе другимъ тремъ монастырямъ, имѣвшимъ важное значеніе:—Коневскому, Свирскому и Соловецкому.

Арсеній, родомъ Новгородецъ, ремесломъ мѣдникъ, сначала поселился на Лисьей-Горкѣ; потомъ сдѣлался паломникомъ и прожилъ три года на Аѳонской горѣ. Захо-

тѣлось ему снова на родину. На Аѳонѣ, прозорливый мужъ игуменъ—провидѣлъ, что русскій пришелецъ будетъ основателемъ иноческой обители въ своемъ отечествѣ, и благословилъ его иконою Владычицы на одной, а Нерукотворнаго Образа—на другой сторонѣ, и отпустилъ его во-свояси. Прибывши въ Новгородъ, странникъ получилъ отъ архіепископа Іоанна благословеніе на заведеніе обители. Арсеній поселился сначала на Валаамѣ, потомъ сталъ искать уединенія и безмолвія и поселился на островѣ Коневскомъ, гдѣ сосѣдніе язычники имѣли свою святыню. Это—былъ огромный камень, называемый Конемъ; на этомъ камнѣ приносили въ жертву лошадей невидимому духу, который за то охранялъ скотъ. Жертвоприношенія это совершались такъ, что приводившіе коня, оставляли его на пустой скалѣ. Конь исчезалъ, и всѣ были увѣрены, что божество его принимало и пожирало. Арсеній покропилъ камень св. водою, и духи, въ видѣ вороновъ, разлетѣлись на рыбарскій берегъ и поселились въ заливѣ, который потомъ сталъ называться Чортова-Лахта. Освященное мѣсто сдѣлалось предметомъ христіанскаго религіознаго уваженія.

Уже при жизни самаго основателя, обитель Конева острова сдѣлалась общеизвѣстною и пользовалась уваженіемъ. Благочестивые Новгородцы стали посѣщать ее и прилагать свои пособія. Какой-то бояринъ Новгородецъ Михей Кобылка одарилъ братію богатою милостынею. А лѣтописи замѣчаютъ, что Арсеній исполнялъ законъ страннопріимства, угощалъ съ радушіемъ въ своей келіи приходившихъ на богомолье Новгородцевъ. Но какой-то суровый и прозорливый Симонъ, изъ товарищей Арсенія, объявилъ ему: бѣсы радуются, когда игуменъ угощаетъ у себя мірянъ; и преподобный мужъ не велѣлъ дѣлать особыхъ трапезъ, а угощалъ приходящихъ скудною трапезною пищею вмѣстѣ съ братіею. Въ числѣ

посѣщавшихъ его обитель былъ и владыка, Евфимій, который зналъ Арсенія во времена юности, когда они были вмѣстѣ на Лисьей-Горкѣ. Евфимій даровалъ обители имѣнія и оставилъ въ знакъ духовной дружбы монастырю свой ветхій клобукъ. Любовь къ странствованіямъ, столь привлекательная, пробудила силы въ Арсеніѣ и еще разъ онъ ходилъ на Святую Гору и благополучно воротился назадъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Александръ Свирскій, родомъ изъ Ояти, получилъ настроеніе къ иноческимъ подвигамъ отъ странствующихъ старцевъ; на Валаамѣ настроили его мысль о блаженствѣ и превосходствѣ отшельнической жизни. Возвратившись къ отцу своему, онъ увидѣлъ, что родители его не внимаютъ ни увѣщаніямъ старца, ни его собственнымъ моленіямъ. И такъ ушелъ онъ изъ родительскаго дома и проходилъ свое первое поприще въ Валаамѣ. Тамъ убѣдилъ пришедшаго къ нему отца вступить въ монастырь, а потомъ, по примѣру отшельниковъ, рѣшился основать новый монастырь. Онъ основалъ его въ половинѣ XV вѣка на истокѣ рѣки Свири, на озерѣ Рощинскомъ.

Другой послушникъ Валаамской обители, пришедшій туда изъ Бѣлозерскаго монастыря, Савватій, ушелъ для основанія новой монастырской жизни и сначала поселился на Вагѣ, гдѣ нашелъ себѣ товарища старца Германа, потомъ съ нимъ вмѣстѣ ушелъ на Бѣлое море, на островъ Соловки, и положилъ основаніе Соловецкому монастырю (1429 г.). Савватій скончался на Вагѣ, куда приходилъ ради причащенія святыхъ таинъ. Германъ остался одинъ на пустынномъ островѣ Соловкахъ; тогда пришелъ къ нему въ товарищи Зосима, поселянинъ изъ села Толвуева на побережьѣ Онежскаго озера, и оба рѣшились жить въ Соловкахъ.—Это было уже въ 1430 году. Мало-по-малу стали приходить къ нимъ отшельники и такъ составили монастырь, и воздвигнутъ былъ храмъ во имя Преображенія Господня.

Когда Зосима отправилъ къ архіепископу Іонѣ одного изъ своихъ братій просить антиминса, Іона удивился, какъ люди могли поселиться въ такой суровой и отдаленной странѣ; онъ послалъ имъ игумена Павла. Впослѣдствіи, самъ Зосима, послѣ того какъ и Павелъ и другой присланный изъ Новгорода игуменъ Ѳеодосій, не могли вынести тягостной жизни въ такой суровой и холодной пустыни, былъ посвященъ во игумена. Пустынный островъ получилъ съ тѣхъ поръ болѣе жизни. Уже и прежде новгородскіе промышленники посѣщали его для промышленныхъ цѣлей. Монастырь былъ истиннымъ благодѣяніемъ для такихъ гостей, потому-что доставлялъ имъ пріютъ. Бояре новгородскіе, пораженные трудностью подвига, начали юный монастырь надѣлять селами и богатствами. Уваженіе къ нему еще болѣе возвысилось, когда Зосима и Германъ съ братіею перенесли туда съ Ваги мощи св. Савватія; тогда толпы благочестивыхъ стали ходить въ Соловки для богомолья. Слава, распространившаяся о немъ въ Новгородѣ, обогащала его более-и-болѣе. Это возбудило зависть и неудовольствія: промышленники жаловались, что новый монастырь захватилъ себѣ всю рыбную ловлю. Зосима долженъ былъ сходить еще разъ въ Новгородъ и выпросить себѣ отъ вѣча грамоту на полное владѣніе всѣмъ Соловецкимъ островомъ. Тогда-то предсказалъ святой прозорливый отшельникъ паденіе Великаго-Новгорода. Онъ дожилъ до него, но былъ чуждъ земныхъ волненій, и скончался въ 1478 году, когда сбылись его зловѣщія предсказанія. Скоро пріобрѣлъ онъ славу чудотворца; обитель возрастала, обогащалась и впослѣдствіи сдѣлалась одною изъ важнѣйшихъ святынь всей земли Русской.

Около Каргополя возникали одинъ за другимъ монастыри. Древнѣйшій изъ нихъ, и теперь еще существующій, Челмогорская пустыня, основанъ, по преданію, еще въ XI вѣкѣ

какимъ-то преподобнымъ Кириломъ. Въ XIV-мъ вѣкѣ, близъ самаго города, поселился отшельникъ Іоаннъ, прозванный Волосатый, и на мѣстѣ его подвиговъ былъ потомъ основанъ Успенскій монастырь. Ручей, близъ котораго жилъ пустынникъ, получилъ въ народномъ вѣрованіи чудодѣйственную силу исцѣленія отъ болѣзней. Въ концѣ XIV-го вѣка, отшельникъ, по имени Кvріакъ, основалъ Успенскій Сыльвинскій или Сыренскій монастырь, теперь уже не существующій. Около того же времени возникъ монастырь Преображенскій. Въ 1465 г. отшельникъ Александръ основалъ въ 44-хъ верстахъ отъ Каргополя, на берегу рѣки Чурьяги, Успенскій монастырь, называемый Ошевенскимъ, по имени основателя, который по отцу носилъ прозвище Ошевень и былъ родомъ изъ Бѣлозерской Земли. На островахъ, разсѣянныхъ по Онежскому озеру, было нѣсколько монастырей. Въ XIV вѣкѣ, на островѣ, называемомъ Мурманскій,—въ разстояніи 50 верстъ отъ Пудожа и 70 отъ Вытегры, — былъ нѣкогда монастырь Успенскій - Мурманскій, основанный преподобнымъ Лазаремъ; давно уже этого монастыря нѣтъ; осталась отъ него приходская церковь и въ этой церкви есть списокъ съ завѣщанія основателя: въ завѣщаніи описана любопытная его біографія. Родомъ онъ былъ съ православнаго востока, носилъ уже тамъ монашеское званіе и посланъ былъ къ новгородскому владыкѣ, Василію, отъ неокесарійскаго епископа, также Василія. Въ то время, какъ посолъ былъ въ Новгородѣ, Василій новгородскій скончался. И неокесарійской Василій также скончался. Лазарю является ночью Василій новгородскій и велитъ идти на Онежское озеро и тамъ построить обитель на Мурманскомъ островѣ. Потомъ является ему другой умершій Василій, неокесарійскій епископъ, и повелѣваетъ то же самое, что и новгородскій. Послѣ такихъ видѣній, Лазарь обратился къ посаднику Ивану Захарьевичу,

которому принадлежалъ островъ и просилъ отдать его подъ монастырь, который основать повелѣваютъ ему пришельцы изъ загробнаго міра. Посадникъ не отвѣчалъ ему ни да, ни нѣтъ. Повторилось нѣсколько такихъ просьбъ и неудовлетворительныхъ отвѣтовъ. Наконецъ, самому посаднику является усопшій новгородскій владыка и объявляетъ, что Богу угодно, чтобъ на островѣ, принадлежащемъ посаднику, была обитель для прославленія имени Божіей Матери. При этомъ владыка и пригрозилъ посаднику чѣмъ-то, если онъ не исполнитъ высшей воли. Тогда посадникъ самъ призвалъ Лазаря и подарилъ ему островъ. Съ величайшими затрудненіями добрался Лазарь до острова и построилъ тамъ часовню и хижину. Жившіе около озера язычники, Чудь, стали заводить на островѣ поселенія и хотѣли прогнать отшельника, такъ-что онъ, наконецъ, потерпѣвъ отъ нихъ побои, ушелъ во глубину лѣсовъ. Здѣсь явилось ему видѣніе. Онъ узрѣлъ Пресвятую Дѣву, которой поклонялись какіе-то святые; на мѣстѣ видѣнія онъ основался, построилъ себѣ тутъ хижину, выкопалъ пещеру и на деревѣ поставилъ образъ. Немного времени спустя, пришелъ къ нему старшина Лопарей и просилъ исцѣлить слѣпорожденнаго сына. Лазарь помолился передъ своимъ образомъ, покропилъ слѣпаго св. водою, поднесъ его къ образу и слѣпой прозрѣлъ. Это событіе распространилось между Лопарями и они стали приносить ему одежды и пищу. Черезъ нѣсколько времени, старшина крестился съ своею семьею. Какъ всегда бывало, къ отшельнику стали сходиться желающіе уединенія и такимъ-образомъ основали обитель. Лазарь отправился въ Новгородъ и получилъ отъ владыки Моисея антиминсъ, сосуды и благословенную грамоту, а отъ сына посадника Ивана Захарьевича, уже тогда умершаго Өедора, отцовское завѣщаніе, въ которомъ умиравшій отдалъ Лазарю и его чернецамъ весь островъ, называемый

Мучь, на вѣчныя времена. Такъ-какъ Лазарь отправился на Онежское озеро первый разъ послѣ смерти Василія, а въ другой разъ посѣтилъ Новгородъ еще при Моисеѣ, то значитъ это событіе произошло между 1351—1359 годами. Съ тѣхъ поръ умножилось число чернецовъ въ обители. Замѣчательно, что туда приходили издалека: двое старцевъ Іона и Евфросинъ, пришли изъ Кіева, третій Θеодосій, носившій Христа ради тяжелыя вериги, со Святой Горы. Лазарь умеръ въ глубокой старости на 105 году возраста въ 1391 году. Передъ кончиною снова явился ему владыка Василій и предрекъ ему скорое оставленіе міра. Въ приходской церкви, оставшейся отъ монастыря, почиваютъ подъ спудомъ кощи преподобнаго основателя.

На другомъ островѣ того же озера, Климецкомъ, былъ основанъ, неизвѣстно когда, монастырь Нятинъ, уже въ XV-мъ вѣкѣ несуществовавшій; вмѣсто его, на томъ же островѣ, сынъ новгородскаго посадника основалъ, въ трехъ верстахъ отъ прежняго, монастырь Климецкій. Основатель торговалъ солью и однажды, плывя по Онежскому озеру въ Повѣнецъ, былъ застигнутъ бурею и началъ усердно молиться; волна прибила его къ острову: на берегу увидѣлъ онъ на деревѣ икону Божіей Матери. Это событіе такъ подѣйствовало на него, что онъ въ ту же минуту далъ обѣтъ оставить міръ и поселиться на этомъ мѣстѣ. Онъ поставилъ своимъ иждивеніемъ двѣ церкви и устроилъ келіи и къ нему перешли иноки изъ Нятина монастыря [1].

[1]) Трудно рѣшить, существовали ли во времени независимости Великаго-Новгорода въ этомъ краю тѣ монастыри, о времяни основанія которыхъ нельзя сказать ничего точнаго. Палеостровскій, прославленный впослѣдствіи трагическимъ самосожженіемъ раскольниковъ, основанъ былъ какимъто преподобнымъ Корниліемъ, но неизвѣстно когда; также неизвѣстно, когда возникли давно уже несуществующіе монастыри: женскій Крестовоздвиженскій въ Онегѣ, Машеезерскій въ 20-ти верстахъ отъ Петрозаводска, Бруссенскій-Николаевскій на Бруссенскомъ островѣ Онежскаго озера. женскій Сол-

Святыня Тихвинскаго монастыря уже процвѣла съ XVI вѣка, но сказаніе объ обрѣтеніи иконы Тихвинской Богоматери относитъ это событіе, послужившее поводомъ къ основанію монастыря, ко второй половинѣ XIV-го вѣка, (1383 г.), именно ко времени, когда новгородскимъ владыкою былъ Алексій. Трудно рѣшить, что въ этомъ сказаніи можетъ считаться творчествомъ древняго народнаго благочестія. Содержаніе этой повѣсти состоитъ въ томъ, что надъ Ладожскимъ озеромъ и его берегами стала носиться по воздуху икона Богоматери, перемѣняя мѣсто. Слухъ объ этомъ переходилъ изъ устъ въ уста; стерегли ее люди, нѣсколько разъ видѣли тамъ и сямъ и не могли взять, пока наконецъ она сама не далась въ руки тамъ, гдѣ ей угодно было остановиться. Сначала она показалась рыболовамъ надъ волнами Ладожскаго озера, поплыла по воздуху и исчезла изъ виду; потомъ она остановилась на воздухѣ надъ рѣкою Оятью, на мѣстѣ, называемомъ Смолковъ въ 10-ти верстахъ отъ Тихвина. Народъ видѣлъ ее; въ глазахъ людей постоявъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, она удалилась; и на этомъ мѣстѣ поставили часовню. Она явилась и остановилась надъ рѣкою при селѣ Имогенцахъ удалилась оттуда и парила надъ горою Куковой, за 20 верстъ отъ Тихвина: *и стекошася тамо православніи людіе, зряще чюдная икона владычицы предстоящу на воздуху и пресвѣтло сіяющу.* Одинъ часъ пребыла она

...минскій, на скалѣ, при соединеніи Логмозера съ Онежскимъ озеромъ. Введенскій на Ояти Муезерскій; въ Каргопольскомъ уѣздѣ Троицкій-Юрьевскій, Вертьевская пустынь и Спасскій Кожеозерскій. На берегу Ладожскаго озера, недалеко отъ Свирскаго монастыря, нѣкто преподобный Купріанъ, основалъ монастырь Сторожевскій, по имени урочища Сторожка; монастырь давно уже не существуетъ, а въ приходской церкви покоятся подъ спудомъ мощи Купріана; но когда жилъ Купріанъ — никто не скажетъ, какъ равно о многихъ отшельникахъ, нѣкогда подвизавшихся въ этихъ негостепріимныхъ краяхъ.

недвижно въ воздушномъ пространствѣ, потомъ двинулась и снова исчезла изъ глазъ, и явилась надъ той же рѣкой; наконецъ стала на воздухѣ надъ Тихвиномъ и далѣе не шла. Народъ, уже знавшій о путешествіи иконы, сталъ молиться и просить икону Богородицы, чтобы даровала имъ благодать и оставила у нихъ свое изображеніе. Тогда икона спустилась по воздуху на землю. Люди стали къ ней прикасаться и получать исцѣленія. Это было 26 іюня и тогда положено навсегда въ этотъ день праздновать память чуднаго благодатнаго событія, и построить церковь на этомъ мѣстѣ и тамъ хранить Св. Икону. Но когда сдѣлано было основаніе и возведены три вѣнца, ночью, на сторожей, оставшихся при постройкѣ, нашелъ сонъ, и на утро вся постройка очутилась на другой сторонѣ рѣки Тихвинки, надъ болотнымъ мѣстомъ. Люди сошлись, пораженные чудомъ, и стали молиться; тогда все строеніе съ деревомъ приготовленнымъ для дальнѣйшей постройки, опять перенеслось на прежнее мѣсто. Тихвинцы сообщили объ этихъ чудесахъ владыкѣ Алексію. Онъ послалъ новой церкви антиминсъ, назначилъ туда священника съ діакономъ, прислалъ изъ Новгорода утварь и книги. Но когда церковь была совсѣмъ готова и устроивался праздникъ освященія, одинъ сельнянинъ былъ отправленъ скликать людей на праздникъ; шедши черезъ лѣсъ, онъ увидѣлъ на камнѣ сидящую Богородицу съ краснымъ жезломъ въ рукѣ, и передъ нею Николая чудотворца. Богородица сказала, чтобъ онъ возвѣстилъ всѣмъ людямъ ея волю: чтобъ на ея церкви стоялъ не желѣзный, а деревянный крестъ. Сельнянинъ пересказалъ приказаніе Богородицы во всеуслышаніе всѣмъ; люди не повѣрили ему и велѣли ставить желѣзный крестъ. Вдругъ поднялась буря; мастера снесло, тихо поставило на землю; тогда всѣ увѣрились, что сельнянинъ говорилъ правду и поставили деревянный крестъ. Два раза послѣ того цер-

ковь горѣла, но чудотворная икона и крестъ оставались невредимыми отъ огня и были находимы въ можжевельникѣ. Монастырь былъ основанъ уже послѣ паденія Великаго-Новгорода при Іоаннѣ Васильевичѣ 1560 году.

Въ каждой изъ Новгородскихъ волостей были свои монастыри и свои мѣстныя святыни, съ которыми соединялись благочестивыя и священныя для народа преданія. Патрономъ Торжка и основателемъ иноческаго благочестія въ Новоторжскомъ краѣ былъ Ефремъ. Исторія его очень темна. По преданію, онъ жилъ въ XI вѣкѣ, былъ родомъ Угринъ и братъ Георгія, убитаго вмѣстѣ со св. Борисомъ, и Моисея, одного изъ печерскихъ чудотворцевъ. Когда Борисъ съ его братомъ отправился въ Кіевъ и въ дорогѣ былъ убитъ, Ефремъ оставался въ Ростовѣ, и, услышавъ о смерти брата, отправился искать его тѣло; нашелъ его отрубленную голову, и, взявъ съ собою, удалился на сѣверъ, и на мѣстѣ нынѣшняго Торжка основалъ монастырь во имя Бориса и Глѣба; вмѣстѣ съ тѣмъ Ефремъ устроилъ странноиріимницу или гостинницу. Это преданіе показываетъ, что монастырь имѣлъ вмѣстѣ и практическую цѣль. Заложеніе монастыря было началомъ поселенія. Говорятъ, что существовало житіе Ефрема и исторія его обители; но эта рукопись была увезена въ Тверь въ XIV-мъ вѣкѣ, въ ту печальную годину, когда Торжокъ былъ раззоренъ Тверичами и обитель Ефремова была вырѣзана и запустѣла. Впослѣдствіи, будто бы тверской князь Михаилъ Александровичъ продавалъ эту рукопись обратно монастырю, но чернецы, населившіе вновь раззоренный монастырь, были безграмотны и бѣдны, не могли ни прочитать рукописи, ни заплатить за нее, и она сгорѣла въ тверской церкви Спаса, когда Тверь испытала пожаръ въ возмездіе за бѣдствіе Торжка. Уже впослѣдствіи сочинили снова, по преданію, житіе Ефрема; но какъ позднѣйшее — оно не можетъ служить образцомъ прежней

*

литературы и прежнихъ преданій; хотя, вѣроятно, главныя начала разсказа перешли изъ старины по изустнымъ вѣстямъ, но редакція была новая, съ добавленіями. Память Ефрема хотя издавна и была священна въ Торжкѣ, но мощи его были открыты уже въ XVI-мъ вѣкѣ, а потому и трудно рѣшить степень значенія этого святаго и важность обители его для народа. Въ Бѣжицахъ въ XV-мъ вѣкѣ (1461 г.) отшельникъ Антоній основалъ обитель въ 30-ти верстахъ отъ Бѣжецка [1]). Въ Демани на посадѣ въ XV-мъ вѣкѣ существовалъ Успенскій монастырь [2]). Въ Русѣ былъ патрономъ монашества Мартирій, бывшій въ XIII-мъ в. сначала игуменомъ, потомъ новгородскимъ владыкою. Имъ основанъ монастырь Преображенскій, ставшій пріютомъ благочестія для пригорода и его волости. Въ трехъ верстахъ отъ Русы въ XIII-мъ вѣкѣ основана была у ченикомъ св. Варлаама Константиномъ и его товарищемъ Космою Николаевская пустынь, названная Косинскою, потому что стоитъ на косѣ между рѣками Полистою и Снѣжною. На устьѣ Волхова находился Медвѣдицкій монастырь; въ Ладогѣ на посадѣ Никольскій монастырь [3]); когда они построены неизвѣстно [4]). Въ 1446 г. владыка Евфимій устроилъ монастырь около древней патропальной церкви св. Георгія въ срединѣ города. Въ двадцати верстахъ отъ пригорода Луги неизвѣстно кѣмъ и когда основанъ Череменецкій монастырь во имя Іоанна Богослова, на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона этого Апостола. Монастырь стоялъ на островѣ. Въ волости пригорода Порхова существовало два мужескихъ монастыря: демьянскій при впаденіи въ Шелонь рѣчки Демьянки, неиз-

[1]) Истор. Свѣд. о монаст. 511. [2]) Писц. кн. 2 т. Дер. Пят. 499.

[3]) См. Вотск. Пят. переп окл. кн. 7000 г. Врем. XI.

[4]) Нельзя сказать ничего положительнаго, существовали ли во время независимости Новгорода ладожскіе монастыри женскій Успенскій и мужескій Ивановскій въ Застѣньи.

вѣстно кѣмъ и когда основанный, и другой въ 65 верстахъ отъ Порхова, основанный въ XIV вѣкѣ при впаденіи рѣчки Омучи въ Шелонь иноками Θеофиломъ и Іаковомъ. Онъ назывался Θеофилова Успенская-Коневская пустынь [1]).

Въ Вологдѣ и въ ея окрестностяхъ составилась цѣлая группа монастырей и мѣстныхъ святыхъ съ благочестивыми легендами и преданіями. Древнѣйшимъ подвижникомъ и начальникомъ монашескаго житія былъ преподобный Герасимъ, въ XII-мъ вѣкѣ. Онъ заложилъ монастырь во имя св. Троицы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Вологды, въ 1143 году. Неизвѣстно съ какого времени основанъ и существовалъ въ древности въ XIV вѣкѣ Спасо-каменскій Духовъ монастырь въ самой Вологдѣ. Развитіе монашества совершилось здѣсь въ XIV и XV вѣкахъ. Но такъ-какъ тутъ кончались предѣлы новгородскихъ владѣній, и отшельники, основывавшіе обители, получали благословеніе не отъ новгородскихъ владыкъ, а отъ ростовскихъ епископовъ, и притомъ сами были большею частію не Новгородцы, то и не мѣсто здѣсь распространяться о нихъ.

Заволочье и берегъ Ледовитаго моря были также мало-по-малу населяемы обителями. На мѣстѣ нынѣшняго Архангельска, по преданію, существовалъ, съ XII вѣка, построенный при архіепископѣ Іоаннѣ, монастырь Архангельскій, даровавшій впослѣдствіи имя городу [2]). Въ 1419 г. его раззорили Норвежцы. Близъ самаго устья Двины въ XV вѣкѣ основанъ былъ монастырь Никольскій Корельской, по преданію, Марθою Борецкою, въ память своихъ сыновей Антонія и Феликса, которые поѣхали для осмотра вотчинъ и утонули. Въ Шенкурскѣ былъ въ древности монастырь Троицкій; а въ окрестностяхъ его въ 15-ти верстахъ

[1]) Истор. Свѣд. о Монаст. 456.
[2]) Новг. 1, Л. 109.

въ 1460 г. посадникъ Василій Своеземцевъ построилъ монастырь Богословскій, и самъ уединился здѣсь и впослѣдствіи былъ почитаемъ за святаго. На Кокшенгѣ упоминается въ XV вѣкѣ монастырь св. Ѳеодора [1]). Вообще въ этой сторонѣ было много монастырей, но о точномъ времени ихъ основанія нельзя сказать положительнаго: даже, неизвѣстно когда они уничтожены. Таковы напр. у Кандалакской губы мужскіе монастыри—Богородицкій и Кокуевъ при устьѣ рѣки Порьи, Никольскій Яренскій, Заволочской въ Холмогорскомъ уѣздѣ нѣкогда богатый монастырь на Двинѣ, Моржевскій, Кривецкій, тамъ же Николаевскій на Двинѣ, и два женскихъ монастыря Емецкихъ при рѣкѣ Емцѣ, въ Мезенскомъ уѣздѣ Чирцова пустынь, Кенскій или Кяндскій въ онежскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Кенѣ, неизвѣстно когда основанный инокомъ Пахоміемъ, но существовавшій въ концѣ XV вѣка [2]).

И Псковская Земля усѣяна была монастырями.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ монастырей самаго города Пскова—Спасо-Мирожскій на устьѣ рѣчки Мирожи, впадающей въ Великую на Заверичьѣ. Онъ основанъ въ 1156 г. Нифонтомъ, епископомъ новгородскимъ [3]), построившимъ въ немъ каменную церковь. Въ этомъ монастырѣ привлекала благочестивыхъ чудотворная икона Знаменія Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ на ней князя Довмонта и его супруги. Два настоятеля монастыря, Авраамій, первый поставленный основателемъ Нифонтомъ, и Василій, умерщвленный Литовцами, сдѣлавшими набѣгъ на Завеличье въ 1299 году почитались божіими угодниками, хотя мощей ихъ не чтили. Храмъ Мирожскаго монастыря — одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи древ-

1) Акт. юрид. 273.

2) Истор. Свѣд. о монаст. 1—17.

3) Новг. IV, 10.

нихъ зданій, какъ по архитектурѣ, такъ и по старинным фрескамъ, украшавшимъ стѣны, но теперь заштукатуренным по невѣжеству и извѣстнымъ только по отрывкамъ на алтарной стѣнѣ. Въ XIII вѣкѣ явился Іоанно-Предтеченскій женскій монастырь, также на Завеличьѣ. Онъ основанъ Евпраксіею, супругою князя Ярослава Владимировича, того самаго, который продавалъ свое отечество Нѣмцамъ. Она была убита своимъ пасынкомъ въ Оденпе. Тѣло ея было привезено во Псковъ и погребено въ основанномъ ею монастырѣ. 18-го мая 1243 года надъ ея гробомъ произошло чудо отъ иконы св. Спаса: текло мѵро впродолженіи двѣнадцати дней и набрали этого чуднаго мѵра двѣ восчаницы: одну во Псковѣ оставили, а другую въ Новгородъ отослали. Кромѣ Евпраксіи, въ монастырѣ погребены княгиня Марія, супруга Довмонта и какая-то княгиня Наталія; по преданію—онѣ жили вмѣстѣ, и на хорахъ показываютъ углубленія въ каменной стѣнѣ, гдѣ эти княгини-отшельницы стояли во время богослуженія. Съ ними погребена ихъ келейница и подруга Сандулія. Монастырь этотъ былъ мѣстомъ погребенія многихъ княгинь, скончавшихся во Псковѣ. Его каменная церковь, построенная въ XIII вѣкѣ изъ плитняка съ примѣсью кирпича, треснувшая въ нѣсколькихъ мѣстахъ, существуетъ до-сихъ-поръ. Въ концѣ XIII вѣка былъ основанъ монастырь Снятогорскій (или Снѣтогорскій) на Снятной горѣ, надъ рѣкою Великою, въ четырехъ верстахъ отъ Пскова, на другой сторонѣ этой рѣки. Основателемъ былъ преподобный Іосифъ, убитый вмѣстѣ съ семнадцатью монахами набѣжавшими на окрестности Пскова Литовцами въ 1299 г. [1]). Каменная церковь въ немъ, существующая до-сихъ-поръ, построена въ началѣ XIV вѣка. Въ 1310 г. построе-

[1]) Пск. Л. I, 192.

на была каменная церковь Богородицы на Горѣ, и такъ-какъ лѣтопись по этому поводу прибавляетъ: при игуменѣ Іовѣ, то изъ этого можно заключить, что тамъ былъ монастырь [1]).

Изъ существовавшихъ во Псковѣ и во Псковской Землѣ монастырей, о большей части нельзя сказать когда они построены, потому-что о нихъ упоминается бо́льшею частію случайно. Несомнѣнно существовали во времена независимости Пскова слѣдующіе монастыри: Пантелеймоновскій-дальній на Черехѣ, упоминается въ первый разъ въ 1341 г. [2]). Пантелеймоновскій ближній на Красномъ дворѣ. Каменная церковь въ немъ построена въ 1468 г., но конечно онъ существовалъ и въ 1341 г.; когда былъ дальній, то долженъ былъ существовать и ближній [3]). Рождества Христова на Полонищѣ, упоминаемой какъ монастырь въ 1466 г. [4]), а какъ церковь еще въ 1388 г. Николаевскій монастырь на Волкѣ упоминается основаннымъ въ 1395 г. [5]). Михайловскій женскій въ Полѣ упоминается первый разъ въ 1398 г. по поводу построенія въ немъ каменной церкви [6]). Великая Пустынь (за 60 верстъ отъ Пскова) упоминается подъ 1404 годомъ [7]). Никитская Пустынь въ окрестности Пскова на Многѣ рѣкѣ, упоминается подъ 1441 г. [8]). Благовѣщенскій женскій на Пескахъ основанъ въ 1421 г. [9]). Воскресенскій на Запсковьѣ упоминается подъ 1458 годомъ [10]). Николаевскій на Завеличьѣ упоминается подъ 1463 годомъ [11]). Покровскій на Полонищѣ, упоминается подъ 1465 г. [12]). Никитскій въ городѣ упоминается подъ 1470 г. [13]). Глинскій Святаго Духа на Завеличьѣ упоминается подъ 1484 г. [14]). Въ пригородѣ

[1]) Пск. I, 184; [2]) Пск. I, 186. [3]) Пск. I, 231. [4]) Пск. I, 230. [5]) Пск. I, 194. [6]) Пск. I, 195. [7]) Псковск. II, 13. [8]) Пск. I, 212. [9]) Пск. II, 23. [10]) Пск. I, 217. [11]) Пск. I, 228. [12]) Пск. I, 229. [13]) Пск. I, 235. [14]) I, 266.

Вельѣ былъ монастырь св. Спаса, упоминаемый подъ 1459 годомъ [1]). Въ пригородѣ Выборѣ были, по преданію, монастыри Воздвиженскій при главной церкви и Варваринскій женскій, во Вревѣ два: Ильинскій мужескій и Покровскій женскій; въ окрестностяхъ Изборска Богородицкій, основанный преподобнымъ Онуфріемъ въ XV вѣкѣ. Болѣе всѣхъ получили историческо-жизненное значеніе монастыри Трехсвятительскій Елизарьевъ, Крипецкій и Псково-Печерскій.

Первый изъ этихъ трехъ былъ основанъ въ первой половинѣ XV-го вѣка Елизаромъ, въ монашествѣ Евфросиномъ. Осталось подробное его житіе, сочиненное въ XVI-мъ вѣкѣ священникомъ Василіемъ; въ немъ много выдуманнаго, но есть историческая основа, тѣмъ болѣе, что авторъ пользовался прежнимъ житіемъ, до насъ недошедшимъ.

Святой Евфросинъ былъ родомъ Псковитянинъ, поселянинъ изъ деревни Видselебской, верстахъ въ тридцати ото Пскова. Родители отдали его учиться грамотѣ; юноша вчитался въ божественныя книги; у него было пылкое воображеніе; онъ покинулъ родительскій домъ и постригся въ монахи въ Спятогорскомъ монастырѣ. Настроивъ себя чтеніемъ о подвигахъ пустынниковъ, онъ оставилъ монастырь и поселился въ двадцати восьми верстахъ отъ Пскова недалеко рѣки Толвы, гдѣ построилъ себѣ хижину. Чрезъ нѣсколько времени стали сходиться къ нему такіе же отшельники, и возникъ монастырь. Построена была церковь Трехъ Святителей на берегу пруда̀, въ лѣсу. Въ числѣ приходившихъ къ нему было цѣлое семейство. Три брата родные—Игнатій, Харлампій и Памфилъ поселились у него одинъ за другимъ; Игнатій посвященъ въ іерейскій санъ. Пришелъ потомъ и четвертый братъ, Мартирій; онъ былъ женатъ, но примѣръ братьевъ такъ настроилъ его, что онъ бросилъ жену и

1) Пск. I, 218.

пришелъ въ новый монастырь. Жена поплакала и также пошла въ женскій монастырь. Наконецъ пришелъ къ Евфросину и поселился въ монастырѣ съ четырьмя братьями и старый ихъ родитель. Пришелъ кь Евфросину и одинъ богачъ по имени Кононъ — принесъ къ нему серебро и пожертвовалъ на обитель. Евфросинъ, разумѣя, что у пришедшаго вѣры мало, сказалъ ему: «Положи предъ алтаремъ; Богу отдай!» Тотъ сдѣлалъ такъ; но чрезъ нѣсколько времени соскучился въ монастырѣ, захотѣлъ въ міръ и началъ требовать назадъ свое серебро. Евфросинъ сказалъ, что онъ отъ него не бралъ; оно Богу отдано. Кононъ — такъ звали богача—затосковалъ о своемъ серебрѣ до безумія и, напавши на Евфросина въ лѣсу, куда тотъ удалялся для молитвы, хотѣлъ-было изрубить его топоромъ; но спокойный и кроткій видъ Евфросина обезоружилъ его. Преподобный обѣщалъ ему воротить серебро и скрыть его преступленіе отъ братіи. Пришедши съ нимъ въ монастырь, немедленно отдалъ ему его серебро. Кононъ, вышедши изъ монастыря, вдругъ ослѣпъ на оба глаза и, воротившись назадъ, сталъ каяться и просить прощенія. Евфросинъ помолился о немъ; Кононъ прозрѣлъ и снова остался навсегда въ монастырѣ, а серебро отдалъ на церковь.

Евфросинъ завелъ въ своемъ монастырѣ суровые обычаи. Братія должна была находиться въ работѣ или на молитвѣ, скудно ѣсть, мало спать, питаться и содержать себя отъ своихъ рукъ: иноки сами рубили дрова, пахали землю, сѣяли хлѣбъ, ловили рыбу. Богослуженіе въ церкви было чрезвычайно продолжительно, особенно всенощныя по скитскому уставу. Какой-то новгородскій священникъ, услышавъ о новозаведенной обители, вздумалъ посѣтить ее и подвергнуться всѣмъ трудамъ, опредѣленнымъ братіи. Пришла всенощная подъ праздникъ. Уже наступала полночь. Священникъ утомился, хотѣлъ спать и съ безпокой-

ствомъ спрашивалъ: когда это кончится? Ему отвѣчали, что всенощное бдѣніе у нихъ прекращается съ окончаніемъ перваго часа дня. Тогда священникъ снялъ съ себя поясъ, зацѣпилъ за крюкъ, повѣсилъ себя подъ пазуху и такъ продержался въ чрезвычайномъ истомленіи. Возвратившись въ Новгородъ, онъ всѣмъ съ удивленіемъ разсказывалъ о подвижничествѣ въ Евфросиновомъ монастырѣ. «Вообразите себѣ присно-стоящее дерево — говорилъ онъ — не требующее ни сна, ни дремленія, ни успокоенія; таковъ онъ съ братіею.... желѣзный съ желѣзными!

За свою святую жизнь, Евфросинъ при жизни, молитвами своими низводилъ Божію благодать на природу. Близь монастыря есть озеро: оно и теперь богато рыбой. Но встарину было оно не такое. Случилось однажды въ храмовой праздникъ обители Трехъ Святителей, оскудѣніе рыбное. Рыболовы посланные на Великое Озеро ничего не принесли съ собою. Братія стала скорбѣть. Тогда Евфросинъ сказалъ: «не скорбите, уповайте и вѣруйте; вѣрующему все поспѣетъ во благое; Моисей препиталъ же манною израильскихъ людей въ пустыни и воду имъ источилъ изъ камня: и насъ убогихъ Господь можетъ препитать и все христолюбивое множество народа, приходящаго изъ города праздника ради». Онъ пошелъ въ церковь и сталъ усердно молиться, а потомъ взялъ съ собой любимаго ученика Меркурія, просіявшаго уже довольно въ постническихъ добродѣтеляхъ, и нѣкоторыхъ изъ братій и отправился къ озерцу: помолился, закинулъ сѣть и вытащилъ такое множество рыбы, что чуть сѣть не прорвалась. Съ-тѣхъ-поръ озеро близь монастыря до-сихъ-поръ въ изобиліи даетъ хорошую рыбу.

Но чѣмъ особенно прославился Евфросинъ — это его споръ за сугубое аллилуйа. Къ сожалѣнію разсказъ, сообщаемый жизнеописателемъ его Василіемъ, именно въ этомъ

мѣстѣ находится слишкомъ подъ вліяніемъ пристрастія къ сугубому и злобы къ трегубому аллилуйа, а потому не иначе какъ въ общихъ чертахъ можетъ-быть вѣроятенъ. Вопросъ о томъ—какъ читать аллилуйа—должно быть давно уже возбуждалъ пренія мѣстныхъ философовъ; и еще въ 1419 году митрополитъ Фотій писалъ ко Псковичамъ посланіе и, между-прочимъ, отвѣчалъ имъ на вопросъ объ аллилуйя, повелѣвая его троить [1]). Обычай троить—былъ древній и употребительный въ церкви; двоили немногіе вольнодумцы. По извѣстію Евфросинова, жизнеописателя Василія, Евфросинъ сталъ также двоить и убѣждать другихъ къ двоенію. Это случилось, какъ повѣствуетъ Василій, послѣ путешествія въ Цареградъ, которое предпринято было Евфросиномъ со спеціальною цѣлію разъяснить вопросъ объ аллилуйа. Что Евфросинъ путешествовалъ въ Цареградъ—это естественно: такія путешествія были въ обычаѣ и въ духѣ времени; но жизнеописатель Василій погрѣшаетъ противъ истины, увѣряя, что патріархъ повелѣлъ Евфросинъ двоить аллилуіа: этого никакъ не могло случиться, потому-что на востокѣ, также какъ и въ Россіи, сохранялся древній обычай троить. Какъ-бы-то ни было, только, по извѣстію того же Василія, въ монастырѣ Евфросиновомъ стали употреблять сугубое аллилуіа. Слухъ объ этомъ разошелся во Псковѣ. Былъ тогда въ городѣ нѣкто священникъ Іовъ, пріобрѣвшій репутацію глубокаго знатока св. Писанія и божественныхъ книгъ; священники обращались къ нему съ вопросами о спорныхъ предметахъ; приходили къ нему и міряне за совѣтами въ дѣлахъ зако-

[1]) Что ми пишете объ аллилугіи и на славахъ сице глаголи Слава Отцы и Сыну и Святому Духу і нынѣ и присно в вѣка вѣкомъ аминь; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Слава Тобѣ Боже, аллилуіа, аллилуіа, Слава Тобе Боже, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Слава Тобе Боже. (Духовн. Вѣстн. 1862. Мартъ. VII, 52).

на: былъ онъ, въ глазахъ всего Пскова, большой философъ и прозвали его «столпъ». Чтобы очернить его, жизнеописатель увѣряетъ, будто онъ. по смерти жены, «распопился», и женился на другой; но это не умалило его достоинства предъ Псковичами. Также точно о его другѣ и соумышленникѣ Филиппѣ разсказывается, что онъ былъ дьяконъ, но по смерти жены, «раздьаконился», чтобъ жениться на другой. Оба владѣли хорошо рѣчью и стали коноводами кружка мыслителей, вооружившихся за трегубое аллилуіа противъ Евфросина. Сначала они предложили Евфросину диспутъ и послали къ нему изъ среды себя ученыхъ, на челѣ которыхъ былъ Филиппъ. Евфросинъ принялъ ихъ радушно, угостилъ трапезою, потомъ пригласилъ къ себѣ въ келію для состязанія. Защитники трегубаго доказывали, что тройное аллилуіа поется въ честь св. Троицы, и двоить его — значитъ умалять божество. Евфросинъ возражалъ, что человѣкъ не въ силахъ ни умножить, ни умалить божество и опирался на то, что въ Константинополѣ ему приказали двоить аллилуіа. Въ спорѣ онъ разгорячился до того, что когда ему подали писаніе, составленное Іовомъ, котораго звали столпомъ, то онъ сказалъ: «какой это столпъ? Это мотыльный [1]) столпъ». Самимъ своимъ противникамъ онъ сказалъ, что они мудрствуютъ «по-свински!» Когда посланные, воротившись во Псковъ, разсказали Іову, какъ Евфросинъ изъяснялся о его личности, философъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, сталъ сильнѣе проповѣдывать противъ Евфросина и чрезвычайно озлобилъ противъ него Псковичей. Когда изъ Евфросинова монастыря приходили братья въ городъ за покупками, Псковичи оскорбляли ихъ, не считали за иноковъ; а если кто приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ и угощалъ, того брани-

[1]) Мотыла — калъ.

ли и укоряли. Ожесточеніе ихъ дошло до того, что если кто проѣзжалъ мимо Евфросиновой обители, то не снималъ шапки, какъ слѣдовало передъ церковью и говорилъ: здѣсь еретикъ живетъ; онъ двоитъ пресвятое аллилуіа! Евфросинъ жаловался архіепископу Евфимію. Тотъ сознался въ своей немощи разрѣшить такой важный вопросъ, но предоставлялъ ему поступать такъ, какъ благословилъ его патріархъ, если онъ былъ у патріарха и принялъ отъ него повелѣніе, но съ другой стороны не обязывалъ и Псковичей слѣдовать введенному Евфросиномъ обычаю и не остановилъ ихъ злобы, которая продолжалась до самой смерти Евфросина, случившейся въ 1481 году. За то, послѣ блаженной кончины его, наказаніе постигло философа Іова. Напала на него такая болѣзнь, что все тѣло его покрылось червями и отъ него исходилъ такой смрадъ, что никто не могъ приблизиться къ нему. Въ уныніи онъ поступилъ въ иноческій чинъ и постригся въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Но болѣзнь не оставляла его. Не даромъ Евфросинъ нарекъ его мотыльнымъ столпомъ. Два года пространдалъ онъ такимъ образомъ и наконецъ вышла душа его изъ тѣла съ великимъ страданіемъ. И когда зазвонили къ погребенію его, и сошлись братія дать усопшему послѣднее цѣлованіе и проводить его въ могилу,—никто не могъ приступить къ его трупу, и отъ нестерпимой вони держали себя за носы честные иноки; и такъ скрыли его тѣло въ оградѣ Спасо-Мирожскаго монастыря.

Видите ли братія, восклицаетъ жизнеописатель Евфросина: какова месть Божія и прещеніе «пресвятыя ради аллилуіа» [1]).

Церковь считаетъ недостовѣрнымъ весь разсказъ Василія объ участіи Евфросина въ дѣлѣ объ аллилуіа; тѣмъ не

[1]) Пам. Стар. Р. Лит., IV. 101.

менѣе онъ не лишенъ для насъ значенія, какъ образчикъ старинныхъ понятій, высказавшихся въ описаніи событія, если даже это событіе въ сущности вымыселъ, то имѣетъ для потомства важность исторической истины извѣстнаго склада понятій и воззрѣній.

До-сихъ-поръ, близь Евфросинова монастыря, въ рощѣ, недалеко пруда, благословеннаго святымъ мужемъ на рыбное обиліе, показываютъ дупло, обгрызанное зубами благочестивыхъ богомольцевъ. Тамъ часто сидѣлъ Евфросинъ, предаваясь богомыслію. Вокругъ разбросаны разной величины каменья, которыя онъ таскалъ на головѣ труда ради. Есть вѣрованіе, что если у кого болитъ часто голова, надобно трижды обнести на головѣ одинъ изъ камней вокругъ дупла, и болящій получитъ исцѣленіе.

Евфросиновъ монастырь далъ основаніе Крыпецкому, верстахъ около 18-ти отъ Евфросинова въ болотномъ и лѣсистомъ мѣстѣ. Былъ у Евфросина въ обители пришлый съ востока братъ, по имени Савва. Думаютъ, что онъ былъ по происхожденію Сербъ. Поживши въ монастырѣ, онъ пошелъ изъ него въ пустыню, и поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится его монастырь, на берегу небольшаго озерца. Въ этомъ пустынномъ болотѣ проживали бѣсы. Имъ не понравилось, что тамъ явился святой отшельникъ, который своими молитвами ихъ прогонитъ. Они стали представлять ему разныя пугала и привидѣнія,—но святой выдержалъ эти искушенія; молитвою и потомъ изгналъ ихъ; и сталъ онъ жить безмятежно, питаясь хлѣбомъ и водою. Скоро, однако, узнали во Псковѣ, что явился новый пустынникъ и стали къ нему приходить, и просить духовныхъ совѣтовъ: онъ всѣхъ принималъ. Посѣщали его и бояре, и посадники, и знатные и незнатные. Всѣмъ онъ давалъ благія нравоученія, а въ особенности совѣтовалъ воздерживаться отъ блуда и прославлялъ дѣвственную чисто-

ту. Тогда нашлись и такіе, что, подобно ему, рѣшились оставить мірскую суету и поселились съ нимъ вмѣстѣ. Такъ возникла обитель и была построена деревянная церковь во имя Іоанна Богослова. Богатые христолюбцы жертвовали на новый монастырь свои вклады. Савва все отдавалъ на церковь и на братію, а самъ жилъ очень скудно, и уклоняясь отъ любоначалія, не принялъ на себя игуменскаго сана, а поручалъ его другому иноку Кассіяну. Его ревность къ чистотѣ простиралась до того, что Савва запрещалъ входить въ монастырь женскому полу, по аѳонскому образцу. Однажды, пріѣхалъ къ нему князь Ярославъ который много жертвовалъ на монастырь и часто туда ѣздилъ: на этотъ разъ онъ прибылъ съ женою, которая была больна и искала исцѣленія. Савва недопустилъ княгиню въ обитель, но по просьбамъ князя вышелъ къ ней за ворота и отслужилъ ей молебенъ, послѣ чего она выздоровѣла. Въ память этого событія и въ благодарность за исцѣленіе жены, Ярославъ построилъ длинный деревянный мостъ, черезъ болото, окружающее монастырь и подарилъ, съ согласія псковскаго вѣча, монастырю волость.

Савва умеръ въ старости въ 1495 году. Его мощи были уже открыты послѣ паденія независимости Пскова. Тогда же была построена и каменная церковь вмѣсто деревянной.

Псково-Печерскій монастырь, находящійся верстахъ въ пятидесяти отъ Пскова близь ливонской границы въ ущельѣ песчаныхъ горъ, на берегу ручья Каменца, получилъ свое важное значеніе уже въ XVI-мъ вѣкѣ, но его начало восходитъ ко второй половинѣ XV-го. Однажды изборскіе охотники по прозвищу Селиши, отецъ съ сыномъ, гонялись за звѣрьми въ лѣсистой пустынѣ и, дошедши до того мѣста, гдѣ потомъ возникъ монастырь, услышали церковное пѣніе. Они приняли это пѣніе за пѣніе ангеловъ, заключили

изъ этого, что мѣсто, на которомъ имъ послышалось пѣніе—свято, разсказали своимъ товарищамъ, и всѣ, по общему совѣту, обратились ко псковскому вѣчу и выпросили себѣ на поселеніе то́ мѣсто, на которое указывали Селиши. Получивъ землю во владѣніе, они подѣлили ее между собою: одному изъ нихъ досталось по раздѣлу мѣсто недалеко нынѣшней пещерной горы; звали его Иванъ Дементьевъ. Одинъ разъ онъ пошелъ рубить на домашній обиходъ дерево на ту гору, гдѣ Селишамъ было слышаніе. Срубленное на краю горы дерево повалилось внизъ, захватило съ собой другіе деревья и кустарники; оторвалась часть земли и открылась пещера съ надписью: «Богомъзданная пещера». Тогда оказалось, что Селиши слышали пѣніе не ангеловъ, но отшельниковъ. Но ихъ тамъ не было; не было ихъ вѣроятно и въ живыхъ, и уже пещера завалилась землею. Преданіе приписываетъ первое копаніе пещеры какому-то Марку.

Когда пещера была открыта, во Псковѣ жилъ священникъ именемъ Іоаннъ, бывшій прежде въ Юрьевѣ ливонскомъ, но удалившійся оттуда по причинѣ гоненій отъ Нѣмцевъ. Онъ поселился во Псковѣ, гдѣ былъ чужой — «шестникъ», родомъ онъ былъ Москвичъ. Услышавъ объ открытіи пещеры, отправился онъ туда на мѣсто, и тамъ поселился, и близь пещеры выкопалъ въ той же песчаной горѣ церковь. Жена его, по имени Васса, постриглась въ монахини и скоро умерла. Мужъ и другой священникъ хотѣли ее похоронить въ землѣ въ пещерѣ, но гробъ три раза чудесно выходилъ изъ земли, какъ бы во знаменіе, что Богу не угодно, чтобъ она была зарыта. Гробъ поставили въ сдѣланномъ нарочно углубленіи.

По смерти Вассы, Іоаннъ принялъ имя Іоны и постригся въ монахи. Церковь была имъ окончена; противъ нея на столбахъ онъ построилъ двѣ келіи. Псковское духовенство, со-

блазняясь такимъ оригинальнымъ построеніемъ церкви, не хотѣло ее освящать. Іоаннъ обратился къ архіепископу Ѳеофилу. Тотъ согласился; и, по его благословенію была освящена сдѣланная въ горѣ церковь во имя Успенія Богородицы. Это случилось въ 1473 году. Дементьевъ, открывшій случайно пещеру, подарилъ новому монастырю землю около него подъ устройство. Такъ положено было основаніе этой обители. Преемникъ Іоны, Михаилъ, устроилъ на горѣ другую церковь во имя кіево-печерскихъ чудотворцевъ Антонія и Ѳеодосія. Но обитель, построенная на границѣ, вскорѣ была разорена ливонцами, и хотя опять возстановлена, но была бѣдна и незначительна. Уже послѣ паденія Пскова, сначала дьякъ Мисюрь, а потомъ знаменитый Корнилій изъ боярскаго рода, бывшій тамъ игуменомъ, возвысили ее. Пещеры распространились и сдѣлались мѣстомъ погребенія.

VI.

УПРАВЛЕНІЕ И УСТРОЙСТВО МОНАСТЫРЕЙ.

Монастыри управлялись на основаніи общихъ правилъ, укорененныхъ обычаемъ подъ верховною властію новгородскихъ Святителей. Невидно, чтобъ въ древности существовали для монастырей какія нибудь привиллегіи, какъ впослѣдствіи, освобождавшія ихъ отъ суда и непосредственной власти владыкъ. Въ Грамотѣ Митрополита Кипріана (1391—1395) говорится: «монастыреве игумены и чернецы, попы, дьяконы и всякъ церковный человѣкъ ти вси подъ властію въ послушаніи святителю; никто же не смѣетъ ни одинъ крестьянинъ, ни малъ ни великъ, вступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тѣхъ игуменъ или попъ, или чернецъ имать отъиматися мірскими властелины отъ святителя, таковаго божественная правила извергають и отлучають... да елико есть монастыревъ, игумены да будутъ у него (у новогородскаго владыки) въ покореньи и въ послушаніи и весь чинъ священническій». Внутренное управленіе основывалось на выборѣ. Игуменъ избирался братіею, а утверждался владыкою; а иногда избиралось нѣсколько кандидатовъ и владыкѣ предоставлялс утвердить одного изъ нихъ по своему усмотрѣнію. Кромѣ

игумена избирался келарь (казначей) и ключникъ (экономъ. Нѣсколько старцевъ протоіереевъ составляли соборъ или совѣтъ около игумена и назывались соборными старцами. Этому собору старцевъ и игумену, какъ предсѣдателю совѣта, принадлежалъ судъ и управа надъ всѣми живущими въ обители и внѣ стѣнъ ея надъ всѣми тѣми, которые къ ней приписаны [1]). Верховной судъ и власть владыки надъ монастыремъ совершались чрезъ посредство посылаемыхъ десятильниковъ. Монастыри для владыки имѣли значеніе какъ-бы доходныхъ статей. Они платили ему судныя пошлины и откупъ (вѣроятно послѣдній за право внутренняго самоуправленія и расправы), сверхъ того владыки, какъ предполагалось, должны были ѣздить по монастырямъ съ цѣлію суда, и слѣдовательно имѣли право ставить въ монастыряхъ лошадей и брать кормъ на себя и на свой дворъ. Но такъ-какъ многіе владыки неѣздили постоянно по монастырямъ съ этой цѣлію, то необходимыя издержки въ пользу владыкъ, въ случаѣ поѣздокъ, обратились въ постоянныя доходныя статьи: монастыри должны были платить владыкѣ, вмѣсто того чтобъ содержать его въ случаѣ пріѣзда. Но если не ѣздили по монастырямъ сами владыки, то ѣздили ихъ десятильники съ цѣлію суда и получали въ монастыряхъ подводы, проводниковъ и содержаніе. Такимъ-образомъ выходило, что монастыри вдвойнѣ отбывали одну и ту же повинность—издержки на судопроизводство надъ собою и деньгами и натурою. Сверхъ того, монастыри, находившіеся въ самомъ Новѣгородѣ и въ окрестностяхъ его, служили предметомъ поживы для софійскихъ поповъ, причта и архіепископскихъ чиновниковъ: когда наступалъ въ монастырѣ престольный праздникъ, непремѣнно звали къ себѣ служить софійскихъ

[1]) А. И. 1. 50.

поповъ и платили имъ за это. Нѣкоторые ѣздили по монастырямъ только, просить; и назывались попрошатаи (попрошатаи владычни люди въ монастыри по волости у нихъ просити не ѣздятъ). Отъ такихъ поборовъ нѣкоторые новгородскіе монастыри освобождались уже послѣ паденія новгородской независимости, когда вошло въ обычай раздавать несудимыя грамоты, составлявшія привиллегіи нѣкоторыхъ монастырей.

Въ древнемъ Новгородѣ и по новгородской землѣ въ монастыряхъ рѣдко соблюдалось общинное житіе; издревле оно существовало только въ нѣкоторыхъ. Такъ подъ 1169 г. упоминается въ лѣтописи, что архіепископъ Іоаннъ построилъ Бѣло-Николаевскій монастырь, и устроилъ въ немъ общину. Какъ образчикъ общиннаго устройства, можетъ служить монастырь Снѣтогорскій, близу Пскова, о которомъ сохранились довольно подробныя извѣстія начала XV-го вѣка. Братія вносили вклады и дѣлались членами общины. Разъ внесенное уже никогда не возвращалось. Въ случаѣ смерти череца, наслѣдники не имѣли права на полученіе внесеннаго. Равнымъ образомъ, если бы чернецъ вышелъ изъ послушанія игумену и соборнымъ старцамъ, и былъ за это изгнанъ — вкладъ его не возвращался. Однимъ словомъ, родъ и племя теряли всякое право на это достояніе. Наказаніе изгнаніемъ употреблялось только въ крайнемъ случаѣ; обычное наказаніе было—заключеніе въ темницу. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и теперь остались въ церквахъ чуланы, иногда совсѣмъ темные, иногда съ маленькимъ окошечкомъ: туда сажали провинившихся. Безъ разрѣшенія игумена, монахи не могли выходить изъ своего монастыря. Никто не могъ имѣть своей пищи: всѣмъ завѣдывали ключникъ и келарь; а еслибы кому нибудь понадобилось съѣстное или питное, келарь долженъ былъ доложить объ этомъ игумену. Ни-

кто не долженъ имѣть на собственный счетъ пріобрѣтенной одежды, а получалъ ее изъ монастырскаго запаса. Въ уставной грамотѣ Снятогорскому монастырю, между прочимъ, находится предостереженіе — не покупать одеждъ нѣмецкаго покроя. Никто не могъ, однимъ словомъ, сказать въ общинномъ монастырѣ: «это мое, а это твое.» Житіе въ монастырской общинѣ должно быть подобіемъ первыхъ христіанскихъ общинъ, какія существовали во времена апостольскія, когда у многочисленнаго общества послѣдователей Распятаго Іисуса была душа едина. Игуменъ имѣлъ право отнять стяжаніе, которое монахъ пріобрѣлъ себѣ, и обратить его въ собственность монастыря, куда этотъ монахъ вступилъ. Неизвѣстно, въ какихъ именно монастыряхъ въ Новгородѣ было общинное устройство. Быть-можетъ, оно возникало и исчезало въ одпихъ и тѣхъ же. Въ XVI в. при Макаріи, когда въ 1528 г. этотъ владыка убѣдилъ новгородскіе монастыри принять общинное устройство, оказалось, что, до того времени, только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ была община, и именно въ великихъ; но какіе то были великіе — не говорится. Между-тѣмъ въ Антоніевскомъ, очень важномъ монастырѣ, который по всему долженъ былъ бы включаться въ число великихъ, не было общины. Тогда въ новгородскихъ монастыряхъ вообще монаховъ было мало: въ нѣкоторыхъ человѣка по два или по три; а гдѣ семь или восемь человѣкъ, тотъ монастырь считался уже большимъ. Нѣкоторые мужскіе и женскіе монастыри помѣщались въ одной оградѣ. Однако по этимъ извѣстіямъ XVI вѣка нельзя вполнѣ заключить о состояніи монастырей во времена независимости Великаго-Новгорода: потому-что со времени переселенія должно было измѣниться и устройство монастырской жизни. Вообще, какъ кажется, новгородскіе монастыри не были чужды духа свободы, господствовавшаго въ новгородскомъ мірѣ. Новгородецъ, пе-

реходя изъ своего буйнаго города въ стѣны обители, приносилъ съ собою прежній нравъ. Монахи часто тяготились духовнымъ деспотизмомъ своихъ начальниковъ, и искали противъ нихъ опоры у свѣтскихъ властей. Новгородскіе и псковскіе посадники вмѣшивались въ монастырскія дѣла, принимали подъ свое покровительство недовольныхъ, часто съ корыстною цѣлію; отъ этого возникали споры у духовенства со свѣтскими властями. Мы встрѣчаемъ неоднократно указанія на то, что, вопреки особности и неприкосновенности для міряпъ церковнаго управленія, которое хотѣли незыблемо сохранить владыки, міряне оказывали такое вмѣшательство. Къ этому располагало то, что многіе монастыри устроены были частными лицами; основатели домогались удерживать надъ ними право и передавать его своимъ потомкамъ. Изъ приведенной выше грамоты Кипріана, видно, что обращеніе недовольныхъ своимъ начальствомъ чернецовъ ко свѣтскимъ властямъ случалось нерѣдко въ Новгородѣ, еще чаще во Псковѣ: тамъ постоянное отсутствіе святителя подавало мірянамъ поводъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, судить и казнить поповъ и чернецовъ [1]). Въ грамотѣ архіепископа Симеона въ Снятогорскій монастырь (1416—1421) говорится *и тыя черньци да изъ вашего монастыря вышедши вонъ да подъимаютъ мірскыя люди и мірскыя судья на игумена и на старцевъ вашего монастыря, и тыя мірьскыя судья и міряне да судятъ васъ мірьскимъ обычаемъ* [2]). Въ 1471 г. мы имѣемъ примѣръ суда Новгорода надъ духовнымъ лицомъ. Великій-Новгородъ осудилъ владычняго ключника, обвиняемаго въ растратѣ софійской казны. Это примѣръ, показывающій, что вѣче считало себя въ правѣ контролировать духовное вѣдомство въ финансовыхъ отношеніяхъ.

[1]) Ак. Ист. I, 18. [2]) Ак. Ист. I, 50.

Въ 1463 г. митрополитъ Өеодосій говоритъ архіепископу Іонѣ: да никто же не смѣетъ ни единъ христіанинъ ни малъ ни великъ въ та дѣла вступатись аще ли который отъ тѣхъ игуменъ или попъ или чернецъ начнетъ отъиматися мірскими властелины отъ святителя, таковаго божественная и священная правила извергаютъ и отлучаютъ. Онъ предостерегалъ, чтобъ посадники и тысяцкіе и бояре Великаго-Новгорода не вступались въ села, земли и выходы и пошлины церковныя [1]). Въ XV вѣкѣ, какъ кажется, особенно развился неладъ между духовными и свѣтскими властями, и уже въ умахъ слагались понятія враждебныя противъ неприкосновенности правъ лицъ и имуществъ духовнаго вѣдомства. Такъ, въ посланіи митрополита Филиппа къ новгородскому архіепископу Іонѣ, 1467 года, говорится, что многіе по грамотамъ завѣщавали въ монастыри свои имѣнія, но посадскіе и тысячскіе и вообще Новгородцы дозволяютъ себѣ непріязненныя толкованія и посягаютъ на отданныя въ монастыри имѣнія (которые люди православніи, отходя сею свѣта, помогали себѣ и своимъ духамъ; и писали свои грамоты духовныи, а подавали своя сели и своя имѣнія въ соборну церковь дому свящѣй Софій Божіи Мудрости и повсѣмъ святымъ церквемъ и по манастыремъ на очищеніе своимъ грѣхомъ, и на поминокъ единородныхъ и безсмертвыхъ своихъ душъ и всего роду своего.... и нѣкоторые посадници и тысятцкіи, да и отъ Новгородцовъ мнози въ ставляютъ нѣкая тщетная а словеса, мудрствующе себѣ плотскаа, а не душевна и яко забывше Божіе страха и казни Его, и непщуя ничтоже, ни поминающа скоробныхъ и печальныхъ, еже имъ бывшимъ во время се, мнящеся сими, яко безмертни суще; да хотятъ грубость чинити св. Божіей церкви и грабати святыа цер-

[1]) Ак. Ист. I, 126.

кви и монастыри, имъ же си кто стяжаніемъ бѣдную свою душю хотячи искупити, отъ вѣчнаго оного мученія, да отдалъ свое любострастное имѣніе и села святымъ Божіимъ церквамъ и монастыремъ, измоленіа ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновеніи своеа душа и своего роду, и дѣти твои дей нѣкоторіи Новогородци тѣхъ имѣнія церковныя и села данаа хотятъ имати себѣ, а приказъ и духовныя ихъ грамоты рудятъ, а церкви Божіи грабячи да сами тѣмъ хотятъ ся корыстовати [1]).

[1]) Ак. Ист. I, 13 I, 2.

VII.

ЮРОДИВЫЕ И ПАЛОМНИКИ.

Кромѣ монашества, способы выраженія особаго благочестія и исключительной преданности религіи были юродство и паломничество. Юродивые имѣли общественное значеніе. Они были нерѣдко сатириками общества, и, прикидываясь дураками, своими фарсами преподавали народу нравственные уроки и заставляли оглянуться на собственныя слабости. Осталось въ Новгородѣ преданіе о двухъ юродивыхъ въ XIV-мъ вѣкѣ: одинъ, по имени Николай, жилъ на Софійской сторонѣ, второй—по имени Өедоръ, на Торговой сторонѣ. Оба они вели убогую жизнь: держали строгій постъ, ходили босикомъ, даже по морозу, и отпускали предъ толпою разныя странности, навлекавшія на нихъ посмѣяніе, а иногда даже и побои. Между прочимъ, въ укоръ Новгородцамъ, они пародировали ихъ усобицы, происходившія между Софійской и Торговой сторонами города. Они не пускали другъ друга на противную сторону, и если Өедоръ явится на Софійской, то Николай его прогоняетъ, а если Николай зайдетъ на Торговую сторону, то Өедоръ бросается на него и гонитъ прочь. Такъ-какъ за свою святую и постническую жизнь они сподобились дара

чудотвореній, то эти путешествія съ одной стороны на другую совершались не по мосту, а прямо по водѣ, какъ по-суху. Люди смотрѣли съ удивленіемъ, какъ Николай, стоя посреди Волхова на водѣ, бросалъ въ своего соперника качанами капусты, и за это прозвали его: Никола Качановъ. Такихъ юродивыхъ ласкали богачи и бояре. Разсказываютъ, что какой-то бояринъ давалъ пиръ у себя въ домѣ, и, встрѣтивъ юродиваго на улицѣ, поклонився ему до земли, просилъ его сотворить любовь—придти къ нему на пиръ хлѣба ѣсть. Блаженный отвѣчалъ: Какъ Богъ хочетъ, такъ и будетъ. Онъ пришелъ къ боярину рано, когда еще не только гости не сходились, но и самъ хозяинъ, не ждавши къ себѣ приглашенныхъ, вышелъ изъ дома. Прислуга начала издѣваться надъ юродивымъ: одни толкали его; другіе ругались надъ нимъ. Николай вышелъ изъ дома. Когда пришло время, гости собрались на пиръ; хозяинъ приказалъ своимъ паробкамъ принести вина, меду и всякаго питія. Паробки пошли съ сосудами къ бочкамъ, и не нашли ни капли ни въ одной бочкѣ; а передъ тѣмъ онѣ были полны. Господинъ, когда ему донесли о такомъ непонятномъ приключеніи, самъ осмотрѣлъ бочки и не нашелъ ни капли. Нечего было дѣлать,—гости были созваны, безъ вина оставаться было нельзя; хозяинъ рѣшился посылать за винами на варяжскій (нѣмецкій) дворъ, но потомъ вспомнилъ о Николаѣ и спросилъ: былъ ли здѣсь блаженный? Былъ — отвѣчали ему: — да невѣгласы прогнали его. — Хозяинъ избралъ изъ своихъ слугъ степенныхъ и добрыхъ и послалъ искать Николая и умолять его, чтобъ онъ простилъ оказанное ему оскорбленіе и пришелъ къ нему въ домъ. Блаженный не ослушался, пришелъ. Бояринъ посадилъ его на первое мѣсто, кланялся предъ нимъ и говорилъ: «отдай мнѣ согрѣшеніе моихъ слугъ, и благослови внести питіе.»—Будетъ тебѣ, какъ ты хочешь»,

сказалъ Николай. Самъ хозяинъ отправился со слугами въ подклѣтъ къ бочкамъ и нашелъ, что все вино цѣло. Уклоняясь отъ почестей, которыя его ожидали, Николай ускользнулъ послѣ того изъ боярскаго дома.

Путешествія къ святымъ мѣстамъ считались постоянно богоугоднымъ дѣломъ, искупляющимъ житейскіе грѣхи. Толпы народа сбирались повсюду, гдѣ только являлась какая-нибудь репутація святости: предъ иконами, о которыхъ расходилась молва, что они творятъ чудеса и исцѣленія; у гробовъ признаваемыхъ святыми и праведниками; предъ уединенными келіями отшельниковъ, отъ которыхъ ожидали пророчества о будущемъ; и вообще ходили въ монастыри и пустыни въ храмовые праздники по обѣту, къ которому прибѣгали всегда въ несчастіяхъ и болѣзняхъ, и считали потомъ себя обязанными исполнить обѣщаніе— сходить туда, помолиться. Новгородцы ходили на Востокъ, въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ. Послѣдняго рода путешествіе считалось особенно-богоугоднымъ по своей трудности и продолжительности. Часто поводомъ къ такимъ подвигамъ было раскаяніе о прежней жизни, проведенной неблагочестиво. Такъ Василій Буслаевичъ отправился въ Іерусалимъ, потому-что съ-молоду было много бито-граблено, подъ старость надобно душу спасти. Въ подобныя далекія путешествія отправлялись ватагами, товариществами. Въ пѣсняхъ, паломники, пилигримы называются калики перехожіе, и будучи богомольцами, подчасъ являются и могучими удальцами, воинами. Отъ древняго Новгорода осталось два описанія путешествій въ Царьградъ: Стефана и Добрыни Ядрейковича, бывшаго потомъ новгородскимъ владыкою подъ именемъ Антонія. Владыка Василій путешествовалъ въ Іерусалимъ; онъ указываетъ на это въ своемъ посланіи къ тверскому владыкѣ Василію, говоря, что видѣлъ врата, затворенныя Христомъ, мѣсто,

гдѣ Христосъ постился и финиковыя деревья, насаженныя Его руками. Возвратившись въ отечество, новгородскіе паломники любили разсказывать всякія дивы и небылицы про дальныя страны и про свои приключенія въ этихъ странахъ. Такимъ-образомъ, въ томъ же посланіи, владыка Василій говоритъ, что Новгородецъ Моиславъ и сынъ его Яковъ, путешествуя по Востоку на морѣ, заѣхали къ раю. Было у нихъ три юмы [1]) (судна), долго ихъ носило вѣтромъ; одна погибла, а двѣ прибило къ высокимъ горамъ. Они увидали, что на горѣ былъ написанъ деисусъ удивительно красиво: такъ и видно, что не человѣческія руки его творили; а свѣтъ на томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой свѣтъ, что и разсказать человѣку невозможно; солнца не видали, а свѣтлѣе солнца было на томъ мѣстѣ. И слышали Новгородцы изъ-за горъ ликованія и веселыя пѣсни. Вздумали они по щеглѣ (по мачтѣ) взобраться на гору. Взобрался первый—глянулъ; всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ за гору. Послали Новгородцы другаго. «Смотри, говорили ему—неубѣгай; воротись и намъ разскажи, что̀ тамъ такое.» Но и другой, какъ только взошелъ на гору, не захотѣлъ ворочаться къ своимъ, а обрадовался чему-то и удалился за гору. «Ну, хоть бы намъ смерть приключилась»—сказали тогда Новгородцы—«а ужъ увидимъ свѣтлость этого мѣста, узнаемъ, что̀ тамъ такое.» Послали они третьяго на гору, и привязали веревками за ноги, чтобъ не ушелъ. Но и тотъ, какъ только взошолъ на гору, какъ только глянулъ за гору, всплеснулъ въ радости руками, забылъ, что привязанъ за ноги, пустился бѣжать... товарищи дернули за веревку, потянули его назадъ, а онъ тутъ и духъ испустилъ. «Видно»,—сказали тогда паломники,—«не дано намъ видѣть неизреченнаго веселія и свѣтлости мѣста сего.»

[1]) Не сумы ли?

То былъ рай земной. Не можетъ человѣкъ посмотрѣть на него и захотѣть воротиться въ этотъ исполненный печалей и несовершенствъ міръ. За то другіе Новгородцы, ѣздившіе на Западъ, разсказывали, что доходили до ада, видѣли истекающую изъ преисподней молнійную рѣку Моргъ; видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій; слышали скрежетъ зубный грѣшниковъ. Охота къ паломничеству доходила до злоупотребленій, и благочестивые пастыри должны были говорить противъ такихъ путешествій; потому-что иногда, подъ видомъ благочестія, укрывалось побужденіе къ лѣни, праздношатанію и бродяжничеству.

VIII.

ОСОБЕННОСТИ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ церкви новгородской существовали нѣкоторыя особенности, которыя виднѣются въ современныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи Вопросы Кириковы и приложенныя при нихъ правила архіепископа Иліи (Іоанна), представляютъ замѣчательныя черты. Нѣкоторыя правила, относящіяся до богослуженія, показываютъ, что тогда уже возникали вопросы относительно такого или другаго исполненія обрядовъ. При толкахъ объ обрядѣ крещенія возникалъ вопросъ о крещеніи взрослаго человѣка; изъ чего видно, что язычество было еще сильно, и многіе принимали крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ. Взрослый человѣкъ долженъ былъ проходить искусъ оглашенія; время для этого было различное: для Болгарина (волжскаго), Чудина и Половчина сорокъ дней, а для Славянина только восемь. Вѣроятно, такое различіе во времени принято оттого, что Славянинъ имѣлъ возможность научиться скорѣе, бесѣдуя со священникомъ на своемъ языкѣ; тогда-какъ иноплеменники должны были быть поучаемы или чрезъ переводчиковъ, или сами прежде нѣсколько научившись языку. Извѣстный

обрядъ отреченія отъ сатаны совершался нѣсколько пространнѣе, чѣмъ теперь: поднявъ руки вверхъ, слѣдовало произносить, обращаясь къ бѣсовскому владыкѣ: «нѣтуть твоего зла, ни что же скрыто у мене, ни гдѣ же не держю ни таю.» Здѣсь нельзя не видѣть матеріальнаго понятія о невещественномъ злѣ, отъ котораго отрекаются. Въ народѣ такъ еще мало было сознанія христіанства, что возникалъ вопросъ: какъ поступать съ такимъ, который самъ не знаетъ, крещенъ ли онъ, или нѣтъ; и вопросъ этотъ разрѣшался такъ, что надобно спрашивать свидѣтелей, и если не найдутся свидѣтели, то крестить его. Случалось, что католики принимали православіе; ибо возникъ вопросъ,—какъ поступать въ такомъ случаѣ, и разрѣшался такъ: онъ долженъ ходить семь дней въ церковь; священникъ въ это время наречетъ ему имя и будетъ читать надъ нимъ четыре молитвы, по десяти разъ каждую сряду; оглашенный долженъ воздерживаться отъ мяса и молока. Въ осьмый день, вымывшись, онъ долженъ былъ приходить къ священнику, который, помолившись надъ нимъ, одѣвъ его въ чистыя одежды, и самъ надѣвъ на себя крестныя ризы, возложитъ ему на голову вѣнецъ, помажетъ св. мvромъ и на литургіи причаститъ св. таинъ.

Но съ другой стороны народъ мало понималъ различіе вѣроисповѣданія; ибо въ тѣхъ же вопросахъ есть извѣстіе, что матери носили крестить дѣтей своихъ къ варяжскому (римско-католическому) попу.

Покаяніе въ грѣхахъ сопровождалось епитиміями. Онѣ состояли въ постѣ и сухояденіи и, вѣроятно, въ поклонахъ. За важные грѣхи налагалось по десяти лѣтъ поста, иногда по три года, по два года; въ эти сроки кающійся грѣшникъ не долженъ былъ ѣсть мяса и пить меда. Тѣ, которыхъ грѣхи вынуждали болѣе строгую епитимію, не могли разрѣшать даже на Великій День. На иныхъ налагался,

въ продолженіи опредѣленныхъ лѣтъ, постъ сплошной, исключая воскресенья, субботы и господскихъ праздниковъ. Для другихъ епитимія состояла въ томъ, что, кромѣ постовъ, опредѣленныхъ для всѣхъ церковью, назначался имъ, впродолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, постъ въ скоромные дни на извѣстное число дней, напр. сорокадневный постъ. Нѣкоторые добровольно налагали на себя за грѣхи воздержаніе. Священникъ, исповѣдуя грѣшника, при назначеніи епитиміи, принималъ во вниманіе количество грѣховъ и назначалъ нѣсколько епитимій, но не всѣ разомъ, а одну за другою, чтобъ не отягчить человѣка избыткомъ епитимій. Если кающійся отправлялся въ войско, то епитимія снималась прежде срока. Для спасенія души и умилостивленія Бога, считался дѣйствительнымъ приносъ какого-нибудь дара въ церковь, и церковный судъ не дозволялъ принимать приноса отъ тѣхъ, которые своими грѣхами заслуживали такое исключеніе. Приносъ, будучи богоугоднымъ дѣломъ, долженъ даваться чистымъ и праведнымъ человѣкомъ [1]). Духовенство, назначая епитиміи, не препятствовало нести ихъ за другихъ, по слову апостола: другъ другу тяготы носите. Тогда въ Новгородѣ возникло вѣрованіе, что тягость покаяннаго поста можетъ быть замѣнена служеніемъ заказныхъ обѣдень; такъ напр. десять литургій избавляли отъ трехъ мѣсяцевъ времени епитиміи; двадцать обѣдень равнялись восьми мѣсяцамъ, а тридцать приравнивались къ цѣлому году. Это мнѣніе, распространенное въ народѣ, однако, не одобрялось ревнителями строгости церковныхъ уставовъ.

[1]) Не пріемли приноса въ Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни отъ татей, ни отъ разбойникъ, ни отъ грабитель, ни отъ властей немилосердыхъ, ни отъ корчемникъ, ни отъ ротникъ, ни отъ поклепникъ, ни отъ лжива послуха, волхва и потворника, или кто томитъ челядь свою гладомъ и жаждою, ранами и наготою, и кто будетъ отъ таковыхъ не покается, не пріемли у нихъ приноса. (Изъ Сборн. XV. в. Прин. Кирил. Бѣлоз. Библ.)

Въ понятіе о духовномъ отцѣ входило нѣчто такое, что представляло неизмѣнную связь его съ духовными дѣтьми а потому и возникъ вопросъ: можно ли переходить отъ одного духовнаго отца къ другому? Епископъ разрѣшилъ этотъ вопросъ: дозволительно, потому что *покаяніе вольно есть*; но для уваженія къ прежнему духовному отцу, въ такомъ случаѣ правило архіепископа Иліи повелѣваетъ непремѣнно отпроситься у него и дать ему *дарокъ*.

Причащались гораздо чаще чѣмъ теперь, нѣсколько разъ въ годъ. На пасху, по древнему обычаю, еще непришедшему въ забвеніе, причащались всѣ, исключая тѣхъ, на комъ лежала епитимія. Дѣтей въ этотъ праздникъ причащали тотчасъ послѣ заутрени, сохраняя для этого св. дары отъ великосубботней обѣдни. Строгое соблюденіе правила не ѣсть до причастія распространялось даже на прикосновеніе скоромнаго къ зубамъ, какъ могло случиться съ ребенкомъ: возникалъ вопросъ о томъ, можно ли причащаться, если кто постучитъ въ зубы яицомъ. Вопросъ этотъ разрѣшался такъ: дитяти можно; а взрослому дозволяется только тогда, когда онъ одинъ разъ постучитъ, а если нѣсколько разъ, то нельзя [1]. Старинный обычай причащаться нѣсколько разъ въ годъ, поддерживался постоянно въ теченіи вѣковъ; въ концѣ XIV вѣка церковная власть хотѣла установить особыя, приличныя для этого, времена въ году. Такимъ образомъ тогда совѣтовали причащаться около Великаго Дня Рождества Христова и въ другіе великіе праздники непремѣнно съ тѣмъ условіемъ, чтобъ приходить къ св. причастію подпоясавшись. Для избѣжанія соблазна, мужчины причащались у средняго, а женщины у лѣваго алтарнаго входа, что̀ противъ жертвенника.

Изъ правилъ, относяшихся до погребенія и до поминовенія

[1]) Памятн. Росс. Словесн. XII в., стр. 155.

мертвыхъ, замѣчательно, что Церковь предписывала хоронить усопшихъ непремѣнно до заката солнца, чтобъ дневное свѣтило послѣдній разъ озаряло отходящаго въ могилу, который не увидитъ его до общаго воскресенія. Кто умеръ безъ покаянія, надъ тѣмъ хотя служили погребальное послѣдованіе, но безъ церковнаго облаченія. Въ XV в. не всегда, какъ видно, соблюдалось правило не хоронить самоубійцъ по христіанскому обряду, и съ другой стороны, невсегда различались самоубійцы отъ умершихъ нечаянно, или насильственною смертью, ибо митрополитъ Фотій долженъ былъ объ этомъ напоминать въ своей грамотѣ. Литургіи за упокой служились непремѣнно на трехъ просфирахъ: одна называлась великая,—при изъятіи изъ ней частицъ не поминался мертвый; двѣ другія были за упокой. Сами собою, безъ церковнаго правила, составлялись въ народѣ нѣкоторыя правила, то воспрещаемыя, то дозволяемыя, напр. въ язычествѣ хоронили мертвецовъ всегда съ какими-нибудь вещами; христіане перенесли этотъ языческій обычай и въ христіанское погребеніе и стали класть съ погребеннымъ иконы. Кирикъ дѣлалъ вопросъ: можно ли это? Епископъ въ отвѣтъ не велѣлъ выгребать положенныя иконы; но этимъ уже показывается, что прежде бывали случаи, когда ихъ выгребали, считая это дѣломъ непозволительнымъ. Такъ-какъ при послѣдованіи погребенія молились объ отпущеніи грѣховъ усопшаго, то возникалъ толкъ, будто оно совершается во очищеніе грѣховъ покойника, слѣдовательно, надъ младенцами безгрѣшными не слѣдуетъ пѣть, какъ и надъ святыми. Такъ-какъ обычный день для поминовенія былъ суббота, то самъ собою образовался въ этотъ день обычай класть поклоны за умершихъ, и они назывались заупокойные поклоны. Епископъ воспрещалъ это, толкуя, что надобно класть такіе поклоны въ пятницу, а никакъ не въ субботу.

Подобно какъ и теперь, ставили въ знакъ поминовенія усопшихъ кутью и служили сорокоусты; и епископы, вѣроятно, чтобъ предупредить произволъ и недоразумѣнія, постановляли плату за сорокоустныя поминовенія, по числу ихъ. Но въ этомъ существовали нѣкоторыя особенности, которыхъ нѣтъ теперь; напримѣръ: сорокоусты правились не только по мертвомъ, но и по живомъ, ради будущаго спасенія души. Епископы не воспрещали этого обычая, самовольно вкравшагося въ народное благочестіе, но приказывали священникамъ произносить при этомъ тому, за кого служился сорокоустъ: «брате! не согрѣшай больше! мертвецъ не согрѣшаетъ!» Ставленіе кутьи не было исключительнымъ обрядомъ поминовенія; но кутья ставилась и за здравіе живущаго.

Въ молодомъ христіанскомъ народѣ явилось тогда желаніе все освящать церковными молитвословіями и обрядами; такимъ-образомъ, приносили въ церковь для освященія всевозможныя произрастенія: горохъ, чечевицу, пшеницу, коноплю, также сосуды, и пр. Страхъ бѣса пугалъ тогда фантазію и располагалъ къ тому, чтобъ ограждать вліяніемъ и благословеніемъ религіи все, что служило для обыденной жизни. Вещи, по понятіямъ времени, часто дѣлались скверными отъ разныхъ причинъ; только чрезъ посредство освященія имъ возвращались возможность безукоризненно быть употребляемыми. Церковь ввела различіе между чистыми и нечистыми, употребительными и неупотребительными въ пищу, животными; но вообще со снисходительностію дозволяла, по возможности, нѣкоторыя мѣстныя привычки: такъ напр. позволялось ѣсть бѣлокъ, лишь бы онѣ не были удавлениною. Держась словъ апостола, только удавленину и кровь преслѣдовали безусловно.

По мѣрѣ того какъ усиливалось въ духовенствѣ нерасположеніе къ западной Церкви, церковныя власти начали

смотрѣть, какъ на нечистое, на все, что исходитъ изъ рукъ западныхъ христіанъ. Такъ митрополитъ Фотій приказывалъ освящать овощи, вино и вообще все съѣстное, получаемое изъ-за границы.

Изъ многихъ мѣстъ Кириковыхъ вопросовъ видно, какъ подъ вліяніемъ церковныхъ воззрѣній образовалось у Новгородцевъ и Псковичей понятіе о нечистотѣ женщины, переходившее даже и въ ту сферу, въ какой Церковь не соглашалась признавать въ ней такое качество. Такимъ образомъ возникъ вопросъ: можно ли служить священнику въ ризахъ, въ которыя вшитъ женскій платокъ, и на это епископъ отвѣчалъ: «развѣ женщина поганая»? Но по другимъ случаямъ, женщина признавалась такою со стороны церковныхъ представителей. Такъ родильницѣ нетолько въ продолженіи сорока дней не дозволялось ходить въ храмъ, какъ дѣлается и теперь, но изба, гдѣ родилось дитя, въ продолженіи трехъ дней считалась оскверненною, и духовные немогли въ нее входить; а по прошествіи трехъ дней ее вымывали и освящали. Если бы случилось родильницѣ умереть, то для того, чтобъ дать ей предсмертное причастіе, нужно было ее вынести изъ того покоя, гдѣ она лежала, въ другой, и тамъ уже причастить. Женщина считалась недостойною печь просфоры. Эти понятія необходимо должны были имѣть вліяніе на образованіе презрительнаго взгляда на женщину вообще. Это несходилось съ коренными понятіями славянскаго племени.

Христіанство должно было заботиться о поддержаніи правильныхъ браковъ, и долго еще боролось со старыми языческими: привычками: нѣкоторые жили съ женщинами невѣнчаясь; другіе находились въ связяхъ со своими рабынями, не подозрѣвая тутъ предосудительнаго. Вообще, въ Новгородѣ на брачныя связи смотрѣли легко, даже и въ позднія времена; и такъ постоянно духовен-

ство старалось искоренять браки безъ вѣнчанія, которые, однако, по народному понятію, почитались настоящими браками. Причина, почему избѣгали вѣнчанія, была та, что въ старой жизни укоренились частые разводы: были нерѣдко примѣры, что мужъ передавалъ свою жену другому, другой третьему, и женщина оставляла мужа и переходила изъ рукъ въ руки. Съ невѣнчанными можно было и при христіанствѣ соблюдать обычай языческихъ нравовъ. Самое вѣнчаніе не уничтожало разводовъ, и жены вѣнчанныя также разлучались съ мужьями и сходились съ другими. Не рѣдко супруги расходились добровольно, по недостатку средствъ жизни. Всѣ, возникавшія, по этому поводу, дѣла принадлежали суду церкви, и владыки старались постановить правила, предупреждавшія эти случаи, но принуждены бывали поневолѣ оказывать иногда снисходительность къ народнымъ обычаямъ. Такимъ-образомъ, дозволялось мужу отпустить жену, которую онъ считалъ виновною въ нарушеніи супружеской вѣрности и даже такой мужъ могъ послѣ того принимать священство. Вообще, церковные судьи, руководствуясь византійскими понятіями, были строже къ женщинѣ, чѣмъ къ мужчинѣ. Такъ и въ отвѣтѣ Кирику, епископъ, на основаніи правила св. Василія, даетъ свободу мужу, лишая этой свободы жену: «ни по коей же винѣ женѣ не отлучатися мужа своего»; напротивъ—«аще жена отъ мужа со инымъ, то мужъ не виноватъ пуская ю».

Тогда-какъ строгая византійская нравственность порицала троеженство (хотя и допускала въ крайности), и даже на самое второбрачіе смотрѣла неблагосклонно, русскіе безпрестанно разводились, и даже въ XV вѣкѣ Фотій долженъ былъ научать новгородцевъ и псковичей, чтобъ они не давали должности церковныхъ старостъ разведшимся съ женами, какъ и второбрачнымъ.

Нѣкоторыя особенности въ богослуженіи и въ церков-

ныхъ требахъ, сохранялись въ Сѣверной Руси въ XIV и XV вѣкахъ, отчасти дозволяемыя, отчасти воспрещаемыя властями. Видно, что, въ древнія времена, отъ недостатка научнаго образованія, духовенство путалось во множествѣ сложныхъ обрядовъ, и возникали разные вопросы о богослужебномъ порядкѣ и о требахъ; эти вопросы разрѣшались иногда духовенствомъ самовольно, противно церковнымъ правиламъ; для возстановленія правильности богослуженія слѣдовало спрашивать владыку и даже митрополита. Напр. митрополитъ долженъ былъ объяснять, когда надобно было въ церковномъ чинѣ служить обѣдню св. Василія вмѣсто Златоустовой. Богослуженіе на страстной недѣлѣ, когда, по церковному уставу, вводятся значительныя отличія противъ обычнаго вседневнаго, было предметомъ особыхъ вопросовъ. Такъ въ XIV в., въ великую субботу, пѣли ѳимоны, что̀ запрещено было митрополитомъ, когда объ этомъ его спросили. Духовенство не вполнѣ сознавало значеніе церковныхъ сановъ, ибо дѣлало вопросъ митрополиту Кипріану: если гдѣ нибудь нѣтъ діакона, то можетъ ли священникъ служить за діакона? Отвѣтъ былъ, разумѣется, отрицательный. Въ соблюденіе постовъ вкрались произвольныя отмѣны, напр. не постились въ Преполовеніе, которое всегда бываетъ въ среду, и въ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи; а постъ праздника Воздвиженія соблюдали два дни: канунъ праздника и самый праздникъ. При совершеніи крещенія Новгородской и Псковской землѣ вкрался обычай обливанія вмѣсто погруженія. Трудно рѣшить, заимствованъ ли этотъ обрядъ съ запада, или самъ собою образовался; вѣроятнѣе послѣднее, ибо естественно въ древности могла возникнуть эта замѣна по удобству при крещеніи взрослыхъ. Митрополитъ Кипріанъ запрещалъ творить обливаніе, повелѣвалъ также не присутствовать при крещеніи младенца куму и кумѣ вмѣстѣ, по одному какому-нибудь лицу: или

мужескаго, или женскаго пола. Наружный видъ служенія литургіи въ древности имѣлъ нѣкоторыя отмѣны и отличія въ сравненіи съ нынѣшнимъ порядкомъ, какъ это видно изъ старинныхъ пергаментныхъ служебниковъ. Изъ книги Зиновія противъ Косаго видно, что въ старину не пѣли «Вѣрую во единаго Бога» и «Отче Нашъ», но читали, и обычай пѣть осуждался какъ нововведеніе, возникшее первоначально во Псковской землѣ.

Въ сравненіи съ восточною Русью, сѣверный край всетаки былъ книжнѣе и образованнѣе. Въ Новгородѣ были школы, гдѣ учили дѣтей грамотѣ и письму. Такъ, въ житіи Іоны говорится о школѣ, въ которой учились дѣти. Были школы и по селамъ. Это видно изъ житія Антонія Сійскаго. Родомъ поселянинъ онъ былъ отданъ въ сельскую школу. Въ Новгородѣ и Псковѣ всегда находились такъ-называемые философы, люди, занимавшіеся чтеніемъ писанія и церковныхъ книгъ и любившіе словопренія и благочестивые разговоры. Къ такимъ-то принадлежали тѣ, о которыхъ упоминается въ житіи Евфросина Псковскаго, и тѣ о которыхъ говорится въ новгородской лѣтописи, по поводу вопроса о «Господи помилуй [1]). Въ 1471 г., митрополитъ Филиппъ, уговаривая Новгородцевъ не отдаваться латинскому королю говоритъ: «вѣмъ, яко книжнѣй мудрости сами разумни есте» [2]). Отъ такихъ-то любителей мудрованія, конечно, пошли и вольнодумныя идеи, положившія въ этой странѣ начатокъ тому раскольническому движенію, которое проходитъ чрезъ всю нашу исторію, и которое, въ отличіе отъ обряднаго, мы назовемъ реформаціоннымъ.

[1]) Новг. IV. 130. [2]) А. И. I. 518.

IX.

ЦЕРКВИ.

Множество церквей было характеристической особенностію нашихъ сѣверныхъ городовъ. Одни изъ нихъ строились обществомъ, другіе владыками изъ своей казны, иные частными людьми. Когда строило общество—это называлось строить *пометомъ*, т. е. складчиною. Иногда строила церковь цѣлая улица, т. е. имѣющіе дома на улицѣ, гдѣ ставилась церковь; иногда основывалась церковь торговою корпораціею: такъ построена была св. Пятница заморскими купцами, а въ Русѣ построили церковь купцы прасолы. Во время моровыхъ повѣтрій ставили обыденныя церкви, которыя слѣдовало въ одинъ день и поставить и освятить. Частные люди по какимъ-нибудь случаямъ въ жизни давали обѣты поставить церковь, и такія церкви назывались обѣтныя. Это бывало такъ, что когда угрожаетъ опасность, то даютъ обѣщаніе построить церковь, если Богъ поможетъ избавиться отъ опасности, и, когда опасность минетъ, ставятъ церковь въ благодарность Богу. Другіе, чувствуя за собой грѣхи, думали загладить ихъ предъ Богомъ построеніемъ церкви.

Построеніе церквей въ Новгородѣ началось съ самаго

появленія христіанства. Еще до общаго крещенія Новгорода и истребленія идоловъ, по извѣстію Іоакимовской Лѣтописи, существовала въ Новгородѣ церковь Спаса Преображенія, можетъ-быть на томъ мѣстѣ на Торговой сторонѣ, гдѣ была такая же церковь впослѣдствіи и гдѣ существуетъ она подъ тѣмъ же названіемъ и теперь. Въ концѣ X-го вѣка, построена въ Дѣтинцѣ деревянная церковь во имя Софіи Премудрости Божіей о тринадцати верхахъ, а въ XI-мъ вѣкѣ, на другомъ мѣстѣ, въ томъ же Дѣтинцѣ, сооружена каменная церковь св. Софіи. Она строена пять лѣтъ (1045—1050). Для расписки стѣнъ ея призваны греческіе художники. Объ этомъ событіи сохранилась такая легенда. Иконописцы писали образъ Спасителя на куполѣ, по обыкновенію съ благословляющею рукою. Но черезъ ночь написанный ими образъ оказывался не съ благословляющею, а со сжатою рукою. Иконописцы поправили по своему: черезъ ночь у нарисованнаго Спасителя рука снова была сжата. И еще разъ поправили иконописцы; и еще разъ увидали поутру сжатую руку. Наконецъ, на четвертое утро, иконописцы услышали гласъ:— «Писари, писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющею рукою, а со сжатою! Я въ этой рукѣ держу Великій-Новгородъ; а когда Моя рука разожмется, тогда будетъ граду сему скончаніе!» О другомъ, мѣстномъ образѣ Спасителя, сохранилась такая легенда: образъ этотъ привезенъ изъ Греціи, и писанъ когда-то греческимъ царемъ Эммануиломъ. Однажды, этотъ царь хотѣлъ наказать священника. Тогда ночью явился ему Спаситель въ томъ видѣ, въ какомъ былъ имъ изображенъ на иконѣ, и сказалъ: «Зачѣмъ восхищаешь ты святительскій судъ? Тебѣ дано начальство надъ людьми,—твое дѣло оборонять ихъ отъ враговъ,—а духовно вязать и рѣшить поручено святителямъ.» Явились и ангелы; Спаситель протянулъ перстъ и

приказывалъ имъ нанести удары царю. Когда царь проснулся, то почувствовалъ на тѣлѣ боль отъ ударовъ и увидѣлъ, что на иконѣ у Спасителя перстъ былъ протянутъ. Тогда царь понялъ, что не слѣдуетъ свѣтскимъ властямъ судить духовныхъ особъ. Этотъ образъ былъ патрональнымъ для владыки и всего новгородскаго духовенства, потому-что съ нимъ соединялось преданіе, охранявшее Церковь отъ своевольства Новгородцевъ. Послѣ паденія Новагорода, онъ былъ отвезенъ въ Москву и поставленъ въ Успенскомъ соборѣ.

Церковь св. Софіи имѣла до послѣдняго времени патрональное значеніе для Новгорода и всей его Земли. Тамъ хоронили владыкъ, иногда князей, и тѣхъ гражданъ, которые особенными подвигами и услугами отечеству удостоивались по смерти такой чести, преимущественно, когда они положили головы въ бою за вѣру и новгородскую свободу. Быть погребеннымъ во храмѣ св. Софіи считалось самою высокою честью. Въ XI-мъ вѣкѣ почти не упоминаютъ лѣтописи о построеніи церквей въ Новгородѣ, кромѣ Софіи, и Бориса и Глѣба, построеннаго на мѣстѣ прежней Софіи въ 1050 году. Несомнѣнно, однако, что существовала церковь Иліи въ Славнѣ, упоминаемая какъ существующая въ 1105 году, и Спасопреображенская, первая, какъ можно думать, христіанская церковь въ Новгородѣ. Къ этому времени можно отнести и первое построеніе Михайловской церкви на Софійской сторонѣ на Прусской улицѣ, если только по Новгородской Лѣтописи ее надобно разумѣть подъ освященною 1088 года церковью св. Михаила [1]: Вообще въ этотъ вѣкъ не могло быть такого обилія церковныхъ построекъ, какъ въ послѣдующіе вѣка, потому

[1]) Новг. Л. I, 3.

что тогда еще христіанство не успѣло привиться и войти въ плоть и кровь новгородскаго народа.

Въ XII-мъ вѣкѣ упоминается о тридцати двухъ церквахъ и сверхъ того о восьми деревянныхъ, погорѣвшихъ въ Славенскомъ концѣ, изъ которыхъ двѣ оказываются въ числѣ выше поименованныхъ. На Торговой сторонѣ были каменныя: Николая Чудотворца на Ярославовомъ Дворищѣ (1113), Іоанна-на-Опокахъ, построенная Всеволодомъ Мстиславичемъ (1127—1130), Успенія Богородицы на Козьей-Бородкѣ (1135—1144), Климента на Иворовой улицѣ (1153), Пятницы на Торгу (1156), св. Отецъ на Дворищѣ (1182), Іоанна Предтечи на Дворищѣ (1184): всѣ онѣ въ Славенскомъ концѣ; деревянныя: Георгія (1133), Иліи (упоминается въ 1146 году — старая церковь). Петра и Павла на Холмѣ (1146), Михаила Архангела (сгорѣла 1152 года), Іоанна Ищькова (1181), Ипатія на Рогатицѣ (1183), Спасопреображенская (упоминается 1169 г. старая церковь). Изъ каменныхъ церквей: Успенія на Козьей-Бородкѣ прежде была деревянная, а потомъ на ея мѣстѣ построена каменная. Церковь Пятницы заложена была заморскими купцами въ 1156 году, но она, какъ видно, не была достроена, и въ 1191 г. сдѣлана деревянная, а каменная совершена уже въ 1207 году. На Софійской сторонѣ было восемнадцать церквей; изъ нихъ каменныя: Николая въ Неревскомъ концѣ на Яковлевой улицѣ (1136), Саввы Преждеосвященнаго въ Саввиной улицѣ, въ Неревскомъ концѣ (1154), Бориса и Глѣба, построенная Садкомъ Сытиничемъ въ Дѣтинцѣ (1167), Іакова въ Неревскомъ концѣ (1172), Вознесенія 1191 г. свершена въ 1211), Сорокъ Мученикъ (1199). Изъ нихъ церковь Вознесенія была прежде деревянная. Деревянныя: въ Неревскомъ концѣ, Ѳеодора Тирона (1115), Ѳеодора Стратилата (1118), Космодемьянская на Холопьей улицѣ (1143), Василія въ Людинѣ концѣ (1151), Констан-

тина и Елены въ Неревскомъ концѣ (1151), Троицы въ Щитиницѣ, въ Людиномъ концѣ (1165), Михаила Архангела на Прусской улицѣ (упомин. сгорѣвшею въ 1175 г.— старая церковь), Іоанна Усѣкновенія на Чюдинцевой улицѣ (1176), Іакова на Добрынѣ улицѣ въ Людиномъ концѣ (1181), Власія въ Людиномъ концѣ (1184), Срѣтенія на Владычнемъ дворѣ, въ Дѣтинцѣ (1191). Сверхъ-того, неизвѣстно гдѣ находилась церковь Трехъ Отроковъ на Житуни: Макарій думаетъ, что это мѣсто на Прусской улицѣ.

Въ XIII-мъ вѣкѣ, нѣкоторыя изъ церквей, бывшія въ предыдущемъ столѣтіи деревянными, стали каменными: на Торговой сторонѣ церковь Иліи на Холмѣ въ 1202 и Луки Евангелиста, которая была прежде на Колѣнѣ (слѣд. существовала еще въ XII-мъ вѣкѣ), а въ 1207 перенесена на улицу Лубяницу; на Софійской сторонѣ Сорока Мученикъ (1211), Іакова въ Неревскомъ концѣ—бывъ прежде каменною, вѣроятно обвалилась и вновь была отстроена (1229),— Ѳеодора Стратилата (1294). Вновь упоминаются, деревянныя церкви на Торговой сторонѣ: Рождества на Колѣнѣ въ въ Запольи за Плотницкимъ концомъ (1226), Димитрія на Славковой улицѣ (1262—сгорѣла), Бориса и Глѣба (1262), Женъ Муроносицъ (1299). На Софійской: Двѣнадцать Апостоловъ между Прусскою и Чюдинцевой (1230); Луки въ Людиномъ концѣ (упомин. сгорѣвшею въ 1234), Саввы въ Неревскомъ концѣ (1271 г. — неизвѣстно какая), Рождества во Владычнѣ дворѣ въ Дѣтинцѣ (1290 упоминается).

Въ XIV-мъ вѣкѣ строилось много церквей; нѣкоторыя каменныя на мѣсто деревянныхъ; другія вновь заложены каменными. На Торговой сторонѣ, вмѣсто деревянныхъ, отстроены каменныя: Михаила Архангела (1302), Бориса и Глѣба (1300—1308; деревянная оставалась и сгорѣла въ 1311 г.), св. Отецъ 318, на Княжѣ дворѣ, т. е. на

Ярославовомъ дворищѣ (1310 г.) Христова (1324; дерев. упомин. сгорѣвшею въ 1311 году), Георгія на Лубяницѣ (1356), Прокопія (1359; упоминается сгорѣвшею въ 1311 г.), Ѳеодора Стратилата въ Плотницкомъ концѣ (1359 г.; упоминается деревянн. подъ 1329 г.), Ипатія на Рогатицѣ (1369—1370), Спаса Преображенія на Ильиной улицѣ (1374), Димитрія на Славковой улицѣ (1381—1382), Рождества въ Полѣ (1382), Климента на Иворовой улицѣ (1386). Вновь каменныя: Знаменская (1355), Іоанна у Нѣмецкаго двора (1359), Благовѣщенская на Михайловской улицѣ, въ Славенскомъ концѣ (1362), Петра и Павла въ Славномъ (1367), Бориса и Глѣба въ Плотницкомъ концѣ, въ Запольской улицѣ (1377), Филиппа на Нутной улицѣ (1383), Іоанна Богослова въ Радоковицахъ (1383). Деревянныя: Димитрія на Боянѣ Улкѣ (1300), Екатерины на Торгу (упомин. сгорѣвшею въ 1311), Спаса на Лубяницѣ (упоминается сгорѣвшею въ 1329 г.), Никиты въ Плотницкомъ концѣ (1368). Сверхъ-того, упоминается о 22 церквахъ, сгорѣвшихъ въ 1399 г. Прежде каменныя вновь перестроены: Пятницы (1345), Успенія (1388). На Софійской сторонѣ: въ Дѣтинцѣ: — каменныя: Владиміра на Воротахъ, отъ Прусской улицы (1311), Входъ въ Іерусалимъ, близъ Софіи (1336), Іоанна Златоустаго (1351); вмѣсто деревянной, каменная Рождества Христова, на-Сѣняхъ (1362); вмѣсто старыхъ каменныхъ: Покрова Пресвятыя Богородицы у Прусскихъ воротъ (1389 г.; прежняя каменная упоминается въ 1305 году), Бориса и Глѣба (1351), деревянная Аѳанасія и Кирилла обѣтная (1390); неизвѣстно какая Богородицы (1351). На Софійской сторонѣ за Дѣтинцемъ: каменныя вмѣсто деревянныхъ: Троицы въ Редятинѣ улицѣ въ Людинѣ концѣ (1366), Василія на Ярышевой улицѣ, въ Людинѣ концѣ (1370), Флора и Лавра на Людгощѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1379), Кон—

стантина и Елены на Росткинѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1390), Дмитрія на Даниславлѣ улицѣ въ Людиномъ концѣ (1394 о дерев. упом. въ 1390г.). Каменныя вновь: Николы въ Неревскомъ концѣ (1313), Богородицы на Прусской улицѣ (1348 г. упом. сгорѣвшею); Нерукотвореннаго Образа въ Людиномъ концѣ на Добрыни улицѣ (1378), Симеона на Чюдинцевой улицѣ (1392), Константина и Елены на Яневой улицѣ (1400); возобновлены прежнія каменныя: Космы и Даміана (1350, потомъ перестроивалась въ 1375); Сорока Мученикъ (1356); деревянныя: Лазаря въ Звѣринцахъ (1300), Георгія на Борковой улицѣ (1302), Николы на Яковлевѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1356), Петра въ Неревскомъ концѣ (1384), св. Мины въ Людиномъ концѣ (1385 г. упомин. сгорѣвшею), Алексія въ Людиномъ концѣ (1391 г. упоминается прежде въ 1340 г.), Введенія на Прусской улицѣ (1391). Неизвѣстно какія: Владиміра на Побережьи близъ Дѣтинца, давшая названіе Владимірскому берегу (1331), Ипатія на Щпрковой улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1396).

Въ XV-мъ вѣкѣ были построены на Торговой сторонѣ, вновь каменныя: Алексія Человѣка Божія близъ Успенія (1409), Андрея Первозваннаго на Щитной улицѣ, въ Плотницкомъ концѣ (1417). Каменныя вмѣсто деревянныхъ: Никиты въ Плотницкомъ концѣ (1406), Луки на Лубяницѣ (1424); каменныя вмѣсто прежнихъ каменныхъ: Св. Отецъ на Торгу (1430), Михаила Архангела на Михайловкѣ (1454), Иліи въ Славномъ (1455), Успенія на Торгу (1458), Димитрія на Славковой улицѣ (1463); неизвѣстно какая: Николы въ Никольскомъ концѣ за Плотницкимъ. На Софійской въ Дѣтинцѣ каменныя вновь: Гурія, Самона и Авива у Софіи, со Владычня двора, поставленная въ память знаменія, совершеннаго отъ иконы этихъ святыхъ во храмѣ св. Софіи (1410), Петра митрополита на

воротахъ: отъ Неревскаго конца (1416), Николы у св. Софіи (1442); каменныя вмѣсто деревянныхъ: Аѳанасія и Кирилла (1416), Милостиваго Спаса на Воротахъ (1426 упоминается 1424 г.), Анастасіи (1440; упоминается деревян. 1417). Вмѣсто прежнихъ каменныхъ: Іоанна Златоуста (1434—1437), Петра на Воротахъ владычнихъ (1438), Бориса и Глѣба (1441). За Дѣтинцемъ, каменныя вновь построенныя: Архангела Гавріила на Хревковой улицѣ (1413), Воздвиженія въ Людинѣ концѣ (1415), Николы на Холопьей улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1417), Всѣхъ Святыхъ на Черничиной улицѣ въ Людиномъ концѣ (1418), Спаса Преображенія на Розважи въ Неревскомъ концѣ (1421), Іоанна Милостиваго на Людгощи въ Неревскомъ концѣ (1422); каменныя вмѣсто деревянныхъ: Усѣкновенія на Чюдинцевой улицѣ (1402), Петра и Павла въ Неревскомъ концѣ (1406), Апостола Луки въ Людиномъ концѣ (1416), Николы на Яковлевой улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1417), св. Мины на Даньславли улицѣ, въ Людиномъ концѣ (1417), Іакова на Добрыни улицѣ въ Людинѣ концѣ (1428), Георгія на Борковѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1434), Введенія на Прусской улицѣ (1455); каменныя вновь возобновленныя: Космы и Даміана въ Неревскомъ (1403), Саввы въ Неревскомъ концѣ (1418). Деревянныя на прежнемъ мѣстѣ: 12-ти Апостоловъ между Чудинцевой и Прусской улицами на Скудельницѣ (1432). На Городищѣ была церковь Благовѣщенская, построенная первый разъ княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ въ 1102 году и потомъ перестроенная вновь Симеономъ Ивановичемъ въ 1342 г.— каменная; кромѣ-того, въ 1401 году, упоминается сгорѣвшею отъ грома церковь св. Николы, построенная въ 1191 году.

Древнѣйшая изъ церквей псковскихъ была церковь св. Троицы, патрональный храмъ Пскова и его Земли. Она

имѣла тоже значеніе во Псковѣ, что св. Софія въ Великомъ-Новгородѣ; Псковичи жили подъ ея благословеніемъ считали своихъ враговъ врагами св. Троицы, шли сражаться и умирать въ бою за св. Троицу. Церковь эта построена была Всеволодомъ Мстиславичемъ, который съ тѣхъ поръ и остался патрономъ Пскова [1]). О построеніи прочихъ церквей въ XII и XIII вѣкахъ не говорится въ лѣтописяхъ, хотя видно, что при Домонтѣ существовала церковь Петра и Павла на берегу, гдѣ Довмонтъ разбилъ нападавшихъ на Псковъ ливонскихъ Нѣмцевъ. Упоминанія о церквахъ встрѣчаются гораздо чаще съ XIV-го вѣка. Съ половины этого столѣтія до конца независимости Пскова, по лѣтописямъ извѣстны слѣдующія церкви во Псковѣ: Архангела Михаила и Гавріила (залож. 1340), Іоанна Богослова на дворѣ Снѣтогорскихъ чернецовъ (1365), Георгія на Болотѣ (начата 1370), Николы у Вопоки (свершена 1371), Петра и Павла (перенесена на иное мѣсто 1373), св. Власія (перенесена на другое мѣсто 1373); Кирилла у Смердья моста (поставл. 1373), Тимофея-Довмонта (пост. (1373). Василія на Горкѣ (упоминается 1377), Космы и Даміана на Гремячей горѣ (основ. 1383), Николы Новаго (основ. 1383) Св. Духа за-Стѣною (основана 1383), Св. Спаса у Стараго-Костра (основ. 1384), Воздвиженія на Княжемъ дворѣ (основ. 1384), св. Ѳеодора-за-Стѣною (основ. 1385), Рождества Христова за-Стѣною (основ. 1388), Воскресенія за Довмонтовою-Стѣною (построена 1395), Богоявленія (поставл. 1397), Покрова Богородицы (поставл. 1398), Николы на Звозѣ (1404), Софіи за Домонтовой-Стѣною (перестроена 1416), Варвары на Усохѣ (поставл. 1421), Благовѣщенія на Пескахъ, (пост. 1421), Знаменія у Стараго Вознесенія (пост. 1421), Старое Вознесеніе (существ. пре-

[1]) Пск. Л. I, 177.

жде 1421), Бориса и Глѣба возлѣ Петра и Павла (постав. 1434), Всемилостиваго Спаса на Торгу (пост 1434), Похвалы Богородицы на Романовой горѣ (пост. 1441, камен. постр. 1466), Успенія на Завеличьи (пост. 1444), Богоявленія на Бродахъ (пост. 1444), Димитрія въ Довмонтовой-Стѣнѣ (упомин. 1451), Космы и Даміана на Запсковьѣ (дерев. упомин. въ 1458 г., каменная построена въ 1462), Воскресенія на Полонищѣ (деревян. упом. 1458), Вознесенія на Полонищѣ 1467), Николы на Волку (1483), Аѳанасія (1483), Георгія въ Печки (1483), Нерукотвореннаго образа на Запсковьи (1487), Анастасіи на Полонищѣ, (1487), Алексія святаго за Довмонтовою-Стѣною (1508).

Вездѣ въ пригородахъ, какъ новгородскихъ, такъ и псковскихъ, были главныя патрональныя церкви, стоявшія посреди укрѣпленія: имъ приписывалось покровительство и надъ городкомъ и надъ волостью, къ нему тянувшею. Такъ, въ Ладогѣ была церковь Великомученика Георгія, въ Русѣ Преображенія, въ Порховѣ Николая, въ Городцѣ св. Лазаря, въ Деманѣ св. Георгія, въ Торжкѣ св. Спаса, въ Изборскѣ-Старомъ св. Николая, а въ Новомъ — св. Спаса, въ Вельѣ св. Михаила, въ Выборѣ Воздвиженія Креста, въ Опочкѣ св. Спаса, въ Вороночѣ св. Георгія, во Владимирцѣ св. Николы, въ Вышгородѣ псковскомъ Бориса и Глѣба, въ Кобыльемъ городкѣ Архангела Михаила, въ Красномъ Георгія, въ Наврежской губѣ св. Николы [1]).

Обыкновенная архитектура новгородскихъ и псковскихъ церквей такова: внутри куполъ на четырехъ столпахъ, два отдѣляютъ алтарь отъ трапезы и образуютъ въ алтарѣ своды, соединяясь со внѣшнею алтарною стѣною; часто же идутъ стѣною до внѣшней алтарной стѣны, и въ этой поперечной стѣнѣ (т. е. отъ столбовъ до внѣшней стѣны) сдѣ-

[1]) Велми чюдна и преудивлена: таковѣ не было во всей Псковской волости о полътретьюдесяти угл хъ (Пск. Л. I, 240).

ланы полукруглые входы изъ боковыхъ частей алтара въ главную. Алтарь всегда троечастный, части полукруглые; главная средняя больше боковыхъ; напротивъ престола окно, въ лѣвой боковой части алтаря обыкновенно жертвенникъ, устроенный на каменномъ выступѣ, и близъ него часто углубленіе для огня и воды. Въ правой боковой части діаконикъ, иногда съ маленькимъ оконцемъ. Задніе столпы также часто продолжаются поперечною стѣною до задней внѣшней стѣны, а надъ нею полукруглыя арки; въ этихъ аркахъ къ южной и сѣверной внѣшнимъ стѣнамъ приставляются раки; а иногда чрезъ раки входъ въ боковые придѣлы, пристроенные къ срединѣ церкви. Иногда на верху между задними столпами устроивались каменные хоры съ узкими ведущими на нихъ лѣстницами въ стѣнѣ, а на хорахъ на обѣихъ сторонахъ, въ стѣнѣ, а иногда только на одной сторонѣ, дѣлались углубленія и чуланы. Стѣны и столпы расписывались. Иконостасовъ въ старыхъ церквахъ не было; это видно изъ того, что фрески по алтарнымъ столбамъ доходили до-низу. Церкви дѣлались не велики: оттого ихъ было очень много. Снаружи церковь представляла четвероугольное зданіе съ тремя полукруглыми выпуклостями съ восточной стороны и съ фонаремъ наверху, уставленнымъ кругомъ узкими оконцами съ полукруглыми верхами. Колокола вѣшались въ продолговатыхъ двухъ или трехъ аркахъ, часто пристроенныхъ къ церковнымъ стѣнамъ, какъ это сохранилось до сихъ поръ особенно во Псковѣ.

*

IX.

ЕРЕСИ.

Греческая Церковь рѣзко отличалась отъ Западной своимъ сознаніемъ словъ Христа: «царство мое не отъ міра сего» и, вслѣдствіе этого, невмѣшательствомъ въ политическія дѣла и согласіемъ со свѣтскими властями. Въ ея исторіи не представляется той борьбы духовной власти со свѣтскою, какою отличается исторія западнаго христіанства, и поэтому явленія, вполнѣ сходныя, открывали тамъ и здѣсь рядъ несходныхъ между собою послѣдующихъ явленій. Греческая Церковь уживалась со всякимъ мірскимъ порядкомъ, всегда проповѣдывала покорность всякой власти, даже и неправедной. Она всегда имѣла въ виду тотъ главный принципъ христіанства, что мы живемъ не для здѣшняго, а для будущаго міра. Церковь не естъ устроительница земнаго счастія, а путеводительница къ вѣчному блаженству. О благосостояніи на землѣ заботиться и прилагать большое стараніе—нечего: мы на землѣ— гости, странники; отечество наше — за гробомъ! Прося Бога о благораствореніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ, объ избавленіи отъ труса, огня, меча и нашествія

иноплеменниковъ, Церковь въ то же время утѣшаетъ человѣка тѣмъ, что претерпѣвшій съ твердостью эти бѣдствія тѣмъ удобнѣе входитъ въ царство небесное. Вѣрная этой основной идеѣ, Православная Церковь, по духу любви Христовой, желаетъ и на землѣ тишины, мира, спокойствія, счастія, но предоставляетъ устройство всего этого Богу, и только проситъ о томъ въ непрестанно-возсылаемыхъ къ небу молитвахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учитъ терпѣливо переносить и всякое зло, и бѣдствіе, принимая его съ благодарностію отъ руки Божіей. Движенія политическія и гражданскія, какъ земныя, не могутъ быть цѣлью ея дѣятельности, хотя бы и казалось, что они ведутъ ко благу человѣчества. Церковь сознаетъ, что полнаго блага на землѣ не можетъ быть, и искать его не слѣдуетъ: это отвлекаетъ отъ главнѣйшей цѣли—небеснаго житія. Все на землѣ суета, все прахъ, все тлѣнь—все, кромѣ того, что непосредственно ведетъ къ небу; а къ нему ведетъ узкій тернистый путь. Страданіе, самоотверженіе, самопроизвольное терпѣніе и лишеніе земныхъ благъ, составляютъ высокое достоинство воинствующаго христіанина. Вѣрные находятся въ постоянной борьбѣ съ невидимыми полками духовныхъ враговъ, которые стараются прельстить, обмануть, погубить христіанина, завлекая его въ сладости міра. Только мужественное отраженіе ударовъ и козней этихъ непріятелей и презрѣніе обманчивыхъ благъ, куда обращаютъ они наши стремленія, составляетъ доблесть, добродѣтель, святость. Отъ этого собственно самое спокойствіе и благосостояніе человѣка на землѣ,—подъ церковнымъ взглядомъ,—желательно въ той только мѣрѣ, чтобы человѣкъ не упалъ подъ искушеніями, чтобъ могъ вынесть бремя жизни. Съ такимъ основнымъ взглядомъ, естественно, Церковь можетъ сживаться со всякою властію, и кротко сносить тиранство самаго жестокаго произвола. Даже противъ ино-

земнаго и иновѣрнаго завоеванія Церковь православная только тогда освящаетъ борьбу, когда еще существуетъ законная, прежде признанная ею, власть, вмѣстѣ съ народомъ ополчающаяся за дѣло собственной свободы. Но какъ скоро эта власть исчезла, какъ-скоро разъ народъ призналъ власть побѣдителей, Церковь повелѣваетъ покоряться и терпѣть до-тѣхъ-поръ, пока народныя побужденія, дѣйствуя хотя не всегда одобрительно со стороны Церкви, добьются снова чего-нибудь, имѣющаго значеніе власти и потому пріобрѣтающаго церковное освященіе. Такъ Церковь не благословляла и не одобряла новгородскаго сопротивленія противъ татарской переписи, такъ жестоко наказаннаго Александромъ, но въ особѣ Вассіяна ростовскаго ободряла и побуждала Ивана III-го московскаго къ сверженію татарскаго ига, когда уже съ одной стороны, татарскіе ханы потеряли свой прежній страшный авторитетъ, а съ другой—московскіе великіе князья получили царственное значеніе. Православіе всякую власть—и добрую и злую—считаетъ исходящею отъ Бога:—первую какъ милость, вторую какъ наказаніе. Церковь не хочетъ даже разсматривать, оправдывать или не оправдывать вступленіе этой власти, коль- скоро она разъ признана; какимъ бы путемъ она достигнута ни была, довольно того, что ее признали за власть, и Церковь учитъ ей покоряться; потому-что, собственно, по ея высшему разумѣнію, всякая власть, какъ принадлежность земнаго, какъ скоропреходящее, не имѣетъ предъ вѣчностью столько важности, чтобъ заботиться о ея измѣненіи, какъ бы она ни была тягостна. Отъ этого-то исключительнаго предпочтенія небеснаго земному, отъ этого исходнаго презрѣнія къ земной жизни, которое выражается постоянно во всѣхъ поученіяхъ, молитвахъ, пѣснопѣніяхъ восточной Церкви, она терпѣливо сносила, какъ въ Византіи императоры

другъ-друга свергали, другъ-другу выкалывали глаза, отравляли другъ-друга ядомъ и дѣлали всевозможнѣйшія беззаконія. Церковь кротко все терпѣла и поучала повиноваться, помня, что царство Христово есть царство не отъ міра сего. Очень естественно, что такая кротость часто переходила въ самопорабощеніе и одинъ изъ византійскихъ историковъ XII-го вѣка выразился такъ: «императоры, не довольствуясь тѣмъ, что властвовали надъ свободными, какъ надъ рабами, въ дѣлахъ гражданскихъ, хотѣли быть догматиками и законодателями, и присвоивали себѣ судъ въ божественныхъ, какъ и въ человѣческихъ дѣлахъ!»

Презирая все земное, Православная Церковь обходила въ умственной жизни все, что̀ ведетъ къ цѣлямъ земнаго счастія, обращала умственный трудъ на высокіе предметы богословія. Древнее процвѣтаніе свѣтской литературы мало-по-малу исчезло: осталась только старинная греческая страсть къ діалектикѣ и перешла на богословское поле. Предметы чисто-догматическіе, безъ отношеній къ вопросамъ общественной жизни, волновали умы. Свѣтская власть овладѣла и этою стороною. Какъ-бы помогая чистотѣ Церкви, какъ-бы для предостереженія, чтобъ такія богословскія пренія не перешли границъ и не дошли до оппозиціи противъ Церкви и власти, императоры помогали свѣтскою властью духовной власти и съ патріархами преслѣдовали мірскими средствами споры, коль скоро они показывались опасными. Запрещалось міря намъ и даже простымъ духовнымъ, толковать о религіи, а велѣно было повиноваться и вѣрить толкованіямъ учителей Церкви. О существѣ Божіемъ —говоритъ Киннамосъ,—дозволено толковать единственно учителямъ, владыкамъ, знатному духовенству, императору и тѣмъ, кому они дозволятъ по достоинству.

Въ какомъ видѣ выражалась эта власть свѣтскаго могущества надъ духовными дѣлами и на какіе предметы обращалась мысль, показываетъ возникшій при императорѣ Мануилѣ Комненѣ споръ о принесеніи жертвы Іисусомъ Христомъ. Этотъ императоръ составилъ такую формулу: вочеловѣчившійся Богъ, въ произвольномъ принесеніи себя въ жертву, былъ вмѣстѣ и приноситель и приносимый. Императоръ созвалъ синодъ въ Константинополѣ съ цѣлію, чтобъ эта формула была утверждена соборнѣ. Нѣкоторые изъ епископовъ воспротивились, хотѣли-было защищать самостоятельность Церкви и — потеряли свои мѣста. Споръ распространился въ публикѣ, сначала въ высшей, придворной, потомъ — въ городской. Императоръ требовалъ, чтобы всѣ признавали такъ, какъ онъ положилъ, и кто сопротивлялся, кто находилъ, что формула составлена неправильно, или задумывалъ что-нибудь измѣнить въ ней, тому грозила высочайшая немилость: одни теряли свои мѣста, другихъ постигало изгнаніе или ссылка. Для всенароднаго вѣдѣнія государь повелѣлъ начертать свое премудрое изреченіе на каменной доскѣ и повѣсить доску въ Софійской церкви.

Столь же характеристичнымъ было другое богословское дѣло въ царствованіе того же Мануила Комнена. Для обращающагося изъ магометанства въ христіанство существовала формула: «богу Магометову — анаѳема!» Императоръ нашелъ, что эта формула, въ обширномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ богохульство, ибо Магометъ признавалъ единаго Бога. Собранъ былъ синодъ. Императору возразили, что Магометовъ богъ есть ложный богъ. Досадуя, что духовные ему сопротивляются, императоръ собралъ другой синодъ въ Скутари, но не явился на него самъ лично, а чрезъ посредство своего секретаря настоятельно требовалъ снять анаѳему съ Магометова бога. Ко-

гда духовные все-таки упорствовали и доказывали, что Магометовъ богъ совсѣмъ другой, чѣмъ богъ христіанскій, секретарь именемъ государя угрожалъ, что это дѣло представится на собраніе подъ предсѣдательствомъ папы. Духовенство страшилось папской власти; въ немъ укоренилось омерзѣніе къ западному христіанству. Папою умѣли запугать непокорныхъ. Послѣ долгихъ преній, вмѣсто прежней формулы: «Богу Магометову—анаѳема», написали: «Магомету съ его ученіемъ и со всѣми его послѣдователями—анаѳема!»

Въ XIV-мъ вѣкѣ возникъ въ греческой Церкви споръ по поводу понятія о Ѳаворскомъ свѣтѣ; сущность его состояла въ томъ,—былъ ли это свѣтъ существенный, или отраженіе.

Споры съ латинскою Церковью, дошедшіе въ послѣдней половинѣ XI-го вѣка до раздѣленія, усиливали вражду по мѣрѣ каждой новой попытки ко сближенію Церквей. Изъ многихъ такихъ попытокъ замѣчательно бывшее при Іоаннѣ II-мъ Комненѣ состязаніе, Ансельма гавельбергскаго съ епископомъ никомидійскимъ, Никитою. Разумѣется, главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о Духѣ Святомъ: греческая сторона опиралась на тексты св. писанія, западная—на прогрессивное движеніе явленія св. Духа, посредствомъ котораго то, что̀ лежало въ зародышѣ ученія, впослѣдствіи, явилось въ разнообразныхъ приложеніяхъ, и послѣдующіе вѣка, сообразно возникающимъ потребностямъ, дополняли то, что̀ сдѣлали предъидущіе. Въ этомъ пониманіи отразился характеръ обѣихъ Церквей. Греческая постоянно стремилась удержать неподвижно разъ сложенный составъ; Западная допускала развитіе въ Церкви; первая хотѣла сохранить незыблемо старину, почитая ее совершенною и неизмѣнною святыней; вторая допускала возможность измѣненій. Кромѣ спора о св. Духѣ,

происходилъ споръ о Евхаристіи. Никита призналъ, что приготовленіе хлѣба для Евхаристіи — изъ кваснаго или изъ прѣснаго тѣста — не составляетъ существеннаго различія Церквей. Но патріотизмъ Грека высказался у него, когда противникъ его доказывалъ, что благодать Божія и небесное благоволеніе явно почіютъ надъ римскою Церковью: ибо она едина, а греческая была обуреваема ересями. Греческій архіерей представилъ, что въ греческомъ мірѣ дѣйствительно много было ересей, но это отъ образованности и ученаго воспитанія. «Ереси—говорилъ онъ— служатъ только къ укрѣпленію вѣры, и всегда побѣждаются православіемъ. Напротивъ, Латины, въ своемъ невѣжествѣ, не могутъ сказать ни хорошаго, ни дурнаго, въ дѣлахъ вѣры». Состязаніе это не кончилось ничѣмъ; и другія, послѣдующія попытки, возстановить разорванное единство Церквей ничѣмъ не кончились.

Эти богословскія и діалектическія состязанія были единственнымъ признакомъ умственнаго движенія въ Церкви. Вся религіозность массы обращалась ко множеству обрядовъ и къ исполненію аскетическихъ правилъ. Монашество было прямымъ явленіемъ религіознаго взгляда. Монашество, слѣдуя коренной идеѣ Церкви — отчужденія религіи отъ мірскихъ цѣлей, устроено было единственно на этой идеѣ. Собственно вся Церковь сохраняла отшельническій характеръ; инокъ, естественно, былъ почетнымъ лицо́мъ, по превосходству принадлежалъ Церкви. Греческій инокъ заботился единственно о спасеніи души, которое достигалось наибо́льшимъ удаленіемъ отъ людскаго сообщества. На Западѣ возникали монашескіе ордена, получавшіе свое названіе отъ извѣстнаго рода занятій, которымъ посвящали свою дѣятельность. На Востокѣ, въ Греціи, напротивъ, монахи отличались одни отъ другихъ по способу самоумерщвленія. Одни жили въ пещерахъ и назывались пещерники

(σπηλαρῖται отъ σπήλυξ пещера); другіе жили въ дуплахъ и назывались дендриты (οἱ δενδρῖται),—другіе на столбахъ —столпники (στυλῖται), нѣкоторые обрекали себя ходить нагими (οἱ γυμνῖται), другіе—лежать на землѣ (οἱ χαμευναι, третьи — всегда молчать, и назывались молчальники (οἱ σεχῶντες) ; иные давали зарокъ никогда не мыть ногъ и назывались нечистоногими (ανιπτοποδες), а нѣкоторые для большей святости проживали въ постоянной нечистотѣ (οἱ ροποντες) и очень многіе оковывали себя желѣзными веригами и назывались желѣзоносители (σιδηρυμενος). Эти отшельники не оставались безъизвѣстными; слухъ о появленіи ихъ распространялся быстро, и народъ толпами приходилъ къ нимъ брать отъ нихъ благословеніе и просить о себѣ молитвъ.

Но, разумѣется, не мало было монаховъ, которые только носили наружность отшельниковъ. Писатель XII-го вѣка, Евстаѳій, оставилъ намъ описаніе тогдашней монастырской жизни и религіозности. Въ многочисленномъ монашескомъ классѣ было развито суевѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣріе и обманы. Монастыри соперничали другъ предъ другомъ, вымышляли чудеса, создавали разныя вещи, которымъ приписывали мнимую святость и привлекали суевѣрную толпу. Въ монастыряхъ толпились лѣнивцы, нищіе, тунеядцы, безнравственные люди, убѣгавшіе отъ преслѣдованія закона, съ видомъ наружнаго поста и святости—шли въ монахи, чтобы хорошо и спокойно жить. Любовь къ невѣжеству, ненависть къ просвѣщенію, были господствующими качествами греческихъ монастырей; монахи съ намѣреніемъ истребляли богатѣйшія библіотеки, сохранявшія отъ древнихъ временъ драгоцѣнныя произведенія старой литературы. Человѣкъ съ образованіемъ, вступивъ въ монастырь, навлекалъ на себя зависть, клеветы, гоненія; невѣжды досадовали, зачѣмъ

онъ попалъ къ нимъ; оскорблялись тѣмъ, что онъ выше ихъ, и думали, что онъ загораживаетъ имъ дорогу. Между-тѣмъ набожность вѣка скопляла въ монастыри богатства; монастыри извлекали изъ своихъ имѣній доходы, устроивали промыслы и вели торговлю. Обогащеніе монастырей возбуждало зависть. Дѣйствовали противъ нихъ и на императоровъ. Императоръ Мануилъ Комненъ, добивавшійся поработить Церковь своей волѣ во всѣхъ видахъ, задумалъ стѣснить и свободу монастырей, и опредѣлилъ свѣтскихъ начальниковъ въ монастырскія имѣнія, съ тѣмъ, чтобъ они сбирали доходы и отдавали въ монастырь; этимъ императоръ хотѣлъ избавить монаховъ отъ несвойственныхъ ихъ званію мірскихъ упражненій. Сверхъ того, чтобъ возвратить монашество къ прежней скромности и евангельской нищетѣ, тотъ же императоръ положилъ новозаложеннымъ монастырямъ вовсе не давать вкладовъ, а опредѣлилъ выдавать имъ потребное изъ императорской казны.

Несмотря на религіозно-церковный духъ вѣка,—по извѣстію Евстаѳія,—многочисленное духовенство въ Византійской имперіи уже перестало пользоваться тѣмъ суевѣрнымъ уваженіемъ, какое было къ нему прежде; и въ то же время, когда одни благочестивые, искавшіе утѣшенія во внѣшности церковной, надѣляли монастыри и располагали движенія своей жизни по наставленію монаховъ и поповъ, другіе распускали надъ духовными насмѣшки и пошлости, которыя съ жадностію ловились и повторялись въ народѣ. Думали отдѣлить понятіе о духовенствѣ отъ понятія о самой Церкви; но болѣе смѣлыя головы доходили въ дѣлѣ вѣры до вольнодумства. Такимъ-образомъ Евстаѳій въ своихъ проповѣдяхъ вооружается и противъ *атеистовъ*. Самъ Евстаѳій, несмотря на свое безукоризненное православіе, показываетъ недовольство существующимъ поряд-

комъ Церкви, и невольно провозглашаетъ начала, которыя ведутъ къ реформаціоннымъ попыткамъ. Евстафій, въ своихъ проповѣдяхъ, хочетъ возбудить духовную сторону христіанскаго благочестія, подавленную излишнею обрядностію. Онъ безпрестанно напоминаетъ, что любовь есть главное въ дѣлѣ вѣры христіанской, источникъ всѣхъ добродѣтелей, а церковная обрядность должна служить только внѣшнимъ выраженіемъ духовнаго содержанія. «Не спасешься многими поклонами — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей:—спасешься только однимъ тѣмъ, что эти наружные поклоны знаменуютъ—сокрушеніемъ сердца предъ Богомъ. Прямое стояніе Богу не менѣе пріятно, какъ и колѣнопреклоненіе, да и для труда удобнѣе». Нѣкоторые аскеты говорили, что надобно у Бога просить источникъ слезъ. Евстаѳій говоритъ, что «лучше такихъ отшельническихъ слезъ — любовь, оказанная несчастнымъ и нуждающимся». Въ этомъ протестѣ содержанія противъ внѣшности, любви и дѣла противъ аскетическаго уединенія и бездѣйственнаго самоистязанія, нельзя не видѣть той стихіи, которая, обращая христіанство къ практической жизни, въ дальнѣйшемъ развитіи мысли становится современемъ въ оппозицію къ Церкви. Когда Евстаѳій вооружался противъ преобладанія внѣшности надъ духовностью и аскетизма надъ любовію, оставаясь строго православнымъ, нашлись такіе, которые смѣлѣе коснулись, вмѣстѣ съ злоупотребленіями, самаго содержанія. Таковъ былъ Хризомолъ, осужденный синодомъ въ 1171 г., при императорѣ Мануилѣ Комненѣ, по обвиненіи въ причастіи къ богумильской ереси. Воспользовались нѣкоторыми кажущимися сходствами; но въ самомъ дѣлѣ то, что̀ проповѣдывалъ этотъ осужденникъ, относилось къ кругу повторявшагося много разъ въ восточной Церкви стремленія къ торжеству духовности надъ обрядностію. Хризомолъ

училъ, что, для человѣческаго возрожденія и спасенія души недостаточно, обрядовъ и таинствъ: необходимы духовная жизнь, духовное созерцаніе, которое онъ противополагалъ мертвой учености буквы. Онъ посягнулъ на достаточность дѣтскаго крещенія самого по себѣ: тѣ,—говорилъ онъ,—которые крещены во имя Христово безъ вѣроученія, не могутъ еще назваться истинными христіанами потому только, что они крещены. Если они, не зная Христова ученія, и дѣлаютъ достойныя дѣла, то все таки они не христіане, а добродѣтельные язычники. Пѣніе и молитва, присутствіе при богослуженіи и даже самое изученіе св. писанія недостаточны безъ внутренняго перерожденія, освобождающаго насъ отъ власти злаго духа:—все это безъ такого перерожденія мертво и ничтожно. Выучи хоть наизустъ все св. писаніе, и другихъ начни учить, но если ты предашься прихотямъ, высокомѣрію, то тебѣ не принесетъ пользы твое знаніе. Ты долженъ преобразовать свою душу и достигнуть внутренняго созерцанія божественныхъ предметовъ. Этотъ мыслитель, подобно позднѣйшимъ западнымъ протестантамъ, отвергалъ силу добрыхъ дѣлъ самихъ по себѣ, безъ внутренняго, руководящаго человѣческими поступками настроенія, иначе—безъ вѣры. Человѣкъ долженъ быть способенъ къ истинной добродѣтели, прежде чѣмъ покажетъ въ своихъ дѣлахъ добродѣтель. Тѣ, которые не достигли этой высоты воззрѣнія, скажутъ, что они дѣлаютъ добро для Бога; но они дѣлаютъ это по естественному побужденію, а не по разумному убѣжденію. Для христіанина недостаточно творить добро и избѣгать зла, хотя бы и изъ угодности Богу, если онъ не достигъ духовнаго чувства присутствія въ себѣ божественнаго духа, творящаго въ насъ добро безъ принужденія и, по существу своему, неподатливаго никакому искушенію отъ зла. Христіанинъ, достигнувъ христіанской зрѣлости, находится внѣ

закона; Божія сила производитъ въ немъ все, что законъ предписываетъ.

Хризомолу и его послѣдователямъ дѣлали упреки въ томъ, что они отвергали святость свѣтской власти. Нѣкоторыя мѣста его ученія дѣйствительно нѣсколько темны, но, кажется, у Хризомола, вмѣстѣ со стремленіями одухотворить Церковь, возникало желаніе сдѣлать разумнымъ повиновеніе свѣтской власти. Хризомолъ порицалъ знаки раболѣпства, оказываемые царямъ, и византійскую придворную обрядность. Духовное толкованіе церковной буквы переходило само-собою, по аналогіи, на букву политическую, какъ это часто случалось въ исторіяхъ ересей, начинавшихся оппозиціею существующимъ церковнымъ обычаямъ.

Дальнѣйшее поступленіе того же стремленія къ господству духовности надъ обрядностью, содержанія надъ внѣшностью, представляетъ ученіе монаха константинопольскаго, Нифонта. Одаренный бѣглымъ умомъ, изучивши отлично св. писаніе, этотъ человѣкъ оказалъ на своихъ слушателей большое вліяніе и пріобрѣлъ много поборниковъ. Его проповѣдь возвѣщала освобожденіе Церкви отъ внѣшнихъ узъ, перевѣсъ духа надъ внѣшностью. При патріархѣ Михаилѣ собрано было нѣсколько синодовъ, съ цѣлію преслѣдовать и опровергнуть это направленіе, угрожавшее между прочимъ авторитету духовенства. Духовные были раздражены противъ Нифонта за смѣлыя обличенія своихъ пороковъ, силились обвинить его въ ереси и найти въ его поученіяхъ подобіе ненавистнаго богомильства; они вывели изъ его словъ, что онъ не признаетъ еврейскаго Бога тѣмъ истиннымъ Богомъ, котораго проповѣдалъ Іисусъ Христосъ. Нифонтъ имѣлъ столько вліянія, что каппадокійскіе епископы приняли его сторону и, вмѣстѣ съ нимъ, были обвинены въ отклоненіи отъ православія: ихъ укоряли, что они сомнѣваются

въ дѣйствительности крещенія младенцевъ, когда получившіе это крещеніе впадутъ въ пороки или когда воспріемники—сами порочные люди. Это сомнѣніе въ дѣйствительности крещенія младенцевъ часто овладѣвало вольнодумцами, нападавшими на обрядность, потому что здѣсь признается сила обряда самого-по-себѣ: съ одной стороны не возможна передача христіанскаго ученія тому, кто получаетъ крещеніе; съ другой, получающій его не въ состояніи возвыситься до того духовнаго благочестиваго настроенія, въ которомъ вольнодумцы видѣли исключительно сущность религіи. Нифонта и его послѣдователей обвинили, будто они требовали втораго крещенія въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Если это было въ самомъ дѣлѣ, то другое обвиненіе, которое на нихъ взводили, обвиненіе въ богумильскихъ идеяхъ, противорѣчитъ первому, потому что богумилы не признавали никакого видимаго крещенія. Сверхъ того, имъ ставили въ вину то, что они не хотѣли поклоняться всякому кресту, а только такому, на которомъ было написано: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; то есть—хотѣли поклоняться тому, что представляетъ прямое выраженіе смысла, а не намекъ на смыслъ. Нифонтъ былъ осужденъ на тюремное заключеніе. Обвиненіе въ ереси могло быть неправильно; патріархъ Косьма, человѣкъ высокой христіанской нравственности и благочестія, взялъ Нифонта къ себѣ и сдѣлалъ своимъ другомъ и довѣреннымъ. Когда, по этому поводу; состоялся синодъ, патріархъ отстаивалъ его и открыто признавалъ святымъ человѣкомъ. За это онъ самъ лишился сана. Кажется, Нифонтъ съ своими приверженцами не принадлежалъ ни къ какой противной православію сектѣ, а ратовалъ противъ безнравственности и невѣжества духовенства и признавалъ потребность возрожденія Церкви въ духѣ, въ противоположность мертвой буквѣ и безжизненной обрядности.

Такія явленія происходили въ греческой Церкви въ вѣка

сильнѣйшаго духовнаго и церковнаго господства Византіи надъ русскимъ міромъ.

На Руси византійская наклонность къ догматическимъ спорамъ не имѣла мѣста. Нѣсколько переводовъ такого рода сочиненій не оставили жизненнаго вліянія на умственное развитіе; они оставались исключительною принадлежностью книжнаго міра, интереснаго только для немногихъ тогдашнихъ ученыхъ. На Руси, какъ мы видѣли, явились другаго рода состязанія — о буквѣ и обрядахъ: они-то составили характеристическую черту церковнаго умствованія. Зато монашество, вмѣстѣ съ аскетическимъ воззрѣніемъ на христіанскую нравственность вообще, принялось въ русскомъ мірѣ во всей полнотѣ. Наиболѣе распространенныя и любимыя сочиненія на Руси были тѣ, гдѣ преобладалъ грустный взглядъ на жизнь, гдѣ возбуждалась охота къ уединенію, къ презрѣнію мірской дѣятельности, трудность и необходимость безпрестанной борьбы со злыми духами. Но съ другой стороны, съ того же Востока, откуда къ намъ пришли и усвоивались эти аскетическія понятія, заносились и отчасти перерабатывались на туземный ладъ противныя понятія, клонившіяся къ самодѣятельности, къ перевѣсу духовности надъ обрядностью, содержанія надъ формою. Хотя они составляютъ въ нашей литературѣ исключеніе; но все таки показываютъ, что у насъ въ Церкви возникала потребность иного рода благочестія. Обычное, проповѣдуемое вѣроучителями и принимаемое всеобщимъ народнымъ сознаніемъ, понятіе о грѣхѣ и злѣ было таково, что человѣкъ вводится въ грѣхъ діавольскимъ искушеніемъ. Человѣкъ казался почти лишеннымъ внутренняго начала своихъ поступковъ и представлялся существомъ страдательнымъ, такъ-что вся заслуга его состоитъ не въ разумномъ отвращеніи отъ порока, а въ неподатливости бѣсовскимъ продѣлкамъ; не

любовь къ добру, не сознаніе его превосходства, а покорность Божію внушенію составляетъ добродѣтель человѣка. Человѣкъ какая-то машина, на которую дѣйствуютъ двѣ силы—добрая и злая:— ангелъ на правомъ плечѣ, а бѣсъ на лѣвомъ. Таково было всеобщее вѣроученіе, пустившее корень въ глубину народнаго воззрѣнія. Оно проявлялось въ разнообразныхъ вѣрованіяхъ. Но вотъ, въ видѣ отклоненія отъ такого взгляда, въ одномъ древнемъ сочиненіи подъ названіемъ «Воспоминаніе къ своей душѣ» [1]). утверждается, что слѣдуетъ приписывать добрые Богу, а злое не дьяволу, но человѣческой волѣ.—Въ другомъ древнемъ словѣ св. Отецъ, по всему русскомъ сочиненіи (тѣмъ болѣе, когда оно озаглавлено неточно), говорится: «Все въ человѣкѣ—и добро и зло; хочешь добра,— добро будешь дѣлать; хочешь зла,—зло будешь творить. Богъ не принуждаетъ ни къ добру, ни къ злу; Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ, дабы онъ свободно творилъ и добро и зло. Діаволъ не можетъ отвесть человѣка отъ добраго дѣла, ни привлечь на зло; но самъ человѣкъ, когда хочетъ,—дѣлаетъ доброе дѣло, а Богъ ему помогаетъ, и діаволъ не можетъ добро творить; а когда человѣкъ хочетъ зло дѣлать, тогда дьяволъ ему помогаетъ [2]).

[1]) Погод. сб. Публ. Библ. № 1848) Никто же есть виновенъ погибели его, развѣ своя воля; спасеніе же Богъ дарова вамъ, еже быти и еже добро быти, разумъ же и силу, яже не можетъ имѣти человѣкъ безъ благодати Божія; но ниже діаволь можетъ что дати на погибель, сирѣчь изволеніе сопротивно, или изнеможеніе, или невольное неразуміе, или лѣность: отнюдь еже (ниже) нудитъ человѣка, токмо память злому предлагаетъ; дѣлаяй оубо благое, долженъ есть Богу благодать написовати; творяй же сопротивное, себе токмо виновна творить

[2]) Все въ человѣцѣ есть добро или зло, да егда хощеть добра, то добро дѣеть, а иже хощеть зло творити, то зло дѣеть: Богъ же ни добру нудить, ни къ злу влечеть; но самовластьна сотвори Богъ человѣка да по самовластію створить добро или зло, ни діаволъ можетъ отвести отъ добра дѣла, ни ко злу приволочить, но егда хощеть что добро дѣяти, то Богъ ему помогаеть и дьяволъ не можетъ что добро створити,

Несмотря на безпредѣльное уваженіе и благоговѣніе къ обряду самому-по-себѣ, встрѣчаются мѣста, гдѣ возстаютъ противъ безсмысленнаго исполненія обряда, противъ буквы безъ содержанія. «Что изъ этого пользы — говоритъ то же «Воспоминаніе къ душѣ» —«что ты молишься: воздуху молишься, а не Богу; Богъ внимаетъ уму, а не словамъ, не бесѣдѣ, какъ люди [1]). Въ противоположность всеобщему уваженію къ строгости наружнаго поста являются въ древности поученія, вызывающія разсужденіи о тщетѣ наружнаго поста безъ добрыхъ дѣлъ. «Что пользы отъ того — что ты не ѣшь мяса и не пьешь питій? Вѣдь и скотъ не ѣстъ мяса, и не пьетъ питій. Зачѣмъ хвалишься, что лежишь на голой землѣ безъ постели? Скотъ также безъ постели спитъ и никто ему не стелетъ! Ты хуже скота, когда, при всемъ этомъ, злобу держишь и зло мыслишь.» [2])

Въ одной старой проповѣди объ алчбѣ [3]), проповѣдникъ вооружается противъ наружнаго поста, предпочитая ему добрыя дѣла. Замѣчательно, что при этомъ ссылаются на 28 гл. Исаіи о постѣ, которая постоянно служила подкрѣпленіемъ реформаціоннымъ выходкамъ противъ поста. «Что̀ же пророкъ глаголетъ Іудеомъ? Не такова поста азъ избрахъ, глаголетъ Господь».... Какая польза, что ты плоть свою моришь голодомъ, а дѣлъ не

да егда же человѣкъ хощетъ зло дѣяти что, то тогда діаволъ ему помогаетъ (Златая Матица Рум. Муз. 181).

[1]) Иже оусты точію моляся, вьздуху молится, а не Богу: Богъ бо уму внимаетъ, а не бесѣдѣ, якоже человѣцы.

[2]) Аще бо кто не пьетъ питья и мясъ не ѣстъ, и всяку злобу держитъ то не хуже ли есть скота; всякъ бо скотъ ни ястъ мясъ, ни питья піетъ. Аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зло мыслитъ на друга, то ни тако хвалися, скотъ бо постели не требуетъ, ни постелющаго имать. Сборн. Румянц. № 186.

[3]) Пог. Сб. 1024.

дѣлаешь? Какая тебѣ изъ того польза, что ты не моешься, а нагаго не одѣваешь? Какая польза изъ того, что ты плоть свою изсушаешь, а голоднаго не кормишь? Члены свои изнуряешь, а вдовицамъ не оказываешь помощи? Какая польза изъ того, что ты самъ произвольно томишься, и не избавляешь сиротъ отъ томленія? [1])

Въ другомъ старомъ словѣ о внутреннемъ постѣ доказывается, что внѣшній постъ ровно ничего не пользуетъ безъ внутренняго [2]). Въ этомъ словѣ доказывается, что постъ не состоитъ въ удаленіи отъ той или другой пищи, а въ воздержаніи и умѣренности и удаленіи отъ грѣха [3]). Лучше, говоритъ оно — съѣшь кусокъ сухаго мяса, примѣшавши къ водѣ и зелью, чѣмъ, въ тщеславіи, гордясь тѣмъ, что не вкушаешъ мяса, искать другихъ праличнѣйшихъ яствъ [4]). Такой переборъ яди называется жидовствомъ [5]).

Рядомъ съ ученіемъ о спасеніи души чрезъ подачу въ монастыри по душѣ, чрезъ приготовленіе себѣ ходатаевъ и

[1]) Кій оуспѣхъ оубо человѣку алкати плотію, и дѣлы разоряюще; кая оубо полза немыющемуся, а нагого не одѣжюще; кая полза есть плоть свою изсушающему, а не кормяще алчьнаго; Кый успѣхъ есть оуды скрушити а вдовиць не миловати; Кый оуспѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти.

[2]) Не точію отъ брашенъ поститися по внѣшнему образу, но паче да нудится кождо внутренняго поста хранити. Якоже тѣло кромѣ духа мертво есть, сице и внѣшнее образа дѣланіе человѣку, кромѣ внутренняго храненіа и съблюденіа, мертво есть. (Рук. Волоколамской библіотеки, № 333.

[3]) Брашномъ бо различіе никако же искати долженъ есть постникъ: се бо възбраненіе общаго благочинія есть и съблазномъ вина.

[4]) Аще и вареное сіе сухое мясо, еже отъ святыхъ отецъ отреченное, нынѣ вмѣсто иного коего застроенія въ брашно вложити, смѣшено къ прочей снѣди воды и зелія есть, да не виною негли тщеславнаго своевольнаго благоговѣнія яко мяса отрицаяся, взыщемъ снѣдей чеснѣйшая и благопотребнѣйшая.

[5]) Таковая не презирати преподобія есть постнику наслажденіе, сытости бѣгающе, не бо жидовствующе удаляемся таковыхъ.

молитвенниковъ, являлось иное, отвергавшее то и другое, и притомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Такъ, въ одномъ древнемъ памятникѣ, подъ названіемъ «поученіе, како подобаетъ задоушье имати и милостыня творити», раздача имѣній въ монастыри представляется дѣломъ — не только небогоугоднымъ, но заслуживающимъ неблагословеніе и немилость. Нѣкій святой мужъ сидѣлъ съ своими учениками, и его пришли извѣстить о кончинѣ какого-то христолюбца. Ученики заранѣе считали покойника спасеннымъ, ибо онъ записывалъ въ монастыри села; но святой мужъ объявилъ, что ему было видѣніе въ нощи, показывавшее, что умершій братъ осужденъ на мученіе именно за то, что раздавалъ въ монастыри имѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый проповѣдникъ объявилъ, что нельзя спастись одною только раздачею милостыни — чрезъ ходатаевъ, ибо это дѣлается ради самовеличанія [1]).

Слово, приписываемое Валаамскимъ Чудотворцамъ, Сергію и Герману, вооружается противъ отдача въ монастыри имѣній [2]).

Въ то время, когда одни учили, что надобно, для умилостивленія Бога и отпущенія грѣховъ, строить церкви, и богатые и знатные спѣшили этимъ способомъ избавить себя отъ угрызеній совѣсти за насилія и угнетенія слабыхъ, дру-

[1]) Аще-ли кто дасть монастыреви село,—въ пагубу есть души; въ минувшую бо нощь о братѣ томъ умершемъ, о немъ же и вы глаголете, яко душа его стояше предъ Богомъ на соудѣ, и осоужена бысть доуша его моучитися села того ради, и молящеся святѣй Богородици и Предтечи Іоанну о души той, и слышахъ гласъ глаголющь: Кто дасть село, да отпустять село отъ монастыря; тогда душа та отпущена будеть отъ муки. И рече святый отець: аще кто дасть село монастыреви, на пагубу своей души дасть, и пріемлющимъ нѣсть спасенія! Тако же кто дасть милостыню ходатаемъ, таковый не милостыню творить, но величаеться, таковый не пріиметь мзды. (Сборн. XIV в. Рум. Муз.)..

[2]) Вотчины и волостей съ христіаны не подобаетъ въ монастыри давати, и пріимати: то есть царское ко инокомъ немилосердіе, и душевредство, и безконечная гибель. Пог. Сборн. 1316.

гіе объясняли, что церковь, построенная на богатства, собранныя неправедно, есть мерзость и скверна предъ Богомъ [1]). Въ другомъ словѣ [2]) предпочитаются дѣла милосердія постройкамъ и украшенію церквей [3]).

Тогда какъ благочестіе укоренило въ народѣ понятіе о томъ, что раздача милостыни даетъ человѣку возможность спасенія, искупаетъ грѣхи, очищаетъ совѣсть, писались проповѣди, которыя заставляли обратиться внутрь своей совѣсти поглубже, сознать безполезность милостыни, если она дается отъ неправеднаго стяжанія, и что суетна бываетъ надежда тѣхъ, которые думаютъ безъ самоисправленія загладить свои пороки раздачею нищимъ денегъ или съѣстнаго [4]).

Между князьями и сильными земли вошло въ обычай вѣрить, что раздача милостыни и вклады въ монастыри заглаживаютъ грѣхи. Противъ этого вооружается одинъ проповѣдникъ, въ сочиненіи, очевидно, русскомъ (хотя оно приписывается Іоанну Златоусту) [5]). Тѣхъ, которые думали спасти себя милостынею, и въ тоже время угнетали рабовъ своихъ, проповѣдники обращали къ обязанностямъ человѣ-

[1]) Неправдою зиждены церкви, якоже повѣдають, хытростьми оукрашены вельми неправдами и порабощеніемъ сиротъ и оубогихъ насильемъ, скверно еже здати. Рук. XV вѣка П. Б. № 204.

[2]) Волокол. библ. № 565.

[3]) Иже богатыя церкви приносити, кая се польза; во многихъ бо церквехъ собраная или отъ татей украдено, или отъ ратникъ, или огнемъ сгорѣ; еже церкви утваряти никому незапрещено, а еже убогыхъ не миловати родство огнено обѣщано.

[4]) Кая есть вамъ помощь, еже чюжимъ милостиню творити; нѣсть бо та на ползу вамъ; и чюжимъ милостиня творити отъ неправеднаго собранія—не спастися никомуже. Рук. XV вѣка П. Б. № 209.

[5]) Князь или богатый и въ ересь вошли, быша съгрѣшающе и даяли быша зася, а сами не трудящеся, и ходити къ церкви лѣнящеся, а всегда въ объяденіи, и въ пьянствѣ, и во блуженіи пребывающе день и нощь, то ни на кій успѣхъ такихъ милостыни есть, таковыхъ приносы гнюсны есть Богу, и скаредни, иже оскорбляють вдовицы и насиліе творять сиротамъ.

колюбія въ отношеніи послѣднихъ и выставляли тщету ихъ милостыни [1]).

Въ переводахъ изъ греческихъ отцевъ сохранились рѣзкія обличенія лицемѣровъ-монаховъ, которые могли повсемѣстно возбуждать наклонность къ порицанію монастырской жизни. Иноковъ укоряли въ любостяжаніи и сластолюбіи. Такъ у св. Исаакія, вообще прославляющаго иноческое житіе, находятся мѣста, осуждающія недостойныхъ иноковъ; а такихъ можно было повсюду встрѣтить [2]). У другаго отца церкви—Ѳеодора-Студита, составителя устава иноческаго, представляется, въ обличеніе, монахъ-щеголь [3]).

Въ то время, когда духовные проповѣдывали безуслов-

[1]) Милостыню далъ еси оубогому, богатый, и добрѣ сотвори, но инде рабы твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ сосѣдъ твоихъ, ихже ты примучи злымъ томленьемъ и казньми неправедными въ работу себѣ; да луче бы ти, безумне, помиловати домочадца твоего, да не скорбяще ходятъ, и остатися отъ насилья и томленья, нежели дарити безумно томленьемъ неправеднымъ. Рум. Муз. № 186.

[2]) Начнетъ злато совокупляти, дондеже сведутъ его бѣсове въ ровъ сребролюбія; да еще прежъ принесетъ ему нѣкто нѣчто мало, отвращается, то глаголя: не хощу сіе, не бо пріемлю что отъ кого; тоже аще паки принесутъ ему злато или сребро, или одѣяніе, или что угодно ему: съ радостію то пріемлетъ и, поставль трапезу, начнетъ ясти съ ними, убогы же, паче же Христосъ внѣ вратъ его стоя моляся и никто же милуя. Въ мірѣ молчаливъ языкомъ, постяся, смиреніе показуя, дондеже познанъ будетъ, и начнуть хвалити его, яко онсица мнихъ, рабъ Божій; и абіе вложитъ діаволъ нѣкимъ отъ мірскихъ приносити ему всякую потребу: вино и масло и златники, и начнутъ глаголати: святъ инокъ есть, якоже обычай есть тщеславію. Егда же слышитъ, яко святъ инокъ есть, возгордится окаянный и абіе начнетъ сѣдѣти съ мірскими на трапезѣ, ядый, и пія, и оупиваяся и прочее возвышая гласъ свой на пѣніе, дондеже рекутъ міряне, яко онсица мнихъ добре поетъ и бдитъ. Онъ же, слышавъ, возносится: и абіе отходитъ отъ него и малое смиреніе.

[3]) Видѣхомъ мниха, въ добрыхъ ризахъ ходяща, и въ красная одѣяна, и безъ насыщенія ядуща, и въ измечтанныхъ сапозѣхъ и оубрусцахъ испещренныхъ, при поясѣ имуща доброутворены и златокованы ножи и симъ подобная, паче же ѣздящихъ на коняхъ и мескахъ упитанныхъ, и доброхотныхъ и многоцѣнныхъ, и та вся благоутворена и съ уздами измечтанными. Рук. XV вѣка, Волок. 442.

ную вѣру къ священнымъ книгамъ, появлялись намеки, которые заронили подозрѣніе въ справедливости всего, вошедшаго въ громадную массу церковной письменности. Такъ, въ бесѣдѣ, приписываемой Валаамскимъ Чудотворцамъ, говорится: «Цари того не знаютъ и не внимаютъ, какъ многіе книжники иноки, по діавольскому умышленію, выписываютъ мѣста изъ божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ, и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ отецъ и вмѣсто ихъ вписываютъ то, что для себя считаютъ лучшимъ и полезнымъ, и увѣряютъ, что это подлинныя писанія святыхъ отецъ» [1]).

Обыкновенно, чудеса и знаменія составляли главный признакъ святости явленія божественной силы. Вѣра въ сверхъестественное поддерживала религіозное благоговѣніе и держала чувство и воображеніе въ сферѣ страха всеприсущихъ таинственныхъ силъ. Одно изъ старинныхъ словъ [2]) остерегаетъ христіанъ, чтобъ не считали чудеса, знаменія и пророчества свидѣтельствомъ святости, что многіе недостойные и еретики творили знаменія по нѣкоторому смотрѣнію, и что святость и добродѣтель познается отъ плодовъ добродѣтели [3]). Плодами же духовными называются: любовь, кротость радость, миръ, долготерпѣніе, благость, благостыня, вѣра,

[1]) А сего цари не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ по діавольскому и лестному оумышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и съ праведныхъ житій выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе; иноже мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ, луччая и полезная собѣ вносятъ на собраніе свидѣтельства, быти се подлинно святыхъ писаніе. Пог. Сб. № 1316.

[2]) Рук. XV вѣка, Волок. сб. № 497.

[3]) Не достоитъ бо православна мужа искусити отъ знаменій и пророчествъ, яко святъ есть, но о жительствѣ его: мнози бо многажды не токмо православніи грѣшницы, но и еретицы невѣрніи знаменіа сотвориша и пророчествоваша по нѣкіихъ смотрѣніяхъ. Не достоитъ отъ таковыхъ вещей искушати кого, аще святъ есть, но отъ плодъ ихъ, якоже рече Господь: отъ плодъ ихъ познаете ихъ.

воздержаніе [1]). Хотя такое толкованіе и не противно духу православія, но у нѣкоторыхъ вольнодумцевъ оно легко приводитъ къ противоположности съ тѣми доказательствами, которыми издавна привыкли подкрѣплять истину откровенія священной и церковной исторіи, указывая на творимыя Христомъ и святыми мужами чудеса. Въ томъ же словѣ проводится мысль, которая сопровождала повсемѣстно и всегда реформаціонныя умствованія о недѣйствительности заступленія святыхъ и о предпочтеніи собственнаго покаянія и собственнаго труда въ области добрыхъ дѣлъ [2]). Путемъ такого размышленія начинали и реформаты и приходили къ отверженію святыхъ вообще.

Такъ, указывая на недостаточность видимыхъ обрядовъ безъ внутренняго содержанія, проповѣдники сравнивали съ безплоднымъ деревомъ тѣхъ, которые ограничивали одними обрядами свое благочестіе [3]).

Всѣ такія идеи, брошенныя въ умы, хотя бы въ строгомъ кругу православія, у другихъ, болѣе свободно мыслящихъ, переходили за границы и оказывались противными православію; такъ-что тѣже проповѣдники должны были брать другую сторону предмета. Когда благочестивые мужи обличали лицемѣрство монаховъ, требуя отъ нихъ жизни, сообразной съ принятымъ на себя званіемъ, находились смѣлые, которые начали толковать, что монашество вовсе неугодно Богу; и православные должны были ратовать за

[1]) Аще оубо таковые плоды стяжить человѣкъ; или творитъ знаменія, или не творитъ, явленъ есть таковый, яко святъ есть и Божій другъ.

[2]) Аще человѣкъ не сътворитъ, и молитва святыхъ ничтоже пользуетъ молящимся святымъ о немъ; аще же въздржаются и молятся о немъ, самъ же и обіадается оупивается или безчинуетъ; что пользуетъ моленіе ихъ о немъ, ту бо исполняется реченное: единъ зиждяй, другой раззоряяй.

[3]) Человѣкъ, иже внѣшняго дѣланіе проходя, кромѣ внутренняго храненіа, подобенъ есть древу, имуща листвіе зелено и красно, отъ плодаже праздно есть. (Рук. XV в. Волокол. Библ. 565.

учрежденіе монашества [1]). Здѣсь уже ясно, что мысль стала на точку, совершенно противную тому, что̀ составляло сущность религіознаго взгляда въ продолженіи вѣковъ.

Трудно рѣшить, проникала-ли къ намъ и въ какой степени секта Богумиловъ. Несомнѣнно, однако, что апокрифическія книги, уважаемыя Богумилами, у насъ были въ ходу на равнѣ съ другими подобными. Вскорѣ послѣ принятія вѣры Владимяромъ, въ 1004 году явился въ Кіевѣ какой-то Адріанъ скопецъ, и сталъ хулить церковь, ея уставы, іерархію и обряды. Митрополитъ Леонтій заключилъ его въ темницу: еретикъ раскаялся. Его, обыкновенно, почитаютъ богумиломъ. Дѣйствительно, есть вѣроятіе, и преимущественно въ томъ, что онъ самъ былъ скопецъ; но несомнѣнно нельзя признать, что онъ не могъ проповѣдывать тогоже, что говорили богумилы, изъ другихъ побужденій. Притомъ, нельзя вполнѣ довѣрять обвиненіямъ на еретиковъ: часто случалось, что человѣка обвиняли въ совершенной ереси, когда онъ въ самомъ дѣлѣ только дозволялъ себѣ умствовать. Въ XII вѣкѣ является въ Кіевѣ при Мономахѣ катой-то Димитрій, который тоже началъ порицать церковные уставы. Митрополитъ Никита, по совѣту съ Мономахомъ, послалъ его въ заточеніе въ городокъ Синелецъ на Сулѣ. Извѣстія объ этихъ двухъ явленіяхъ такъ кратки, что нельзя извлечь изъ нихъ никакихъ заключеній, кромѣ того, что, въ первые вѣка послѣ принятія православія, къ намъ вошла и оппозиція противъ православія, искавшая явленія христіанства въ другихъ формахъ; но мы не можемъ показать ея сущности, и еще менѣе степени того вліянія, какое она имѣла, и въ какихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ книгами св. писанія и

[1]) Глаголють нѣцыи: аще бы было иноческое жительство угодно Богу, былъ бы убо и самъ Христосъ и божественные апостолы во иноческомъ образѣ; нынѣже видимъ Христа написана, тако же и святыхъ апостолъ, въ мірскомъ образѣ, а не въ иноческомъ. (Волоколамск. № 520).

переводами св. отцевъ, къ намъ вошли въ переводахъ всевозможнѣйшія апокрифическія, такъ-называемыя ложныя или отреченныя церковью, книги [1]).

Между прочимъ предки наши познакомились, какъ кажется, съ сохранившимися отъ временъ Оригена мыслями о несообразности вѣчнаго мученія грѣшниковъ съ безпредѣльнымъ милосердіемъ Божіимъ, какъ это показываетъ одно слово, обращенное къ тѣмъ, которые отрицаютъ вѣчную муку [2]). Только чрезъ критическое разсмотрѣніе, какія именно подобныя сочиненія ходили у насъ въ древности, можно приблизительно добиться, какого рода стихіи противныя церкви, вмѣстились въ русскую умственную религіозную жизнь.

Когда въ самой православной философіи заключались такія сѣмена противодѣйствія общепринятому и усвоенному вѣками порядку понятій и благочестивой дѣятельности, злоупотребленія въ іерархіи всегда могли возрастить эти сѣмена и дать имъ развитіе. Нигдѣ такъ легко

[1]) Между ними были въ ходу сочиненія Болгарскаго попа Іереміи: о древѣ крестномъ, о поставленіи Іисуса Христа въ попы, о братствѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, разныя фальшивыя книги ветхаго и новаго завѣта Адамъ, Енохъ, Ламехъ, Патріаршіе завѣты, Іосифова молитва, Моисеевъ завѣтъ, Соломоновы пѣсни, Іоанново обавленіе — что восходилъ на небеса и видѣлъ различныя видѣнія,—Іаковлева апостольская повѣсть, Петрово обавленіе, Павлово обавленіе, Варнавино посланіе, разныя апокрифическія евангелія—Ѳомы, Варнавы, Никодима, и другія); вопросы Іоанна Богослова, вопросы Варѳоломеевы къ Богородицѣ, хожденіе Богородицы по мукамъ, Лобъ Адамль—что семь царей подъ нимъ сидѣли,—имена ангеловъ о службѣ Христовыхъ таинъ—что опоздять обѣдню, врата небесная затворятся, ангели попа кленуть,—прѣніе діавола со Христомъ, разныя апокрифическія житія и подвиги святыхъ и проч.; въ числѣ ихъ были «ложныя писанія, насѣянныя отъ еретикъ на пакость невѣждамъ».

[2]) Глаголять, яко нѣсть вѣчной муки: Како глаголете, яко милостивъ Богъ—не моучитъ грѣшныя христіане; вѣруйте, братія, истинно, яко истинно есть грѣшнымъ мука: и жидовъ вопросите, и еретиковъ, и еще самѣхъ бѣсовъ: вси отвѣщавають ти единогласно: есть соудъ и мука Публ. библ. № 203, рук. XV вѣка.

не могла прорваться явная оппозиція, какъ во Псковѣ. Мы видѣли, что, сознавая свою отдѣльность и самобытность отъ Новгорода въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, онъ тяготился зависимостію отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду. Желаніе имѣть своего владыку осталось безуспѣшно. Отсутствіе епархіальнаго начальника лишало правильнаго надзора сферу благочестія. Тамъ свободнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могли воспитаться идеи оппозиціи противъ существующаго порядка; а между тѣмъ непрестанныя столкновенія между духовенствомъ и мірянами могли ихъ и возбуждать и поддерживать. Мы видѣли, какъ съ одной стороны духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, — вмѣшательство, которое иногда происходило по необходимости, по поводу отсутствія церковной іерархической власти. Съ другой стороны, владыка и его софійскій дворъ, подававшіе постоянно поводы къ жалобамъ на свою бездѣйственность и медленность по управленію и суду во Псковской Землѣ, въ тоже время старались неослабно и бдительно поддерживать свои права на собраніе пошлинъ: такимъ образомъ, казалось, что Псковская Земля въ церковномъ отношеніи была какою-то оброчвою статьей новгородскаго церковнаго управленія. Издавна въ христіанской церкви посвященіе въ церковный санъ за деньги, въ слѣдствіе подкупа, считалось въ высшей степени богопротивнымъ дѣломъ, достойнымъ порицанія. На это указывала грамотнымъ людямъ и Кормчая, бывшая тогда однимъ изъ обычныхъ предметовъ чтенія. Ничего не могло быть естественнѣе, если реформаціонная оппозиція противъ церкви уцѣпилась, такъ-сказать, за эту тонкую струну. Духовные, посвящаясь въ санъ, и получая мѣста, платили пошлины. Прежде посвященія, кандидатъ на священническое мѣсто долженъ былъ искать его чрезъ посредство

архіепископской канцеляріи (софійской палаты); не обходилось безъ подарковъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ нерѣдко пролагало путь къ мѣсту болѣе хорошее отношеніе къ софійскому двору, чѣмъ собственное достоинство. Да вообще и безъ этого, могло случиться, что человѣкъ, вполнѣ достойный по своимъ качествамъ и способностямъ, приготовленный къ духовному званію, не получалъ мѣста единственно потому, что не могъ заплатить пошлины; тогда-какъ другой скорѣе получалъ его, единственно потому, что имѣлъ состояніе для потребной платы. Такимъ образомъ, нападки на эти пошлины, упреки, что духовное управленіе нарушаетъ уставы церкви, посвящая священнослужителей по мздѣ, послужили началомъ возникшей ереси, извѣстной подъ названіемъ Стригольнической.

Время ранняго явленія этой ереси неизвѣстно, какъ равно и предварительныя обстоятельства, служившія къ ея появленію ближайшими поводами: ибо мы достовѣрно знаемъ только время казни ересеначальниковъ въ 1374 году. Ихъ было трое: какой-то неизвѣстный по имени, діаконъ Никита и Карпъ, котораго Софійская лѣтопись называетъ простцемъ, а Супрасльская также діакономъ. Вѣрность послѣдняго извѣстія подтверждается и посланіемъ патріарха Антонія, гдѣ говорится, что Карпъ былъ отставленъ отъ службы, слѣд. былъ прежде духовнымъ лицемъ. Въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ стригольникъ. Что̀ такое стригольникъ—неизвѣстно; но это извѣстіе не противорѣчитъ первому о духовномъ санѣ Карпа. Будучи дьякономъ, могъ онъ заниматься ремесломъ, а можетъ быть принялся за ремесло, лишившись сана. Проповѣди ересіарховъ возбудили противъ нихъ преслѣдованіе во Псковѣ. Они бѣжали въ Новгородъ, продолжали тамъ свою проповѣдь, нашли послѣдо-

вателей, но вооружили противъ себя народъ. Въ 1374 году, ихъ сбросили съ моста въ Волховъ. Однако насѣянное ими сѣмя не пропало: изъ него пошло свѣжее дерево.

Два посланія патріарха Антонія объ этой ереси, дошедшіе до насъ, писаны уже по смерти ересеначальниковъ: — первое въ 1388, второе послѣ 1388-го года [1]). Изъ этихъ посланій видно, что еще прежде патріархъ Нилъ посылалъ на увѣщаніе стригольниковъ Діонисія, архіепископа суздальскаго, возведеннаго въ митрополиты — это должно было случиться около 1382 года сообразно лѣтописи [2]).

Ни казнь трехъ философовъ, ни патріаршескія посланія, не истребили ереси: она распространялась и въ XV вѣкѣ, и митрополиты должны были писать не одно посланіе, убѣждая православныхъ преслѣдовать лжеученіе. Сильнѣйшее изъ такихъ посланій, извѣстное намъ, было отправлено митрополитомъ Фотіемъ въ 1427 году, послѣ того какъ Псковичи писали объ этомъ къ митрополиту съ своимъ посадникомъ Ѳедоромъ. Передъ тѣмъ многіе изъ еретиковъ были умерщвлены, другіе заточены въ тюрьмы, третьи разбѣжались. Фотій похвалялъ ревность преслѣдователей, не одобрялъ, однако, смертной казни и совѣтовалъ лучше употреблять наружныя наказанія и заточеніе въ тюрьму. Православные, по убѣжденію митрополита, должны были остерегаться ѣсть и пить съ тѣмъ, кто уличался

[1]) Митрополитъ Евгеній (Истор. княж. Псковск. ч. III, 22—25) думаетъ что раньше Антонія было послано на Русь три патріаршія грамоты по этому поводу: одна отъ Патріарха Филофея въ 1374 г., а двѣ отъ преемника его Нила.

[2]) Пріиде изъ Царегорода въ Новгородъ Великій Діонисій отъ патріарха Нила съ благословеніемъ и съ грамоты, въ нихъ же писано о проторехъ иже на поставленіе, укрѣпляя отъ соблазнъ и отъ ереси стригольниковъ (Карамз. т. V, примѣч. 124.

въ ереси. Эта секта, какъ видно, тогда была не на столько многочисленна, чтобъ дать отпоръ гоненію, но и не такъ ничтожна, чтобъ отъ этого гоненія исчезнуть совершенно. Какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, она продолжала существовать въ XV вѣкѣ, потому-что въ 1496 г. архіепископъ Геннадій писалъ къ митрополиту Зосимѣ, убѣждая его защитить его отъ какого-то чернеца-стригольника [1]). Притомъ, разбѣжавшіеся отъ преслѣдованія изъ родины разнесли свое ученіе по Руси, и способствовали повсемѣстно дальнѣйшему развитію реформаціонныхъ зачатковъ.

Еретическое направленіе увлекло образованнѣйшихъ людей во Псковѣ, такъ-называемыхъ, по выраженію того вѣка, философовъ. Патріархъ, обличая ихъ, сравниваетъ ихъ съ книжниками евангелія и укоряетъ въ высокоуміи [2]). Самъ Карпъ былъ литераторъ: онъ составилъ сочиненіе, гдѣ доказывалъ свои положенія [3]). Собственно эта оппозиція была вполнѣ критикою духовенства и церковнаго порядка. Подвергнутъ порицанію обычай при посвященіи платить пошлины, что давало видъ посвященія въ санъ за деньги. Ересіархи, вооружаясь на это, нападали на богатства духовенства, указывали въ противоположность на евангельскую нищету и приводили въ свидѣтельство тексты [4]). Образъ поведенія святительскаго и образъ жизни въ монастыряхъ подверглись равно ихъ критикѣ; они говорили: се многа собираете имѣнія. Они укоряли священниковъ въ жадности и корыстолюбіи въ такихъ же выраженіяхъ, какія до-сихъ-поръ можно услышать въ

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 482.

[2]) А. И. I, 13. Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати христіаномъ, и поставистеся учители народомъ.

[3]) Показа имъ писаніе книжное, еже списа на помощь ереси своей, стр. 11.

[4]) Не имайте влагалища, ни мѣди при поясахъ вашихъ.

народѣ: «Что это за учители! — говорили они: пьютъ съ пьяницами, взимаютъ съ нихъ золото и серебро, и порты отъ живыхъ и мертвыхъ»! Невольно явилась, общая вездѣ всѣмъ реформаціоннымъ движеніямъ, мысль о превосходствѣ прямаго нравственнаго человѣческаго достоинства предъ всякими символическими знаками, которымъ приписывается таинственное воздѣйствіе на человѣческое существо. Смыслъ ихъ толкованій былъ таковъ, что дары Духа Святаго, раздаваемые духовными,—недѣйствительны, когда духовное лицо не соотвѣтствуетъ своимъ нравственнымъ совершенствомъ возложенному на него сану. Ни Карпъ, ни его товарищи и послѣдователи, вначалѣ не показывали явнаго охужденія того, что составляетъ сущность Церкви, но добираясь до этой сущности и находя несообразнымъ съ нею то, что дѣлалось и допускалось въ Церкви, — они въ то же время подрывали все видимое зданіе Церкви [1]).

Въ дѣлѣ размышленія о дѣлахъ религіи всегда бываетъ такъ, что коль скоро въ головѣ мыслителя духовенство не выдерживаетъ критики, то вслѣдъ затѣмъ подвергаются обсужденію и уставы, и шагъ за шагомъ мысль идетъ къ дальнѣйшему разрыву со всѣмъ, что принималось по авторитету. Коль-скоро въ глазахъ стригольниковъ духовенство потеряло къ себѣ высокое уваженіе, коль-скоро находили въ немъ пороки, коль-скоро нашли неправильность въ полученіи ими сана: то, естественно, возникла мысль, что нельзя приходить къ нимъ для отправленія таинствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и таинства, совершаемыя недостойными людьми,—недѣйствительны [2]). Но критика не ограничилась

[1]) Патріархъ, въ своемъ посланіи, выражается объ этомъ такъ: Нѣцыи отъ васъ извѣтомъ благочестія, еже мнѣтися хранити Божественная писанія и священныхъ канонъ извѣстія, отлучишася соборныя церкви, вся еретики мняще: святителя и священники и вся клирики и вся прочая люди христіаны. А. И. 1, 5.

[2]) Недостойни суть пресвитери, по мьздѣ поставляеми; недостойно отъ

современнымъ духовенствомъ. Люди книжные, ученые, стригольники, принялись и за церковную исторію, и увидѣли, что и прежде посвященіе совершалось такъ же. Такимъ образомъ, на основаніи признанія недостоинства духовныхъ, посвященныхъ съ дарами, размышленіе должно было доходить до признанія недостойнымъ всего существующаго и существовавшаго духовенства [1]).

Естественно, что и вселенскіе соборы, съ постановленіями которыхъ оказывалось согласнымъ то, что въ современномъ своемъ приложеніи соблазняло стригольниковъ, должны были подвергаться осужденію [2]). Очевидно, чрезъ такой логическій переходъ мысли отъ одного предмета къ другому, все церковное зданіе падало и теряло свою святость въ умахъ еретиковъ. Антоній, въ своемъ обличительномъ посланіи, задаетъ стригольникамъ такой вопросъ, который долженъ былъ неминуемо имъ самимъ придти въ голову еще прежде: «вамъ же гдѣ поставити попа по своей окаянной вѣрѣ? Не приде бо Христосъ второе въ плотитися на землю, ни снидетъ ангелъ освятити вамъ попа» [3]). Очевидно, положеніе стригольниковъ должно было нѣсколько времени походить на положеніе нынѣшней безпоповщины. Признавая Церковь и всѣ ея уставы и обряды, безпоповцы не пользуются ими за неимѣніемъ, по

нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещенiа отъ нихъ прiимати. А. И. 1. 9.

[1]) Аще глаголете: недостоинъ есть патріархъ и недостойни суть митрополити; то по вашему нынѣ слову ни единого нѣсть попа на земли, аще бо который нищеты дѣля, позна себе безъ даровъ церковныхъ поставленъ есть. А. И. I, 12.

[2]) Нынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкви изгнана стриголника въздвиже на правовѣрную вѣру (діаволъ), и оклеветалъ весь вселенскій съборъ патріарховъ, и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ, и поповъ и весь чинъ священны, и глаголеть,—яко не по достоянію поставляеми и таковою виною прельщаху худоумныя, отлучаху отъ причастія святыхъ, пречистыхъ животворящихъ таинъ Христовыхъ. А. И. I, 10.

[3]) Акт. Ист. 1, 12.

ихъ мнѣнію, лицъ, которыя были бы достойны принять санъ дабы соблюдать и совершать возложенное на этотъ санъ Церковью. Но расколъ, послѣ Никоновой реформы, имѣлъ корень въ буквѣ, и приверженность послѣдователей обращалась къ неизмѣнности буквы: слѣдовательно, положеніе, въ какое пришли безпоповцы, не могло повести ихъ къ установленію чего-нибудь особаго, отдѣльнаго, новаго. Для безпоповцевъ, съ нарушеніемъ буквы, духовенство, дозволившее себѣ это нарушеніе, перестало быть духовенствомъ, и Церковь, которую признавало это духовенство, не была Церковь; но для нихъ продолжала неизмѣнно существовать Церковь старая,—Церковь, лишенная духовенства: безпоповцы очутились въ такомъ положеніи, въ какомъ бы находились и православные, если бы судьба бросила ихъ въ землю, гдѣ нѣтъ духовенства. Тогда міранинъ исполнялъ бы то, что дозволено Церковью исполнять міранину, и съ соболѣзнованіемъ долженъ былъ бы лишаться того, что могъ, по уставу Церкви, получить единственно отъ духовнаго лица. Очень понятно, что мысль безпоповца могла оставаться впродолженіи вѣковъ въ такой парализаціи. Но стригольники не съ того начали; ихъ вопросъ касался не буквы, а сущности порядка и нравственности. Не какое-нибудь нововведеніе возбудило стригольниковъ, а приложеніе къ дѣлу того, что, какъ они доискались, всегда существовало въ восточной Церкви. Поэтому стригольнику легче было, чѣмъ безпоповцу позднѣйшихъ временъ, перейти отъ недовольства существующимъ къ установленію чего-нибудь своеобразнаго. Послѣ отверженія священства и всей іерархіи, естественно было возникнуть мысли о возможности учить и совершать богослуженіе и не-священнику. Они ссылались на апостола Павла. [1]) Достойно замѣчанія, что пат-

[1]) Вы же стригольници глаголете, еже Павелъ и простому человѣку повелѣ учити (Ак. Ист. I, 14).

ріархъ, въ своей грамотѣ, въ опроверженіе ихъ, приводитъ такія доказательства, которыя стригольники могли обратить въ свою пользу [1]): Еретики потому-то и пришли къ необходимости учить вмѣсто священниковъ, что считали послѣднихъ невѣрными (недостойными). Взявъ па себя роль народоучителей, еретики естественнымъ путемъ принялись за критику того, что было тѣсно связано съ корыстолюбіемъ, въ которомъ они обвиняли духовенство, именно за вклады по душамъ, поминовенія и вообще за все, что выражалось на благочестивомъ языкѣ понятіемъ *строить душу* и дошли такимъ-образомъ до отверженія религіозныхъ понятій и обрядовъ, относящихся къ идеѣ умилостивленія Божества за умершихъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ начали отвергать исповѣдь: вмѣсто исповѣди священнику, можно—говорили они—каяться, припадая къ землѣ [3]). Можетъ быть, въ этомъ обрядѣ, неясно выраженномъ для насъ, дѣйствовало, по привычкѣ, древнее языческое олицетвореніе земли. Вѣроятно, этотъ обрядъ означалъ тайную исповѣдь къ Богу, а припаданіе къ землѣ совершалось для того, чтобъ имѣть возможность сосредоточиться въ себѣ самомъ. Понятія о причащеніи, какія у нихъ были послѣ отпаденія отъ Церкви, выражаются неясно въ обличеніи; но видно, что они уже какъ-то иначе растолковали и объяснили себѣ смыслъ таинства Евхаристіи [4]). Патріархъ счелъ нужнымъ—приводить по этому поводу мѣста изъ евангелія о Тайной Вечери; это заставляетъ предполагать, что

[1]) Тогда бо (т. е., когда Павелъ такъ говорилъ) вси невѣрни быша, а не вамъ, еретикомъ, то речено бысть.

[2]) Недостоитъ надъ умершими пѣти, ни поминати, ни службы творити ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго (Акт. Ист. I, 14).

[3]) Еще же и сія ересь прилагаете, стригольници:—велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу.

[4]) Стригольници же противницы Христу повелѣваютъ, яко отъ древа животнаго отъ причащенія удалятися. А. И. I, 11.

стригольники стали отвергать видимое таинство причащенія, вѣроятно толкуя его духовно, какъ это дѣлали многіе еретики и въ томъ числѣ наши молоканы. Но, подобно послѣднимъ, стригольники не отвергали поста и воздержанія, напротивъ, уважали произвольный постъ и требовали не наружности, но дѣйствительнаго суроваго поста—и духовнаго и тѣлеснаго,—и, вѣроятно, обрекали себя въ два постные недѣльные дня совершенному неядѣнію [1]). Но такой постъ,—по замѣчанію патріарха,—не могъ быть поставленъ имъ въ заслугу, ибо и *«бесермене постятся»*. Какъ вообще еретики, они отличались скромнымъ видомъ, суровымъ воздержаніемъ, молитвою и книжностію, безпрестанно приводили тексты св. писанія, толковали о религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ [2]).

Пробужденное свободомысліе не оставалось на одномъ пунктѣ; загорѣлось умственное движеніе въ разныхъ видахъ. Въ XV вѣкѣ, обличая стригольниковъ, митрополитъ Фотій выказываетъ такія противоположныя между ними черты, которыя указываютъ, что, подъ общимъ именемъ стригольниковъ, онъ разумѣлъ различные толки, возникшіе въ сѣверной странѣ. Видно, что въ умахъ мѣстныхъ философовъ господствовало разнообразное волненіе. Одни, такъ-сказать, смахивая на стригольниковъ, въ то же время нерасходились съ Церковью, и Фотій предписываетъ духовнымъ не брать отъ нихъ приношеній. Очевидно, эти были отличны отъ тѣхъ, которые еще прежде пришли къ отверженію всякаго приноса въ Церковь и расторгнули съ него связь. Къ тѣмъ, которые только расходились съ Церковью, соблазняясь способомъ поставленія духовенства, Фотій обра-

[1]) Фарисеи тацп же бѣша: постишася двожды на недѣли, весь день не ядуще.

[2]) Таковы бо быша и вси еретицы—постницы, молебницы и книжници... Или бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто бы послушалъ ихъ? А. И. I, 15.

щаетъ такія выраженія, «а вѣсте еже не ангелы Богъ сведе роду человѣческому на исправленіе, но человѣкъ достовѣрныхъ святителей и архіереевъ постави и іереи, и свою власть отъ апостоловъ тѣмъ дарова» [1]). Нѣкоторые, недовольные Церковью, оторвавшись отъ ней, чувствовали необходимость богослуженія—образовали собственное. Митрополитъ Фотій приводитъ, въ обличеніе такихъ, правило вселенскихъ соборовъ, воспрещающее даже пресвитерамъ воздвигать особенный жертвенникъ и творить службу [2]). Неизвѣстно, какого рода было это богослуженіе, а равнымъ образомъ, какое соотношеніе было между учреждавшими собственное богослуженіе, и, по извѣстію митрополита Фотія, отвергавшими даже коренные церковные уставы и преданія. Еретики, которыхъ Фотій обличаетъ подъ общимъ именемъ стригольниковъ, доходили уже до чистаго деизма, нарицали себѣ отцомъ Бога небеснаго и отвергали не только соборы, преданія церковныя, но и евангельскія и апостольскія [3]). Вѣроятно, эти «помраченные» составляли дальнѣйшее развитіе ереси. О разности, которая тогда возникла въ еретическихъ ученіяхъ, можно ясно видѣть изъ того, что Фотій въ томъ же посланіи громитъ явно два толка, изъ которыхъ одинъ отвергаетъ священство и иночество, а другой доходитъ до отрицанія воскресенія мертвыхъ, по-

[1]) А. И. I, 66.

[2]) Аще священническому чину възбраняють правила святыхъ апостолъ и вселенстіи святіи соборы и проклятью предаютъ; кольми же паче мірьскаго человѣка възбраняти повелѣваютъ не смѣяти таковая дьрзнути замышленія. А. И. I, 43.

[3]) А какъ ми пишете о тѣхъ помраченныхъ, что какъ тіе стриголници отпадающе отъ Бога и на небо взирающе бѣху, тамо Отца собѣ нарицають а понеже бо самыхъ тѣхъ истиныхъ еуангельскыхъ благовѣстей и преданей апостольскыхъ и отеческыхъ невѣрующе, но како смѣютъ, отъ земля къ въздуху зряще, Бога Отца себѣ нарицающе и како убо могутъ Отца собѣ нарицати. А. И. I, 66.

добно саддукеямъ [1]). Здѣсь, очевидно, различаются два еретическія ученія, и послѣднее показываетъ уже матеріализмъ.

Такое броженіе умовъ господствовало въ XV вѣкѣ въ сѣверной Руси, когда, предъ паденіемъ Новгорода, занесена была ересь раціональнаго жидовства. Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, призваннымъ Новгородцами въ 1471 г., пріѣхалъ изъ Кіева ученый іудей Схарія и началъ распространять еще новое ученіе. Онъ нашелъ готовый матеріалъ въ умахъ тѣхъ, у которыхъ цѣлость православной вѣры была потрясена, но они еще не успѣли прочно утвердиться ни въ какой новой теоріи. Извѣстія объ этой ереси показываютъ, что разбившееся на толки стригольничество представляло такія ученія, которыя были сходны съ разными еретическими ученіями древности. Іосифъ Волоцкій, ратуя собственно противъ ереси жидовствующихъ, говоритъ, что многіе втайнѣ придерживались саддукейской и массаліанской ереси [2]). Подъ саддукейскою разумѣлся, конечно, матеріализмъ, отвергающій будущую жизнь, или, по-крайней-мѣрѣ, изъявляющій сомнѣніе въ ней. Мы видѣли, что митрополитъ Фотій упрекалъ въ этомъ стригольниковъ въ эпоху ихъ разложенія на толки. Древняя массаліанская ересь имѣла тѣ же основанія, какъ и богумильская. Вѣроятно, были въ Новгородской и Псковской Землѣ и такіе, что признавали твореніе міра дѣломъ злаго духа. Можетъ-быть, это представленіе зашло въ

[1]) Слышаніе мое сынове: еже въ преизначалныхъ жителствъ вашихъ православныхъ, еже между васъ богоизбраннаго христова стада, сущихъ нынѣ нѣкоторыхъ нововъзмущенныхъ отъ пропинаемыхъ діавольскыхъ сѣтей, и того яда отрыгновеніемъ слышу тѣхъ нѣкоторыхъ, яко отступлены отъ Бога о своемъ хрестьанствѣ небрегуще, но и чинъ великаго Божіа священьства и иночьства яко ни во что полагающе, но и умаляюще, и тѣхъ по слышанію слышу, иже яко садукѣемъ онѣмъ проклятымъ подражающе суть, еже яко и въскресенію ненадѣюще быти мняху. (А. И. I. 63).

[2]) Иншіи мнози иже втайнѣ держаша ереси многія, таже которые и саддукейскую и массаліанскую ересь держали.

древности чрезъ бывшее вліяніе богумиловъ; но могли образоваться также толки и самобытно, во всеобщемъ броженіи умовъ, особенно когда и древнія языческія вѣрованія, и кое-что изъ народныхъ суевѣрныхъ миѳовъ, доставляли для этого готовые матеріалы. Едва ли подъ словомъ «ересь» у Іосифа слѣдуетъ разумѣть замкнутыя, уже вполнѣ сформировавшіяся, секты: тогда господствовало скептическое направленіе: стригольническое движеніе пробудило мыслительность; не образуя еще опредѣленнаго вѣроученія, люди грамотные, склонные къ размышленіямъ и критикѣ, обратились смѣло на церковное ученіе, на церковный порядокъ и на толкованіе священнаго писанія. Религіозныя пренія сдѣлались публичнымъ препровожденіемъ времени [1]. Въ этомъ хаосѣ толковъ, іудей Схарія пустилъ свою пропаганду. Онъ совратилъ сначала одного попа, по имени Дениса, потомъ попъ привелъ къ нему другаго попа, по имени Алексѣя, бывшаго въ приходѣ на Михайловской улицѣ. Это были люди мыслящіе и просвѣщенные по тогдашнему времени: ихъ семейства послѣдовали ихъ примѣру. Увидавъ, что пропаганда можетъ пойти успѣшно, Схарія пригласилъ товарищей ереси—одного по имени Іосифа Шмойла Скарявого, другаго Моисея Хапуша. Денисъ и Алексій хотѣли-было предать себя обрѣзанію, но ихъ наставники не дозволили и совѣтовали держать жидовство втайнѣ, а явно показываться христіанами. Эти прозелиты, вмѣстѣ съ іудеями распространяли жидовство; и начали совращаться другіе, и міряне, и попы. Замѣчательно, что духовенство, болѣе книжное и прежде приготовленное къ религіознымъ вопросамъ, но не имѣвшее строгаго научнаго образованія, легче чѣмъ міряне, подвергалось вліянію пропаганды. Когда Иванъ III былъ въ Новгородѣ, то взялъ Алексія и Дениса къ себѣ въ

[1]) Научилися укоряти Писаніа Божественная, и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопрѣнія творяху.

Bayerische Staatsbibliothek München

Москву; люди книжные и смышленые, они тотчасъ получили тамъ отличія: первый сдѣланъ былъ протопопомъ въ Успенскомъ соборѣ, второй у Архистратига Михаила. Никакъ нельзя было подозрѣвать въ нихъ и тѣни какого бы то ни было неправовѣрія. Они были жизни благочестивой и воздержной, кротки, степенны, казались толпѣ ревностными христіанами, а втайнѣ начали распространять ересь. Пропаганда ихъ въ Москвѣ была такъ счастлива, что они, кромѣ другихъ, совратили любимца великаго князя, дьяка Ѳедора Курицына, двухъ крестовыхъ дьяковъ, Истому и Сверчка, и архимандрита Зосиму. Этотъ Зосима, сообразно наставленіямъ своихъ учителей, умѣлъ такъ искусно скрывать свою ересь, что сохранялъ репутацію святаго мужа и былъ избранъ митрополитомъ. Торжество еретиковъ казалось послѣ этого надолго упроченнымъ.

Но не такъ легко было поколебать православіе, давно уже ставшее душою всей Руси. Еретическія попытки, какъ ни хитро, какъ ни искусно были ограждены, какъ ни ловко избраны были для нихъ вѣрные и выгодные пути, разбились о непоколибимую приверженность русскаго народа къ отеческой вѣрѣ. Дальнѣйшая судьба жидовствующей ереси не принадлежитъ уже спеціальной новгородской исторіи. Когда архіепископъ Геннадій, съ фанатическою ревностію, устроивалъ по новгородскимъ улицамъ тріумфальный поѣздъ еретиковъ въ берестяныхъ шлемахъ съ соломенными вѣнцами, которые приказалъ зажечь на головахъ вольнодумцевъ,— Великаго-Новгорода уже не стало; въ его стѣнахъ жили другіе люди, съ другими нравами и понятіями, а его прежнія дѣти умирали въ чужихъ земляхъ, оставляя потомству удѣлъ—забывать прошлое....

Bayerische Staatsbibliothek München

КОНЕЦЪ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Sěvernorusskija narodopravstva vo vremena uděl'no-věčevago uklada Soč
inenie Nikolaja Kostomarova. Izdanie D. E. Kožančikova

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1863

Russ. 242 m-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783867-7